

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2018

№ 56

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Д.А. Катунин (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)

*Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
D.A. Katunin (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Шеффилд, Великобритания)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

*Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, US)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Sheffield, UK)
M.N. Lipovetsky (Boulder, US)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, US)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Вабенко О.А. Nabokov's perfect play: The screenplay <i>Lolita</i> from the perspective of the author's views on playwriting	5
Громыко С.А. «Национальный аргумент» в русской парламентской риторике (на материале дискуссии в Государственной думе Российской империи)	23
Демешкина Т.А. «Ссылка» как феномен сибирской лингвокультуры	34
Иванцова Е.В. Концепт ХЛЕБ в дискурсе диалектной языковой личности	47
Кравченко А.В., Паюнена М.В. Практика в плену теории: почему так трудно научиться иностранному языку в школе.....	65
Ловцевич Г.Н., Трифионов А.С. Конструирование определений терминов экологического права Канады в рамках сопоставительного исследования	92
Норманская Ю.В. Прасамодийское ударение: внутренняя и внешняя реконструкция	110
Осипова К.В. Названия спиртных напитков на Русском Севере: этимолого-этнолингвистический анализ	146
Хакимова Е.М. Некодифицированные употребления прописных / строчных букв в текстах массовой коммуникации	166

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Гнюсова И.Ф. «Ионыч» А.П. Чехова и «Мидлмарч» Дж. Элиот: судьба человека в «опустошающей душу житейской трясине»	187
Зусева-Озкан В.Б. «Легенда из Т. Тассо» и ее редакции: история Танкреда и воительницы Клоринды в изложении Д.С. Мережковского	203
Коростелев О.А., Кузнецова Е.В. Иван Бунин и Георгий Иванов: спор о поэзии длиною в жизнь	226
Курышева Л.А. О первом русском переводе сказки М. Лепренс де Бомон «Красавица и зверь».....	248

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Повесть о Лабеле и звере (публикация Л.А. Курышевой)	263
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	274

CONTENTS

LINGUISTICS

Babenko O.A. Nabokov's perfect play: The screenplay <i>Lolita</i> from the perspective of the author's views on playwriting	5
Gromyko S.A. 'Argument for a nationality' in the Russian parliamentary rhetoric (on the material of the discussions in the State Duma of the Russian Empire)	23
Demeshkina T.A. "Exile" as a phenomenon of the Siberian linguaculture	34
Ivantsova E.V. The concept "bread" in the discourse of a dialect language personality	47
Kravchenko A.V., Paiunena M.V. Practice held hostage to theory: Why it is so hard to learn a foreign language at school	65
Lovtsevich G.N., Trifonov A.S. Canadian-Russian LSP dictionary of environmental law: Definition of a term within the framework of a contrastive study	92
Normanskaja J.V. Proto-Samoyedic accent: External and internal reconstruction	110
Osipova K.V. Names of strong alcoholic drinks in the Russian North: Etymological and ethnolinguistic analysis	146
Khakimova E.M. Uncodified usage of capital/lowercase letters in mass communication texts	166

LITERATURE STUDIES

Gnyusova I.F. Anton Chekhov's "Ionych" and George Eliot's Middlemarch: The fate of man in a "soul-wasting struggle with worldly annoyances"	187
Zuseva-Özkan V.B. "A Legend from Torquato Tasso" and its versions: The tale of Tancred and the woman warrior Clorinda in Dmitry Merezhkovsky's retelling	203
Korostelev O.A., Kuznetsova E.V. Ivan Bunin and Georgy Ivanov: A lifetime dispute on poetry	226
Kuryшева L.A. The first Russian translation of Jeanne-Marie Leprince de Beaumont's fairy tale "Beauty and the Beast"	248

FROM LITERARY HERITAGE

Beauty and the Beast (<i>Publication by L.A. Kuryшева</i>)	263
---	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	274
---	-----

ЛИНГВИСТИКА

УДК 82.09

UDC 82.09

DOI: 10.17223/19986645/56/1

Olga A. Babenko

University of Kurdistan Hewlêr (Erbil, Iraq)

E-mail: olga.babenko@ukh.edu.krd

NABOKOV'S PERFECT PLAY: THE SCREENPLAY *LOLITA* FROM THE PERSPECTIVE OF THE AUTHOR'S VIEWS ON PLAYWRITING

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 56. 5–22. DOI: 10.17223/19986645/56/1

The article researches the last and the least studied dramatic work by Vladimir Nabokov – the screenplay of the novel Lolita – from the perspective of the writer on what constitutes an aesthetically satisfying play. Using Nabokov's methodology and assessing compliance of the screenplay with Nabokov's content-and-form-related criteria of the perfect play, the author concludes that the screenplay contains the full range of his idiosyncratic concepts and artistic devices. The article scrutinizes each of them. Consequently, the research claims that Lolita stands not only as a remarkable play, but also as the culmination of the dramaturgic principles Nabokov employed as a writer and advocated as a theorist of drama.

Keywords: Nabokov, screenplay, theatre, playwriting, poshlust, narration.

1. Introduction

Vladimir Nabokov developed his own concept of the perfect play and considered the works of all other authors from this viewpoint; he also created plays with adherence to the principles described in his two works on the art of drama and theatre — *Playwriting* and *The Tragedy of Tragedy* [1, 2]. Referring to the works of playwrights, such as Ibsen, Shaw, Hellman, Steinbeck, and O'Neill, Nabokov insisted that the perfect tragedy had not been created yet, as the action in a play should not develop on the basis of cause-and-effect. Rather, Nabokov thought that the author should freely create his own world without reference to the traditional notion of conflict, as “tragedies based exclusively on the logic of conflict are as untrue to life as an all-pervading class-struggle idea is untrue to history” [2. P. 340]. Nabokov opposed “marble rules of tragic conflict” to “the stormy element of chance”, which he considered the source of real dramas and tragedies [Ibidem].

Arguing against the “old iron bars of determinism which have imprisoned the spirit of playwriting”, Nabokov claimed that the greatest achievements in poetry,

prose, painting, and stage direction are characterized by irrationality and possess a “spirit of free will that snaps its rainbow fingers in the face of smug causality” [Ibid. P. 326]. That is why Vladimir Nabokov’s artistic method is so close to that of Nikolai Gogol, characterized, as it is, by the incidental and fleeting appearances of personages, who subsequently disappear unknown, defying the commonsensical development of the work of art whereby agents are bridges of causality. Nabokov admired those Gogol’s characters, painted on literary canvases not for the realization of the author’s ideas, but to manifest the free will of the artist, who was interested in the fleeting beauty of detail. That is why Nabokov’s rifles do not fire, why there is no death in *The Event*, and why the miraculous invention in *The Waltz Invention* becomes a soap bubble, the lie of a mad thinker. Nabokov often played with the reader’s anticipation of cause-and-effect relations and laughed at this confounded expectation.

Nabokov considered detrimental the playwrights’ illusion that “life and thus dramatic art picturing life should be based on a steady current of cause and effect driving us towards the ocean of death” [2. P. 337]. Contemplating the driving force of the perfect play, Nabokov brought up examples of several, according to his estimation, brilliant “dream-tragedies”, in which “dream-logic, or perhaps better say nightmare-logic, replaces here the elements of dramatic determinism” [Ibid. P. 327], namely Shakespeare’s *King Lear* and *Hamlet*, as well as Gogol’s *Government Inspector*.

In the commentaries to the most recent Russian collection of Vladimir Nabokov’s dramatic works, Andrei Babikov presented a fragment of Nabokov’s lecture *The Tragedy of Tragedy*, which the writer’s son Dmitri Nabokov did not include in previous publications and in which the author explained his theory of ‘dream-tragedy’ in *Hamlet* [3. P. 635–636]. This fragment suggests that everything that happens in Shakespeare’s play is conceived by Nabokov to be a dream of a prince, who had fallen into a deep sleep even before the ship, on which Hamlet was returning home from the university, reached the shore. Nabokov claimed that such an understanding of the play imbues all its incongruities with a “dream-seeing logic, which hides behind the logic of life”¹ [Ibid. P. 636]. Nabokov saw the beauty of *Hamlet* neither in “false ethic references”² nor “melodrama”³, but in a “dramatic spirit of each detail of this dream, in each word of it”⁴ [Ibid]. Nabokov’s contemplation of Hamlet’s dream was similar to his notes about Salvator Waltz’s dream in the foreword to his own play *The Waltz Invention*. Analyzing Nabokov’s dramatic works, we conclude that all his plays, using the author’s terminology, can be defined as ‘dream-plays’.

Nabokov questioned himself about the driving force in a dramatic work. He argued against the presumed impetus of conflict, saying that “the idea of conflict tends to endow life with a logic it never has” [2. P. 340]. He claimed that if we

---

¹ «обретают сновидческую логику, которая кроется за логикой жизни» (here and further translated from Russian by the author; the original citations are provided in footnotes. – O.B.).

² «фальшивых этических посылах».

³ «мелодраме».

⁴ «драматическом духе каждой подробности этого сна, каждом слове».

follow only the laws of dramatic conflict and fate, of supernatural justice and inexorable death, tragedy will be limited by its own dogmas and the inescapability of Judgment Day. Nabokov also disputed stringent stage principles, considering it impossible to draw a sharp line between the tragic and the comic, the fatal and the incidental, the causes-effects and caprice of a free will. Nabokov believed that “the higher form of tragedy is the creation of a certain unique pattern of life in which the sorrows and passing of a particular man will follow the rules of his own individuality, not the rules of the theatre as we know them” [2. P. 341].

The only stage convention that Nabokov accepted was the classical principle of the theatre, according to which “the people you see or hear can under no circumstances see or hear you” [1. P. 315]. Nabokov considered alien a so-called ‘folk theatre’, in which the border between the stage and the audience disappears, and ridiculed Soviet theatrical experiments in engaging the audience. Nabokov compared his conception of theatricality with the philosophy of existence of the world and a man, in compliance with which “in life, too, any attempt at tampering with the world or any attempt by the world to tamper with me is extremely risky business” [Ibid. P. 322]. In rejecting the interaction of stage actors and the audience, Nabokov found his primary dramaturgic axiom and the only acceptable dualism, which is the unsurmountable barrier separating “ego” and “non-ego”, by which he meant “self” and “non-self”. In Nabokov’s opinion, this barrier in the theatre acquired the form of philosophical fatality [Ibid. P. 321].

For Nabokov, violation of the described stage convention was equivalent to the annihilation of the main idea of a drama. Nabokov noticed that this thought of Nabokov, which is essential to interpreting the denouement of the novel *Invitation to Beheading*, can also be found in the second act of *The Waltz Invention*, as well as in the essay *The Art of Literature and Commonsense* [3. P. 634]: “It is a combined sensation of having the whole universe entering you and of yourself wholly dissolving in the universe surrounding you. It is the prison wall of the ego suddenly crumbling away with the nonego rushing in from the outside to save the prisoner — who is already dancing in the open” [4. P. 378].

Nabokov named the theatrical audience “the paradox of an invisible world of free spirits” [1. P. 315]. Such an understanding is reflected in Nabokov’s play *The Event*, in which the artist Troshcheykin imagines himself with his wife as actors watched by an audience [5. P. 214]. The audience, in this case, is not real, but an imaginary, theatrical illusion, created by Troshcheykin’s imagination. Nabokov developed the thought in the lecture *Playwriting* and earlier realized it in his play *The Event*. According to this idea, neither a playwright nor an actor should by any means see “a pink collection of familiar faces”, which is an audience [1. P. 318]. Otherwise, “the play stops being a play” [Ibidem].

2. *Lolita* as the Embodiment of the Artistic Toolware of Nabokov the Playwright

Nabokov never gave up on the thought of creating “the perfect play” depicting a unique life pattern, a pattern which does not follow conventional theatrical

rules, but the rules of human individuality [6. P. 14]. It is reasonable to assume that Nabokov meant exactly this when he was considering the production of “the novel in the form of a play”¹ at the end of the 1960s [Ibid]. The screenplay of *Lolita*, or a novel in the form of a play, most closely approaches the author’s vision of the perfect play. Unsurprisingly, Nabokov’s screenplay was used in neither Stanley Kubrick’s production (1962) nor Adrian Lyne’s film (1997) [7, 8]. Producers, even if they tried, like Kubrick, to catch the whole corpus of Nabokov’s narrative and plot devices with a microfilm camera, were unable to do so with insufficient filmmaking, in comparison to writerly tools. Stanley Kubrick could not find filmmaking equivalents for such Nabokovian devices as defying the reader’s expectations, violating cause-and-effect relations, and introducing erotic elements by means of metaphors and shifts in register [6. P. 11]. That is why “only ragged odds and ends” of Nabokov’s screenplay were used in Kubrick’s film, and what comforted the writer at the time was the understanding that, as he told himself, “nothing had been wasted after all, that my scenario remained intact in its folder, and that one day I might publish it” [9. P. 12–13]. The screenplay of *Lolita* was published as an independent work in 1974. Its Russian version was published in Andrei Babikov’s translation as late as 2010 [10].

2.1. *Lolita* as a Dream-Tragedy

A screenplay adaptation of the novel *Lolita* co-opted the main insights of Nabokov the playwright, one of which is the conception of the double-world² with its variation, dream-seeing reality, and its corresponding categories—reality, otherworld and dream. Dreams play the main part in opposing reality and otherworld, as they reify the otherworld, and they have a particular content structure. Moreover, a dream, even if it is not a part of *irreality*, can serve as a guide to the otherworld.

The otherworld in Nabokov’s prose was studied by Alexandrov [12], Barabtarlo [14, 15], Boyd [16, 17], Senderovich & Shvarts [18] and others; the categories of reality, otherworld and dream were partially analysed by Babikov [19, 20], Frank [13] and Barabtarlo [15, 21]. But holistic study of these categories in Nabokov’s dramatic works is still required. The significance of ‘dream’ in Nabokov’s oeuvre was recently accentuated in *Insomniac Dreams: Experiments with Time by Vladimir Nabokov* [21]. According to Nabokov, the otherworld stands as an alternative to reality, where the latter is also considered by the author exclusively from the irrational angle and enclosed in quotation marks: “Reality is a very subjective affair. I can only define it as a kind of gradual accumulation of information; and as a specialization... You can get nearer and nearer, so to speak, to reality; but you never get near enough because reality is an infi-

¹ «романа в форме пьесы».

² *Double-world* [11], together with *otherworld* [12], *dream reality* [13], and *irreality* are the terms commonly used in Nabokov studies.

nite succession of steps, levels of perception, false bottoms, and hence unquenchable, unattainable" [22].

Nabokov, both personally and indirectly, spoke about reality and the other-world in his essay *The Art of Literature and Commonsense* [4]. The writer metaphorically offered his perception of reality and creative works, which he considered irrational by nature: "Two and two no longer make four, because it is no longer necessary for them to make four" [Ibid. P. 374]. Nabokov urged artists to give up the logic of common sense, which, according to his understanding, contradicts art and being in general, along with excluding immortality (the writer was especially sensitive to the latter). Thus, Nabokov questioned mathematical axioms. In his view, "one planet plus another" will not make two planets, as "the other planet may just as well turn out to be a double one" [Ibid. P. 375]. In other words, there are two levels, one of which is unnoticeable to the ordinary eye, *otherworldly*. Initially, Nabokov tried building the artistic world of his plays on the categories of reality, otherworld and dream. Later, this tendency shaped his novelistic oeuvre.

In the last dramatic work of Nabokov, a screenplay *Lolita*, the action develops around three interconnected dreams of the main characters. These are the threads of the dream-seeing reality tossed up by the author — the dreams of Humbert, Lolita, and Charlotte [6. P. 14, 20]. The action here is developed, as well as in Nabokov's other plays, following dream logic [Ibid. P. 13]. Having settled down in Charlotte Haze's house, Humbert Humbert experiences a dream, in which he, "a knight in full armor riding a black horse along a forest road. Three nymphets, one lame, are playing in a sun-shot glade. Nymphet Lolita runs toward Humbert, the Dark Knight, and promptly seats herself behind. His visor closes again. At a walking pace they ride deeper into the Enchanted Forest" [23. P. 45–46].

Humbert did not intend to understand the meaning of this dream, but it can be assumed that the three nymphets are lame Ginny McCoo, in whose house Humbert should have stayed if it has not been burnt at the beginning of the story, Phyllis Chatfield, Lolita's companion in indecencies in the camp *Q*, and Lolita herself. The Enchanted Forest from Humbert's dream sends out connotations to the hotel, "Enchanted Hunters", where Humbert stays with Lolita and where she mentions a sleeping pill, saying that "it's a love philter" [Ibid. P. 101]. In the restaurant of the same hotel, Humbert and Lolita closely look at a mural which "depicts enchanted hunters in various postures and states of enchantment amid a medley of animals, dryads, cypresses, and porticoes" [Ibid. P. 100]. The author of this mural, which Humbert calls "mythological scenes", is named Lewis Ruskin. That alludes to two English writers who were fond of their "young charges", Lewis Carroll and John Ruskin [6. P. 16].

Charlotte's dream right before her death foretells the tragedy and represents one of the interconnected threads of the literary work. Charlotte almost drowns in Ramsdale Lake (Humbert's unaccomplished plan) and recalls that she has seen Humbert in her dream, when he offered her a pill or potion. Meanwhile, somebody's voice warned her: "Careful, Isolda, that's poison" [23. P. 83]. That

is how Nabokov compares Charlotte with Isolde, who has mistakenly taken a love potion and bound herself with Tristan for life [6. P. 18]. The faulty relationship of Charlotte and Humbert indirectly causes her death. Meanwhile, the sleeping pill is taken by her daughter Lolita, who, while paying attention to the mirroring of a hotel room number and her home address (342), and not knowing about her mother's death, mentions that last night she dreamt "mother drowned in Ramsdale Lake" [23. P. 98].

All three dreams of the main characters shape the outcome of Humbert's tragedy and harbinger a special warning, which Humbert consistently ignores. Later, the structure of this dream becomes the basis for Humbert's and Lolita's trans-American trip, driven by dream logic, from one imaginary shelter to another, each even less real than the previous one, until Humbert loses Lolita. That loss is the fatal climax of his feelings that exceed the limits of common sense. Humbert's passion for Lolita entrances him, and Nabokov hints at this by bringing up Clare Quilty's play. The play *Enchanted Hunters* (a symbolic title which is mentioned throughout the screenplay) is staged in Beardsley College for girls, and Lolita acts there under the direction of Quilty: "The play is a charming fantasy. Several hunters are lost in a wood, and a strange girl they meet puts them into a kind of trance. They fraternize with mythical creatures. Of course, later the girl turns out to be a student at a nearby Institute for Extra-Sensorial Studies" [Ibid. P. 143–144].

The author of the play, Quilty, who fools Humbert, is accompanied by his assistant Vivian Darkbloom (the anagram of Nabokov's name which was used earlier in the play *The Wanderers*), who together with Quilty is reminiscent of characters from another Nabokov's play [24] — Salvator Waltz and his assistant Trance¹, the role of which is given to a woman, who is more a shadow than a real assistant.

Thus, in the screenplay of *Lolita*, the course of action develops based on dreams, according to Nabokov's favourite model — the logic of dream, or, as he explained in a foreword to the screenplay, "from motel to motel, mirage to mirage, nightmare to nightmare" [9. P. 10]. Nabokov's genre of 'dream tragedies', which specifies such plays as Shakespeare's *King Lear* and *Hamlet* and Gogol's *Government Inspector*, applies to his own works, including the screenplay of *Lolita*, which is entirely driven by the "logic of dream".

2.2. *Lolita* as an Opposition to *Poshlust* in Art

Throughout his life Nabokov developed his conception of 'veritable' art, which is opposed to platitudes, vulgarity, triviality, and philistinism, as reflected in popular culture, and called *poshlust*, *poshlost'*, *poshlism* (variations of transliteration from the Russian language). In *Lectures on Russian Literature*, based

---

¹ In the original Russian version of the play *The Waltz Invention*, *Trance* is named *Dream* (*Сон*) in precise translation into English [25]. In that version he also belongs to the masculine gender.

on his course materials for students of Wellesley and Cornell, Nabokov claimed that “Russians have, or had, a special name for smug philistinism — *poshlust*. *Poshlism* is not only the obviously trashy but mainly the falsely important, the falsely beautiful, the falsely clever, the falsely attractive” [26. P. 193].

The movement against *poshlust* in tsarist and Soviet Russia had been going seriously for more than a century: “*Poshlost*’ is the Russian version of banality, with a characteristic national flavoring of metaphysics and high morality, and a peculiar conjunction of the sexual and the spiritual. This one word encompasses triviality, vulgarity, sexual promiscuity, and a lack of spirituality. The war against *poshlost*’ was a cultural obsession of the Russian and Soviet intelligentsia from the 1860s to 1960s” [27. P. 41].

In his work *Nikolai Gogol*, Nabokov explained to foreign readers the meaning of the transliterated word *poshlust*, referred to “a certain widespread defect for which the other three European languages... possess no special term” [28. P. 63]. Nabokov insisted on the existence of the notion, notwithstanding the absence of an exact equivalent in the European languages spoken by him. His definition of *poshlust* in English includes “cheap, sham, common, smutty, pink-and-blue, high falutin’, in bad taste”, “inferior, sorry, trashy, scurvy, tawdry, gimcrack”, added to “certain false values” [Ibid. P. 64]. Nabokov, the thinker and interpreter, expressed his conception the following way: “*Poshlust* — which renders in a somewhat more adequate manner the dull sound of the second, neutral ‘o’. Inversely, the first ‘o’ is as big as the plop of an elephant falling into a muddy pond and as round as the bosom of a bathing beauty on a German picture postcard” [Ibid. P. 63].

Nabokov repeatedly opined that, more than any other art form, literature is a reservoir of ‘vulgar’ views. When reviewing a new popular literary work, Nabokov never missed the opportunity to analyze all the praising comments and articles, which told nothing about the bestseller, other than, as Nabokov noticed, the astronomical sales figures of the book and contained loud empty epithets. The writer considered *poshlust* especially harmful, “vigorous and vicious when the sham is *not* obvious and when the values it mimics are considered, rightly or wrongly, to belong to the very highest level of art, thought or emotion” [Ibid. P. 68].

Nabokov insisted that art is not a pitiful reflection of life, but a reconstruction of reality, that frequently life can succeed art, and not vice versa: “The cult of self-containment of art as a special reality, which lives in conformity with the laws of its nature, inviolable laws of artistic fiction, was always characteristic of Nabokov the artist”¹ [29. P. 39]. Nabokov had advocated this artistic attitude towards reality throughout his creative life. For Nabokov, the art of writing was an absolutely useless activity if it did not allow an understanding of the world as a fiction storehouse, to which an artist goes firstly to gather details, and then to unite them into a new harmonious world—in a reality created by himself

---

¹ «Для Набокова-художника всегда был характерен культ самодостаточности искусства как особой реальности, живущей по законам собственной природы, по непреложным законам художественного вымысла».

[4. P. 377]. Nabokov valued the art of the game, not of great ideas. He also could not stand any kind of moralization in the work of art. He said: “A writer is lost when he grows interested in such questions as ‘what is art?’ and ‘what is an artist’s duty?’” [26. P. 39]. These questions, in Nabokov’s view, disturbed Nikolai Gogol during his work on the second volume of *Dead Souls*, which built the basis of the creative crisis of Gogol the genius. That is why *Lolita* the novel, as well as *Lolita* the screenplay, and the other works by Nabokov lack even a slight shadow of moralization and “didactic medicine”. Nabokov expressed his irony through the screenplay’s main narrator Dr. Ray’s calling Humbert “horrible”, “abject”, “a shining example of moral leprosy”, who “wrestled with strange wretched urges and kept searching for the child of his shameful obsession”, but immediately thereafter contradictorily highlighted Humbert’s pitiful tenderness and tragedy of this man looking for “some incarnation of his boyhood sweetheart” [23. P. 3, 9]. This raises the work, together with its subject, above philistine moral judgment to the upper level — aesthetics.

The high aesthetic value of the screenplay of *Lolita*, in its opposition to *poshlust*, can be examined further. Despite the fact that the screenplay was commissioned by Hollywood producers, it does not have anything in common with the ‘popular art’, which Nabokov had derided all his life [6. P. 10]. In the screenplay of *Lolita*, the difference between ‘veritable’ art and *poshlust* is primarily presented through the opposition of two characters — Humbert and Quilty. The connection between Humbert and Quilty is primarily studied in works on the novel *Lolita* [12, 17, 30]. Humbert Humbert, a writer and lecturer, delicate artist, aesthete and romanticist is opposed to another nymphet-lover, Clare Quilty, a popular playwright, who enjoys making pornographic movies with kids in his free time. This is how he is described in the author’s stage direction: “Quilty is a tremendously successful phony, fortyish, roguish, baldish, with an obscene little mustache and a breezy manner which some find insulting and others just love” [23. P. 56]. To those who remark that Humbert is not a person of high morals, either, which is almost a curse for a common artist who produces ‘veritable’ art products, we can respond with Dr. Ray’s words that “there are in his story depths of passion and suffering, patterns of tenderness and distress, that cannot be dismissed by his judges”, which complies with Nabokov’s postulates about ‘veritable’ art and beauty [Ibid. P. 3]. Moreover, Humbert’s image can be defended with the last scene of the screenplay, when Humbert appears not as a mere madman, obsessed with irresistible and perverse passion, but also as a tender loving person ready to accept his beloved one, who has lost her nymphet look — “*this Lolita*, pale and polluted, and big with another’s child” — and wait for her to come back as long as needed, if only she were to give him a microscopic hope [Ibid. P. 209].

Unlike Humbert, “the panting maniac” Quilty [Ibid. P. 3] is an absolute *poshlyak*. The term, derived from the abovementioned *poshlust*, is used to name its propagators. Even his manner of communication, with his ambiguous hints and sweet jokes, provoke antipathy. Meanwhile, his art, the products of which are shown on TV and staged at school, are conclusive evidence of his vulgarity.

In Quilty's play *Enchanted Hunters* Lolita performs the main role, a student in a so-called Institute for Extra-Sensorial Studies [Ibid. P. 129]. His play *The Nymphet* fascinates Charlotte and Lolita [23. P. 57]. Neither play has any aesthetic or ethical value. This judgment is consolidated, when the corrupt tastes of both Lolita and her mother, and the sugary popularity of the playwright, are taken into account. The way Quilty abducts Lolita, uses her for his sordid pseudo-aesthetic purposes, and then gets rid of her as if she were a waste product, is juxtaposed with the delicacy of Humbert's suffering and the poetry of his feelings.

2.3. The Play within the Play

In the screenplay, we can also see a fundamental device of Nabokov's poetics — 'theatre within the theatre' — which is sketched in the novel *Lolita* and enhanced in the 'novel within the play' or *Lolita* screenplay up to the 'cubed theatre within the theatre'. Structurally, the screenplay is the 'novel within the play', but it is also a multiple 'play within the play,' built on the basis of the nesting doll, with its hierarchic organization, on the highest level of which there is a principle director — the author. The screenplay of *Lolita* contains several 'plays within the play'. The core one is Nabokov's play, inside of which there is another, inner play, staged by Humbert's antagonist Clare Quilty, a pseudo-artist, who has abducted Lolita and broken her heart. Besides that, Quilty stages two plays simultaneously: he directs the first one in Beardsley College, while staging the second one in Humbert's and Lolita's lives. In both plays, Lolita is the one who acts. She also uses the school play rehearsals as an excuse to meet Quilty in her real play, which has later become the fatal one for deceived Humbert. Thus, Clare Quilty is represented in the screenplay as a stage director of the 'play within the play within Nabokov's play', as well as a ghostly hero of Humbert's nightmares and a fairy clown for the audience (just have a look at his peacockery and sugary speech!). Charlotte Haze, along with the other characters, mentions Quilty's recent play *Nymphets* (this play briefly appears in the screenplay four times) and finds it pleasant to watch [Ibidem]. Perhaps, this is an allusion to the main play — the play of Humbert's life and his tragic love for Lolita.

Quilty appears throughout the whole screenplay — first here, then there. In one scene, he is wholly admired. In another one — Charlotte seems to be Quilty's old, casual acquaintance. In the third one — Charlotte suggests Humbert asks for help from his uncle, also named Quilty, upon which, Humbert, worried about Lolita's departure to the summer camp, excuses his bad mood with a toothache. It turns out that in the very beginning of the first scene Lolita is registered for an appointment with a dentist of the same name — Quilty. Later Quilty expresses himself in a magazine cover, which is tacked onto the wall in Lolita's room: "I can write without a pen, but not without a Drome"¹ [Ibid. P. 72]. Quilty meets Charlotte in Lolita's college and excuses his leave with "a

---

¹ *Drome* is a cigarette brand, which at the same time implies *dröm*, meaning *dream* in Old Saxon.

play of mine in Parkington” — another ‘play within a play’, momentarily passing by [Ibid. P. 57]. In her turn, Charlotte throws another ambiguous cue about one more of Quilty’s plays within the main one: “Recently we had the pleasure of enjoying your *Nymphet* on Channel 5” [23]. Quilty also sends Lolita a bouquet of gorgeous roses (earlier, not by chance, a playwright rhymes name Dolores with tears and roses), spies on Lolita and Humbert in the hotel “Enchanted Hunters”, and asks the latter private questions about his girl.

In the next scene, Quilty appears together with his companion Vivian Darkbloom (an assistant of the stage director producing several ‘plays within the play’ at the same time), who is introduced by him as his “collaborator”, “evening shadow”, “a real woman — or anyway a real person” [Ibid. P. 146]. Here Nabokov, insisting on the real nature of this personage, insinuated the reverse. Vivian’s niece Mona, as if instructed by the main stage director, helps Lolita to deceive Humbert and secretly meet Quilty. During an unseen telephone conversation, Quilty’s offstage voice, laughing, warns Humbert about Lolita’s abduction from the hospital [Ibid. P. 184–185]. Quilty is “a bold laughing cynic”, as Lolita describes him and continues, “[the] only man I was ever crazy about” [Ibid. P. 205].

It appears that Humbert and Lolita act in the play made up by Quilty, who, as a matter of duty, has staged performances before. In Lolita’s school, he stages a camouflaging play which allows him to meet Lolita conveniently and trick Humbert, who later kills the playwright. Nabokov’s external play demonstrates itself through Dr. Ray’s character, who kept the autobiography “which Mr. Humbert Humbert wrote after his arrest, in prison, where he was held without bail on a charge of murder, and in the psychopathic ward where he was committed for observation” [Ibid. P. 3]. Dr. Ray, who is, according to the stage direction, “a psychiatrist, perusing a manuscript on his desk” [Ibid. P. 2], appears on the highest level of authorship, second only to the screenplay’s creator, as all the ‘plays within the play’, mentioned above, are contained within his own story about Humbert and his tragedy. This story is written by Humbert in the form of autobiography and handed in to Dr. Ray. Moreover, Humbert’s memoirs are represented to a reader/spectator only after the death of the author (Humbert dies in prison); thus, here we encounter the narrator posthumously.

2.4. Striving for Narration

The genre of a literary screenplay appears as the most congenial for Nabokov the playwright as it presumes the presence of descriptive parts (screen prose), which are usually lengthier and more detailed than stage directions in a traditional play. For Nabokov, narration was an inherent attribute of the creative work. Yet there was not enough space within the form of a play to depict the scenes in a way that would satisfactorily represent the author’s narrative intentions to an audience. On the other hand, the use of descriptive parts and offstage voices let Nabokov enhance the author’s presence. Nabokov’s interest in an au-

thor's absolute power led him to explore the genre of a literary screenplay even before *Lolita*, in his work on *The Tragedy of Mr. Morn*. That is how we can explain the creation of multipage prosaic parts: "Narration [of the Tragedy]"¹, with the detailed description of decorations, sound effects, characters' moods, as well as individually drawn "Character Lines"² and "Development of Individual Character Lines"³ [32]. Gennady Barabtarlo names "Description of the Tragedy" as "a screenplay in prose", and this screenplay "is the author-stage-director's colossal remark, which can be unbuttoned from the play and read as a sample of excellent prose"⁴ [15. P. 282]. Responding to the expected question about Nabokov's rationale for expansive narration in his dramatic works, the following can be assumed. Traditionally, each dramatic work is predestined to be staged. Nabokov, aware that a collective creative staging of his work would inevitably distort the authorial ideas embodied in the plays, strove to "grant words primacy over action, thus limiting as much as possible the intrusion of management and cast" [9. P. 10].

In the *Foreword* to the *Lolita* screenplay, Nabokov put forth a cutting remark: "By nature I am no dramatist; I am not even a hack scenarist" [Ibid. P. 9]. He continued this train of thought, explaining that if he could devote the same time to the stage or cinematograph as he had given to the art of writing, he would make sure that everything — from acting to decorations — was saturated with the art and will of himself. Nabokov believed that the author should not tolerate a collective creative work, denigrating it as a "communal bath", in which each participant increases "a multiplication of mediocrity" [Ibid. P. 10]. The screenplay of *Lolita*, in particular, embodies Nabokov's idea of the author's absolute power. The writer resorted to various narrative devices, which stamp the work with authorial power. These are lengthy author's stage directions, multiple descriptive parts, which grant the reader access to peculiarities of the operation of hotel water closets, parallel morning scenes taken from lives of individual hotel guests, mountain road scenes, sold goods in shop-windows of small roadside shops, and hospital life scenes. The range of devices is also enriched by inclusions of the whole insets from the novel, which, enclosed in quotes, tell about the tragic nature of Humbert's sufferings.

One of the most touching scenes of the novel is Humbert's self-talk during his last meeting with *Lolita*, which is generously provided in the screenplay in quotation marks: "I knew all I wanted to know. I had no intention of torturing my darling. Somewhere, beyond the shack, an afterwork radio had begun singing of folly and fate, and there she was with her ruined looks, and her adult rope-veined hands, there she was, my *Lolita*, hopelessly worn at seventeen —and

---

¹ «Изложение».

² «Линии персонажей».

³ «Развитие линий отдельных персонажей». These essential narrative parts of *The Tragedy of Mr. Morn* have been neither published in English nor included in the most recent translation of *The Tragedy of Mr. Morn* by A. Tolstoy & T. Kharshan [31].

⁴ «представляет собою огромную сценическую ремарку автора-режиссера, которая может быть отстегнута от пьесы и читаться как образец отличной прозы».

I looked and looked, and knew that I loved her more than anything I had ever seen, or imagined, or hoped for... She was only dead-leaf echo of my nymph-et — but thank God it was not that echo alone I worshipped. I loved my Lolita, *this* Lolita, pale and polluted, and big with another's child, but still gray-eyed, still sooty-lashed, still auburn and almond, still Carmencita, still mine. 'Changeons de vie ma Carmen, allons vivre quelque part où nous ne serons jamais séparés' [this is a quotation from Mérimée's novel]¹, no matter, even if those eyes of hers would fade to myopic fish, and her nipples swell and crack — even then I would go mad with tenderness at the mere sight of your dear worn face, at the mere sound of your raucous young voice, my Lolita" [23. P. 208–209].

2.5. The Enhanced Author's Presence and Hidden Messages

The only driving force in the screenplay of *Lolita*, except for its dream logic, is the will of the author, who presents himself everywhere and in everything: in multiple lengthy explanations and descriptive insertions, in personages who direct a stage performance or comment on the entire act and its separate scenes (psychiatrist John Ray, doctor Braddock, Instructor, Quilty, Vivian Darkbloom, entomologist Vladimir Nabokov), and in the offstage voices of characters that remain unseen by the audience.

Except for narrative devices, which are realized in descriptions, the author's presence is accomplished by introduction of the author's 'envoys' directing, as is typical in Nabokov's writings, their own 'play within the play' or 'theatre within the theatre': Dr. Braddock, Quilty, his companion Vivian Darkbloom and entomologist Vladimir Nabokov [6. P. 21]. Another 'envoy', though more 'par-enthetical' than the others, is the character of the Instructor, who explains to the audience and "a bunch of policemen" the scene of Charlotte's death depicted on the photo [23. P. 87]. His description of the road accident is close to Gogol's Mute Scene in *The Government Inspector* and parallels the revelation scene in Nabokov's play *The Event*.

In *The Government Inspector*: "The Mayor stands in the middle like a pillar, arms outstretched and head thrown back. On his right are his wife and daughter, straining to reach him. Behind him the *Postmaster*, transformed into a question mark, stands facing the audience. Behind him is the *Inspector of Schools* in a state of innocent bewilderment. Behind him, right at the edge of the stage, are three ladies leaning against each other, directing the most sarcastic looks at the mayor's family. To the left of the *Mayor* stands the *Warden of Charities*, his head is slightly cocked to one side, as if he were listening for something. Behind him is the *Judge*, arms spread wide, squatting almost to the floor and puckering his lips as if about to whistle or mutter: 'Now we are really in the cart!' Behind him is *Korobkin*, winking towards the audience and directing contemptuous looks at the *Mayor*. Behind him, right at the edge of the stage, stand *Bobchinsky* and *Dobchinsky*, arms

---

¹ The author's remark.

outstretched towards each other, mouths gaping, eyes popping. The other guests are simply transformed into pillars. The petrified group maintains this position for about a minute and a half. [Curtain]" [33. P. 306].

It invites comparisons with Troshcheykin's monologue directed at his wife Lyubov in *The Event*, (the play's sole life-assessing speech): "...Alone on this narrow, lighted stage. Behind us, the old theatrical frippery of our whole life, the frozen masks of a second-rate comedy, and in front a dark chasm full of eyes, eyes, eyes watching us, awaiting our destruction" [5. P. 214].

Compare how the Instructor explains the scene of Charlotte's death in the screenplay of *Lolita*: "Now, this is the picture of a real accident. To the ordinary spectator who has just arrived on the scene the situation may seem very, very unusual: it is not so, really. The lap robe there, on the sidewalk, covers a dead woman. The elderly person here on the grass is not dead but comfortably recovering from a mild heart attack. His nephew, the fat fellow talking to the police officers, was driving him to a birthday party when they ran over this woman. This is their car up on the slope of the lawn where it came to rest after leaving the road. It was moving down the street like so... The driver was trying to avoid the dog. The woman was crossing here. She was in a great hurry to mail a letter but never made it to the mailbox. (*still picture again*)¹. That man there who stands looking stunned is her husband. The still comes to life. A little girl picks up the letter which *Charlotte* was about to post and hands it to Humbert. Old Mr. Jung² is sobbing uncontrollably. The ambulance arrives. The Farlows lead Humbert away" [23. P. 87–88].

Gogol's Mute Scene is usually understood as a scene of the enhanced condemnation of bureaucracy and institutionalized pretence. But on the higher level of interpretation, it is also a way out to the transcendental with its implied supernatural power, which may judge the characters by their real merits. It is a reminder about the Judgment Day for all of us. In *The Event*, the revelation scene bears the same connotations — as a serious self-assessment of the artist's fake achievements — in both the creative and personal life. In the screenplay of *Lolita*, the explained picture of Charlotte's death, notwithstanding its comical elements, is a hint at Humbert's responsibility for Charlotte's death, as well as for the tragedy of his and Lolita's lives. Here the Inspector acquires the attributes of that supernatural power, observing Humbert and the people affected by his obsessive passion in action.

From the perspective of the author's presence in the *Lolita* screenplay, a comparative analysis of the screenplay and the novel uncovers the transformation of some characters. Clare Quilty appears in the screenplay as a director of a 'play within Nabokov's play', a ghost hooting after Humbert, and as a fair clown at the same time, which is symbolic. Mister Coo, as he is called by his acquaintances, also hides himself behind his name, as 'cue' means not only a

¹ The author's remark.

² This can be considered as Nabokov's allusion to a psychiatrist and psychoanalyst Carl Gustav Jung.

‘stage remark’, but also a ‘hint’ and ‘stage direction’ [6. P. 21]. *Doctor Ray*¹ in the screenplay, compared to *John Ray*, the ‘author’ of a so-called *foreword* to the novel *Lolita*, which is not as much a foreword as an inseparable part of the novel in terms of composition and meaning (‘novel within the novel’), acquires a more significant meaning, functioning as an additional narrator and elucidator in the action itself.

Through Dr. Ray’s Offstage Voice (in one case it is titled as Narrator’s Voice with parenthetical specification “Dr. Ray’s”), Nabokov primarily interacts with the implied reader. It tells about the tragic love of Humbert for Anabella, and his desire to revive his beloved one in an adolescent girl [23. P. 8–9]. Moreover, it informs the reader of Humbert’s and Lolita’s biographical paths [Ibid. P.10, 12–15]. It also gives some directions to the reader: “Watch the cab” [Ibid. P. 11]. Dr. Ray’s Offstage Voice translates characters’ cues from French and evaluates characters’ actions and emotional state on the stage in terms of theatrical performance: “She had never been so voluble” [Ibid. P. 11–12]. As a stage director, it foresees characters’ actions, as if following preliminary deliberated plan or a screenplay: “I think the cab driver ought to have turned left here. Oh, well, he can take the next cross street” [Ibidem]. The Voice also gives hints as for the future tragedy: “When you analyze those jaywalkers you find they hesitate between the womb and the tomb” — hint for the tragic death of Charlotte Haze under the car wheel [Ibid. P. 13]. In one case, it even belongs to Humbert’s doctor-psychiatrist [Ibid. P. 187–188].

Apart from those hero-envoys, the screenplay is packed with multiple off-stage voices that provide allusions for the audience and explain things that cannot be understood from the dialogues. These are Dr. Ray’s Voice, Humbert’s Voice, Lolita’s Voice, Quilty’s Voice, Fruity Voice, and others. For example, Narrative Undervoice of the art collector, along with His Subdued Narrational Voice, tells how he has bought “a miniature statue: a tiny bronze nude” [Ibid. P. 129–130]. Meanwhile, an Old Man’s Voice laughs and makes ambiguous assumptions in a conversation with Humbert [Ibid. P. 140–141]. In the last scene of the screenplay, Dr. Ray’s Narrational Voice explains the finale of Humbert’s and Lolita’s story: “Poor Lolita died in childbed a few weeks later, giving birth to a stillborn girl, in Gray Star, a settlement in the remote Northwest. She never learnt Humbert finally tracked down Clare Quilty and killed him. Not did Humbert know of Lolita’s death when shortly before his own dissolution he wrote in prison these last words of his tragic life’s story” [Ibid. P. 212–213]. Nabokov used those characters ‘from the author’ and ‘voices’ to implement authorial unlimited presence, and as means of introducing an expansive narration that is usually limited in drama as a literary genre.

---

¹ According to the author’s remark, he is a “psychiatrist” Dr. Ray, “who appears in the *Prologue* [which is a part of the screenplay], and will appear again at the very end of *Act Three*” [23. P. 187; emphasis added. — *O.B.*].

3. Conclusion

The screenplay of *Lolita* not only contains all the major aesthetic and philosophical conceptions essential for a mature Nabokov-novelist, but also the artistic devices he elaborated upon as a playwright. It perfectly embodies Nabokov's genre of a dream-tragedy, the main attributes of which are the substitution of a plot as the driving force with the logic of dream and the opposition 'reality — otherworld and dream'. The screenplay of *Lolita* is also a remarkable representation of Nabokov's views on 'veritable' art versus *poshlust* — the untranslatable notion, transliterated from the Russian language, meaning 'vulgarity', 'platitude', 'banality', 'commonness', 'triviality', 'kitsch', 'false values', and used in description of artworks which possess those characteristics. In the screenplay, *poshlust* is exposed via contradictory character-rivals both related to the art of literature and theatre — Humbert Humbert and Clare Quilty. The screenplay is built on the fundamental device of Nabokov's poetics, 'theatre within the theatre'. Akin to the intricacy of a nesting doll, Nabokov evoked the infinite 'play within the play within another play,' or the 'cubed theatre within the theatre'. Being a novelist by nature, Nabokov had an absolutely authoritative approach to drama as a literary work and stage performance, which explains his striving for narration even in dramatic works. The *Lolita* screenplay is, more than any other Nabokov's play, imbued with descriptions and lengthy stage directions, which also serve another artistic purpose: enhancing the author's presence within the text (again, a device much favoured by Nabokov). The idea of highlighting the author's presence also finds its realization through the introduction of the author's 'envoys', directing the course of action and indirectly conveying the author's messages. The artistic device of the 'cubed theatre within the theatre', with its multiple authors and stage directors in a multilayered theatrical structure (Quilty staging several plays, Humbert with his biography, Dr. Ray with his history about Humbert, and, finally, Nabokov with his screenplay) is used for the purpose of realizing the author's game with the implied reader/spectator. It positions the author's image at the forefront, and, to a greater degree, highlights Humbert Humbert's tragedy. It is also conducive to the embodiment of Nabokov's theory of the perfect play. Prior to the screenplay of *Lolita*, Nabokov had not written a single dramatic work of such a multilayered structure based on the 'theatre within the theatre'.

References

1. Nabokov, V.V. (1984) *Playwriting*. In: Nabokov, V.V. *The Man from the USSR & Other Plays* (pp. 315–322). San Diego, New York and London: Harcourt Brace Jovanovich Publishers.
2. Nabokov, V. V. (1984) *The Man from the USSR & Other Plays*. Translated from Russian by D. Nabokov. San Diego, New York and London: Harcourt Brace Jovanovich Publishers. pp. 323–342.
3. Babikov, A. (2008) Primechaniya [Commentaries]. In: Nabokov, V.V. *Tragediya gospodina Morna. P'esy. Lektsii o drame* [The tragedy of Mr. Morn: Plays. Lectures on drama]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.

4. Nabokov, V.V. (1980) The art of literature and commonsense. In: Bowers, F. (ed.) *Lectures on literature*. New York: Harcourt Brace Jovanovich/Bruccoli Clark.
5. Nabokov, V.V. (1984) *The Man from the USSR & Other Plays*. Translated from Russian by D. Nabokov. San Diego, New York and London: Harcourt Brace Jovanovich Publishers. pp. 123–263. (Original work published 1938).
6. Babikov, A. (2010) Podrobnosti kartiny [Details of the picture]. In: Nabokov, V.V. *Lolita: Stsenariy* [Lolita: A screenplay] Translated from Russian by A. Babikov. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
7. Harris, J.B. (producer) & Kubrick, S. (director) (1962) *Lolita* [Motion Picture]. United States: A. A. Productions, Anya, Seven Arts Productions, Transworld Pictures.
8. Kassar, M. & Michaels, J. B. (producers) & Lyne, A. (director) (1997) *Lolita* [Motion Picture]. United States and France: Guild, Lolita Productions, Pathé.
9. Nabokov, V.V. (1997) *Lolita: A screenplay*. New York: Vintage International. pp. 7–13. (Original work published 1974).
10. Nabokov, V.V. (2010) *Lolita: Stsenariy* [Lolita: A screenplay] Translated from Russian by A. Babikov. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
11. Grishakova, M. (2006) *The models of space, time and vision in V. Nabokov's fiction: Narrative strategies and cultural frames*. Tartu: Tartu University Press.
12. Alexandrov, V.E. (1991) *Nabokov's otherworld*. Princeton: Princeton University Press.
13. Frank, S. (2012) *Nabokov's theatrical imagination*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Barabtarlo, G. (1993) *Aerial Views: Essays on Nabokov's Art and Metaphysics*. New York: Peter Lang.
15. Barabtarlo, G. (2011) *Sochinenie Nabokova* [Nabokov's oeuvre]. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House.
16. Boyd, B. (1990) *Vladimir Nabokov: The Russian years*. Princeton: Princeton University Press.
17. Boyd, B. (1991) *Vladimir Nabokov: The American years*. Princeton: Princeton University Press.
18. Senderovich, S.Y. & Shvarts, Y.M. (2000) Poetika i etologiya Vladimira Nabokova (Predvaritel'nye tezisy) [Vladimir Nabokov's poetics and ethology (Preliminary theses)]. *Nabokovskiy Vestnik*. 5. pp. 19–36.
19. Babikov, A. (2001) *Sobytie i samoe glavnoe v dramaticheskoy kontseptsii V.V. Nabokova* [Event and the main thing in V.V. Nabokov's dramatic conception]. In: Averin, B.V. (ed.) *V.V. Nabokov: pro et contra: materialy i issledovaniya o zhizni i tvorchestve V.V. Nabokova: Antologiya* [V.V. Nabokov: pro et contra: Materials and studies about life and creativity of V.V. Nabokov: Anthology]: in 2 vols. Vol. 2. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
20. Babikov, A. (2008) Izobretenie teatra [Invention of the theatre]. In: Nabokov, V.V. *Tragediya gospodina Morna. P'esi. Lektsii o drame* [The tragedy of Mr. Morn: Plays. Lectures on drama]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
21. Barabtarlo, G. (ed.) (2018) *Insomniac Dreams: Experiments with Time by Vladimir Nabokov*. Princeton and Oxford: Princeton University Press.
22. Nabokov, V.V. (1962) *Nabokov's interview for BBC Television* (P. Duval-Smith, C. Burstall, Interviewers). [Online] Available from: <http://lib.ru/NABOKOW/Inter02.txt> (Accessed: 27.12.2017).
23. Nabokov, V.V. (1997) *Lolita: A screenplay*. New York: Vintage International. (Original work published 1974).
24. Nabokov, V.V. (1966) *The Waltz Invention*. Translated from Russian by D. Nabokov. New York: Phaedra. (Original work published 1938).
25. Nabokov, V.V. (2008) Izobretenie Valsa [The Waltz Invention]. In: Nabokov, V.V. *Tragediya gospodina Morna. P'esy. Lektsii o drame* [The tragedy of Mr. Morn: Plays. Lectures on drama]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.

26. Nabokov, V.V. (1981) *Lectures on Russian literature*. New York: Harcourt Brace Jovanovich/Bruccoli Clark.
27. Boym, S. (1994) *Common places: Mythologies of everyday life in Russia*. Cambridge: Harvard University Press.
28. Nabokov, V.V. (1961) *Nikolai Gogol*. New York: New Directions.
29. Shvabrin, S.A. (1999) Polemika Vladimira Nabokova i pisateley "Parizhskoy noty" [Polemics of Vladimir Nabokov and the writers of the "Parisian Note"]. *Nabokovskiy Vestnik*. 4. pp. 34–41.
30. Proffer, C.R. (1968) *Keys to Lolita*. Bloomington: Indiana University Press.
31. Nabokov, V.V. (2013) *The Tragedy of Mr. Morn*. Translated from Russian by A. Tolstoy & T. Kharshan. New York: Random House LLC.
32. Nabokov, V.V. (2008) Prilozheniya [Appendices]. In: Nabokov, V.V. *Tragediya gospodina Morna. P'esy. Lektsii o drame* [The tragedy of Mr. Morn: Plays. Lectures on drama]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
33. Gogol, N. (2005) *The Diary of a Madman, The Government Inspector and Selected Stories*. Translated from Russian by R. Wilks. London: Penguin Books. pp. 211–306. (Original work published 1836).

СОВЕРШЕННАЯ ПЬЕСА НАБОКОВА: СЦЕНАРИЙ «ЛОЛИТА» В СВЕТЕ АВТОРСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА ИСКУССТВО ДРАМАТУРГИИ

О.А. Бабенко

Ключевые слова: Набоков, сценарий, театр, драматургия, *пошлость*, повествовательность.

В представленной статье последнее и самое малоизученное драматургическое произведение Набокова – сценарий по роману «Лолита» – исследуется с точки зрения теоретических взглядов писателя на предмет эстетически удовлетворительной пьесы. Анализируя произведения многих драматургов, Набоков размышлял о критериях совершенной пьесы, что отразилось в его литературно-критическом наследии. Цель исследования, проведённого преимущественно на материале сценария «Лолиты», – определить эстетическую значимость заключительного драматургического произведения Набокова в целом, а также по отношению к его теории совершенной пьесы. В исследовании использованы структурный, психологический и историко-функциональный методы, а также метод интертекстуального анализа и приёмы сравнительного литературоведения, что обусловлено мета-, интер- и гипертекстуальностью творчества Набокова.

Во Введении изложены взгляды Набокова на драму как литературный жанр и сценическое представление, а также рассмотрено его видение структурных элементов пьесы. Так, вместо логики детерминизма и конфликта как основной движущей силы пьесы Набоков предлагает свободу случая и логику сна. Автор статьи приходит к выводу о необходимости изучения сценария «Лолиты» с применением методологии Набокова.

В параграфе «"Лолита" как воплощение художественного инструментария Набокова-драматурга» сценарий исследуется с точки зрения соответствия набоковским критериям содержания и формы совершенной пьесы. В параграфе «"Лолита" как трагедия-сновидение» на основе анализа сценария «Лолиты» по отношению к основополагающей концепции творчества Набокова – двоемирия – делается вывод, что сценарий, следуя терминологии самого Набокова, жанрово относится к трагедии-сновидению и является воплощением набоковского идеала о таковой. В параграфе «"Лолита" как оппозиция пошлости в искусстве» рассматривается понятие *пошлости*, его значение в русской культуре и творчестве Набокова. Оппозиция истинного искусства и пошлости обнаруживается и изучается по линии *Гумберт Гумберт – Клэр Куильти*. Параграф «Пьеса в пьесе» посвящён фундаментальному приёму набоковской поэтики – «театру в театре». В ходе анализа делается вывод, что в сценарии этот приём является структурополагающим и доведён до такой степени иерархической организации, что произведение представляет собой

многоуровневую «пьесу в пьесе». В параграфе «Стремление к повествованию» описываются набоковские приёмы по расширению повествовательного пространства в драме. Сценарий «Лолиты» определяется как пример самой успешной реализации этих приёмов. В параграфе «Усиленное авторское присутствие и скрытые смыслы» изучаются способы выражения авторского присутствия.

Автор статьи заключает, что в сценарии в полной мере реализованы основные концепции и приёмы индивидуального творческого инструментария Набокова: сновидческая логика развития действия; многоуровневая структура пьесы на основе «театра в театре»; оппозиция между «настоящим» искусством и *пошлостью*; расширенное повествование, реализующееся посредством прозаических вставок из романа «Лолита», внесценических рассказчиков, внутритекстовых персонажей-режиссёров и распространённых авторских ремарок; усиленное авторское присутствие с многочисленными «авторами»; одновременное исполнение персонажами нескольких ролей и раскрытие автором своих приёмов в игре с читателем. Таким образом, сценарий «Лолиты» представляет собой не только эстетически удовлетворительную пьесу, но и воплощение драматургических исканий Набокова.

УДК 808
DOI: 10.17223/19986645/56/2

С.А. Громыко

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ» В РУССКОЙ ПАРЛАМЕНТСКОЙ РИТОРИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИСКУССИИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)¹

На материале стенограмм заседаний Государственной думы Российской империи выделены пять основных моделей национального аргумента: довод к нации-жертве, к национальной слабости, «к русскому сердцу», к истории, к авторитету. Выявлен персуазивный потенциал национального аргумента в русской парламентской риторике, оценена его сущность с точки зрения объекта убеждения. Объясняются причины широкого распространения национального аргумента в русской парламентской речи. Анализируется связь между использованием данного аргумента в речи оратора и реакцией на него аудитории.

Ключевые слова: риторика, парламентская речь, национализм, аргументация, прагматика, аргументы *ad hominem*, персуазивность.

Введение

Русская парламентская речь отличается высокой степенью агональности и, как следствие, эмоциональностью, выразительностью, особой системой аргументации ([1, 2] и т.д.). Отчасти это связано с историей русского парламентаризма: в общей сложности российский парламент просуществовал 37 лет с большим перерывом на советский период. За такое короткое по меркам политической риторики время крайне сложно сформировать эффективные механизмы сдерживания агональности, какие существуют, например, в парламенте Англии. Известно, что учреждение Государственной думы в 1906 г. вызвало настоящую революцию в русском политическом дискурсе, ряд ученых связывают с I Государственной думой возникновение [3] или интенсивное развитие [1, 4, 5] в России устной публичной политической речи. До 1906 г. в России не было системы институтов демократического народного представительства, следовательно, не были выработаны принципы и механизмы публичной дискуссии в рамках политических институтов. Можно сказать, что I Дума стала своеобразным коммуникативным феноменом: публичное слово с трибуны политического института было предоставлено не только профессиональным государственным деятелям, но и крестьянам, священникам, рабочим, интеллигенции.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 16-34-01050 «Риторика русского национализма: воздействие, аргументация, образы (на материале публичных дискуссий начала XX века)».

При этом формат именно дискуссии, а не монологических выступлений вызвал у переводумцев наибольшие затруднения: большинство депутатов не понимало важности парламентского регламента, официального, уважительного отношения к оппоненту, т. е. всего того, что входит в понятие институциональности общения. Следствием этого стали быстрое скатывание еще не сложившейся думской дискуссии в неинституциональные формы, в частности в митинг, низкая продуктивность политической деятельности и в конечном итоге – роспуск Думы [2. С. 184–188].

Парламенты следующих созывов демонстрировали более продуктивный подход к институциональной деятельности, что вылилось в качественно новые формы публичного речевого поведения. Начиная со II Думы можно наблюдать специфические, свойственные только отечественному парламенту, речевые стратегии и тактики участия в дискуссии, средства диалогичности, структурные модели выступлений, метафорические модели, способы аргументации. Последние требуют особого внимания.

Аргументация связана с важнейшей категорией классической риторики – убеждением. Изучение способов убеждения оратором аудитории позволяет сделать ряд выводов по отношению к обоим субъектам устной публичной речи. Оратор, как правило, использует те способы риторического убеждения, которые считает наиболее эффективными применительно к данной аудитории. Слушатель же, являясь продуктом определенной риторической культуры, воспринимает аргументы неодинаково: какие-то кажутся более убедительными, а какие-то – менее. Эта взаимосвязь ощутимо проявляется в политическом дискурсе.

Проблемы аргументации в политической речи традиционно привлекают внимание как отечественных ([6–10] и др.), так и зарубежных ученых [11, 12]. Риторическая аргументация в политической дискуссии – лучшая иллюстрация знаменитой мысли Аристотеля о том, что дело риторики не убеждать, но в каждом данном случае находить способы убеждения [13. С. 18]. Действительно, выбор и комбинация риторических средств убеждения могут быть настолько своеобразными, насколько сложна аудитория, их воспринимающая.

В парламентской дискуссии начала XX в. особое место занимали аргументы, основу которых составляла апелляция оратора к различного рода явлениям, связанным с этнической идентификацией в широком смысле: обращение к национальности оппонента, к своей национальности, подчеркивание национальной принадлежности упоминаемых в выступлении агентов политического дискурса, затрагивание вопросов формирования того или иного этноса и т. п. [14. С. 122]. При этом такая апелляция была именно доводом, который должен был подтвердить какой-либо тезис. С одной стороны, распространенность этих аргументов можно объяснить наличием в Думах разных созывов, особенно в III Государственной думе, ярких ораторов-националистов. С другой стороны, «национальный аргумент» активно использовался и в I Думе, где черносотенцев еще не было, а самое главное, он использовался представителями практически всех поли-

тических сил в парламенте, от кадетов до октябристов, причем независимо от обсуждаемой темы. Однако обращает на себя внимание не только и не столько частотность данного типа аргументов, сколько их роль в парламентской дискуссии. «Национальный аргумент» появлялся при обсуждении депутатами самых важных для страны и общества вопросов, всегда вызывая бурную реакцию слушателей, что находило последовательное отражение в стенограммах заседаний Думы, и служил своеобразным катализатором развития дискуссии: стенограммы демонстрируют рост эмоциональности и спонтанности высказываний с трибуны, а также количества реплик с места.

Персуазивный потенциал «национального аргумента»

Под «национальным аргументом» мы понимаем персуазивный комплекс разнородных доводов, связанных со способом убеждения посредством апеллирования к таким ментальным категориям, как национальное сознание, дух, характер, национальная идентичность, а также к истории становления нации, т. е. к различного рода явлениям, связанным с этнической идентификацией в широком смысле. Национальный аргумент был востребован в русской парламентской дискуссии и входил в ядро персуазивного инструментария агентов дискурса. При этом персуазивность мы понимаем как «стилистический вариант» реализации аргументирования, как «практическое аргументирование» в реальных коммуникативных ситуациях [15. С. 14]. Исходя из этого определения мы можем сказать, что персуазивность не исчерпывается одним типом классических аргументов: к логосу, этосу или пафосу. В нашем случае она показывает, как участники русской парламентской дискуссии убеждали друг друга и аудиторию в реальных коммуникативных ситуациях, какие аргументы (независимо от их типа) считались убедительными, а какие нет.

Сразу же оговоримся, что предметом исследования в данной статье не являлись оскорбления по национальному признаку, ярлыки и иные факты речевой агрессии, которые не связаны с каким-либо тезисом и не являются аргументом по своей сути. Такие приемы, низводящие дискуссию до обыденного спора, безусловно, отражены в стенограммах заседаний парламента Российской империи, но они не имели какого-либо персуазивного потенциала, так как выходили за рамки парламентского регламента и осуждались со стороны депутатов. Мы не рассматриваем неинституциональные формы и модели оценочных высказываний типа «сам еврей», которые направлены не на убеждение, а на выражение резко негативной оценки и по сути являются навешиванием ярлыков.

Традиционно риторическая аргументация разграничивается с аргументацией логической, хотя и основывается на ней. Применительно к совещательным речам (к которым по классификации Аристотеля относятся речи политические) актуально деление всех риторических аргументов на две группы: *argumentum ad rem* (доводы к вещи) и *argumentum ad hominem*

(доводы к человеку). Аргументы *ad rem* представляют собой доводы, касающиеся сути обсуждаемого вопроса, включают в себя естественные доказательства и аргументы к логосу и могут быть верифицированы слушателями или участниками дискуссии. Аргументы *ad hominem* включают в себя доводы к пафосу, т. е. к чувству, к эмоциональной памяти, и доводы к этосу, т. е. к моральному облику оратора, к обычаям, нравам [8. С. 32]. Аргументы к этосу и к пафосу сближает сложность их верификации, так как в основе каждого из них лежат оценочные суждения либо интерпретации. Национальный аргумент в основе своей представляет собой доводы *ad hominem*, а доводы *ad rem* находятся на периферии. Рассмотрим наиболее частотные модели-реализации национального аргумента в выступлениях думских ораторов. Мы называем эти модели в соответствии с традициями классической риторики по отношению к объекту апеллирования.

1. Довод к нации-жертве. Модель «нация X – жертва коварного Y». Это одна из самых частотных реализаций национального аргумента. Суть довода заключается в том, что оратор рассматривает нацию или народность как жертву других наций, исторического процесса, непреодолимых обстоятельств и т. п. Распространенность данного довода связана с тем, что у Думы впервые появилась возможность рассматривать национальные вопросы гласно и остро, поэтому и виновник того, что народ стал жертвой, некий «агрессор» также присутствует в аргументационной модели. Классический пример такого довода – аргумент В.М. Пуришкевича, использовавшийся им для доказательства тезиса о необходимости проведения жесткой государственной политики в отношении Финляндии: *У нас любят толковать о равноправии, но что вы скажете, господа народные представители, на то, если я вам докажу на основании документальных данных, что положение русского человека в Финляндии только несколько лучше положения еврея или цыгана? Странно, дико; народ-победитель, народ-завоеватель, народ, занимающий громадную территорию, первое место по территории среди держав мира, народ этот имеет под боком у себя насекомое, в сущности говоря, и это насекомое его душит»* [16. С. 697].

Довод к нации-жертве чаще всего не предполагал предъявления рациональных аргументов, он строился на наблюдениях, свидетельствах, личных впечатлениях, а зачастую вообще на субъективных эмоциональных оценках взаимоотношений между нациями. Отсюда использование ораторами интерпретаций исторических фактов, антитезы, гиперболы и литоты. Схожим образом Н.Е. Марков приводит национальный аргумент к тезису о невиновности русской армии в ее поражении при Мукдене: *Благодаря агитации, благодаря крамоле... в нашу армию проник мятеж, проникла смута... Наиболее вредный элемент, расстраивавший нашу доблестную русскую армию, есть несомненное изобилие еврейских сил; пока у нас будут призывать в состав русской армии 30000 евреев ежегодно, до тех пор русская армия не освободится от своих язв (Шум слева). Я говорю это не для того, чтобы опорочивать и оскорблять евреев. Нет, я говорю это потому, что это доказано опытом и тяжелым опытом испытано, что*

эта нация при всех своих талантах, при всех добродетелях, о которых я, впрочем, умолчу, она для военного дела не годится. Почему и отчего, не будем рассуждать, но несомненно, что евреи в нашей армии представляют зло и надо, чтобы это зло было так или иначе прекращено [16. С. 1655]. В речи Маркова русская армия представлена жертвой ряда врагов, как внутренних, так и внешних.

В приведенных примерах в роли народа-жертвы выступают русские, однако в дореволюционной Думе было большое количество и обратных доводов, когда народом-жертвой были поляки, грузины, армяне, а агрессором – русские и государство, насильственно русифицирующее национальные меньшинства. Рассмотренная реализация национального аргумента является типичной для политического дискурса, так как предполагает культивирование образа врага – важнейшую составляющую политической коммуникации, как современной, так и начала XX в.

2. Довод к национальной слабости. Модель – «русские добры и открыты, и этим пользуются остальные». Этот довод можно было бы рассматривать как частный случай аргумента к нации-жертве, если бы не более узкая сфера его применения. О национальной слабости в парламентской дискуссии говорили в основном крайне правые депутаты применительно к русским. Довод приводился чаще всего в качестве контраргумента к тезису о неравноправии населяющих Российскую империю наций и народностей по отношению к великорусской нации. Ораторы-националисты же стремились доказать, что русские в России не только не имеют привилегированных прав, но и упускают то, что им должно принадлежать исторически. Причину этого ряд депутатов видел в менталитете русских, которые излишне мягки, простосердечны и добры по отношению к своим соседям. Качественное отличие от предыдущего типа доводов заключается и в меньшей выраженности образа врага: акцент в высказывании делается на ментальных качествах русских, которые как бы сами собой располагают к злоумышленному их использованию. *Можем ли мы упрекнуть себя, господа, в том, что когда-либо к какой-либо народности, которая входит в состав империи, мы относились бы не так, как следует, чтобы мы не давали ей известных прав, тех прав, которыми пользуются русские граждане? Наоборот, благодаря известным особенностям славянской расы, мы не в состоянии не только душить ту или другую нацию, но сплошь и рядом, благодаря нашей мягкости и податливости, мы не в состоянии не поддаться ассимиляции с нею; факты налицо, вам достаточно указать, что русские, живущие бок о бок с якутами, сплошь и рядом объякучиваются, мы знаем – факт несомненный, – что русские, проживающие в пределах Германии, некрасовцы, скорее выучиваются говорить по-немецки, скорее ассимилируются с немцами, чем таковые с нами. Следовательно, говорить, чтобы русский человек кого-то давил, да еще сознательно, – это говорить неправду...* [Там же. С. 690]. Обратим внимание на то, что эта слабость русских в аргументации думских ораторов часто связана именно с положительно оцениваемыми качествами – миролюбием, просто-

той и добротой. Данный тип аргумента получил особое распространение в III Государственной думе, где самыми активными ораторами были депутаты-националисты.

3. Довод «к русскому сердцу». Типичный аргумент *ad hominem* в парламентской коммуникации. По традиционной классификации это аргумент к пафосу, так как апеллирует к чувствам аудитории, направлен на изменение эмоционального состояния слушателей и участников дискуссии. В думских прениях это одна из наиболее распространенных форм национального аргумента, имеющая большое количество вариантов и разновидностей, объединяет которые обращение оратора к эмоциям и чувствам (аудитории, персонажа речи, самого оратора), характерным в данной ситуации именно для русского человека. Все эти доводы укладываются в модель «русский в этой ситуации не может не испытывать чувства X, поэтому поступает так, а не иначе». Интересен тот факт, что данный довод был универсален с точки зрения политической принадлежности ораторов, но особенно был предпочитаем, конечно же, националистами. *Господа народные представители, трудно всходить на эту трибуну, чтобы говорить по такому вопросу, по вопросу, который так больно ударяет по струнам русского сердца, со сдержанностью и хладнокровием... Когда выслушаешь все то, что нам говорилось, что произносилось оттуда [с трибуны], то нужно много выдержки для того, чтобы не потерять самообладания и хладнокровия и остаться в уважении к тому собранию, в котором находишься* [16. С. 687].

4. Довод к истории. Модель «нация X исторически относилась к нации Y так, а не иначе». Данный вид довода имел две основные области применения. Во-первых, при помощи него оратор стремился объяснить характер отношений между нациями, сложившийся на данный момент. Когда же депутатов не устраивал статус-кво этих отношений, аргумент применялся как доказательство того, что необходимы кардинальные перемены во внешней политике России. *Грамота Императора Александра I, данная финляндцам в Борго, была делом его военных соображений, и, конечно, он мог давать свои милости, кому ему было угодно, но подданные шведского короля не только не имели права принимать этих милостей от Императора Российского во время войны, но не имели права даже являться к нему на подобные совещания, а тем более сеймы. И это тем более, что при шведском владычестве никакого финляндского сейма не существовало, а был общий шведский риксдаг. Короче говоря, акт, на котором Финляндия думает обосновать юридическое бытие свое как государства, совершенно несостоятелен* [17. С. 15].

Однако гораздо чаще рассматриваемый довод применялся как параллельный пример-прецедент из истории, доказывающий необходимость того или иного подхода во внешней политике. При этом довод довольно часто носил манипулятивный характер, так как оратор редко демонстрировал связь между историческим фактом и современностью, не обращал внимания аудитории на условия применения рекомендуемого подхода в реалиях

начала XX в. *Когда Наполеон вторгнулся в Россию, то он тоже издавал разные повеления и дарил льготы подданным Русского Императора, ввозил фальшивые русские деньги и т.д. И я думаю, что на этих актах никоим образом нельзя основывать каких бы то ни было юридических прав русских подданных, ибо эти права были получены от императора французов во время войны с Россией. О подобных правах не следует даже напоминать, а не то что основывать на них свои притязания* [17. С. 15–16]. В думской дискуссии была особенно распространена апелляция к древнеримской и древнегреческой истории. *В древние времена, господа, скажу вам и укажу на факты из истории Рима, Рим, покоривший этрусков, Рим, покорявший самнитян, Рим, покорявший галлов и другие народы, Рим мало-помалу давал права то одной, то другой, то третьей народности совершенно тому, как оне относились к римлянам, и каждое дарение римского народа побежденным было актом величайшей милости, и когда оно являлось преждевременным, когда являлось незаслуженным, тогда римские граждане возмущались и относились прямо обструкционной к той народности, которая неправильно получала эти дары»* [16. С. 697–698]. Апеллирование к истории – частотный аргумент, регулярно использовавшийся несколькими харизматичными думскими ораторами, отличавшимися высоким уровнем образования и риторической культуры. Этот довод, по данным стенограмм, нередко вызывал непосредственную реакцию думской аудитории – аплодисменты, шум, возгласы с места.

5. Довод к авторитету. Этот традиционный вид аргумента не был частотным, но имел высокий персуазивный потенциал. Модель аргумента – «ученый X утверждает, что нация обладает определенными признаками». Апеллирование к авторитетным ученым в русской парламентской дискуссии начала XX в. было широко распространено, однако его использование в качестве национального аргумента было сопряжено с рядом трудностей: сложность верификации научных данных при изучении национальной проблематики, идеологическая ангажированность исследователей и т. п. Однако депутаты-националисты постоянно стремились подвести научную базу под национальный вопрос, поэтому настойчиво обращались к трудам социологов, экономистов, историков, этнографов. *Те, которые забывают горькую, печальную действительность, которые в ослеплении стремятся к какому-то культу космополитизма и либерализма, стараются доказать, что мы душим финляндцев, им следовало бы прочесть как экстракт из всех тех трудов, которые издаются по вопросу о Финляндии, хотя бы брошюру Суворова «К вопросу о равноправии...» Кого? Евреев? Нет, русского народа в пределах Финляндии* [Там же. С. 698]. В то же время довод к авторитету мог строиться на обращении не к научному труду, а к фактам из биографии выдающихся ученых. *Русские не могут служить нигде в Финляндии, ибо от всех русских требуется окончание курса финляндского учебного заведения, а, конечно, русские не получают образования в финляндских учебных заведениях. Русский врач почти до сего времени не смел лечить в Финляндии. Ведь это не анекдот, что когда знаменитый профессор Боткин послал рецепт в*

финляндскую аптеку, то аптекарь отказал выдать лекарства, ибо профессор Боткин не имел-де звания финляндского врача [17. С. 22].

Выводы

Распространенность национального аргумента в русском парламенте начала XX в. свидетельствует о его высоком персуазивном потенциале. Различные варианты национального аргумента использовались в речи ораторов практически всех политических партий в Думе: чаще всего – в выступлениях радикальных националистов, несколько реже – в речах депутатов, принадлежавших к центристским и левым фракциям. Рассматриваемый тип аргумента во всех четырех дореволюционных Думах не подвергался институциональным ограничениям, и, например, рассуждения о том, что представители какой-либо нации неполноценны в том или ином отношении, не способны мирно сосуществовать с титульной нацией или стремятся к разрушению России, повышали градус эмоций в Думе, но не запрещались как таковые.

Выделяются пять наиболее частотных вариантов национального аргумента: довод к нации-жертве, к национальной слабости, «к русскому сердцу», к истории, к авторитету. Этим, однако, круг разновидностей не ограничивается. Стенограммы заседаний Государственной думы свидетельствуют о многообразии проявлений национального аргумента и, если так можно выразиться, о творческом подходе депутатов к осмыслению национального вопроса в целях доказывания различного рода тезисов, которые далеко не всегда были связаны с этническими проблемами. Многие депутаты пытались объяснить поступки и действия политиков и вообще агентов политического дискурса их национальной принадлежностью, причем делали это открыто, заявляя об этом с думской трибуны.

По отношению к объекту доказывания национальный аргумент является аргументом *ad hominem*, так как ориентирован либо на пафос (довод «к русскому сердцу»), либо на этос (к нации-жертве, к национальной слабости, к истории). При этом в основе рассмотренных моделей национального аргумента чаще всего лежит субъективная интерпретация оратором истории и отношений между нациями, а не фактология, что позволяет говорить о высоком манипулятивном потенциале выступлений, содержащих подобные доводы. По большому счету, лишь довод к авторитету выбивается из общего интерпретационного поля, так как относится по классификации Аристотеля к так называемым «естественным» аргументам. Но и в этом случае сам выбор авторитетного мнения, подбор цитат, фактов, введение в современные оратору контексты также вносят в довод субъективное отношение говорящего. В этом плане научный интерес может представлять сопоставление структуры и функционирования национального аргумента дореволюционного парламента с современной Государственной думой, что позволит представить динамику развития персуазивности данного типа доводов в отечественной парламентском дискурсе в целом.

Литература

1. Грановская Л.М. Риторика / под ред. В.А. Плотниковой. М. : Азбуковник, 2004. 218 с.
2. Громыко С.А. Приемы и средства речевого общения в I Государственной думе 1906 года. Вологда : ВГПУ, 2010. 215 с.
3. Аннушкин В.И. Риторика. Вводный курс. М. : Флинта : Наука, 2006. 296 с.
4. Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово. М. : Просвещение, 1996. 416 с.
5. Чистякова И.Ю. Русская политическая ораторика первой половины XX века: этос ратора : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 181 с.
6. Волков А.А. Основы риторики. М. : Академический проект, 2003. 304 с.
7. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 151–240.
8. Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. М. : Никколо-Медиа, 2002. 313 с.
9. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М. : Флинта : Наука, 2006. 254 с.
10. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 328 с.
11. Dijk T.A.v. Studies in the pragmatics of discourse. The Hague etc.: Mouton, 1981. 331 с.
12. Perelman C., Olbrechts-Tyteca L. The new rhetoric: A treatise on argumentation. Notre Dame : University of Notre Dame Press, 1969. 576 с.
13. Аристотель. Риторика // Античные риторики / под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978. С. 15–166.
14. Матвеев А.В. Идеологема «русский» в думской риторике В.М. Пуришкевича (опыт контент-анализа) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69), ч. 2. С. 118–122.
15. Голоднов А.В. Риторический метадискурс: к определению понятия // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. Вып. 2 (13). С. 7–18.
16. Государственная дума Российской империи: Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия I. СПб., 1908.
17. Речи членов Государственной думы Маркова 2-го и Пуришкевича по запросу о Финляндии 12 и 13 мая 1908 года. СПб. : Россия, 1908.

‘ARGUMENT FOR A NATIONALITY’ IN THE RUSSIAN PARLIAMENTARY RHETORIC (ON THE MATERIAL OF THE DISCUSSIONS IN THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN EMPIRE)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 56. 23–33. DOI: 10.17223/19986645/56/2

Sergey A. Gromyko, Vologda State University (Vologda, Russian Federation).

E-mail: ling2007@yandex.ru

Keywords: rhetoric, parliamentary speech, nationalism, argumentation, pragmatics, ad hominem arguments, persuasiveness.

The article is devoted to revealing the persuasive potential of the national argument in the State Duma of the Russian Empire. The aim of the article is identification of the specifics of the argument system in the Russian parliamentary debate, which the author called ‘argument for a nationality’, and analysis of options of this argument type.

The basis of the research methodology is discursive and logical-rhetorical analysis of the statements, which were reflected in the transcripts of the Russian pre-revolutionary Duma. At the first stage, a thematic selection of discursive units which contained references to nations, nationalities and ethnic groups was made. Then their logical-rhetorical status (thesis, argu-

ment, invective) was assessed and units which did not possess the property of an argument were excluded.

At the second stage, the selected units were classified and typologized according to the semantic models of arguments. At the final stage, the analysis of the functioning of each model of the national argument was carried out, taking into account the specifics of the addressee of the message, the topic of the speech and the audience's reaction to the application of the argument; the prevalence of the argument models in the Duma discussion was estimated. The source of the empirical material was the published verbatim records of the debate of the State Duma of the first, second, third and fourth convocations (1906–1917). A total of 83 texts, which represent the detailed speeches of deputies and members of the government from the rostrum, as well as the replicas recorded in the transcripts from the hall, were selected and analyzed. According to the results of the study, the author came to the following conclusions.

The author understands the term 'argument for a nationality' as a persuasive complex of dissimilar arguments connected with the method of persuasion by appealing to such mental categories as national consciousness, national spirit, national character, national identity, and the historical formation of the nation, that is, various kinds of phenomena related to ethnic identification in the broad sense of this term. The argument for a nationality was widely used in the Russian parliamentary debate and was part of the discourse representatives' core tools of persuasion. The most frequent models of the realization of the argument for a nationality in the speeches of the Duma speakers are as follows.

1. The argument for a victim nation.
2. The argument for national weakness.
3. The argument for the 'Russian heart'.
4. The argument for the history.
5. The argument for authority.

The shorthand transcripts of the meetings of the State Duma reveal the diversity of the manifestations of the argument for a nationality and the creative approach of the deputies to the comprehension of the 'national question' in order to prove various kinds of theses, which were not always connected with ethnic problems.

References

1. Granovskaya, L.M. (2004) *Ritorika* [Rhetoric]. Moscow: Azbukovnik.
2. Gromyko, S.A. (2010) *Priemy i sredstva rechevogo obshcheniya v I Gosudarstvennoy dume 1906 goda* [Techniques and means of speech communication in the First State Duma in 1906]. Vologda: Vologda State Pedagogical University.
3. Annushkin, V.I. (2006) *Ritorika. Vvodnyy kurs* [Rhetoric. An introductory course]. Moscow: Flinta: Nauka.
4. Mikhal'skaya, A.K. (1996) *Osnovy ritoriki: Mysl' i slovo* [Basics of rhetoric: Thought and word]. Moscow: Prosveshchenie.
5. Chistyakova, I.Yu. (2006) *Russkaya politicheskaya oratorika pervoy poloviny XX veka: etos ritora* [Russian political oratorics of the first half of the twentieth century: ethos of the orator]. Abstract of Philology Dr. Dis. Moscow.
6. Volkov, A.A. (2003) *Osnovy ritoriki* [Basics of rhetoric]. Moscow: Akademicheskii proekt.
7. Kitaygorodskaya, M.V. & Rozanova, N.N. (2003) *Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya* [Modern political communication]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Sovremennyy russkiy yazyk: sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya* [Modern Russian language: Social and functional differentiation]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
8. Khazagerov, G.G. (2002) *Politicheskaya ritorika* [Political rhetoric]. Moscow: Nikko-lo-Media.
9. Chudinov, A.P. (2006) *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka.

10. Sheygal, E.I. (2004) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
11. Dijk, T.A. v. (1981) *Studies in the pragmatics of discourse*. The Hague etc.: Mouton.
12. Perelman, C. & Olbrechts-Tyteca, L. (1969) *The new rhetoric: A treatise on argumentation*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
13. Aristotle. (1978) *Ritorika* [Rhetoric]. In: Takho-Godi, A.A. (ed.) *Antichnye ritoriki* [Ancient orators]. Moscow: Moscow University.
14. Matveev, A.V. (2016) Ideologeme “Russian” in V. M. Purishkevich’s Duma rhetoric (content analysis experience). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul’urologiya i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki*. 7 (69):2. pp. 118–122. (In Russian).
15. Golodnov, A.V. (2008) Ritoricheskiy metadiskurs: k opredeleniyu ponyatiya [Rhetorical metadiscourse: On the definition of the concept]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2 (13). pp. 7–18.
16. State Duma of the Russian Empire. (1908) *Gosudarstvennaya дума Rossiyskoy imperii: Stenograficheskie otchety. Tretiy sozyv. Sessiya I* [The State Duma of the Russian Empire: Stenographic reports. The third convocation. Session I]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
17. Markov, N.E. & Purishkevich, V.M. (1908) *Rechi chlenov Gosudarstvennoy dumy Markova 2-go i Purishkevicha po zaprosu o Finlyandii 12 i 13 maya 1908 goda* [Speeches by members of the State Duma Markov the 2nd and Purishkevich at the request on Finland on May 12 and 13, 1908]. St. Petersburg: Russkiy narodnyy soyuz im. Mikhaila arkhangela.

УДК 81'282

DOI: 10.17223/19986645/56/3

Т.А. Демешкина

«ССЫЛКА» КАК ФЕНОМЕН СИБИРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ¹

Рассматривается концепт «ссылка» как феномен сибирской лингвокультуры; анализируется актуализация ментальной структуры в разных дискурсивных практиках, выявляется обусловленность ее варьирования под влиянием различных факторов. Сибирская «прописка» анализируемого феномена подтверждается его осмыслением в сибирской литературе, функционированием топонимов в прецедентных текстах, образным потенциалом лексем с семантикой ссылки, что делает их фактом культуры.

Ключевые слова: *диалект, концепт, дискурс, ментальная структура, дискурсивное варьирование, ссылка.*

Введение

Региональная лингвокультура является частью русской культуры, широко представленной в устных и письменных текстах различной жанрово-стилевой принадлежности. Предметом анализа в данной статье стала специфика формирования сибирской концептосферы на примере концепта «ссылка», рассматриваемого как феномен сибирской лингвокультуры, проявленный на коммуникативном уровне.

Данные русского ассоциативного словаря свидетельствуют о том, что в сознании носителей русского языка Сибирь прочно ассоциируется с наказанием (*высылать 1*), местом наказания (*ссылка 7, каторга 2*), с известными историческими личностями (*декабристы 1*), сосланными в Сибирь, с топонимами, обозначающими место ссылки (*Кольма 1, Красноярск 1*), с обозначениями различных видов учреждений заключения (*тюрьма 1, лагерь 1, ГУЛАГ 1*) [1].

Актуальность исследования региональной концептосферы обусловлена его включенностью в общий контекст комплексного, междисциплинарного изучения Сибири как территории, своеобразной в климатическом, этническом, антропологическом, географическом, историческом, языковом отношении. Выявление речевого своеобразия, связанного с историей освоения Сибири, необходимо для создания общего «портрета» территории, что может служить исследовательской моделью при описании иных территорий.

В настоящее время накоплен большой материал, состоящий из устных и письменных текстов официальной и личной принадлежности, не подвер-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 16-18-02043.

гавшийся целостному изучению с лингвистических позиций, что составляет новизну описания. Частично концепт «ссылка» представлен в работах исследователей, посвященных сибирской тематике. Так, С.В. Волошина, анализируя концепт «Сибирь» в автобиографических рассказах томских крестьян, отмечает большую степень актуализации в его структуре компонента «место ссылки» по сравнению с дискурсом СМИ [2. С. 34]. В.М. Мокиенко, выявляя образ Сибири, представленный в малых жанрах русского фольклора, обращается к мотиву ссылки, устойчиво выраженному в диалектных пословицах и поговорках [3]. В статье О.В. Фельде, посвященной анализу текстов-меморатов, содержится значительная по объему историческая справка, в которой Сибирь представлена как территория ссылки на протяжении трех веков (с XVII в. до середины XX). Внимание исследователя сосредоточено на анализе материалов, относящихся к Восточной Сибири [4].

Новизну данной статьи составляет вовлечение материала, связанного с Западной Сибирью и в частности с Томской областью, представляющей собой территорию ссылки. Основной вектор анализа направлен на материалы, отражающие период массового выселения крестьян в 30-е гг. XX в. в Томскую область, в том числе из соседних с областей. В 1931 г. ЦК ВКП(б) принимает постановление «О ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». По информации, опубликованной в 2009 г. в газете «Нарымский вестник», в Нарымский край¹ планировалось выслать более миллиона человек, в то время как все население края в то время не превышало ста тысяч [5].

Анализ разных дискурсивных практик дает возможность создать «объемную», многомерную картину одного из драматических фрагментов русской истории и культуры. Теоретическую значимость составляет вклад представленной модели описания в разработку проблем формирующейся региональной лингвистики как новой отрасли знания.

Материал и методы

В статье анализируются устные и письменные тексты, различающиеся дискурсивной принадлежностью (обыденный и официально-деловой дискурсы), а также авторством: а) устные тексты, записанные от жителей среднеобского бассейна, являющихся носителями русских старожильческих говоров; б) устные тексты людей, подвергшихся репрессиям и отбывавших ссылку на этой же территории, в том числе являющихся старожил-

---

¹ Нарымский округ был образован в 1932 г. с центром в г. Колпашево и включал несколько районов Томской области: Александровский, Каргасокский, Колпашеский, Кривошеинский, Тымский, Чаинский. В 1936 г. на базе разукрупненных районов были вновь созданы Бакчарский и Парабельский районы, а в 1939 г. – Васюганский, Верхнекетский, Молчановский, Парбигский и Пудинский районы. См.: *Межархивный справочник документов по личному составу*. Ч. 1: Государственные архивы Томской области. Томск, 2000. С. 209.

лами; в) официальные документы, отражающие действия власти по отношению к лицам, отбывающим ссылку. Было проанализировано 89 текстов, извлеченных из Томского диалектного корпуса и содержащих высказывания с анализируемыми лексемами (более 200). Дополнительно привлекались фрагменты художественных текстов, авторы которых были детьми репрессированных либо сами отбывали ссылку. Единицами анализа являются лексемы, высказывания и фрагменты текста.

В качестве основного метода использован когнитивно-дискурсивный анализ, предполагающий выявление специфики актуализации концепта в зависимости от вида дискурса, его основных параметров (более подробно об этом см. в статье [6]). Подходы к анализу, избранные в работе, согласуются с методологией лингвокогнитивной концептологии, которая «использует понятие *концепт* как обозначение моделируемой лингвистическими средствами единицы национального когнитивного сознания, для моделирования и описания национальной концептосферы» [7. С. 10].

Методологической основой анализа является опора на факторы, лежащие в основе создания модели описания традиционной культуры: локальность, региональность, темпоральность, выявленные нами ранее [8]. Применены приемы контекстуального анализа, количественных подсчетов, что позволило показать семантическое разнообразие и коммуникативную значимость исследуемого феномена. Анализируемые лексемы выбраны из диалектных текстов методом сплошной выборки и распределены по разным лексико-семантическим группам в пределах семантического поля «ссылка» с целью выявления ядра и периферии в структуре концепта. Инвариант ментальной структуры и его дискурсивная реализация проанализированы путем сопоставления разных дискурсивных практик. Анализу также были подвергнуты варианты лексического замещения компонентов сценария ссылки, что дало возможность выявить специфику концептуальных признаков и особенности категоризации «ссылки» в сибирской лингвокультуре.

Обсуждение результатов

Концепт «ссылка» входит в более крупную ментальную структуру «наказание», которая осмысливается во взаимодействии с концептом «преступление» и вписывается в более абстрактную дихотомию «добро – зло». Анализ концептуализации наказания представлен в современных лингвистических работах в аспекте изучения специфики русского национального сознания в сопоставлении с английским языком. Исследуется дискурсивная реализация этого концепта через обращение к художественным и религиозным, юридическим текстам [9]. Семантика лексемы *наказание* определяется как «мера воздействия, применяемая к кому-либо за какую-либо вину, проступок, преступление» [10]. При структурировании этого концепта исследователи выделяют ядерные признаки («следствие вины», «страдание») и не ядерные («возмещение», «статусные отношения», «градация»,

«средство сдерживания») [11. С. 184]. Наказание рассматривается как социо-оценочный концепт, поскольку он «...соотносится в сознании с нормами, которые определяют различные социальные слои и группы» [Там же. С. 196].

Ссылка как вид наказания, используемого органами власти за какой-либо проступок, имеет культурно-историческую маркированность. Осмысление феномена ссылки в устной и письменной коммуникации стало возможным лишь в последние десятилетия, о чем свидетельствуют годы записи текстов, содержащих информацию о ссылке. Основной массив записей, использованных в работе, сделан в 2010–2018 гг. Ядерными речевыми жанрами, в рамках которых эксплицируется анализируемый феномен, являются воспоминания и автобиографические рассказы.

Базовыми репрезентантами описываемого концепта выступают лексемы «ссылать», «ссылка», «каторга» и их дериваты. Глагол «сослать» толкуется в словарях как «подвергнуть наказанию путем принудительного переселения куда-л. (обычно в отдаленное место, район; отправить куда-л. для отбывания наказания)» [12]. Существительное «ссылка» многозначно и определяется как 1) действие по значению глагола сослать – ссылать; 2) вынужденное пребывание на поселении в качестве ссылного; 3) место, куда сослан кто-то (Там же). В среднеобских говорах данная лексема функционирует во всех этих значениях:

1) *Вот мне две ссылки этих вот было. Как я знаю, вот так, моя милая (Парабель)*¹.

2) *Из Алтайского края, к примеру, раньше ссылали сюда, вот в Нарым. Сталин там жил, в ссылке там был. Свердлов жил у нас в Моховой, скрывался. Там один его прятал. Обыски делали. В доме его не нашли, он его в русску печку (Мохово).*

3) *Почему Луговской село назвали, спрашиваете? Говорили, что Луговские – это ссыльные поляки каки'-то были. Здесь ссылка была много годов (Луговское).*

Толкование лексемы «каторга» нагружено историческими, идеологическими и социальными смыслами: «особый вид наказания в царской России и других эксплуататорских государствах, связанный с привлечением к тяжелому физическому труду заключенных в тюрьмах и других местах с особо суровым режимом, а также самые места таких работ». Анализ функционирования лексемы «каторга» в речи старожилов также показывает, что она используется в рассказах о давно прошедших событиях в дореволюционной России: *Дед что – что с урядником рассорился зараз и убил его. И вот в Сибирь сослали. Да. Раньше же в Сибирь на каторгу ссылали, раньше жо здесь была непроходимая троцоба, лес (Нарым).*

Актуализация лексических экспликаторов концепта ссылки в диалектном дискурсе имеет четко очерченный ареал: это северные районы Том-

---

¹ В скобках указывается село, в котором была произведена запись. Более подробные данные о районе, области и т.д. содержатся в Томском диалектном корпусе (<http://losl.tsu.ru/>).

ской области: Парабельский, Верхнекетский, Колпашевский районы Томской области, которые стали основным местом ссылки в XX в., особенно в 30-е гг. В Томском диалектном корпусе на 30 страницах машинописного текста лексема «ссылка» встретилась 22 раза, ссыльный – 85, ссылать – 68 раз [13].

В записях, сделанных в других районах Томской области, частотность употребления этих лексем значительно меньше и встречается в рассказах жителей, как правило, о людях, которые стали основателями того или иного села. Так, в «Вершининском словаре», отражающем говор села Вершинино Томского района, 9 раз фиксируется лексема «ссыльный»: *Татары жили здесь-ка. Так их выжили отседова. И казак населился. Ссыльный Вершинин. И вот наша деревня, в общем, царь суда послал... ссылали же сюда этих, каторжников. Вот, поселение было* (Вершинино) [14].

Семантическое поле «ссылка» моделируется словоформами разной частеречной и системной принадлежности, входящими в разные лексико-семантические группы: *ссылать, ссыльный, ссылка, репрессия, каторга, каторжный* «бранное слово», *каторжник, политссыльный, политический, репрессированный, раскулачивание, кулачество, раскулачить, окулачить, кулачить, кулак, кулацкий, босячество, лишенец, спецпереселенец, спец, переселенец, поселенец, поселъга* «то же, что переселенец», *поселять, надзиратель, стражник, варнак* «о плохом человеке», *босяк* «бедный, нищий человек», *взять, забрать* «задержать, арестовать», *судить, разбирать законом, комендатура, враги народа, арест, коллективизация, эсыер (эсер), Сибирь, Нарым, Нарымский край, Колпашевский берег (Яр), Сталин, Свердлов*.

«Ссылка» представляет собой концепт-сценарий, в основе которого лежит динамично развивающаяся ситуация. В модель ситуации (пропозицию) входят следующие компоненты: предикат (действие), актанты – участники ситуации (субъекты, объекты), сирконстанты (место, причины, время). В сценарий включается модус оценки.

В реальной коммуникации лексическое замещение получают объекты ссылки (*переселенец, поселъга, поселенец*), поименованные по разным признакам, таким как основание для переселения, политическая принадлежность (*политссыльный, эсер*), а также имена собственные известных людей, которые отбывали ссылку (*Сталин, Свердлов*), маркируются место ссылки (*Нарым*), разнообразные действия насильственного, деструктивного характера (*раскулачить, взять, забрать, судить, высылать, ссылать, сослать*). В меньшей степени актуализованы субъекты насильственного действия (*надзиратель, стражник, комендатура*), что свидетельствует о том, что обыденным сознанием власть воспринимается как нечто обезличенное, нерасчлененное; для говорящего не важен конкретный ее представитель, более значимым представляется фокусировка на действии. На синтаксическом уровне это предположение подтверждается преобладанием неопределенно-личных предложений, используемых при описании ситуации ссылки: *Перед коллективизацией ссылали сюда* (Нарым).

Несмотря на то, что все лексемы выбраны из повседневного, обыденного дискурса, большая часть их не свойственна устной речи и относятся к сфере официальной, деловой, книжной речи, о чем свидетельствует наличие абстрактных имен существительных (*коллективизация, раскулачивание*), собирательных (*босячество, кулачество*), устойчивых выражений *враги народа*. Наличие «чужой» лексики в личностно-ориентированном дискурсе – яркий пример инодискурсивного включения, обусловленного «спецификой восприятия дискурса-источника обыденным человеком, сквозь призму которого он оценивает диктумное содержание, к которому обращается [15. С. 258]. Дискурсом-источником в данном случае выступают политический дискурс и дискурс документа, содержащие чуждые для диалектоносителя речевые формы и описывающие чуждые ему явления, для которых нет собственных речевых ресурсов в диалектной системе. Авторы текстов принадлежат как к местным жителям, так и к ссыльным – носителям русского старожильского говора, поскольку в Томскую область ссылали крестьян из Новосибирской, Омской, Кемеровской областей, Алтайского края: *В тридцатом году сюда ссылали. С Алтайского края здесь в основном были. [А вы здесь... с рождения живете или приехали откуда-нибудь?] Ну как сказать, мы ссыльные кода'-то были. [Так, а откуда?] Кулаки. Новосибирская область. Чулымский район был, вот оттэль мы это сосланы были (Кривошеино).*

Были у нас кулаки, их ссылали туда ниже, в Нарым, туда местных кулаков отправляли (Баткат).

И была у нас скотина, и успевали хлеб этот убирать, и ро'стить, и хлеба, бывало, чистые. И даже мы вот, здешние зырянцы – выросли здесь и родились здесь, нас ссылали за это, что мы свой хлеб сеяли, скотину держали. Вот теперь-то стали разбираться (Зырянское).

Сценарий ссылки варьируется в реальной коммуникации в зависимости от фактора адресанта. В текстах, авторами которых являются ссыльные, выступающие как субъекты коммуникации и как объекты наказания, представлен развернутый сценарий. В нем актуализируются компоненты, связанные с моментами вынужденного расставания с родным домом, переживаемые как драматичные. Важную часть в воспоминаниях занимает дорога к месту поселения, укоренение на новом месте, связанное с борьбой за физическое выживание. В сценарий в разной степени включаются модус непонимания, неприятие ситуации и ее негативная оценка: *Я помню, когда нас ссылали. Вот выгнали нас из дому, а папа на кульстане был, уже колхозы были. Папа на кульстане был. А нас, четырёх детей, посадили на лошадь. И всё, что, что мы могли взять, ничё, и довели до Асина. И там посадили нас на баржу', как бы сказать, и в осень уже, в октябре месяце, и вот везли нас до Усь-Карзы'. Там высадили нас. Это было в тридцать пятом году (Парабель).*

Приведенный фрагмент представляет собой объективированное, последовательное изложение событий и организуется акциональной речематической

доминантой, выражаемой серией глаголов с семантикой активного действия (*выгнали, посадили, довели, высадили*), не сопровождается оценкой.

Соотношение объективированного содержания и эмоционально-оценочного компонента может варьироваться в разных текстах: *Как нас сюда же сослать. Ой, ой, как жалко было. Подвели две лошади: «Собирайтесь!» Вот что оделись на себя, в тём, зимой в чё на сани положишь? Нас четверо было. Четыре девчонки. Нас посадили, а тятя с мамой идут пешком, как собачонки бедные. Ой, как вспомнишь, дак не дай бог. А всё осталось, всё осталось* (Парабель).

Первую ссылку мы не попали, а вторую ссылку попали. А как, всё потобрали, куска хлеба не брали. Кулаки, пишут, жили богато. Свою работу работашь, скотину держали, работали, труженики, а людям завидно. А ничего у нас не было, машина – молотья'га была и всё. Не у ка'жного же была. Свины были, куры. А щас вот вишь как лёго, нет ничего, и есть нечего. Всё как подумаешь, аж сердце заворачивается, переживим всё, как пережили. Семьями из дома выгоняли, дом и щас там. А потом объявили всем ехать. Куда – неизвестно (Белый Яр).

В основе формирования семантико-коммуникативной основы приведенных текстов лежит, как и в первом тексте, акциональная доминанта (*подвели, посадили, выгоняли, объявили*), но в них велика и доля субъективного эмоционально-оценочного компонента, отражающего личностное переживание автора описываемых событий (*не дай бог, жалко, сердце заворачивается*).

Позиция объекта, над которым совершаются действия, замещается местоимением *нас*.

В активной позиции, как субъекты ситуации, ссыльные проявляют себя, обживаясь на новом месте: *Комендант приехал, вот корчуйте, рубите себе избу. А рубите сразу-то не сказали, а под осень уж строили, а лес на себе таскали, на себе, <что ж>, лошади что ли. И мох ели, и гнилушки ели, всю траву поели. Вот котёл из дому привезли, в котле и варили. Наша жизнь попала самой трудной, тяжёлой. Перенесли горя много, оборвались босяками. Ну, одежонка-то была, одетья плохонькая* (Белый Яр).

По-иному актуализуется ментальная структура ссылки в текстах коренных жителей. В коммуникации, прежде всего, вербализуются восприятие и оценка переселенцев как чужих по отношению к своей сформированной системе ценностей в данном локальном социуме. Главной ценностью в крестьянском сознании является отношение к труду, умение трудиться: *А, это, потом этих, латышей, присылали суда. Латыши вот рядом с нами жили, дом был старынькый. Оне таки работяшые* (Рыболово).

Положительно оцениваются интеллектуальные качества (ум, сообразительность), образованность ссыльных: *Его признали как сэсые'ра [эсера]. Его сослали. Он башкови'тый, а грамота его небольшая* (Городище); *Не просто работники, они грамотны были, украинцы*.

Вне зоны оценочности оказывается принадлежность ссыльного к той или иной национальности, информация о ней служит только целям иден-

тификации: *У нас были грузины' здесь. Гру'зин был работал булга'хтером (Городище); Наших-то уже как-то не так, ссыльных, вот алтайских, там всё. А здесь же были немцы ссыльные, эстонцы там, латыши, поляки (Колпашево).*

Роль чужих осмысляется в аспекте их влияния на уклад жизни местного населения, на способы ведения хозяйства, которые трансформируются под влиянием приезжих: *После войны уже дело было, один тут ссыльный приехал и привёз помидоры эти. Он и образец показал. Как за ими ухаживать надо, всё сказал. И пошли у нас здесь помидоры с тех пор (Парабель).*

Фиксируются отличия в поведении, обычаях, в способах устройства жилища: *Плетню плели были ссыльны. Мазали и жили (Луговское). Я помню вот, приеду, ссыльных ссылали, им смешно было, что мы верхом – девчонки верхом ездили. Как-то у них это было не принято, а нам это нравилось. Верхом ездили. Сено зимой возили а тоже на санях ездили (Парабель).*

Отрицательно оцениваются вредные привычки, привносимые чужими: *Курить наши предки не курили. Не введёно было. С местности до тридцати домохозяйств было, и никто не курил. Первых два ссыльных из России, из Европы было. Старики смеялись: «От, печки затопили» (Зырянское).*

Как показывает анализ материала, оценка ссыльных местными жителями носит динамический характер и может меняться в зависимости от социального статуса ссыльных, «состава преступления», времени. Положительно оценивались раскулаченные крестьяне, политические ссыльные; осуждаются высланные в более позднее время из городов Центральной России за бытовые проступки и антиобщественное поведение: *Их ссылали людей хороших, а потом стали ссылать всякую холе'ру (Городище); Раньше поселенцы ходили, по баням жили. Ссыльные из Россеи. Я бы что-то украл али друго' непорядочно сделал вот их и ссылают в Сибирь на вольно поселение. Каки' работают, а каки' хлеб продадут да пьянствуют (Мельниково); Печь перекадывали. Ссылну, наслали ссыльных, блатяко'в-то е'тих, они баню и прижгли [сожгли] (Мохово).*

Благодаря тому, что к настоящему времени опубликовано большое количество документов, отражающих период коллективизации и ссылки, у лингвистов появилась возможность сопоставительного анализа концепта ссылки в разных типах дискурса с целью выявления специфики концептуализации основных признаков. В данной статье использованы материалы книги «Нарымская хроника: 1930–1945. Трагедия спецпереселенцев» [16]. Книга содержит документы разных жанров: протоколы и решения бюро Нарымского окружкома ВКП (б), постановления, докладные записки, справки, инструкции и т.д.

В документах актуализируется преимущественно объектный компонент ментальной структуры ссылки, в высказываниях совпадают признаки «объект наказания» и «объект оценки». Если в текстах, авторами которых являются ссыльные, актуализуется ядерный признак «страдание», то в официальных документах концептуализируется признак «следствие вины». Негативная оценка ссыльных как объекта наказания передается лексемами,

содержащими в своей семантике компонент «враждебность» (*классово чуждые элементы, враждебные элементы, враги, враги колхозного строя, враги народа*): *Классово чуждые элементы, особенно из спецпереселенческих колхозов, саботируют проводимые в районе госпоставки, а также уплату средств по займу и сельхозналогу; Ко всем враждебно настроенным по отношению Советской власти элементам принимаются самые решительные меры; Новый контингент находит себе питательную среду в отдельных людях ранее высланного кулачества; Враждебные элементы; Враги ведут агитацию.*

Во всех трех видах текста, отличающихся типом автора, содержится оценочный компонент, что обусловлено социооценочным характером концепта, структурированным отношением власть – человек. В официальных документах действия ссыльных расцениваются как отступление от социальных норм, как нарушение закона. Эта оценка не совпадает с оценкой в личностном дискурсе, где авторами являются коренные жители, которые оценивают ссыльных не с точки зрения их вины, а с точки зрения обыденного существования в соответствии с нормами, принятыми в крестьянском социуме. Рассогласование разных дискурсивных картин мира обусловлено разным представлением о норме и о ценностях, задаваемых нормой. Ценностной доминантой крестьянского мира, как уже отмечалось, являются труд и материальный достаток, возникающий в результате этого труда. Иное положение дел расценивается крестьянским сознанием как антинорма: *А за чё отца ссылали? Какую-то несчастную эту... соху ли как ли он говорил, имел, ну, пахать, да хлеб сеял и всё. Вот за чё ссылали? Ни за чё. Не одно'го его, сколько посылали тогда людей оттуда... невинных* (Парабель); *Раз машину доржал – кулак! Мало что ли в Нарым ссылали* (Поломошное).

Основной акцент в воспоминаниях ссыльных делается даже не на несправедливости наказания, а на том, что вины как таковой не было, поскольку труд должен быть вознагражден, а не наказан.

Лингвокультурологический потенциал ментальной структуры «ссылка» проявляется:

– в актуализации образного и аксиологического компонентов в различных видах дискурса. Семантика тяжести наказания, невыносимости страдания лежит в основе моделирования сферы, связанной с условиями жизни человека, его поведением, предметами одежды и обуви. Наибольшим миромоделирующим потенциалом обладают лексемы *каторга, каторжный, варнак, кандалы*. В среднеобском говоре функционируют метафоры и сравнения, отражающие семантику наказания, его тяжесть, страдания, связанные с пребыванием на каторге: *Ботинки отдали таки тяжёлы, как кандалы* (Альмяково). *Крестьянска жисть раньше каторга была. Нас семеро было. Их двое. С семи лет косила, на стог поставит, так бросит сено-то. Каторга была, а не жисть* (Колпашево).

Человеческое поведение моделируется посредством лексем *каторжный, варнак, варначка* и оценивается как крайне негативное, осуждаемое обществом, в высшей степени не соответствующее нормам. Так, слова ка-

торжный, *варнак* употребляются в диалекте как бранные в переносном значении, они отражают отрицательную оценку людей, совершивших тяжкие преступления и заслуженно отбывающих наказание. В них актуализуется семантика «плохой человек», «жулик», «грубый человек» [17]: *Я был каторжный, гулял с девками* (Нарым); *Варна'к – это просто каторжный хулиганит, матери'тся* (Городище); *Он разгово'ристый старик, а старушонка каторжная* (Городище);

– в создании прецедентных текстов (пословицы, поговорки) с топонимами, символизирующими высшую степень страдания людей, вынужденных жить в ссылке: *Кто в Нарыме не бывал, тот горя не знал; Бог создал рай, а чёрт Нарымский край*.

Исследуемый феномен получил прочную «прописку» в сибирской поэзии и прозе в своем художественном воплощении. В контексте нашего анализа особую ценность представляют произведения тех, кто был очевидцем описываемых событий (переселенцев, их детей, коренных жителей), поскольку эти тексты позволяют создать более полную картину анализируемого периода. Приведем лишь один пример из стихотворения В. Герасимова: *Поселения, бараки, колонии / Рубка леса весь год, еще сплав, / Рабский труд – его узаконили, И никто не имел уже прав* [18].

В поэзии также осмысливается символический потенциал топонимов *Нарым, Нарымский край: Край Нарымский, богом отринутый, / Только черт тоям этим и рад. / Миром божьим так и не принятый, / Всё считалось – ворота тут в ад*.

Заключение

Проведенный анализ показал, что концепт «ссылка» занимает значительное место в сибирской лингвокультуре. Он характеризуется временной протяженностью, региональностью, социальными и оценочными смыслами, имеет коммуникативную отмеченность. В сибирском дискурсе концепт вербализуется большим количеством лексических единиц, входящих в разные лексико-семантические группы. Так, в речи сибиряков разнообразно представлены наименования ссыльных (*поселенец, спецпереселенец, поселъга, политссылный* и т.д.).

Основными речевыми жанрами устной коммуникации, в которых актуализуется концепт ссылки, являются воспоминание и автобиографический рассказ.

Структура концепта варьируется в разных дискурсивных практиках. В личностно-ориентированном дискурсе в речи ссыльных актуализуются процессуальные признаки, в речи коренных жителей в коммуникативном фокусе оказываются восприятие и оценка, в текстах официальных документов отражена деятельностная и оценочная составляющая, базирующаяся на соблюдении законности.

Оценка присутствует во всех типах текста, но осуществляется авторами текста по-разному, в зависимости от той системы ценностей, которую он

считает истинной. Ценностные доминанты коммуникантов лежат в этической и социальной плоскости и связаны с актуализацией смыслов *справедливость – несправедливость, добро – зло, наказание – преступление, человек – власть* и др. Несовпадение ценностных ориентиров в разных социальных группах обуславливает рассогласование дискурсивных языковых картин мира. Лингвокультурологический потенциал концепта ссылки проявляется в его способности формировать образный фонд языка, входить в прецедентные и художественные тексты.

Дальнейшие перспективы анализа «ссылки» как феномена сибирской лингвокультуры связаны с выявлением его отношений с другими концептами региональной концептосферы, с изучением специфики актуализации концепта в разные исторические периоды. Темой отдельного исследования может стать анализ концепта ссылки в художественной литературе.

Литература

1. *Русский ассоциативный словарь*. Кн. 5: Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. 3 / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М.: ИРЯ РАН, 1998. 204 с.

2. *Волошина С.В.* Репрезентация концепта «Сибирь» в автобиографических рассказах крестьян // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 28–38.

3. *Мокиенко В.М.* Сибирь в малых жанрах русского фольклора // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 53. С. 48–60.

4. *Фельде О.В.* Другие среди своих (на материале устных рассказов коренных жителей северного приангарья о ссыльных сталинской эпохи // *Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX–XXI веков* : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. пед. и науч. деятельности проф. Галины Васильевны Звёздовой и приуроченной к её юбилею. Липецк, 2017. С. 115–123.

5. *Нарымский край – история политической ссылки*. URL: <https://ria.ru/20111029/473362686.html>

6. *Демешкина Т.А.* Когнитивно-дискурсивный анализ диалектного текста // *Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века*. Т. 2: Лингвистический анализ на грани методологического срыва / ред. Д. Шумска, К. Озга. Краков : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 137–146.

7. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // *Антология концептов* / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 1. С. 7–10.

8. *Демешкина Т.А., Тубалова И.В.* Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформация // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 36–54.

9. *Смирнова О.М.* Концепт наказание в национальном сознании носителей русского и английского языков: опыт лингвокогнитивного исследования // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2010. № 2 (023). С. 54–63.

10. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1984. Т. 2: К–О. 736 с.

11. *Контимирович А.А.* Наказание // *Антология концептов* / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград, 2005. Т. 2. С. 183–196.

12. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1984. Т. 4: С–Я. 794 с.

13. *Лаборатория* общей и сибирской лексикографии. URL: <http://losl.tsu.ru/>
14. *Вершининский словарь*. Т. 6: Р–С / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 454 с.
15. *Тубалова И.В.* Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 370 с.
16. *Нарымская хроника 1930–1945*. Трагедия переселенцев: Документы и воспоминания / сост. и коммент. В.Н. Макшеева. М. : Русский путь, 1997. 255 с.
17. *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 6. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 368 с.
18. *Лавров Ю.* Зов тех болот. Тюмень : ГАУК ТОНБ, 2018. 152 с.

“EXILE” AS A PHENOMENON OF THE SIBERIAN LINGUACULTURE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 56. 34–46. DOI: 10.17223/19986645/56/3

Tatiana A. Demeshkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: demeta@rambler.ru

Keywords: dialect, concept, discourse, script, discursive variation.

The subject of the analysis in the article is the specificity of the formation of the Siberian concept sphere on the example of the concept “exile” that is considered as a phenomenon of the Siberian linguaculture manifested at the communicative level. The main body of texts for analysis were oral stories of Russian old-timers, speakers of the Middle Ob dialect, about the period of “peasant” exile (1930s–1950s). Texts of official documents, fragments of poetic texts were used for comparison.

The concept “exile” occupies a significant place in the Siberian linguaculture. It is characterised by temporal length, regionality, social and evaluative meanings; it has communicative markers. In Siberian discourse, the concept is verbalised by a large number of lexical units belonging to different lexical semantic groups. For instance, the Siberians use different names for exiled people (*poselenets* [settler], *spetspereselenets* [special settler], *posel'ga* (dialectal) [settler], *politssyl'nyy* [political exile], etc.).

The main speech genres of oral communication, in which the concept “exile” is represented, are recollection and autobiographical narrative.

The mental structure of the concept varies in different discursive practices. In personality-oriented discourse, procedural signs are actualised in the speech of the exiles; in the speech of the indigenous people, perception and evaluation are in the communicative focus; in official documents, the activity and evaluation components are represented based on respect for the rule of law.

Evaluation is actualised in all types of texts, but differs by authors depending on the value system that one considers true. The value dominants of communicants lie in the ethical and social spheres, and are associated with the actualisation of the meanings of justice – injustice, good – evil, punishment – crime, man – power, and others. The discrepancy between the values of different social groups leads to a mismatch of discursive linguistic pictures of the world.

The linguoculturological potential of the concept “exile” is manifested in its ability to form the figurative pool of the language, to enter the small genres of Siberian folklore, to receive literary expression in the works of Siberian writers and poets who were participants and witnesses of the dramatic period of Russian history.

References

1. Karaulov, Yu.N. et al. (1998) *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian associative dictionary]. Book 5. Pt. 3. Moscow: IRL RAS.

2. Voloshina, S.V. (2017) Representation of the concept “Siberia” in autobiographical stories of Tomsk peasants. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 47. pp. 28–38. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/47/2
3. Mokienko, V.M. (2018) Siberia in the small genres of Russian folklore. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 53. pp. 48–60. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/53/4
4. Fel'de, O.V. (2017) [Others among us (on the material of oral stories of the indigenous inhabitants of the northern Angara region about the exiles of the Stalin era)]. *Dukhovnost' i mental'nost': ekologiya yazyka i kul'tury na rubezhe XX-XXI vekov* [Spirituality and mentality: the ecology of language and culture at the turn of the 21st century]. Proceedings of the International Conference dedicated to the pedagogical and scientific activities of Prof. Galina Vasilevna Zvezdova and dedicated to her anniversary. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University. pp. 115–123. (In Russian).
5. Ria.ru. (2011) *Narymskiy kray – istoriya politicheskoy ssylki* [Narym region: the history of political exile]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20111029/473362686.html>.
6. Demeshkina, T.A. (2015) Kognitivno-diskursivnyy analiz dialektnogo teksta [Cognitive-discursive analysis of dialect text]. In: Shumska, D. & Ozga, K. (eds) *Yazyk i metod: Russkiy yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh XXI veka* [Language and method: Russian language in linguistic studies of the 21st century]. Vol. 2. Krakow: Wydawnictwo Uniwersyte-tu Jagiellońskiego.
7. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2005) Osnovnye cherty semantiko-kognitivnogo podkhoda k yazyku [The main features of the semantic-cognitive approach to the language]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Vol. 1. Volgograd: Paradigma.
8. Demeshkina, T.A. & Tubalova, I.V. (2017) Dialect discourse as a sphere of national culture representation: constants and transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 36–54. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/3
9. Smirnova, O.M. (2010) The perception of the concept *punishment* by the national consciousness of Russian and English speakers: the experience of cognitive linguistic research. *Vo-prosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 2 (023). pp. 54–63. (In Russian).
10. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
11. Kontimirovich, A.A. (2005) Nakazanie [Punishment]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Vol. 1. Volgograd: Paradigma.
12. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
13. Losl.tsu.ru. (n.d.) *Laboratoriya obshchey i sibirskoy leksikografii* [Laboratory of General and Siberian Lexicography]. [Online] Available from: <http://losl.tsu.ru/>.
14. Blinova, O.I. (ed.) (2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky Dictionary]. Vol. 6. Tomsk: Tomsk State University.
15. Tubalova, I.V. (2016) *Polifonicheskiy tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic text in oral personality-oriented discourses]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Maksheeva, V.N. (ed.) (1997) *Narymskaya khronika 1930–1945. Tragediya pereselentsev. Dokumenty i vospominaniya* [The Narym Chronicle 1930–1945. The tragedy of settlers. Documents and memories]. Moscow: Russkiy put'.
17. Anikin, A.E. (2012) *Russkiy etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. Is. 6. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
18. Lavrov, Yu. (2018) *Zov tekh bolot* [The call of those swamps]. Tyumen: GAUK TONB.

УДК 801.3

DOI: 10.17223/19986645/56/4

Е.В. Иванцова

КОНЦЕПТ ХЛЕБ В ДИСКУРСЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ¹

Предпринят анализ концепта ХЛЕБ в лингвоперсоналогическом аспекте, с опорой на дискурсивные данные диалектной языковой личности сибирской крестьянки. Рассмотрены основные смысловые области, связанные с представлениями о хлебе, и средства их вербализации, особенности отдельных слоев концепта и его связи с другими единицами концептосферы. Выявлены отраженные в дискурсе носителя традиционной народно-речевой культуры черты пра-логического сознания и в то же время переход некоторых ранее актуальных признаков концепта в исторические.

Ключевые слова: концепт, хлеб, диалектная языковая личность, дискурс, русские говоры Сибири.

Концепт ХЛЕБ, занимающий важное место в культуре многих народов, входит в число базовых культурных констант, репрезентирующих черты национальной ментальности. Он анализировался исследователями в различных лингвокультурных общностях – русской, английской, немецкой, американской, таджикской и др. [1–4], в том числе в сопоставительном аспекте. Пристальное внимание уделяется данному концепту при описании русской концептосферы, поскольку «хлеб» рассматривается как одно из центральных понятий отечественной материальной и духовной этнокультуры.

Особенно ярко сущность национально-специфичных по своей природе концептов отражается в народно-речевой среде, являющейся первоосновой национальных языков. При анализе концепта ХЛЕБ в традиционной русской культуре источником служил прежде всего «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля; привлекались также некоторые другие областные словари и данные говоров Среднего Прииртышья [3, 5, 6].

В настоящей статье этот концепт рассматривается в лингвоперсоналогическом аспекте. Исследование является частью масштабного проекта по изучению феномена диалектной языковой личности, выполняемого учеными томской диалектологической школы (подробнее см. [7]). Ранее в идиолектной системе концептов сибирского старожила Л.Г. Гынгазовой были описаны ЗЕМЛЯ, ВОЛЯ, ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ, БОГ, ГРЕХ, ПУТЬ [8–13] и ряд других.

Материалом для анализа послужили тексты сибирской крестьянки Веры Прокофьевны Вершининой (1909–2004), отраженные в «Полном слова-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

ре диалектной языковой личности» [14] и авторском архиве записей речи информанта (около 10 000 страниц), производившихся в условиях включения в языковое существование говорящего в течение 24 лет.

Концепт понимается вслед за С.Г. Воркачевым как «культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [15. С. 47–48]. Хотя он рассматривается как отмеченная этнокультурной спецификой «единица коллективного знания / сознания» [Там же], однако в концептосфере языковой личности концепты существуют в индивидуальном варианте, в то же время отражая типические черты социума и его культуры.

Как и другие элементы концептосферы в традиционных сообществах, концепт ХЛЕБ имеет глубокие исторические корни. Он сформировался на раннем этапе развития нашей культуры в среде, где в экономике преобладал аграрный уклад, а в условиях прямой зависимости человека от природы остро стояла проблема выживания. В числе ментальных особенностей его представителей отмечают направленность зон актуального внимания на свою семью и хозяйство, сельские промыслы и природу; особую значимость фольклора и верований, принципиальную ориентированность на традицию, доминирование мифологического характера миропонимания [16]. Этапу существования таких сообществ соответствовало пралогическое (дологическое) мышление (по Л. Леви-Брюлю), которому свойственны комплексность, диффузность, конкретность и образность [17. С. 30].

Многие из перечисленных черт находят отражение в концепте ХЛЕБ как компоненте концептосферы исследуемой языковой личности.

Показателен в этом отношении прецедентный текст о хлебе *на собачью долю*, широко известный в разных вариантах у славян [18. Т. 5. С. 420] и усвоенный В.П. Вершининой еще в детстве от матери: *А это мама говорила. А это... пошёл Ису'с Христос. И попросил под окошком: «Сотворите ми'лостинку ради Христа истинного!» – под окошко подошёл. Бродяга, ну, старичок. А одна женишына, гыт, ша'ньгу выташишыла, ша'ньга с начинкой, намазана, сметаной – как... ну, от как я пеку ша'нежки, – и подала ему в окошко. Он к другой пошёл. А у ей, гыт, ребёнок обмарался, она блин схватила, да говорит, это блином подтёрла ему задницу-то, да и подала, гыт. Ну и вот, осно'дь Бог, гыт, прогневался и голод созда'л. Хлеб, чтобы не... не было никого. Собаки, гыт, воют всё! – это мама рассказывала. Дак это ешо кода' там, кто-то будто бы говорил, не мама. Ну и, говорит, собаки воют, гыт, все, это... прям голод! А потом Бог, гыт, послал – соба'ччу долю. Мама всё говорила: «Собак корьмить – это на соба'ччу долю счас едим». Вот это говорила, я помню. [А что бог послал?] Ну, хлеб послал. Три года, гыт, хлеба не было. Не родился. А потом... выли собаки и просили. Просили хлеб¹.*

¹ В квадратных скобках отражены реплики или пояснения собирателя материала. Фрагменты связной речи информанта отделяются точкой с запятой. В отдельных слу-

Легенда о хлебе, пересказанная крестьянкой, отражает типичные для народно-речевой культуры способы сохранения культурных знаний через мифологический текст, репрезентацию в нем образного мировосприятия (базовые представления о ценностях переданы через сюжетный рассказ в лицах) и прагматического мышления: хлеб представлен в синтезе не вполне расчлененных смыслов, соотносимых и с продуктом питания из муки зерновых культур (к нему в рассказе отнесены и *шаньги*, и *блины*), и с растениями, дающими пищу (наказание за неуважение к хлебу – лишение урожая), и, наконец, с субстанцией, без которой невозможна жизнь. Нераздельно слиты в древнем мифе бытовое и бытийное; передается отношение к хлебу как сакральной сущности, дарованной человеку высшей божественной силой.

Анализ бытового дискурса диалектоносительницы, по существу, отражает уже намеченные в мифе основные особенности концепта ХЛЕБ, в то же время позволяя рассмотреть более детально их вербализацию. В каждой из выявленных смысловых областей концепта вычленяются элементы различных его слоев, которые в сумме дают общую картину представлений о хлебе как культурно отмеченной единице коллективного сознания / знания (по С.Г. Воркачеву) в дискурсе конкретного носителя народной культуры.

1. Один из наиболее значимых смыслов, связанных с представлением о хлебе, соотносится с **обозначениями зерновых на корню**. Денотативный слой этой смысловой области концепта вербализуется в первую очередь через упоминаемые информантом наименования выращиваемых злаков. Чаще всего к ним относятся *рожь*, *пшеница* / *пашени'ца*, *овёс*, *ячмень*. Рядом с ними в контекстах в качестве зерновых хлебных культур называются *про'са* «просо» и не являющаяся злаком *горечу'ха* / *гречка* «гречиха», поскольку из гречневой и просяной муки в прошлом тоже пекли хлеб и блины: *Мы раньше тоже жали в войну, рожь жнём; Ячмень сеяли раньше. А теперь чё-то не стали сеять. Ну всё равно – пшеница, овёс – сеют; Хлеб сеяли. Пашени'цу, гречу'ху, овёс сеяли. Ну, хлеб сеют, там овёс, пашени'цу там, рожь, или там горечу'ху сеяли, про'су сеяли, горох сеяли...; Про'су жали, пашени'цу*. Отмечена также устаревшая лексема *весно'вка*, обозначающая яровую рожь или пшеницу: *Ранней весной сеяли, и жнут рано. Она «весновка» называлась. У ей ма'ленько зёрнышко, под вид ржи. <...> Ну и ростом она поменьше была. В идиолексиконе имеются также низкочастотные названия культур, различающихся временем посева, – *яровые* и *зимовы'е* «озимые»: *А раньше сеяли. Зимова' пшеница, я помню; А яровы' хлеба выгорели уже*. Однако наиболее частотна обобщенная номинация *хлеб* или *хлеба'*, в контекстных реализациях которой акцентируется то семантика «произрастающие зерновые» (*Хлеба растут, да; Стригу'н напал на траву да на хлеб. Состриг; Запрягут пару лошадей и косят хлеб*), то «срезанные злаки» (*Так-то лито'вкой если косить,**

чаях полужирным шрифтом маркируется эмфатическое ударение. При передаче диалога диалектоносителей указывались инициалы собеседников.

он будет рассыпаться хлеб-то везде это, колосья-то – а тут, как это grabka'mи – вроде как собира'т), то «зерно как посевной материал» (Хлеб сеяли; На ём [мысе] хлеб сеют, ко'сют) или «зерно как полученный урожай» (Вим? Машина это. Хлеб подрабатывали раньше. <...> Хлеб сортируют; Он [тракторист] там хлеб получил – тонну ли сколько им, мельницу купили). В ряде контекстов наблюдается совмещение обозначения растущих зерновых и зерна нового урожая: *А потом на зало'ге хлеб хороший родился на этих местах; А передавали по радио, в Коже'вниковой рожь ши'бко хоро'ша, траву, это, заливало, это одно место там, луга – заливало водой; Кто-то говорил, [нынче] хоро'ши вобизэ' хлеба'.*

Объединяет эти смежные значения, очевидно, не всегда эксплицированная в дискурсе, но всегда подразумеваемая прагматическая задача труда хлебопашцев – получение нового высокого урожая. Для крестьянского социума культивирование зерновых – основа традиционной аграрной культуры, а от полученного урожая зависит жизнь и общины в целом, и каждой из входящих в нее семей.

Значимость момента созревания злаков маркируется образной диалектной лексемой *хлебозо'р* для обозначения ночных зарниц, по народным представлениям указывающих на место, где начинают колоситься хлеба (*Хлебозор называли. Хлеб зо'рят, говорят*), и паремией, в которой объединены примета и поговорка: *Рожь на колос идёт кода', ячмень, ли овёс, ли эта, пшеница – «кукушка, гыт, подавилась».* Приведенный текст транслирует установление связи между временем выхода зерновых *на колос* и замолканием кукушки, активно издающей характерные звуки в первой половине лета. Эта связь, отражающая эмпирические наблюдения в крестьянском социуме, тоже получает образное выражение: птица перестает куковать, потому что *подавилась колосом* (поговорка зафиксирована в ряде регионов: «Вост. Сиб., Беломор., Онеж., КАССР, Арх.» [19. С. 48]).

В дискурсе языковой личности отражен полный цикл сельскохозяйственных работ по выращиванию хлеба: подготовка новых земельных участков с раскорчевыванием лесного массива для расширения посевных площадей, сеяние, жатва, связывание в снопы, обмолот, просушивание зерна до нужной кондиции: *Да и корьчевали, зало'г копали, всё руками – ой, как тяжело-то! А потом на зало'ге хлеб хороший родился на этих местах; Хлеб сеяли... Руками обрабатывали, серпами жали. <...> Помного жали. Про'су жали, пашени'цу; Запрягут пару лошадей и косят хлеб; По тысяче двести снопов навязывала! Только загребая! <...> Коля говорит: «Вязала-то! Люди-то говорят, по тысяче двести». А Валя гыт: «Это за сколько, за месяц ли чё ли?» – Валя наша гыт. [В день?] В день, конешно. В день; Это, рано-рано ставали до' свету, рано, и начинали молотить; Его [хлеб] надо... скосить и связать в снопы, снопы постоят – скирдовать надо, потом скирды станут молотить; А я на сушилке работала – сколь годо'в на сушилке работала! От лесенки [ступеньки] – от так идёшь, лесенки, сколь ле'сенков, пять-шесть, да туды ле'сенков, наверно, восемь. Наверьх туды' таска'шь пашени'цу. Ведра по' три, там по сколь-*

ко, всю ночь и ходишь, и ходишь... Таска'ишь, да опуска'ишь, да туды', да суды' да... Ой! Любопытно, что в идиолексиконе информанта для обозначения земледельческого труда не зафиксировано слово *хлебопашество*; отмечен нелитературный синоним к нему – *крестьянство* «земледелие» (*Крестьянством занимались, и скотина была*), указывающий на основной род занятий сельских жителей.

Фрагменты дискурса отражают большой объем работ, направленных на выращивание хлеба (*помного жали; по тысяче двести снопов навязывала*); их длительность в период страды с восхода солнца до поздней ночи (*Ранорано ставали до' свету, рано, и начинали молотить; Конба'ин пойдёт хлеб косить, жать, убирать – только шум стоит. Ночью выйдешь на' берег – косят допоздна; Всю ночь и ходишь, и ходишь [таская пшеницу на сушилке]*). Подчеркивается изнуряющая энергозатратность физического ручного труда (*...зало'г копали, всё руками – ой, как тяжело-то!; Хлеб сеяли... Руками обрабатывали*), на смену которому поэтапно пришли сначала примитивные орудия, а потом механизмы. Еще один воспроизводимый диалектоносительницей прецедентный текст, услышанный из речи матери, повествует об архаическом способе уборки зерновых в древности (*хлеб руками дёргали*) и появлении у земледельцев серпа, облегчившего сбор злаков: *Руками дёргали [раньше хлеб], и всё. Сколько родится там – выдергают его хозя'вы свои. Все свой хлеб дёргали. Ну это, может, первобытно, может, правда, я всё думаю. А потом, гыт, это, серпы появились. <...> А там, гыт, пришла женьшына, ли кто ли, и нажала – сырой был, она так куч'кими накла'ла его, не в снопы связала, а куч'кими накла'ла. А там пришёл, гыт, хозяин – «О, батюшки мои, червяк какой появился! Надо его куды'-то избывать! Червяка этого». <...> Взял, гыт, на серьпу' камень, привязал, гыт, его туды', и в реку утопил.*

Осознание представителем традиционной народной культуры тяжести вложенного в выращивание хлеба труда, базирующееся на личном опыте индивида, свидетельствует о тесной связи концептов ХЛЕБ и ТРУД.

Оценки растущих зерновых культур (и вызревающего в них зерна) носят исключительно прагматический характер: *хорошим* считается еще не убранный хлеб, который свидетельствует о высоком урожае: *А передавали по радио, в Кожевниковой рожь ши'бко хоро'ша, траву, это, заливало, это одно место там, луга – заливало водой; Н.Н. Хоро'ша пшеница ози'ма така'! В.П. Кто-то говорил, хоро'ши вобиэ хлеба'*. Антонимичные отрицательные оценки (**плохой хлеб / хлеба'* и под.) не отмечены, констатируется только отсутствие урожая (*Три года, гыт, не было хлеба*) или его причины (*А яровы' хлеба' выгорели уже. Выгорело, нечего, гыт, раишытывать на хлеб; Стригу'н напал на траву да на хлеб. Состриг*). Эстетические оценки злаковых растений отсутствуют.

От урожая зерновых, составлявших основу аграрной культуры, во многом зависела жизнь крестьянской семьи. Выращивание хлеба как первоочередную жизненную необходимость отражает поговорка *умирать собирайся, а рожь сей*. Не случайно в обрядовом слое концепта диалектоноси-

теля важное место занимают христианские и языческие обряды, обычаи и мифологические образы, связанные с хлебопашеством.

Начало сева, как всякое важное дело, сопровождалось молитвой: *Зажгут свечку, помо'лятся, [когда родители] первый раз сеять поедут, пшеничку. <...> Всё было это всё, конешно. От я помню, свечку зажгут, помо'лятся богу, и пойдут баслов'ясь, сеять.*

Связь народного славянского календаря и христианских праздников отражает паремия *Рожь в землю, а лук из земли*, соотносимая с Фроловым днем, до которого старались закончить посев озимых: *Вот рожь сеют её осенью. <...> Вот был Фро'лов день, это осенью. До Фролова дня сеют рожь. Рожь в землю, а лук из земли. <...> А уж после Фролова дня не сеяли рожь.*

Отголосками языческих верований можно считать архаизирующуюся лексему *болу'дница* (первоначально *полу'дница* – дух в женском облике, персонификация полдня как опасного времени суток [18. Т. 4. С. 154]) и бытовавший в сибирском селе еще в начале XX в. обряд «оставления бороды» из несжатых колосьев на убранным поле¹. Такие фрагменты идиолектного дискурса демонстрируют связи концепта ХЛЕБ с концептом ТРАДИЦИЯ. Показательно, что свидетельства информанта и в том и в другом случае указывают на переход обрядовой семантики из актуального признака концепта в пассивный, исторический (по Ю.С. Степанову [20. С. 48]): *Ну, всегда плету [косы]. А то рассыплются, я хожу как болудница. <...> [Это нечистая сила?] Ну конечно, чё-то тако'. Худо' чё-то. [Воспроизводит речь матери:] «Болу'дница. Заплети хоть расчеши голову-то, как болудница!» А кака' болу'дница – я не знаю; [Родители, заканчивая жатву, говорили:] «Бороду, гыт, оставить надо». А чё, на чё – не знаю.*

2. Еще более значимое место в сознании диалектоносителя занимают представления о **хлебе как продукте питания**.

В речи сибирской крестьянки отмечены единичные контексты, где лексема *хлеб* в цепочке «зерновые на корню» – «созревающее в колосьях зерно» – «зерно как собранный урожай» – «вид / виды пищи из этого продукта» приобретает также контекстное значение «продукты переработки зерна как основа для изготовления пищи», промежуточное между двумя последними: *Высушат [колоски], да в ступке истолкут, да кашу варят, с их. Ну это же хлеб, всё равно; Ну хлеб-то не ута'сывали [при пожаре]. Муку-то там не'кода было.* С этой семантической составляющей представлений о хлебе соотносятся некоторые виды традиционных народных блюд, впоследствии устаревших. В их число входили *заваруха* «мучная каша, завариваемая на молоке или воде» (*Заваруху сварила, так ес из кастрюли. [За-*

¹ В славянской мифологии полудница «...регламентирует поведение человека в полдень, особенно в поле в период уборки урожая, не давая в это время жать <...>. Она мучает и жестоко наказывает тех жнецов, которые, пренебрегая запретом, в полдень работают в поле или спят на меже...» [18. Т. 4. С. 155]. «Борода» из части оставленных на поле по окончании жатвы колосьев, связанных особым образом, осмыслялась как жертва Богу или божествам либо полевым животным и птицам [Там же. Т. 1. С. 233].

варуха из чего?] Из муки. [Мука и вода?] Молоко. Она как каша, масла положишь куда'), а также кисели на основе зерновых продуктов (*Кисели варили ра'зны – кра'сны кисели, из аржано'й муки варили, делали*). Очевидно, смысловой компонент «мука» следует отнести к периферии рассматриваемого концепта, тогда как в ядерную зону входит представление о хлебе как о готовом к употреблению изделии из муки.

Для обозначения этого продукта используется прежде всего лексема, совпадающая с именем концепта. В речевой практике индивида зафиксированы гипонимические связи слова *хлеб* с единицами *выпечка* (*Нехоро'ша у ей получила'ся... Хлеб, выпечка*) и *стряпаное* (*Угу, хлеб любит он [ребёнок]. Стряпано любит тако', мя'гло ест, ага*). В метатекстовом высказывании упоминается архаизированный синоним к нему, функционировавший еще в начале XX в. в детской речи: [*А папой хлеб звали?*] *Ага. Ребятишки звали «папа». [Только ребятишки?] Угу. Угу. Ребятишки. А так-то не звали. Папа. «Кусочек [хлеба]» – сейчас-то говорим, а раньше: «Дай папы! Папы дай!»*).

В работах, где в рамках анализа концепта ХЛЕБ рассматривается хлеб как пища, круг входящих в него продуктов очерчивается по-разному, иногда – очень широко. Так, З.Д. Мирзоевой в состав хлеба включаются изделия из муки с начинкой и без начинки, из пресного и сдобного теста, изготавливаемые выпеканием, жаркой на масле и варением в кипящей воде – от собственно хлеба до чебуреков, пельменей и пирожных [З. С. 58–64]. Вообще границы денотативной области мучных изделий, относящихся к хлебу, нельзя считать четкими, как нечетки и границы областей «хлеб как растение» и «хлеб как пища» с переходными участками. Однако данные идиолекта сибирской крестьянки позволяют сделать вывод, что у исследуемой языковой личности представления о хлебе в качестве продукта питания отражают довольно узкий круг денотатов. Под ним подразумевается, как правило, вид несладкой выпечки из дрожжевого теста на основе пшеничной или ржаной муки. Такая выпечка, входящая в рацион крестьянской семьи, повседневно использовалась и в дополнение к другим блюдам, и как отдельный пищевой продукт.

Пироги и пирожки как вид выпечного изделия из пшеничной муки с начинкой, судя по контекстам, не считаются разновидностью хлеба: [*А хлеб раньше резали или ломали?*] *Резали. <...> На поминках пирожки ломали. [Только пирожки?] Ну, а хлеб-то там и не было*. Очевидно, и наличие начинки, и иной способ приготовления (варка в отличие от выпекания) оставляют за пределами концепта ХЛЕБ пельмени. Хотя батон носителями литературного языка относится к хлебу в широком смысле слова, эта непривычная для деревенского жителя выпечка уподобляется ему по некоторым вкусовым качествам, но не воспринимается как собственно хлеб: [*Как вам батон?*] *Ничё. Он как вроде бы постноватый такой. Как хлеб, под вид хлеба*.

За пределами ядра некоторые виды выпечки обычно противопоставляются хлебу, но в отдельных высказываниях идентифицируются с ним. Ср. два контекста о *ша'ньгах* – небольших сдобных, но несладких булочках

домашнего изготовления: а) *И чёрный хлеб этот был. А я хлеб-то наре'зала на стол, да булочки были поставила* (хлеб и булочки перечисляются как разные продукты питания) и б) *А.М. Куда это ты? Н.Н. Говори! В.П. По хлеб пошла [на веранду]* (для обозначения этих же булочек используется номинация *хлеб*).

Не относятся к хлебу и несладкие блюда из муки, приготовленные на сковороде с использованием масла, – *лепёшки, оладьи / ола'дни, блины*. Вместе с тем они в какой-то степени близки к хлебу по составу, готовятся также выпеканием и могут выступать в качестве заменителей хлеба при его отсутствии: *А хлеба у меня просит [пьющая односельчанка], пойдёт там: «Ты мне, Прокофьевна, дай грамм двести хлеба». А мне тот раз – правда, я ола'дни напекла, не было хлеба. А я говорю: «У меня у самой нету». А она это... потом ей кто-то дал лепёшки; А ты муку покупала? Хоть лепёшки бы стряпала. А то де, хлеба ра'зе наберёшься? Он зачерстве'т, да запли'сневет. А тут уж можно лепёшку каку' состряпать; Я ола'дни напекла, не было хлеба.*

На близость хлеба и блинов указывает также рассказ информанта о прошлом, в котором производимая в начале XX в. полужидкая выпечка из гречневой, просяной или овсяной муки называется то *блинами*, то *хлебом* [21. С. 27]: *Я помню, мама дак... ну, я-то не пекла. Мама наливала... про'твени таки' были, она их, так не ши'бко густы' – хороший хлеб был, вкусный [из гречневой муки]. Блины пекли от таки' толшыной. <...> [И как-то назывался по-другому гречневый хлеб?] У-у. Хлеб, всё равно. Гречневый. Блины гречневые. <...> Про'су обдирали, я помню, мололи, ободрали про'су, да мололи, прося'ный был – жё-олтый такой! [Хлеб?] Не хлеб, а тоже блины пекли. Прося'ны. Овся'ны пекли. <...> Также жиденький пекли. Не так, чтобы хлеб, а таки'... или он не получался, ли чё ли? пошто'-то жидкий. Заведут таку'... ну, как на густы' ола'дни, – стряпают.*

Разновидности хлеба в зависимости от вида муки ранее обозначались по типу зерновых (*ржаной / аржано'й и пашени'чный / пшеничный*) и имели также синонимичные им цветковые обозначения (из ржи – *чёрный*, из пшеницы – *белый*). При этом в сибирском селе выращивалась преимущественно рожь и наиболее типичным было повседневное потребление чёрного хлеба, хотя покупалась и пшеничная привозная мука: *А изо всякой [муки стряпали]. Иржану' стряпали и пшени'шну стряпали. А белой-то не было муки.* Выше приведен также контекст, в котором упоминаются выпекавшийся еще в первой половине XX в. *гречневый, прося'ный, овсяный хлеб / блины*.

Номинации видов хлеба, в которых мотивировочным признаком являлся вид злака, в настоящее время устарели. В повседневной речевой практике в конце XX – начале XXI в. для обозначения сортов хлеба информантом использовалась триада *чёрный / серый / белый*, в которой средний компонент является поздним образованием. *Серым* называется хлеб, произведенный из смеси ржаной и пшеничной муки и представляющий собой только заводскую выпечку: *Кея от этот раз привозила, дала мне – бо'ле*

полбулки, такой... такой серый хлеб. <...> Наши [о родне] были, подчистую всё подмели. Чёрный, белый, серый – всякий пойдёт. Заметим, что онимические наименования сортов хлебобулочной продукции, бытующие в областном центре («Бородинский», «Дарницкий» и пр.), в лексиконе крестьянки отсутствуют, не отмечены они и в речи ее собеседников: в магазине села Вершинино продается просто хлеб. Преобладающим продуктом в сельской среде стал белый хлеб¹.

Единичный продукт несладкой выпечки из муки, изготавливаемой в русской печи, обозначался лексемой *булка*. Он имел только округлую форму (*А раньше кру'злы только булки [были]*) и довольно значительный размер, поскольку хлеб выпекался на большую семью. Косвенно эти признаки подтверждает сравнение *как булка* «о большой округлой опухоли» и одно из значений лексемы *булка* «большой, округлый ком (теста)» [14. Т. 1. С. 88].

К устаревшим видам выпечки относятся упоминаемые крестьянкой *калачи*, отличавшиеся от булки формой, но не величиной: *Мы калачи таки'стряпали – от таки', так закрутишь их да... хоро-оши, то'лсты таки'! калачи*. <...> *А Тамара говорит: «Ой, Вера, ты-то по целому калачу брала [на работу]!» Я говорю: «А чё? В день калач съешь – ничё, не страшно, я съела».* [*Калач какой величины?*] *Ну хороший [т.е. большой] такой калачик. Поди, килограмм-то будет.* К перешедшим в пассивный словарный запас названиям разновидностей хлеба можно отнести также слово *поскрёбыш*: [*Как назывался хлеб из остатков теста?*] *Поскрёбыш. Поскрёбыш. Раньше деревя'нны были ква'ини-то – кадочки таки' деревя'нны. Поскрёбыш, наскребут.* Такой хлеб считался второсортным, поскольку он не обладал необходимой мягкостью: *От есть поскрёбыши, как раньше называли – ква'иню выскребут, да поскрёбный калачик испекётся – раскусить нельзя!*

С появлением в продаже привозимого из города формового хлеба в употребление входит лексема *кирпич*, но иногда он по-прежнему называется *булкой* независимо от формы: *Крошко' привезли два кирпича [хлеба из города]; «Баба Вера, тебе хлеб надо?» Я говорю: «Нет, не надо. У меня ешо тот живой, говорю, кирпич, всё охота мяконький пои'съ»;* *Ну булка, кирпич ли [хлеба], булочка. Ну как их назовёшь?; Я говорю [односельчанину]: «Сколько хлеба берёте? – «Пять, булок беру на' два дня». <...> Да ешо, мне кажется, и не хватит пять булок. На четверых. Два мужука', да они обо'е [в]он каки'. По булке-то съедят в день.*

В числе обозначений частей испеченного хлеба отмечены *корка*, *мя'кош*, *ломоть*, *ломти'на*, *ломотик*, *кусок*, *кусочек*. Одни из них (*корка / мя'кош*) маркируют разные требования, предъявляемые к его компонентам, другие (*ломоть, кусок*) связаны с правилами порционного съедания про-

---

¹ «Черный ржаной хлеб имел стойкую репутацию еды для бедняков, поэтому по мере роста благосостояния европейского населения люди предпочитали переходить на более «престижный» белый хлеб. К слову, в СССР массовый переход колхозов с ржи на пшеницу произошел в 40–50-х годах, когда Сталин прямо заявил, что советский человек должен питаться белым, а не черным хлебом» [22].

дукта, который резали или ломали руками. Лексема *ломоть* и ее экспрессивно-эмоциональные дериваты употребляются только при упоминании хлеба: *Ну я сама поела [хлеб], сама один ломоть так отре'зала целый то-ленький, да ешо отре'зала, это, себе – вчара' да сёдня; Щас Шарикю два ломтя больших отломила [хлеба]; Ну, булку-то надо, наверно [купить]. А кого там-ка? Отрежешь, Георгиевна, ломотик-два, а там уж чё, половина. Каки' булочки-то [маленькие], о'споди. Слово кусок может использоваться и по отношению к другим продуктам питания, однако наиболее прочны его синтагматические связи со словом хлеб: *А это... приедем [работать в поле], сразу наедемся – ну, кусок съешь хлеба, а в обед опе'ть, там опе'ть кусок съешь. Эта лексема часто употребляется без дополнения, «вбирая» в себя сему «хлеб»: Куском макали прямо в то'плено масло; Я с кусочком их [огурцы], с хлебом, ем; Хлеб всегда просит [односельчанка]: «Ты мне кусочек дай».**

Слово *крошка* (*крошечка*) имеет в идиолекте широкую сочетаемость, обозначая очень небольшую часть вещества (в том числе жидкого) и самое малое количество чего-либо [14. Т. 2. С. 99], однако в контекстах о хлебе почти не используется.

Отдельной номинацией обозначается особая разновидность разрезанного на части и высушенного хлеба – *сухари, сухарики*, значимая не столько как вид угощения к столу, сколько как способ сохранения черствеющей или недоеденной выпечки для последующего использования: *Раньше-то на сухарях делали котлеты; Ну сухари были от – я сухари намочила да наелась [когда дома не было хлеба].*

Синтагматика ЛСВ *хлеб* при обозначении продукта питания отражает его качественные признаки, оцениваемые как нормативные или ненормативные.

В первую очередь отмечается мягкость, характеризующая свежую выпечку, или твердость давно изготовленного продукта: *А хлеб-то мягкий да хороший; А мягкий хлеб, Оля? Ну давай... у ты ешь? давай булочку возьму; Мяконецкий хлебец!; А у меня хлеб-то ешь, а мне чёрствый не гля'нется. В речи реализуется антонимическая оппозиция мягкий – сухой, чёрствый: *А Иван, гыт, не стали брать. Пряники [не купили], грызут сухой хлеб» – да и чё сухой? [В]он какой мягкий хлеб быва'т. Важно также такое органолептическое качество, как пропеченность. Избыточная влажность получает отрицательную оценку: *А это... Маруся брала [хлеб]... по тысяче бы'шно двести, с машины. Дак он как сырой, нехороший. Нехороший, она привозила сюда; Хлеб какой-то как сыроватый, это...***

Оценивается равномерность подъема хлебного мякиша, однородность консистенции, степень вязкости и пышности булки: *Испекла [соседка хлеб из плохой муки], она у ей как закал получился какой-то... Ну, это может так из-за дрожжей быть... так испортить можно хлеб, конечно. Ну, она... нехоро'ша у ей получилась... Хлеб, выпечка; Булочку-то спекла [односельчанка], а она – дуваю, поди, сыра': раздулись, не вы'тронулась путём. А я говорю: поди, это, сыра', да ешо посидела. А он корка по себе, мякош по*

себе; Гыт, это, такой – ма-аленький [хлеб продавали]! <...> А тесто, гыт, как резина, прямо раскусить нельзя; Хороший, гыт, [хлеб] по'рховка. Ну он... пышненький. [Из особой муки?] Пошто' из особой?] Из одной же муки испекушь, другой раз хороший, а другой раз нехороший. Как удастся. Качество хорошего хлеба соотносится также с приятным запахом: Ши'бко ароматный был [раньше хлеб]; Хоро'ши, запаши'сты булки больши'.

Как можно видеть, преобладают оценки, отражающие тактильные и зрительные, реже одоральные перцептивные ощущения.

Отрицательные оценки нередко при этом смягчаются (Дай мне кусочек какой там чёрственький; Хлеб какой-то как сыроватый). В отдельных контекстах прагматическое оценивание внешнего вида булок (пышность, умеренная поджаристость) сочетается с эстетическим: Я но'нче поцеловала хлеб: ой! Как от подушка пухо'ва! Ой, какой размилый; Ну, все пекут [хлеб в плите], а я всё не могу насмелиться. Не гля'нется мне. Нет! Они [булки] бле'дны каки'-то – как па'ски [«куличи»] так сидят [усмехается]; Бледный был у меня [хлеб], обо'е раза'. <...> Ну не зарумянились, такой белый [хлеб]. Белёхонький.

Имеют место и обобщенные синкретичные оценки: Валя привозит [хлеб] – редко такой плохой, всё хороший. Из городу; Хороший хлеб был, вкусный; Бери! Хлеб вкусненький; А сяц как опилки, никакого вкуса в хлебе нету. Обобщенная оценка хорошего хлеба подразумевает соединение ряда нормативных признаков выпечки: Булки хоро'ши, висо'ки, запаши'сты.

С хлебом для носителя народно-речевой культуры связаны не только оценки его свойств, но и осознание высокой ценности этого продукта. Наряду с собственно пищевой значимостью оно обусловлено вложенным в него трудом. Традиционная крестьянская культура предполагала не только выращивание зерновых культур, но и выпечку домашнего хлеба, входящую в обязанности хозяйки. Эта традиция была усвоена В.П. Вершининой от матери (Хлеб стряпали [в семье родителей] – то ка'жный день, то через день) и продолжена в собственной семье (Всё время пекла [хлеб]. Раньше пекли ка'жный... через день да цясто; Встанешь рано, хлеб состря'пашь, коровы – кода' две, кода' одна, – свиньи, всё надо, поливать надо...). С этим родом занятий ассоциативно связаны номинации действий с мукой, тестом и собственно булками при выпечке хлеба: сеять (Стала стряпать, стала сеять, а там какой-то комочек вроде), заводить / ставить (А Валя приходит ко мне: «Тётя Вера, скажи, как тесто ставить, заводить»), подбивать / перебивать / перекачивать / выкатывать (Подыметя раз, я его [тесто] перекатаю, на столеинице, перебью – второй раз... Ну, раза два можно подбить, ли три, и укатываю; Ну, раза два ли три можно подбить [тесто], ли три ли, и укатываю. Растронутся – и в печку), садить (Всё выметешь, со'дишь [хлеб в печь]) и обобщенные обозначения стряпать, печь (А ты хлеб стря'пашь а'ли нет? Стря'пашь, не покупаешь?; Всё время пекла [хлеб]). Хотя в конце XX в. снабжение деревни из городских пекарен стало регулярным и доля покуп-

ных продуктов резко увеличилась (в дискурсе информанта и его односельчан-собеседников тема покупки хлеба и его цены также находит отражение), практика выпекания своего хлеба как более дешевого и более вкусного сохранилась среди многих пожилых жительниц села, в том числе ей следовала и исследуемая личность: *И хлеб не покупаю, всё стряпала. Испеку да испеку. <...> Так три, четыре булочки испеку.* Таким образом, и в этом случае налицо связь концептов ХЛЕБ и ТРУД. Фразеологизм *калачики висят(ся) (где-либо)* иронически комментирует ирреальный образ благополучной жизни в достатке при отсутствии трудовых усилий: *Он не работат нигде, хочет в город, а в городе калачики висят(ся). Там работать надо, а он работать не любит.*

Восприятие хлеба как ценностно маркированного объекта отражают и поступки языковой личности, и ее речевая практика. С заплесневевшей булкой она поступает так, как может поступить только крестьянка: *Но'нче Лабугина: «Тебе хлеба надо?» Я говорю: «Нет». Она: «Ты кого ешь-то?» Я говорю: «Да у меня всё время хлеб есь. Я чё, без хлеба сижу? От сеча'с ишь, булку выкинула. Запле'сневел на днях прямо, открыла – он зелёный-зелёный весь! Я в карто'шки поло'жила [в подпол]. Мыши ли кто ли там съедят».* Говорится о преимуществе хлеба перед всеми другими видами выпечки: *«Хлеб всему голова», правда! Я от, кода' охота чё-нибудь горя'ченько пои'сь – я часто же пеку! То ола'дни испеку, то пирожки испеку, мале'нько, то вроде блины то'лсты испеку – люблю я мя'зко, зубов-то нету. А это... всё равно хлеб лучше всего.* Оценочные и ценностные коннотации лексемы *хлеб* отражают также диминутивные формы *хлебец, хлебушко, булочка, сухарик / сухарёк, ломотик, кусочек*, нередко встречающиеся в речи диалектоносительницы.

Оценочный слой концепта поддерживается в народной культуре как прецедентными текстами (легенда о хлебе *на собачью долю*, с детства заученная молитва «Отче наш» с обращенной к Господу просьбой: *хлеб... даждь нам днесь*), так и исторической памятью, вобравшей в себя коллективный опыт предшествующих поколений и личный жизненный опыт крестьянки, многое пережившей вместе с народом своей страны. В этой памяти сохранились детские воспоминания о неурожайном годе (*Дак это голод был, голодный год, двадцатый-то был, а тя'тя посеял, и потом её [весновку] зелёну поджали, ешо она не поспела путём, поджали, да хлеб зелёный был – я помню!*) и уже взрослые впечатления об опухшем от голода ребёнке сосланных в Нарым раскулаченных хозяев (*Они [родственники] его привезли оттэ'да – я помню, от такой как самоварчик был. Брюхо большу-уче! Это, рахит он был. <...> А он прям ноги, вот не поверите, от как эта банка ноги у него: голодом, опухли все! Ма'леньки, да от таки' толшыной. С голоду*), страдавших от недоедания многодетных семьях односельчан, тайком собиравших на колхозном поле колоски, подвергаясь опасности получить тюремный срок (*А колоски кото'ры собирали ходили, по полю – ой! <...> А кото'ры ножницы возьмут, да суслоны стоят, они обрежут это...<...> Высушат, да в ступке истолкут, да кашу варят, с их. Ну это же хлеб, всё равно*), кос-

нувшейся городских родственников карточной системе, по которой в условиях нехватки продовольствия в годы войны распределялся прежде всего хлебный паек (*По карточкам хлеб-то давали; А её [маленькую племянницу В.П., отправленную за хлебом] женишына кака'-то <...> за уголок её завела, и шаль у ей сняла, и карточки отобрала <...>. Они остались голодны' на целый месяц*)... Всё это, вместе взятое, сформировало в сознании диалектной языковой личности устойчивые связи концептов ХЛЕБ и ЖИЗНЬ, практически уравнивая их как высшие ценности, поскольку без хлеба наступает голод, а голод лишает человека, его семью и весь человеческий род возможности дальнейшего существования. Не случайно неоднократное цитирование крестьянкой поговорки *хлеб – всему голова: Дак а как? Без хлеба же не будешь. Сёдня песню пели: «Хлеб всему голова».*

Обрядовый слой этой составляющей концепта сужен. В сознании носителя диалекта сохранилась некоторая связь хлеба как пищи с религиозными установками (в большей степени христианскими, хотя обряд колядования является в своей основе языческим, но приуроченным к Рождеству): *Я постилась два дня. А это давно, Катя, это я-то давно'шно всё знаю. Хлеба тоже не ели в тот день, в сочельник, раньше, ста'ры-то люди. Ну а мы-то чё? Я всё ела; Рожество' просла'вют – «Рожество' славим Христе' Боже наши» – просла'вют его, пропоют – «Ну, хозяин с хозяйшкой, если нету денег полтины, то дайте хлеба ломти'ну» [говорили ряженые на Святки]. Следы славянской народной обрядности у носителя традиционного сибирского говора находятся на грани исчезновения. Вопросы собирателя на эту тему вызывают уклончивые, неохотные ответы: [С хлебом не гадали?] Я... мало таких. Не приходилось мне ничё ши'бко. Не знаю. Де-нибу'дь было, мо'жет, всё быва'т ить. У всякого по-своему всё; [Говорят, старики умели место для дома выбирать.] Может быть. [Например, хлеб оставляли на ночь...] Не знаю. Собаки уташишут!; [Над головой слипшился булки не разламывали?] О'споди, чё над головой хлеб разламывать! Не знаю, кто разламывал. Может каки' запу'ки [«суеверия»] там были, чё там... Единственное свидетельство использования в прошлом хлеба в функции оберега, оставшееся в памяти информанта, – о выбрасывании еще в начале XX в. печной утвари во двор для защиты от приближающейся грозы: [Как отгоняли грозу, град?] О'споди! Клюку убра'сывали, кого ешо тут-ка...<...> На улицу. <...> Ну и то я не убра'сывала, а так всё... помню, как чё-то вроде выкидывали¹.*

3. **Обобщенные смыслы** лексемы *хлеб* «пища вообще, пропитание» и «заработок, средства к существованию», отраженные в литературном языке, в дискурсе исследуемой языковой личности почти не представлены².

¹ В славянской обрядности для защиты от бури или града выносили во двор хлебную лопату или любую печную утварь, считая, что их нужно «встречать хлебом» [18. Т. 5. С. 419].

² Некоторую переключку со значением «пропитание» можно увидеть во фразеологизме *калачики висятся*, рассматривавшемся выше.

Отмеченное в ее речи выражение *не пропускать крошки хлеба* подразумевает «не есть вообще ничего»: *С той субботы ничё не ел [больной]. Даже хлеба крошки не пропускал никакой.* Значения «что-либо нужное» или «самое необходимое» прочитываются в поговорках *на людей калач купить* «трудно купить что-л. не для себя, рискуешь не угодить с покупкой» и *у хлеба, да без хлеба* «что-л. находится рядом, но невозможно его взять, использовать, съесть». В трудных ситуациях нравственного выбора между обеспеченным существованием униженного человека и жизнью в лишениях при сохранении своего достоинства декларируется предпочтение горькой бедности, переданное через яркий образ куска хлеба с пеплом, который «слаще мёда»: *Он [муж] смотался [к другой]. <...> А я стала ворчать, правда – тоже буду ра'зе молчать? <...> «Уходи к чёрту совсем туды', иди!» Я говорю: «Кусок в пепел помочу да слаще мёда съем, на чёрта мне твоё от это всё?» Мясо... корову закололи, да свинью закололи, мяса допозна'... А я: «На чёрта мне? Всё, ничё не надо!».*

В дискурсивном функционировании перечисленных устойчивых выражений более высокий уровень абстрактности семантики лексемы *хлеб* в то же время не исключает и смысла «продукт питания», как бы мерцающего сквозь обобщенное значение. Такое же синкретичное совмещение разнородных смыслов наблюдается и в бытовой коммуникации. Частотная среди односельчан и родственников просьба о деньгах в долг *на хлеб* не позволяет однозначно сказать, имеется ли в виду в этих случаях любая пища или же самый распространенный и сытный вид выпечки. Подобная просьба считается уважительной; отказать в незначительной сумме на покупку продукта, являющегося в представлении крестьянки жизненно необходимым, невозможно: *Ну... всегда помогаю, даю [взаимы племяннице]. Чё, скажет «на хлеб нету». Дак думаю: чё? У меня есь, а у их не будет; А она говорит: «Ты мне бутылочку... Прокофьевна, ты мне бутылочку [для спиртного] дай! Я зайду куплю». Я говорю: «Да ты чё! Я, говорю, тебе на хлеб [деньги] дала, ты чё!».* Минимальная цена расчета за мелкие услуги также измеряется ценой булки хлеба: *Я говорю [односельчанке]: «Сколь тебе за её [сметану]?» Она гыт: «Ай! Не знаю. <...> Ну, тысячи две дашь на булку хлеба, и ладно».* Как можно видеть, смысловые области рассматриваемого концепта явно отражают конкретность мировосприятия действительности диалектоносителем.

Итак, концепт ХЛЕБ можно отнести к числу культурных констант традиционной народно-речевой культуры, сохраняющих свои базовые признаки и в то же время подвергающихся постепенной трансформации в современных условиях [23]. Его анализ как значимой составляющей концептосферы диалектной языковой личности позволяет сделать следующие выводы.

1. Вербализация концепта ХЛЕБ в дискурсе сибирской крестьянки представлена прежде всего многозначным именем рассматриваемого концепта, немногочисленными производными от него, а также обозначениями разновидностей зерновых и выпекаемой продукции, действий, направленных на его выращивание и выпекание, их нормативных качеств и оценок.

2. Денотативный слой концепта имеет разветвленные зоны вербализованных смыслов «хлеб как злаковое растение» и «хлеб как продукт питания»; между ними существуют переходные зоны, связанные с обозначением зерна в колосьях, собранного зерна, смолотой из него муки, некоторых смежных с хлебом видов выпечных изделий. Речевая синкретичность многих ЛСВ и слабая развитость абстрактных значений дают основания для выводов о сохранении черт пралогического сознания.

3. Данный концепт отличается высокой развитостью аксиологического слоя, чему способствуют его включенность в личную сферу говорящего, а также тесные связи с концептами ТРУД и ЖИЗНЬ, входящими в ядерную зону концептосферы.

4. Представления о хлебе у носителя архаического типа говора формируются и поддерживаются не только в бытовой сфере дискурса, но и через усвоение прецедентных паремийных и мифологических текстов, трансляцию обычаев, обрядов и верований. Концепт ХЛЕБ, таким образом, включает обрядовый слой и связан с концептом ТРАДИЦИЯ как основой народно-речевой культуры.

Концепт ХЛЕБ исследуемой языковой личности, период жизни которой почти полностью охватывает последнее столетие жизни русского общества, демонстрирует переход многих его признаков из актуальных в исторические, что отражается и в архаизации ряда единиц лексикона, и в утрате обрядовых смыслов в сознании диалектоносителя.

Литература

1. *Решке Н.А.* Концепт «ХЛЕБ / BREAD» в языковом сознании представителей русской, английской и американской лингвокультурных общностей // *Общество: философия, история, культура.* 2012. № 3. С. 91–94.
2. *Долинский В.А.* Номинация хлеб в русской языковой картине мира // *Вестник Московского государственного лингвистического университета.* 2014. Вып. 13 (699). С. 81–121.
3. *Мирзоева З.Д.* Концепт «ХЛЕБ / НОН» в русском и таджикском языках: дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2016. 168 с.
4. *Плисов Е.В.* Образ хлеба в русской, немецкой и английской картинах мира // *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки.* 2016. № 2 (28). С. 20–31.
5. *Синячкин В.П.* Концепт «хлеб» в русском языке: лингвокультурологические аспекты описания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 22 с.
6. *Зинковская Л.С.* Репрезентация концепта ХЛЕБ в народно-разговорной речи XIX – начала XXI вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006. 26 с.
7. *Актуальные проекты: Исследование диалектной языковой личности* // Сайт Лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета. URL: losl.tsu.ru (дата обращения: 20.05.2018).
8. *Гынгазова Л.Г.* Словарь диалектной языковой личности как отражение концептуализации мира // *От словаря В.И. Даля к лексикографии XXI века.* Владивосток, 2002. С. 136–146.
9. *Гынгазова Л.Г.* Концепты «Жизнь» и «Смерть» в языке диалектной личности // *Актуальные проблемы русистики.* Томск, 2003. Вып. 2, ч. 1. С. 103–111.
10. *Гынгазова Л.Г.* Концепт «Путь» в картине мира языковой личности диалектоносителя // *Новая Россия: новые явления в языке и в науке о языке.* Екатеринбург, 2005. С. 69–75.

11. Гынгазова Л.Г. Картина мира языковой личности диалектоносителя: наивная религия // Язык и общество в синхронии и диахронии. Саратов, 2005. С. 158–165.
12. Гынгазова Л.Г. О концепте «Воля» в индивидуальном сознании носителя традиционной речевой культуры // Актуальные проблемы русистики: Языковые аспекты регионального существования человека. Томск, 2006. С. 220–230.
13. Гынгазова Л.Г. Интерпретация мира языковой личностью диалектоносителя и её реинтерпретация исследователем // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. С. 15–19.
14. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. Т. 1–4.
15. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60, № 6. С. 47–58.
16. Гольдин В.Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. М., 2002. С. 58–64.
17. Фрейденберг О.М. Наука о первобытном мышлении // Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 29–31.
18. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995–2012. Т. 1–5.
19. Словарь русских народных говоров. Вып. 16: Куделя – Лесной. Л. : Наука, 1980. 376 с.
20. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект, 2001. 990 с.
21. Гынгазова Е.В., Иванцова Е.В. Трансформация сибирской пищевой традиции в дискурсе диалектной языковой личности: продукты и блюда // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 6 (44). С. 20–37.
22. Новицкий И. Рожь: сорта, особенности и перспективы выращивания. URL: <https://сельхозпортал.рф/articles/rzhi-vidy-osobennosti-i-perspektivy-vyrashhivaniya/> (дата обращения: 01.06.2018).
23. Демешкина Т.А., Тубалова И.В. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 36–54.

THE CONCEPT “BREAD” IN THE DISCOURSE OF A DIALECT LANGUAGE PERSONALITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 56. 47–64. DOI: 10.17223/19986645/56/4

Ekaterina V. Ivantsova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekivancova@yandex.ru

Keywords: concept, bread, dialect language personality, discourse, Russian dialects of Siberia.

The work is part of a large-scale project to study the phenomenon of dialect language personality carried out by scholars of the Tomsk Dialectology School. The article analyses the concept BREAD in the linguoperonology aspect, based on the discursive data of a specific dialect speaker. The material of the work was the texts of the Siberian peasant Vera Vershina (1909–2004) reflected in the full type idiolect dictionary and in the author’s archive of the informant’s speech recordings.

The main conceptual areas of the concept are related to the concept of bread as a growing grain and as a food product; there are transitional zones between them (grain in ears, collected grain, flour ground from it, some types of baked products close to bread). Verbalisation of these meanings is represented by the polysemantic name of the concept under consideration, a few derivatives from it, as well as an extensive denotative layer with designations of varieties of grains and baked products, actions aimed at growing and baking bread, its regulatory quali-

ties and evaluations. The generalised meanings of the lexeme “bread” (“food in general”; “earnings, means of subsistence”), reflected in the literary language, are almost not represented in the discourse of the studied language personality. Transferred meanings (“something necessary”, “most necessary”, etc.) do not exclude the direct meaning “specific type of a baked product”. The speech syncretism of many expressions and the weak development of abstract semantics give grounds for conclusions about the preservation of features of the pre-logical consciousness.

This concept has a highly developed evaluation layer. Evaluations of bread are predominantly pragmatic. Bread is considered the foundation of life and staple food. The peasant supports the idea of bread as the highest value by texts of myths, prayers, sayings, historical memory of the shortage of bread during the crop failure and wars, the awareness of the labour invested in bread production based on her personal experience. The links of the concept BREAD with the concepts LABOR and LIFE are logical.

Pagan and Christian rituals, customs and mythological images relating to arable farming and bread baking occupy an important place in the ritual layer of the concept. The concept BREAD, therefore, is connected with the concept TRADITION as the basis of folk speech culture. At the same time, the discourse of the language personality under study, whose life almost completely covers the past century of the life of Russian society, demonstrates the transition of many features of the considered concept from topical to historical. This is reflected in the archaisation of a number of units of the lexicon, in the extinction of the ritual component in the consciousness of the dialect speaker.

References

1. Reshke, N.A. (2012) “Bread/khleb” concept in the linguistic consciousness of the representatives of Russian, English and American cultural-linguistic communities. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura – Society: Philosophy, History, Culture*. 3. pp. 91–94. (In Russian).
2. Dolinskiy, V.A. (2014) Nomination “khleb” (“bread”) in the Russian linguistic worldview. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – MSLU's Vestnik*. 13 (699). pp. 81–121. (In Russian).
3. Mirzoeva, Z.D. (2016) *Kontsept “KHLEB / NON” v russkom i tadzhikskom yazykakh* [The concept “BREAD/NON” in Russian and Tajik]. Philology Cand. Dis. Dushanbe.
4. Plisov, E.V. (2016) Concept of bread in Russian, German and English worldviews. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki*. 2 (28). pp. 20–31. (In Russian).
5. Sinyachkin, V.P. (2002) *Kontsept “khleb” v russkom yazyke: lingvokul'turologicheskie aspekty opisaniya* [The concept “bread” in Russian: linguistic and cultural aspects of the description]. Abstract of Philology Cand. Dis. Moscow.
6. Zinkovskaya, L.S. (2006) *Reprezentatsiya kontsepta KHLEB v narodno-razgovornoy rechi XIX – nachala XXI vv.* [Representation of the concept BREAD in the popular colloquial language of the 19th — early 21st centuries]. Abstract of Philology Cand. Dis. Omsk.
7. Website of the Laboratory of General and Siberian Lexicography of Tomsk State University. (2018) *Aktual'nye proekty: Issledovanie dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Current projects: Study of dialect language personality]. [Online] Available from: losl.tsu.ru. (Accessed: 20.05.2018).
8. Gyngazova, L.G. (2002) [Dictionary of dialect language personality as a reflection of the conceptualization of the world]. *Ot slovarya V.I. Dalya k leksikografii XXI veka* [From the dictionary of V.I. Dahl to the lexicography of the twenty-first century]. Proceedings of the International Symposium. Vladivostok: Far Eastern State University. pp. 136–146. (In Russian).
9. Gyngazova, L.G. (2003) [The concepts “Life” and “Death” in the language of a dialect personality]. *Aktual'nye problemy rusistiki* [Topical issues of Russian studies]. Proceedings of the International Conference. Tomsk: Tomsk State University. 2(1). pp. 103–111. (In Russian).

10. Gyngazova, L.G. (2005) [The concept “Way” in the picture of the world of the language personality of a dialect speaker]. *Novaya Rossiya: novye yavleniya v yazyke i v nauke o yazyke* [New Russia: New phenomena in language and in the science of language]. Proceedings of the All-Russian Conference. Yekaterinburg: Ural University. pp. 69–75. (In Russian).
11. Gyngazova, L.G. (2005) [Picture of the world of the language personality of a dialect speaker: A naive religion]. *Yazyk i obshchestvo v sinkhronii i diakhronii* [Language and society in synchrony and diachrony]. Proceedings of the International Conference. Saratov: Saratov State University. pp. 158–165. (In Russian).
12. Gyngazova, L.G. (2006) [On the concept “Will” in the individual consciousness of a traditional speech culture representative]. *Aktual'nye problemy rusistiki. Yazykovye aspekty regional'nogo sushchestvovaniya cheloveka* [Topical issues of Russian studies: Language aspects of regional human existence]. Proceedings of the International Conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 220–230. (In Russian).
13. Gyngazova, L.G. (2007) Interpretation of the world by the linguistic personality of a dialect speaker and its reinterpretation by the researcher. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 295. pp. 15–19. (In Russian).
14. Ivantsova, E.V. (ed.) (2006–2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The complete dictionary of a dialect language personality]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Vorkachev, S.G. (2001) Kontsept schast'ya: ponyatiynny i obraznyy komponenty [The concept of happiness: Conceptual and figurative components]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 60(6). pp. 47–58.
16. Gol'din, V.E. (2002) Dominantny traditsionnoy sel'skoy kul'tury rechevogo obshcheniya [Dominants of the traditional rural culture of verbal communication]. In: Pshenichnova, N.N. (ed.) *Avanesovskiy sbornik* [Avanesov Collection]. Moscow: Nauka.
17. Freydenberg, O.M. (1997) *Poetika syuzheta i zhanra* [The poetics of the plot and the genre]. Moscow: Labirint. pp. 29–31.
18. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995–2012) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. Vols 1–5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
19. Filin, F.P. (ed.) (1980) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 16. Leningrad: Nauka.
20. Stepanov, Yu.S. (2001) *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. 2nd ed. Moscow: Akademicheskii proekt.
21. Gyngazova, E.V. & Ivantsova, E.V. (2016) Transformation of the Siberian food tradition in the discourse of a dialect language personality: products and dishes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (44). pp. 20–37. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/44/2
22. Novitskiy, I. (2017) *Rozh': sorta, osobennosti i perspektivy vyrashchivaniya* [Rye: Varieties, characteristics and prospects of cultivation]. [Online] Available from: <https://xn--80ajgpccbkhkds4a4g.xn--p1ai/articles/rzhi-vidy-osobennosti-i-perspektivy-vyrashhivaniya/>. (Accessed: 01.06.2018).
23. Demeshkina, T.A. & Tubalova, I.V. (2017) Dialect discourse as a sphere of national culture representation: constants and transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 36–54. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/3

УДК 81-13

DOI: 10.17223/19986645/56/5

А.В. Кравченко, М.В. Паюнена

ПРАКТИКА В ПЛЕНУ ТЕОРИИ: ПОЧЕМУ ТАК ТРУДНО НАУЧИТЬСЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ШКОЛЕ

Авторы предлагают поразмышлять о том, почему эффективность школьных программ по иностранному языку практически ничтожна, а выпускники школы, как правило, не имеют элементарных умений и навыков, необходимых для иноязычного общения. Причина, по мнению авторов, в том, что в основе образовательных программ по иностранному языку (как и всяких других лингвистических программ в школе и вузе) лежит идеология структурализма, взятая на вооружение официальными образовательными институтами в середине прошлого века. Настойчивая приверженность этой идеологии наносит серьезный вред обществу в целом и препятствует повышению эффективности лингвистического образования в частности.

Ключевые слова: образовательный стандарт, коммуникативный метод, структурализм, язык, коммуникация, информация, консенсуальная область.

1. Образовательный стандарт и получаемый результат

Государственный стандарт среднего (полного) общего образования [1] в качестве результатов изучения иностранного языка в школе на базовом уровне указывает:

1) сформированность коммуникативной иноязычной компетенции, необходимой для успешной социализации и самореализации, как инструмента межкультурного общения в современном поликультурном мире;

2) владение знаниями о социокультурной специфике страны / стран изучаемого языка и умение строить своё речевое и неречевое поведение адекватно этой специфике;

3) достижение **порогового** уровня владения иностранным языком, позволяющего выпускникам общаться в устной и письменной формах как с носителями изучаемого иностранного языка, так и с представителями других стран, использующими данный язык как средство общения;

4) сформированность умения использовать иностранный язык как средство для получения информации из иноязычных источников в образовательных и самообразовательных целях.

Для углубленного уровня предметные результаты должны включать требования к результатам освоения базового курса и дополнительно отражать:

1) достижение уровня владения иностранным языком, **превышающего пороговый**, достаточного для делового общения в рамках выбранного профиля;

2) сформированность умения перевода с иностранного языка на русский при работе с несложными текстами в русле выбранного профиля;

3) владение иностранным языком как одним из средств формирования учебно-исследовательских умений, расширения своих знаний в других предметных областях [1. С. 8–9].

Реализация данного стандарта в школах подробно прописана в основных образовательных программах, размещенных на официальных веб-сайтах всех российских школ, причём каждая такая программа выделяет, основываясь на традиционной сосюрховской дихотомии, языковую и речевую компетенции (см., например, [2, 3]).

Система оценки владения иностранным языком, принятая в Европейском союзе (Common European Framework of Reference, *CEFR*), включает три основных уровня: А – элементарное владение, В – самодостаточное владение и С – свободное владение, при этом каждый уровень включает два подуровня (например, В1 – пороговый и В2 – пороговый продвинутый). Таким образом, согласно образовательному стандарту выпускники средней общеобразовательной школы должны владеть иностранным языком на уровне В1, а школ с углубленным изучением иностранного языка – на уровне В2.

В большинстве российских школ иностранный язык (как правило, английский) изучается как обязательная дисциплина со второго по одиннадцатый классы, т. е. в течение 10 лет, по 2–3 учебных часа в неделю. Учитывая, что учебный год составляет 34 недели, за период обучения по программе полного среднего образования ученик посещает 680–1020 часов аудиторных занятий. По данным исследований, проведённых в 2013 г. подразделением Кембриджского университета “Cambridge Assessment English”, занимающимся разработкой международных экзаменов по английскому языку, для достижения уровня С2 (Mastery ‘уровень владения в совершенстве’) необходимо 1000–1200 часов аудиторных занятий с преподавателем, для уровня В2 (Vantage ‘пороговый продвинутый’) – 500–600 часов, для В1 (Threshold ‘пороговый’) – 350–400; в среднем 100–200 часов занятий требуется для перехода с одного уровня владения языком на другой [4. Р. 4]. Таким образом, если судить по количеству занятий в учебных планах, выпускники российских общеобразовательных школ должны достигать к концу обучения как минимум (и это в худшем случае) уровня В1+. Какова же картина на самом деле?

Анализ результатов ЕГЭ по иностранным языкам в 2017 г. [5] показал, что 72% выпускников получили от 61 до 100 баллов, из них 36% – 81–100 баллов, т. е. подтвердили высокий (В1–В2) уровень владения языком. Однако эта цифра не выглядит внушительной, если принять во внимание тот факт, что ЕГЭ по иностранному языку – это экзамен «по выбору» и его выбирают те школьники, которые уверены в своих знаниях и хотят связать с иностранным языком свое последующее образование и профессиональную деятельность. А ведь даже среди них, как показывает статистика, почти 30% справились с заданиями недостаточно хорошо. При этом ЕГЭ по

иностранному языку сдавали только 64 422 человека из 716 000 выпускников 2017 г., т. е. менее 10%. Как показывает наша собственная практика преподавания английского языка в неязыковом вузе, средний уровень владения языком выпускника средней общеобразовательной школы очень низок: не сформирован фонематический слух (студенты не понимают звучащую речь в естественных ситуациях общения), не сформированы артикуляторные навыки (их речь непонятна для англоговорящих людей), они не могут читать (фонетически и интонационно правильно озвучивать тексты) и понимать прочитанное, не владеют основами грамматики, имеют очень бедный словарный запас. Другими словами, это уровень владения никак не выше А1 – элементарного уровня выживания (и это в лучшем случае).

Возникает закономерный вопрос: почему уровень владения иностранным языком у подавляющего числа выпускников общеобразовательной школы очень далек от того, что предполагается образовательным стандартом? Возможно, проблема кроется в недостаточно эффективных методах обучения?

2. Какой метод лучше?

В «Новом словаре методических терминов и понятий» [6] описывается свыше двадцати различных методов обучения иностранному языку, популярных в прошлом или активно используемых в современной практике. В частности, в XVIII–XIX вв. и вплоть до начала Первой мировой войны был широко распространён *грамматико-переводной* метод, вначале использовавшийся для обучения греческому и латыни, а впоследствии и для изучения современных языков. Сторонники метода полагали, что иностранный язык в школе должен изучаться с общеобразовательной целью и способствовать развитию логического мышления; основным видом заданий был перевод, при этом считалось, что только письменный язык отражает подлинный язык.

В противовес грамматико-переводному сторонники *натурального* метода обучения, появившегося во второй половине XIX в., полагали, что владение устной речью влечёт за собой умение читать и писать, а при обучении иностранному языку необходимо воссоздать естественный путь овладения ребенком речью на родном языке, имитируя соответствующую языковую среду. На основе натурального в конце XIX – начале XX в. возник *прямой* метод. Его представители ставили перед собой цель обучить учащихся практическому владению языком, на начальном этапе – преимущественно в устной форме; отбор лексического материала регламентировался темами общения, а из грамматики предлагалось изучать только то, что соответствовало современной норме.

Во второй половине XX в. активно развивалась *интенсивная* методика, берущая свое начало от разработанного в 60-е гг. болгарским учёным Георгием Лозановым суггестопедического метода и включающая целый ряд психолого-педагогических подходов. Наконец, в конце XX в. особую по-

пулярность приобрёл *коммуникативный* метод обучения иностранным языкам. Основными принципами метода являются речевая направленность, учёт индивидуальных особенностей и интересов учащегося, функциональность, ситуативность, новизна.

Современные методисты считают коммуникативный метод вершиной «эволюционной пирамиды различных образовательных методик» [7. С. 171]¹. Считается, что этот метод гармонично сочетает положительные аспекты многих способов изучения иностранного языка (например, натурального, прямого и, отчасти, интенсивного), и именно коммуникативный метод в настоящее время заявляется как основной большинством популярных учебных комплексов по английскому языку в школе (см., например, [10. С. 6–7; 11. С. 6–8])². Согласно тому же словарю [4] специфической особенностью коммуникативного метода является попытка приблизить процесс обучения по его характеру к процессу реальной коммуникации, а в его основу положены идеи коммуникативной лингвистики и психологической теории деятельности.

Но если наконец-то найден практически идеальный метод обучения иностранному языку, то в чем причина получаемых плачевных результатов? Мы считаем, что причина здесь не столько в недостатках используемых учебно-методических материалов, нежелании учащихся изучать иностранный язык или низком профессионализме учителей, сколько в той лингвистической теории, которая образует идеологическую основу разрабатываемых и применяемых на практике методик обучения – и так называемый коммуникативный метод здесь не исключение. Именно неадекватность модели языка, задаваемой этой теорией, в значительной степени объясняет столь часто встречающееся отсутствие мотивации у школьников, равно как и неэффективность используемых учителями методов, какими бы хорошими они ни считались. Что же это за теория?

3. Язык как «системно-структурное образование»

Мы привыкли к тому, что владеем родным языком (потому что овладели им в детстве) и овладеваем языком иностранным, когда перед нами стоит такая задача. Но что значит «овладеть» иностранным языком?

Ответ на этот вопрос зависит от того, что понимается под языком вообще. Особенность здесь заключается в том, что употребленный (использованный «на потребу») глагол *владеть* / *овладеть* уже задает онтологию языка как объекта, находящегося вне нас – неважно, считаем ли мы язык некой абстракцией или чем-то материальным. С этим ничего нельзя поде-

---

¹ Существует и критика данной методики [8, 9], которая, впрочем, не отвергает её основных принципов.

² Справедливости ради нужно отметить, что на практике применение коммуникативной методики нередко подменяется «добрым старым» грамматико-переводным методом: вместо обсуждения текстов выполняется их перевод на родной язык, а дедуктивно-индуктивный анализ грамматики заменяется формальным заучиванием правил.

лать, поскольку мы можем рассуждать о языке, его природе и функции только посредством самого этого языка [12], и это создает ощутимые трудности, на которые указывал Ю.С. Степанов [13].

Ортодоксальная лингвистика, взявшая на вооружение идеи Ф. де Соссюра¹, рассматривает язык как знаковую систему, существующую «в себе и для себя» и предназначенную для кодирования значений и обмена ими в процессе человеческой (естественно-языковой) коммуникации. Чтобы быть в состоянии вступать в такой обмен, кодом нужно овладеть. И хотя четверть века назад выдающийся специалист в области семиотики Ю.М. Лотман [15] указывал на несообразность увязывания языка с кодом, подчеркивая, что термин «код» связан с идеей сиюминутно созданной искусственной структуры, принятой по соглашению, и ориентирует нас на искусственный язык, принимаемый за идеальную модель языка вообще, т. е. как некую абстракцию, понимание языка как кода продолжает доминировать в традиционной лингвистике. Самое удивительное, что в таком понимании языка как абстрактной системы, которой нужно овладеть, чтобы вступать в человеческое (языковое) общение, все поставлено с ног на голову, но этого как будто никто не замечает. Невольно приходит на ум строка из Евангелия: «Но глаза их были удержаны, так что они не узнали Его» (Лк. 24 : 16).

Во-первых, система языка как абстракция, реализующая себя в речи, есть не что иное, как платоновская «идея» в чистом виде, хотя «современные наука и философия давно отказались от платоновского понимания предметов и событий в мире как всего лишь несовершенных проявлений идеальных форм, признав, что форма и организация относятся к идеализациям, абстрагированным от наблюдения» [16. Р. 194]. Но это еще полбеды. Как абстракция языковая система характеризуется инвариантностью единиц, ее составляющих, однако несмотря на то, что, по справедливому замечанию Э. А. Макаева [17. С. 48], «инвариант существует лишь постольку, поскольку существуют его манифестации» (естественно, в речи; «манифестации» первичны, «инвариант» вторичен), существование различных манифестаций языковых инвариантов, известное как вариативность, парадоксальным образом рассматривается как общее **свойство языковой системы** (см.: [18, 19]). Сама же речь как физическое (материальное) явление с легкой руки С.Л. Рубинштейна [20] понимаемая как «язык в действии», оказывается вторичной по отношению к языку как системе абстрактных инвариантов.

Во-вторых, как подчеркивает Терри Дикон, «язык имеет эмерджентную архитектуру в той мере, в какой его структура является продуктом спонтанных, самоорганизующихся по восходящей взаимодействий, а не структуры или ограничений, налагаемых сверху вниз каким-то предсуществую-

---

¹ В последнее время исследователи стали задаваться вопросом о том, насколько в действительности соответствуют основные положения «Курса общей лингвистики», изданного под редакцией Ш. Балли и А. Сеше, общему направлению мысли самого Ф. де Соссюра (см.: [14]).

щим шаблоном. Это заставляет подходить к основным языковым единицам как к дифференцированным конечным продуктам когнитивного процесса, нежели элементарным атомам анализа» [21. Р. 274]. Но для ортодоксов-структуралистов этот когнитивный процесс никакого интереса не представляет в силу установки изучать язык «в себе и для себя», а так называемые единицы языка как раз и являются теми атомами и молекулами, из которых состоит языковая «материя», подвергающаяся анализу. Поэтому, строго говоря, то, что в литературе принято называть лингвистическим анализом, отнюдь не является анализом естественного языка (см.: [22, 23]).

В-третьих, самый «символ веры», составляющий основу структуралистского вероучения, насквозь пронизан противоречиями и логическими нестыковками. Для структурализма важнейшим понятием является понятие **системы языка**; эта система имеет иерархическую структуру и включает разные **уровни**: фонетический, морфологический, синтаксический и семантический, каждый из которых «характеризуется специфическим составом конституирующих его единиц... К основным языковым единицам обычно относят *фонему, морфему, слово, словосочетание, предложение*» [24. С. 606]. Получается, что фонема принадлежит фонетическому уровню, морфема и слово – морфологическому, а словосочетание и предложение – синтаксическому уровню, при этом остается логической загадкой, что же является единицей семантического уровня.

Ситуация с фонемой как языковой единицей особенно интересна. Согласно тому же «Лингвистическому энциклопедическому словарю» фонема – это *единица звукового строя языка*, а фонетика занимается изучением *звуковой стороны языка*. Получается, что либо звуки языка суть тоже абстракции, либо абстрактная система языка выстроена из вполне конкретного материала. При этом тот факт, что фонема одновременно определяется как языковая единица и как единица языкового строя языка, не должен, с точки зрения идеологов структурализма, приводить к логическому выводу, что *звуковой строй языка и язык* – это одно и то же. Далее, если язык – это **знаковая система** (см. [25]), образуемая иерархически организованными уровнями единиц языка, то фонема оказывается знаком, хотя и является «незначимой единицей языка» [24. С. 552]. То есть фонема – это языковой знак, не обладающий значением (?!). А из «Словаря лингвистических терминов» Т.В. Жеребило [26] можно узнать, что языковым знаком, среди прочего, является и звук. И это лишь самая верхушка теоретического айсберга структуралистских противоречий здесь не место и не время. Для нас главное – посмотреть, как кодовая модель языка влияет на вполне практическую деятельность, связанную с обучением иностранному языку в школе. Другими словами, чем должны (или предполагается, что должны) «овладеть» школьники на уроках иностранного языка – например, английского (поскольку, если верить нынешнему министру образования, в скором времени в школах будут преподавать только этот язык)?

4. Что значит «владеть» языком?

Итак, что же означает выражение «овладеть иностранным языком» на практике? Здесь представляются два возможных варианта ответа, на которых стоит остановиться подробнее.

Вариант первый: цель овладения иностранным языком как особым, неизвестным нам кодом состоит в том, чтобы с его помощью обмениваться информацией с говорящими на этом языке людьми. Для этого нужно овладеть данным кодом, а именно: усвоить, какая информация «кодируется» какими языковыми знаками (словами и выражениями) и как эти знаки соединяются друг с другом для выражения смыслов (т. е. овладеть грамматикой). Первая задача решается с помощью переводного словаря и заучивания слов и их значений, а вторая – посредством заучивания грамматических правил, предписывающих те или иные возможные способы соединения слов в высказывания (отсюда – грамматико-переводной метод в обучении иностранным языкам). Соответственно, научиться говорить на иностранном языке – значит выучить как можно больше слов с закодированными в них значениями и твердо усвоить грамматические правила, которые приводятся в грамматических пособиях. Именно по этому пути идут авторы различных методик, применяемых в образовательных учреждениях, как бы эти методики ни назывались, – и результат всем хорошо известен (см. выше).

Причина такого неудовлетворительного положения дел кроется в неадекватной модели языка, задаваемой официальной (структуралистской) теорией, упорно настаивающей на том, что язык – это код, в котором за каждым знаком закреплено определенное значение (оно «содержится» в знаке); поскольку эти значения известны «пользователям» языка, они способны понимать друг друга в процессе языкового общения, «обмениваясь» информацией. При этом в тени остается очень существенный, если не сказать принципиальный, вопрос о том, что такое информация и зачем ею нужно обмениваться. К этому вопросу мы еще вернемся.

Второй вариант ответа на поставленный выше вопрос такой: цель овладения иностранным языком состоит в том, чтобы, оказавшись в иноязычном обществе, *быть в состоянии делать все то, что мы, не задумываясь, делаем каждый день* на протяжении своей жизни, вступая в общение с другими на родном для нас языке. Интересно, что большая часть из всего того, что мы проделываем в рутинных актах обыденного общения, вовсе не связана с так называемым обменом информацией. Суть языковых взаимодействий в том, что, вступая в общение с другими, мы координируем свое интерактивное поведение с интерактивным поведением других с тем, чтобы попытаться определить некоторую *общую систему ценностных ориентиров*, оперируя в рамках которых мы можем надеяться на то, что в результате для нас как минимум не станет хуже, а как максимум – будет лучше.

Когда, встретив знакомого, вы говорите: «Привет, как жизнь?», вы вряд ли ожидаете услышать подробный рассказ о том, как он живет и какие у

него проблемы. Вы просто даете понять, что этот человек входит в круг «своих», что вы к нему хорошо расположены и помните о нем. Другими словами, вы посылаете человеку сигнал о том, что он *не одинок*. Следует подчеркнуть, что речь идет именно о живом общении, когда люди вступают в языковую коммуникацию как особый вид когнитивных взаимодействий, необходимых для поддержания единства говорящего на данном языке социума как живой системы. Когда мы имеем дело с письмом как культурным артефактом, нужно хорошо понимать, что тексты имеют совсем другое предназначение, нежели естественный язык (подробнее об этом см.: [27–31]).

Предположим теперь, что мы выбрали первый вариант ответа. Что конкретно это означает в плане организации учебного процесса? А то, что начинать надо с определения главных в этом случае понятий: «информация» и «коммуникация», особенно если речь идет о коммуникативном методе обучения иностранному языку. И здесь приходится с сожалением констатировать, что оба понятия, стоящие за этими словами, крайне нечетки и размыты. Более того, если слову *коммуникация* соответствует (пусть даже условно) некоторый наблюдаемый в материальном мире феномен, слово *информация*, как оно употребляется в повседневном дискурсе, понятийно пусто, так как «обозначает» то, чего в природе попросту нет.

5. Коммуникация и информация

Положенная в основу коммуникативного метода обучения коммуникативная лингвистика обычно противопоставляется структурализму и генеративизму: тогда как последние в значительной степени ориентированы на языковую форму, коммуникативная лингвистика во главу угла ставит речевые акты как единицы коммуникации (целенаправленные коммуникативные действия). Однако если мы зададимся вопросом, чем «реальная» языковая коммуникация отличается от (нереальной? вымышленной?) коммуникации с точки зрения формальных теорий языка, то увидим, что в «сухом остатке» особых отличий здесь нет, поскольку и там и там под коммуникацией понимается обмен информацией. Не имея возможности детально проанализировать здесь теорию речевых актов, отметим лишь, что у Джона Серля [32] важной составляющей речевого акта является пропозициональное содержание, а поскольку пропозицию принято определять как семантический инвариант предложения и производных от него конструкций, это возвращает нас к системе понятий, образующих представление о языке как системно-структурном образовании, т. е. к структурализму.

В традиционной лингвистике, находящейся в плену структуралистских идей, *коммуникация* как средство передачи мыслей, знаний, информации и т. п. от одного человека другому отождествляется с *языком* как деятельностью. Такое понимание функции языка преобладает в лингвистической литературе, ср.: «Язык – это инструмент для передачи значений» [33. Р. 3]. Однако значения непередаваемы, поскольку их нет в мире внешней рефе-

ренции и принадлежат они исключительно личности [34]. Языковая коммуникация — сложный интерпретативный процесс, который нельзя охарактеризовать как прямолинейный по определению [35]. Это объясняется тем, что в процессе коммуникации значения языковых единиц не передаются «отправителем» «получателю», они создаются слушающим на основе учета ситуации, в которой осуществляется коммуникация, и имеющегося в его распоряжении *языкового опыта*. Как подчеркивал Э. фон Глазерсфельд, «вы интерпретируете то, что я говорю, в соответствии со своим собственным опытом, а не в соответствии с моим опытом. Я никогда не могу быть уверен в том, какое значение вы извлекаете из моих слов, потому что к вам от меня идут сигналы, а не значения сигналов» [36]. Значения не находятся в словах, они возникают в сознании слушающего как результат интерпретативных усилий, т. е. речь нужно вести о спонтанном семиозисе [37]. Именно по этой причине коммуникацию нельзя рассматривать как процесс обмена — значениями, смыслами, мыслями, информацией, знаниями или чем-то еще: «В процессе коммуникации, общения мы воспринимаем не мысли, не знания и даже не информацию, которыми поделился с нами коммуникант, а импульсы. Эти импульсы в случае нашей их интерпретации на основе уже имеющихся знаний могут стать для нас сигналами (и, соответственно, знаниями), а могут и не стать. Поэтому... о передаче знаний (информации) в строгом смысле слова говорить нельзя. Выражение типа «передача информации» — в лучшем случае метафора» [38. С. 3].

Более того, если под коммуникацией понимать обмен информацией, а к языку подходить не как к конвенциональной системе произвольных знаков, а как к видоспецифичному поведению, отличающему человека как биологическое существо, следует задаться вопросом: «В чем биологическая функция обмена информацией?» Но поставленный таким образом вопрос не имеет смысла при «вещном» понимании информации, поскольку в мире не существует уже готовой информации [39]. Говоря об обмене информацией в процессе коммуникации, лингвисты обычно подразумевают обмен знаниями. При этом в коммуникации знание, особенно разделяемое коммуникантами в социальном и культурном плане, чаще всего берется на веру; оно подразумевается и поэтому не выражается в разговоре или тексте [40], не говоря уже о том, что понятия информации и знания отнюдь не тождественны.

Тем не менее теория (языковой) коммуникации сформировалась под мощнейшим влиянием объективистского взгляда на информацию как на внешний манипулируемый предмет, обладающий значением и находящийся где-то там, во «внешнем» мире в ожидании того, когда этот предмет будет найден и извлечен. Несмотря на неоднократные предостережения выдающихся ученых о негативных последствиях злоупотребления понятием «информация» (см., например, [41–43]), в современном обществе прочно закрепилось представление об информации именно как о чем-то реально осязаемом, «вещном», что можно «извлекать», «хранить», «обрабатывать», «отправлять», «получать» и т. п. Сегодня слово *информация* у всех и

на слуху, и на языке, а то, что им обозначается, воспринимается как чуть ли не самая главная ценность в современном 'информационном' обществе (см.: [44]). Вся система современного школьного образования построена на вере в то, что образовательный процесс заключается в усвоении учащимися той или иной информации и что широкое внедрение «информационных технологий» является тем золотым ключиком, который откроет потайную дверь к хранилищу накопленного человечеством знаний (см., например, [45–46]), под которыми понимается все та же пресловутая информация (ср. расхожую сентенцию: «Кто владеет информацией, тот владеет ситуацией»). Однако если мы захотим узнать, что такое информация, сделать это окажется совсем не просто.

С одной стороны, примерно до середины XX в. под информацией понимались *действие* осведомления кого-л. о чем-л. либо сведения, сообщения о чем-н., ср.: «ИНФОРМАЦИЯ, информации, ж. (книжн., офиц.). 1. только ед. Действие по глаг. информировать. Информация поставлена на должную высоту. 2. Сообщение, осведомляющее о положении дел или о чьей-н. деятельности, сведения о чем-н. *Давать информацию. Газетная информация. Неверная информация* [47]. В первом значении *информация* стоит в одном ряду с такими латинизмами, как *демонстрация, революция, регенерация* и под., обозначающими действие по соответствующему глаголу. Строго говоря, *информация* является не предметным именем, а именем процесса. Во втором значении входящий в словарную дефиницию девербатив *сообщение* изначально не обладает предметным значением, однако слово *сообщение* приобретает его благодаря культурным артефактам в виде писем, газетных публикаций и т. п., когда семиотический аспект действия по созданию / интерпретации некоторого текста на каком-либо носителе (глиняной табличке, бересте, бумаге и т. п.) отождествляется с самим текстом как материальным предметом, и уже носитель текста может приобретать устойчивое значение 'сообщение, сведения о чем-л.', ср.: *Я послал тебе бересту* (название известной книги В. Янина [48]).

С другой стороны, после опубликования Клодом Шенноном статьи «Математическая теория связи» [49], положившей начало развитию методов обработки, передачи и хранения информации (в техническом смысле слова), термин *информация* приобрел широкую популярность и стал использоваться почти исключительно в предметном значении. В частности, в гуманитарных науках – особенно в лингвистике – под информацией стали понимать то, что (якобы) передается в процессе коммуникации, при этом не последнюю роль в этом сыграли особенности терминологического значения английского слова *communication*. У Шеннона *communication* используется в значении 'связь', что отражено в русском переводе «Математическая теория связи», а под информацией он понимал снятие неопределенности с сигнала, передаваемого по какому-либо каналу: «Основная задача связи [communication] состоит в точном или приближенном воспроизведении в некотором месте сообщения, выбранного для передачи в другом месте» [50. С. 243]. Семантический аспект коммуникации как чисто техни-

ческого процесса (т. е. значение передаваемого сообщения) для теории связи **нерелевантен**. Таким образом, перенесение математической модели связи на область естественно-языковой коммуникации как семиотического процесса (т. е. процесса, основанного на интерпретации языковых знаков как сигналов) **не имеет смысла** (подробнее о сути языковой коммуникации см.: [51–52]). Стоит ли удивляться, что система школьного образования, все больше страдающая от бездумного реформаторства чиновников, рассматривающих образование как услугу по предоставлению «информации», а «информатизацию» учебного процесса как волшебную палочку для сотворения образовательных «чудес», приводит к тем плачевным результатам, которые мы сегодня имеем. Получаемое в такой системе «образование» продолжает печальную тенденцию утраты статуса безоговорочной ценности, наметившуюся с наступлением «информационной эры» [53]. Расхожее мнение, к которому все привыкли со школьной скамьи, что язык служит средством коммуникации, в ходе которой мы обмениваемся мыслями, информацией, знаниями и т. п., очень далеко от истины, и его смело можно назвать глубоким заблуждением. Но на этом заблуждении основана вся идеология системы образования; неудивительно, что эффективность школьного и вузовского образования неуклонно падает, а функциональная неграмотность выпускников растет.

Что касается иностранного языка, которым школьники должны «овладеть», то организация учебного процесса в соответствии с моделью, в которой язык служит «каналом связи» для обмена «закодированной» в языковых знаках «информацией», заведомо не может привести (и, как мы все хорошо знаем, не приводит) к желаемому результату по простой причине: **кодовая (информационная) модель языковой коммуникации непрактична, потому что она ненаучна** (см. [22, 54–55]). В когнитивной науке третьей волны (см.: [56]) нет места информации как внешнему манипулируемому предмету: два разных организма (познающие субъекты, наблюдатели), будучи структурно детерминированными системами, могут «обрабатывать» только ту «информацию», которая определяется структурой соответствующей каждому организму нервной системы [54]. Информация – это отнюдь не предмет, над которым можно проделывать различные операции по перемещению в пространстве, но процесс уменьшения степени неопределенности при встраивании организма в среду. В случае языковой коммуникации эта неопределенность всегда присутствует как следствие структурной детерминированности общающихся организмов, влияющей на их языковое поведение. Но что же в таком случае составляет суть языковой коммуникации?

6. Смысл языковой коммуникации как деятельности

Посмотрим теперь, что будет, если мы предпочтем в качестве ответа на заданный выше вопрос второй из возможных вариантов. Другими словами, что означает подход к языку как особому виду деятельности (на что и ори-

ентирует упоминавшийся выше коммуникативный метод обучения), без которого ни жизнь человека, ни сам человек как биологический феномен, строго говоря, невозможны? В чем смысл этой деятельности? Ответ на этот вопрос (конечно же, в упрощенном виде) станет понятен, если мы, по аналогии, зададимся такими вопросами: «В чем смысл плавания как вида деятельности?» и «Что значит уметь плавать?». Ясно, что смысл плавания как вида локомоторной деятельности в том, чтобы быть в состоянии пересечь некоторое водное пространство с целью добраться из точки А в точку Б, потому что это человеку зачем-то *нужно*. А возможно это только при условии, что человек способен держаться наплаву и не утонуть, т. е. если он *умеет плавать*.

Язык, а точнее, когнитивная область (область языковых взаимодействий), в которой существует человек как биосоциальный феномен, представляет собой совершенно особую динамичную среду, и наши организмы образуют с этой средой единое целое, или *экологическую нишу* (см. [57]), за рамки которой мы не можем выйти, потому что, в соответствии с известным определением М. Хайдеггера [58], это «дом нашего бытия». Невозможность выйти за стены этого «дома» загоняет нас в эпистемологическую ловушку языка, ответственную за неадекватность общепринятой модели мира, языка и сознания.

В отличие от укоренившегося в ортодоксальной лингвистике взгляда на природу и функцию языка языковое поведение не является автономным видом деятельности, независимым от других видов человеческой деятельности (см. [59]); оно интегрировано в сложную поведенческую динамику человека и интерпретируется наблюдателем именно как таковое, т. е. как поведение в **наблюдаемом физическом контексте в реальном времени**, когда каждая мелочь принимается во внимание. Такое понимание языка предполагает иной набор исходных посылок и допущений, определяющих логику разработки *натуралистической* концепции языка – в отличие от принятой ортодоксальной лингвистикой *рационалистической* концепции, идущей от Декарта. Вот некоторые из этих допущений (подробнее см.: [55]).

1. Язык – это неоднородный набор артефактов (в том числе письменных знаков) и практик, с помощью которых мы используем различные виды поведения таким образом, что становится возможным приписывание семиотических значимостей.

2. Значения *не* содержатся в словах как «контейнерах» смысла, но возникают из отношения между организмом и его физической и культурной средой, определяемого ценностью среды для организма.

3. Высказывания не «выражают» мысли. Они – сигналы, которые ориентируют коммуникантов в их консенсуальной области взаимодействий, подсказки для конструирования значения; как таковые, они никогда не являются самостоятельными, но всегда интегрированы с множественными аспектами физического контекста, в котором они осуществляются, равно как и с внутренними состояниями коммуникантов как структурно детерминированных организмов. Все это, вместе взятое, участвует в конструировании значения.

4. Суть коммуникации заключается не в обмене закодированными в словах значениями, а в *нахождении точек соприкосновения* в процессе интерпретации социально обусловленного поведения в консенсуальной области. Естественно-языковые высказывания, членя мир, существенной частью которого они сами являются, помогают *конструировать и упорядочивать мир как структурированную систему категоризованного опыта*. Эта структурированная система, коренясь в индивидуальном чувственном опыте мультимодальных когнитивных взаимодействий с миром, интегрирует в себе все аспекты такого опыта – как осознанного, так и неосознанного, позволяя индивиду *держаться «наплаву» в потоке когнитивных (языковых) взаимодействий*.

Таким образом, научиться иностранному языку означает **научиться взаимодействовать с другими в консенсуальной области, устанавливая систему общих ориентиров в координировании интерактивного поведения**. Другими словами, мы должны научиться делать на иностранном языке то, что прекрасно умеем делать, общаясь друг с другом на родном языке. Но как этого добиться и что должен уметь учитель иностранного языка, чтобы рассчитывать на удовлетворительный результат?

7. Что должен уметь учитель

Подход к языку как знаковой системе с инструментальной функцией (кодирование и обмен информацией) ориентирует участников учебного процесса на такое понимание процесса языковой коммуникации, которое имеет очень мало общего с действительностью. На самом деле язык – это биологически, социально и экологически обусловленное интеракционное поведение, в котором рождается интеллект (см.: [60]), а содержанием коммуникации является координация действий между взаимодействующими когнитивными субъектами; ключевыми понятиями в этом случае становятся ориентирование другого, контекст, взаимодействие и семиотическое опосредование [61] – практически все то, чему нет места даже на тех уроках иностранного языка, где применяется «коммуникативный метод», потому что учащиеся по-прежнему заставляют «обмениваться» тем, чего у них нет.

Самое парадоксальное в этой ситуации то, что координация действий между взаимодействующими субъектами (включая ориентирование другого, контекст, взаимодействие и семиотическое опосредование) как раз и составляет содержание обычной повседневной коммуникации на родном языке *как интерактивной деятельности адаптивного характера*. Но именно этому не учит официальная лингвистическая ортодоксия. И если снова вернуться к плавательной метафоре, то можно сказать, что на уроках иностранного языка школьников **учат плаванью, не пуская их в воду**. Чтобы было понятнее, о чем речь, приведем пример из собственной практики.

На самом первом занятии с первокурсниками мы обычно делаем следующее. Увидев перед студентом выложенный на стол мобильный теле-

фон, преподаватель, продолжая говорить, подходит, берет его и, хорошо рассмотрев, кладет в карман, сразу после этого обращаясь к одному из студентов с каким-нибудь вопросом. В девяти случаях из десяти владелец телефона никак словесно не реагирует на действия преподавателя – за исключением (иногда) недоуменного взгляда. Спустя некоторое время студентам предлагается забыть, что они на уроке английского языка, а представить, что они находятся в читальном зале библиотеки и что перед ними – дежурный библиотекарь, после чего проделывается та же операция с чьим-нибудь телефоном. В этом случае изъятие телефона никогда не сопровождается молчанием и реакции могут быть самыми различными («Этот мой телефон!», «Что вы делаете?», «Я не понял» и т. п.). И это – естественные реакции ориентирующего характера, вызванные действиями другого и обусловленные реальным пространственно-временным контекстом. Навыки подобного реагирования приобретаются не на уроках русского языка в школе, а гораздо раньше, в процессе накопления опыта языковых взаимодействий с другими в той биосоциокультурной среде, которая формируется в ходе таких взаимодействий.

Но на уроке английского языка такой среды нет, и воссоздать ее хотя бы частично довольно сложно. Однако можно создать условия, при которых учащиеся могут приобрести некий элементарный опыт взаимодействий на английском языке как *контекстно обусловленной деятельности ориентирующего характера*, т. е. когда они смогут «держаться наплаву» в потоке координированных взаимодействий с другими. Для этого необходимо одно важное условие: учитель сам должен уметь «плавать» или хотя бы держаться «наплаву». Что это значит?

Это значит, что школьный учитель английского языка, оказавшись (пусть даже чисто гипотетически) в англоязычной среде, должен быть способен вступать в осмысленные интерактивные взаимодействия с другими (теми, для кого английский язык родной), т. е. он должен понимать других, а другие должны понимать его. Для этого необходимы как минимум четыре условия. Два из них имеют отношение к «физической» стороне речи и носят взаимообусловленный характер – это сформированный фонематический слух, позволяющий «узнавать» услышанные слова (их физическую форму), и сформированные навыки артикуляции звуков, образующих звуковой строй английского языка, а также различных допускаемых этим языком последовательностей звуков. Третье условие – владение грамматикой как некоторыми общими когнитивными принципами и механизмами отображения *опыта взаимодействий с миром в семиозисе*, т. е. как системы общих ориентиров в консенсуальной области (подробнее см.: [62]). Именно такое владение грамматикой позволяет избежать неестественности и неуклюжести в построении высказываний в диалогическом общении, характерной для речи изучающих английский язык по традиционным методикам, когда на вопрос: *What's your name?* мы слышим в ответ: *My name is Masha*.

Наконец, четвертое важное условие – умение учитывать реальный контекст, в котором осуществляется языковое взаимодействие; этот контекст

включает не только пространственно-временные характеристики коммуникативной ситуации, но и фоновые знания социокультурного характера, обеспечивающие успешность языкового взаимодействия, – ведь без этих знаний достижение ожидаемого или планируемого ориентирующего эффекта, как правило, невозможно. При наличии этих условий учитель может симулировать реальные контексты интерактивных взаимодействий на уроке, вовлекая в них учащихся по принципу «делай, как я» и позволяя им приобретать практический опыт, необходимый для того, чтобы держаться «на плаву» в потоке диалогических взаимодействий. Собственно говоря, это и есть **реализация на практике по-настоящему коммуникативного метода**, если под коммуникацией не понимать обмен «информацией».

Но где взять таких учителей? В России учителей иностранного языка готовят в вузах и на факультетах иностранных языков в соответствии с образовательным стандартом для направления подготовки «Лингвистика», а в основе профессиональных требований, предъявляемых к выпускникам соответствующих программ в части их лингвистического образования, лежит классический набор структуралистских догм и постулатов, включающих в том числе и определение сути языковой коммуникации как обмена информацией. Соответственно, новоиспеченные учителя иностранного языка в своей профессиональной деятельности исходят из того, что, скажем, английский язык – это код, неизвестный учащимся, и овладение этим языком состоит в усвоении единиц кода и правил их сочетания друг с другом (см. выше). И до тех пор, пока структурализм будет продолжать оставаться официальной доктриной, лежащей в основе лингвистического образования, в плане эффективности школьных уроков иностранного языка мы будем иметь то, что имеем, – практически почти ничего.

8. Где выход?

Возникает естественный вопрос: а есть ли выход из этой удручающей ситуации? Нам представляется, что есть, но выход этот не быстрый и отнюдь не простой, как нет быстрого и простого способа выкарабкаться из болотной трясины, если вас туда засосало по шею. Более того, мы не берем на себя смелость утверждать, что готовы предложить новый, революционный метод обучения иностранному языку в школе. Однако считаем, что можно и нужно начинать работу в этом направлении и видим выход там, куда, как нам кажется, никому не приходит в голову посмотреть: в использовании имеющегося у учащихся опыта взаимодействий в консенсуальной области родного (русского) языка как практического (имплицитного) знания. Подчеркнем – не вербализованных знаний о языке как системно-структурном образовании, приобретенных в школе на уроках русского языка, а *знания как действия*, поскольку «всякое действие есть познание, всякое познание есть действие» [63. С. 23].

Для человека как живой системы главной областью взаимодействий, в которой система действует значимо для поддержания самой себя, является

область языковых взаимодействий: первичная функция языка в отношении к обществу есть функция социообразующая [64]. В языке и через язык индивид и общество взаимно детерминируют друг друга [65]. Поскольку язык является продолжением человеческих органов чувств [66] и человеческий организм – это структурно детерминированная живая система, языковые взаимодействия, образующие особое измерение когнитивной области организма, становятся той реляционной областью, в которой люди существуют как единства взаимодействий (социальные системы). Когнитивные способности человека, радикальным образом отличающие его от всех других биологических видов, возникают в процессе развития компонентов социальной системы (детей) в полностью функциональных субъектов, способных к целеполаганию и волеизъявлению. И хотя системное поведение человеческого социума в целом определяется когнитивными способностями его компонентов, эти когнитивные способности возникают и развиваются в области языковых взаимодействий (отношений между компонентами) как системного поведения социума. Исследуя человеческую когницию как биологический феномен, нельзя забывать, что языковая деятельность суть система взаимодействий, *определяющая* человеческий организм как когнитивную систему. Овладение языком как перцептуально контекстуализированной динамической системой ориентирования в человеческом мире – естественный процесс, в ходе которого мир «опредмечивается» через слово (область семантики, по Моррису), «упорядочивается» через систему межзнаковых отношений, или метазнаков (область синтактики), и «переживается» в воплощенных языковых взаимодействиях (область прагматики), становясь «домом бытия», по Хайдеггеру. Знание как способность человека к адекватному действию в его биосоциокультурной нише оказывается неразрывно связанным с языковой деятельностью как деятельностью ориентирующего (адаптивного) характера.

Итак, функционально язык является продолжением органов чувств человека. В свою очередь, функция органов чувств состоит в том, чтобы посредством ориентирования в пространстве адаптироваться к среде, встраиваясь в нее. Как в свое время показал Джеймс Гибсон [67] в своей экологической теории восприятия, перемещение в пространстве и восприятие суть две стороны единого когнитивного механизма, обеспечивающего адаптивное взаимодействие живого организма со средой, его *ин-*формирование (встраивание) в нее. В результате такого встраивания возникает система «организм – среда» [68], в которой организм нельзя понять и объяснить в отрыве от среды, так же как и среду нельзя до конца понять в отрыве от организма. Тот факт, что язык позволяет учитывать невоспринимаемые аспекты среды, заставляет говорящих дифференцировать в процессе языковых взаимодействий то, что непосредственно воспринимается и является частью переживаемого настоящего, и то, что не входит в поле восприятия и поэтому не переживается в настоящем. Важность такого различения подчеркивается известным тезисом биологии познания Умберто Матураны: «Все сказанное сказано наблюдателем. Речь наблюдателя обращена к другому наблюдателю, в качестве которого может выступать он сам» [69. С. 97].

С учетом биологической функции языка как эволюционного развития механизма ориентации в мире естественное овладение языком возможно благодаря тому, что для ребенка языковые формы приобретают значение вследствие их изначальной перцептуальной контекстуализированности [70]. Например, в русском языке основные (прототипические) виды движения и перемещения в пространстве описываются парными глаголами типа *бежать – бегать, лететь – летать, ползти – ползать, нести – носить, везти – возить* и т. п. Любой русский школьник не испытывает затруднений в выборе правильного глагола в естественной ситуации общения. Увидев на улице пробегающего мимо приятеля, он не спросит: *Эй, Серега, ты куда *бегаешь?*, так как знает, что правильно сказать: *Ты куда бежишь?* Но если его спросить, почему надо сказать *бежишь*, но никак не *бегаешь*, то он разведет руками. Он просто знает (в смысле «делает как надо»), и это знание – результат приобретенного (в процессе индивидуального развития) опыта языковых взаимодействий в русскоговорящей среде. С первых дней жизни человека эти взаимодействия, как важнейшая составляющая когнитивной области взаимодействий в целом, направлены на адаптацию к окружающей ребенка социокультурной среде, которая сама и порождается языковыми взаимодействиями. Это очень важное обстоятельство, которое помогает понять, что же такое пресловутое «знание языка».

В приведенном выше примере выбор глагола *бежать* объясняется просто: в процессе встраивания в языковую среду, в результате многократного сопряжения именно этой вокализации и наблюдаемого действия в перцептивной ситуации, ребенок опытным путем связывает форму *бежать* с условием непосредственной наблюдаемости обозначаемого глаголом действия, и это условие становится частью того, что принято называть «значением» слова. И точно так же (т. е. через опыт) частью значения формы *бегать* становится отсутствие условия непосредственной наблюдаемости действия: глядя на Серегу, сидящего за столом в комнате, я вполне могу сказать другому человеку про него, что Серега бегает (например, по утрам), но не могу сказать: **Серега бежит* (здесь и сейчас).

Подобного рода имплицитное знание языка как средства ориентирования в человеческом, «оязыковленном» мире образует опытную основу значения многих, если не всех грамматических категорий – вида, времени, залога, лица, рода, падежа, числа и т. д. [71]. И это имплицитное знание так называемого «наивного пользователя» языка, как правило, не имеет ничего общего с тем «знанием» о языке, которое учащиеся «усваивают» в школе на уроках русского языка и которое порождает многочисленные образовательные парадоксы (см. [72]). Из «дома бытия», выстроенного родным языком, школьника заставляют переселиться в «дом, который построил лингвист» и который совсем не приспособлен к жизни как когнитивному процессу встраивания в среду, образующую с организмом единое целое. Самое интересное здесь то, что выросший в своем «доме бытия» и научившийся эффективно ориентироваться в нем школьник, попадая в чужой «дом бытия» (иностранный язык), оказывается в полной растерянке.

ности – всего лишь потому, что не видит (его этому не научили) иностранный язык именно как «дом бытия», в котором живут такие же нормальные люди, чья жизнь как система языковых взаимодействий мало чем функционально отличается от жизни школьника в его родном «доме бытия».

Возвращаясь к плавательной метафоре, можно сказать, что, научившись плавать вольным стилем (т. е. владея родным языком), можно научиться плавать и другими стилями (овладеть другими языками). Так, если школьник понимает, почему в одном случае надо употребить глагол *бежать*, а в другом случае *бегать*, для него не составит труда понять, чем английская форма *go (I go to school)* функционально отличается от формы *be going (I'm going to school)*. Точно так же понимание «упорядочивающей» функции русских падежей, структурирующих событийные ситуации через характеристику ролевых отношений их участников, помогает понять соответствующую функцию предлогов в английском языке, и ряд подобных аналогий можно продолжить. Подчеркнем лишь главное: путь к повышению эффективности процесса обучения иностранному языку лежит через опору на родной язык, понимаемый не как инструмент для обмена информацией, но как усвоенное опытным путем «живое знание», обеспечивающее успешное (адаптивно адекватное) функционирование в когнитивной области. Именно поэтому профессиональная подготовка учителей иностранного языка в вузе должна основываться на принципиально иной системе лингвистического образования, исходящей из понимания биосоциальной функции языка как средства ориентирования в человеческом мире.

Но такое понимание трудно выработать у выпускника общеобразовательной школы, которого в течение многих лет приучали думать о языке как о коде для шифрования мыслей, которыми мы якобы обмениваемся, вступая в нормальное человеческое общение. Не стоит в этом винить школу, которая всего лишь применяет на практике теоретическую модель языка, разработанную и «спущенную» сверху учеными-лингвистами. Перефразируя известное выражение Ленина, про лингвистов-структуралистов можно сказать: «Страшно далеки они от языка». Каким бы парадоксальным ни казался такой вывод, но эффективность обучения иностранному языку в школе будет оставаться низкой, пока не будут переосмыслены **философия и методология** «обучения» русскому языку в школе. Чтобы это стало возможным, необходима новая теория языка, освободившаяся от пут структурализма и принявшая биологическую реальность языка как данность. Именно по этому пути уже идет биологически ориентированная когнитивная наука, хотя путь этот не прост и связан с преодолением серьезного препятствия в виде омута заблуждений, в которых погрязло структуралистское учение о языке. Однако его необходимо пройти, и мы верим, что он будет пройден.

Литература

1. *ФГОС СОО* (2012). Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования, 2012. URL: http://www.edu.ru/db/mo/Da-ta/d_12/m413.pdf

2. *Иркутская СОШ № 39*: Основная образовательная программа среднего общего образования (ФК ГОС – 10–11 классы) муниципального бюджетного образовательного учреждения города Иркутска // СОШ № 39. 2016. С. 18. URL: https://docs.google.com/document/d/1oN7Vas-uvo2pA5RKiU9jzWr3jAqH7ImN9LDRaoLh_qI/edit

3. *Санкт-Петербургская школа № 482*: Основная образовательная программа среднего общего образования (10–11 классы) государственного бюджетного общеобразовательного учреждения школы № 482 Выборгского района Санкт-Петербурга. 2015. URL: <https://drive.google.com/file/d/0B0qf-2QEAXAVcEN3c3AweUM3NXM/view>

4. *Introductory Guide to the Common European Framework of Reference (CEFR) for English Language Teachers*. Cambridge University Press, 2013. URL: <http://www.english-profile.org/images/pdf/GuideToCEFR.pdf>

5. *Вербицкая М.В., Махмурян К.С., Симкин В.Н.* Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2017 года по иностранным языкам. М. : Федеральный институт педагогических измерений, 2017. 30 с.

6. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.

7. *Наумова О.В.* Развитие методики преподавания иностранных языков: обзор основных направлений // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. М., 2014. Т. 6. С. 153–190.

8. *Swan M.* A critical look at the communicative approach // *ELT Journal*. 1985. Vol. 39 (1). P. 2–12; Vol. 39 (2). P. 76–87.

9. *Komorowska H.* Podejście komunikacyjne w nauce języka obcego – blaski i cienie / P. P. Chruszczewski (red.). *Język a komunikacja 5*. Т. 1: Aspekty współczesnych dyskursów. Kraków : Krakowskie Towarzystwo Popularyzowania Wiedzy o Komunikacji Językowej, 2004. С. 137–148.

10. *Биболетова М.З., Бабушис Е.Е., Морозова А.Н.* Английский с удовольствием: Книга для учителя к учебнику 9 класса общеобразовательных учреждений. М. : Титул, 2010. 128 с.

11. *Афанасьева О.В., Михеева И.В.* Английский язык. Книга для учителя. IX класс: Пособие для общеобразовательных организаций и школ с углублённым изучением английского языка. М. : Просвещение, 2015. 160 с.

12. *Кравченко А.В.* Языковой семиозис и пределы человеческого познания // Когнитивные исследования языка. Вып. 3: Типы знаний и проблема их классификации. Москва ; Тамбов : ИЯ РАН; ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 37–45.

13. *Степанов Ю.С.* Имена. Предикаты. Предложения: (Семиологическая грамматика). М. : Наука, 1981. 361 с.

14. *Stawarska B.* Saussure's Philosophy of Language as Phenomenology: Undoing the doctrine of the course in general linguistics. Oxford : Oxford University Press, 2015. 286 p.

15. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М. : Гнозис : Прогресс, 1992. 272 с.

16. *Deacon T.W.* Incomplete Nature: Now mind emerged from matter. New York ; London : W.W. Norton and Company, 2012. 602 p.

17. *Макаев Э.А.* Понятие давления системы и иерархия языковых единиц // Вопросы языкознания. 1962. № 6. С. 44–52.

18. *Солнцев В.М.* Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 31–42.

19. Гак В.Г. Об общих факторах вариативности в языке // Степановские чтения. Проблема вариативности в романских и германских языках : тез. докл. и сообщ. междунар. конф. М., 2001. С. 4–5.
20. Рубинштейн Л.С. Основы общей психологии. М. : Учпедгиз, 1940. 596 с.
21. Deacon T.W. Language as an emergent function: some radical neurological and evolutionary implications // *Theoria*. 2005. Vol. 54. P. 269–286.
22. Kravchenko A.V. Biology of Cognition and Linguistic Analysis: From non-realist linguistics to a realistic language science. Frankfurt/Main etc. : Peter Lang, 2008. 304 p.
23. Кравченко А.В. Является ли традиционный лингвистический анализ анализом языка? // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 2. С. 54–62.
24. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М. : Сов. энцикл., 1990. 685 с.
25. Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. М. : Русский язык, 1995. 175 с.
26. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2010. 486 с.
27. Линелл П. Письменноязыковая предвзятость лингвистики как научной отрасли // Наука о языке в изменяющейся парадигме знания (*Studia linguistica cognitiva*. Вып. 2). Иркутск, 2009. С. 153–191.
28. Линелл П. Два взгляда на природу языка: формальная лингвистика (с ее письменно-языковой предвзятостью) vs. диалогическая лингвистика // Когнитивная динамика в языковых взаимодействиях (*Studia linguistica cognitiva*. Вып. 3). М., 2013. С. 41–57.
29. Kravchenko A.V. The experiential basis of speech and writing as different cognitive domains // *Pragmatics & Cognition*. 2009. Vol. 17 (3). P. 527–548.
30. Кравченко А.В. Системная ошибка языкознания как науки и ее последствия для лингвистического образования // Современные проблемы взаимодействия языков и культур : материалы междунар. форума, 14–15 декабря 2012 г. Благовещенск, 2012. Ч. 1. С. 161–168.
31. Кравченко А.В. Лингвистическое образование в школе: тому ли мы учим? // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 143–149.
32. Searle J. *Speech Acts. An essay in the philosophy of language*. Cambridge : Cambridge University Press, 1969.
33. Wierzbicka A. *Semantics: Primes and universals*. Oxford ; New York : Oxford University Press, 1996.
34. Glanville R. Communication without coding: cybernetics, meaning and language (How language, becoming a system, betrays itself) // D. Wellbery (ed.). *Modern Language Notes*. The John Hopkins University Press, 1996. Vol. 111 (3). P. 441–462.
35. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2000. 248 с.
36. Glasersfeld E. von. Constructing communication // An interview by Andrea Pitasi, 2001. Published for the Radical Constructivism Homepage by Alex Riegler, 2002. URL: <https://www.univie.ac.at/constructivism/papers/glasersfeld/glasersfeld01-interview.html>
37. Залевская А.А. Корпоральная семантика и интегративный подход к языку // Лингвистические парадигмы и лингводидактика 7. Иркутск, 2002. С. 9–21.
38. Блюменану Д.И. Информация: миф или реальность? (о состоянии понятий «знание» и «социальная информация») // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 1985. № 2. С. 1–4.
39. Reeke G., Edelman G. Real brains and artificial intelligence // *Deadalus*. 1988. Vol. 117. P. 143–174.
40. Dijk T. van. Introduction: discourse, interaction and cognition // *Discourse Studies*. 2006. Vol. 81. P. 5–7.

41. *Maturana H.* On the misuse of the notion of information in biology // *Journal of Social and Biological Structures*. 1983. Vol. 6. P. 155–158.
42. *Deacon T.W.* Shannon-Boltzmann-Darwin: Redefining information (Part I) // *Cognitive Semiotics*. 2007. Vol. 1. P. 123–148.
43. *Deacon T.W.* What is missing from theories of information // P.C.W. Davies & N.H. Gregersen (eds.). *Information and the Nature of Reality: From Physics to Metaphysics*. Cambridge University Press, 2010. P. 23–142.
44. *Китова Е.Б., Кравченко А.В.* Ценность как доминанта иерархии концептов data, information, knowledge // *Язык и познание: методологические проблемы и перспективы (Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 1)*. М., 2006. С. 257–275.
45. *Роберт И.В.* Основные направления информатизации образования в отечественной школе // *Вестник МГПУ. Серия: Информатика и информатизация образования*. 2005. № 5. С. 106–114.
46. *Сысоев П.В.* Направления и перспективы информатизации языкового образования // *Высшее образование в России*. 2013. № 10. С. 90–97.
47. *Толковый словарь русского языка* : в 4 т. Т. 1: А – Кюрины / сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков ; под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1935. URL: <http://ushakovdictionary.ru>
48. *Янин В.Л.* 'Я послал тебе бересту'. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. 235 с.
49. *Shannon C.E.* A mathematical theory of communication // *The Bell System Technical Journal*. 1948. Vol. 27. P. 379–423, 623–656.
50. *Шеннон К.* Работы по теории информации и кибернетике. М. : Изд-во иностр. лит., 1963. 832 с.
51. *Кравченко А.В.* Что такое коммуникация?: Очерк биокогнитивной философии языка // *Прямая и непрямая коммуникация*. Саратов : Колледж, 2003. С. 27–39.
52. *Кравченко А.В.* Значение и коммуникация как лингвистическая проблема и корни ее непонимания // *Acta Neophilologica*. 2011. № 13. С. 91–104.
53. *Kravchenko A.V., Payunena M.V.* Education: a value lost? // A. Dudziak, J. Orzechowska (red.). *Język i tekst w ujęciu strukturalnym i funkcjonalnym / Księga jubileuszowa dedykowana Panu Profesorowi Aleksandrowi Kiklewiczowi z okazji 60. urodzin*. Olsztyn : Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2017. P. 239–246.
54. *Kravchenko A.V.* Essential properties of language, or, why language is not a code // *Language Sciences*. 2007. Vol. 29 (5). P. 650–671.
55. *Кравченко А.В.* Эпистемологическая ловушка языка // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2016. № 3 (41). С. 14–26.
56. *Кравченко А.В.* О традициях, языкознании и когнитивном подходе // *Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство* : сб. в честь Е.С. Кубряковой. М., 2009. С. 51–65.
57. *Кравченко А.В.* О вреде структурализма для здоровья общества: язык как экологическая ниша человека // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2016. № 1. С. 354–370.
58. *Хайдеггер М.* *Время и бытие*. М. : Республика, 1993. 447 с.
59. *Кошелев А.Д.* *Очерки эволюционно-синтетической теории языка*. М. : Изд. дом ЯСК, 2017. 528 с.
60. *Кравченко А.В.* Биологическая реальность языка // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2013. № 1. С. 55–63.
61. *Linell P.* *Rethinking Language, Mind, and World Dialogically: Interactional and contextual theories of human sense-making*. Charlotte, NC : Information Age Publishing, 2009. 482 p.
62. *Кравченко А.В.* Грамматика в когнитивно-семиотическом аспекте // *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика* / сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев. М., 2015. С. 574–594.

63. Матурана У.Р., Варела Ф.Х. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
64. Зубкова Л.Г. Общая теория языка в развитии. М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2002. 472 с.
65. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под общ. ред. Ю.С. Степанова ; пер. с фр. М. : Прогресс, 1974. 448 с.
66. Morris C.W. Foundations of the theory of signs // International encyclopedia of unified science / O. Neurath, R. Carnap and C.W. Morris (eds.). Chicago, 1938. Vol. 1, pt. 2. P. 1–59.
67. Gibson J. The Ecological Approach to Visual Perception. Boston, MA : Houghton-Mifflin, 1979. 332 p.
68. Järvilehto T. The theory of the organism-environment system: I. Description of the theory // Integrative Physiological and Behavioral Science. 1998. Vol. 33. P. 317–330.
69. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект / сост. В.В. Петров. М., 1996. С. 95–141.
70. Kravchenko A.V. Making sense of languaging as a consensual domain of interactions: Didactic implications // Intellectica. 2017. Vol. 2 (68). P. 175–191.
71. Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1996. 160 с.
72. Кравченко А.В. Языкознание и знание языка: об одном образовательном парадоксе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ, 2006. Вып. 8. С. 402–407.

PRACTICE HELD HOSTAGE TO THEORY: WHY IT IS SO HARD TO LEARN A FOREIGN LANGUAGE AT SCHOOL

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 56. 65–91. DOI: 10.17223/19986645/56/5

Alexander V. Kravchenko, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation); E-mail: sashakr@hotmail.com

Marina V. Paiunena, Saint Petersburg Mining University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: payunena@mail.ru

Keywords: educational standard, communicative method, structuralism, language, communication, information, consensual domain.

An attempt is made to answer the question why the efficiency of school programs in foreign languages (e.g., English) is next to nothing, and secondary school graduates do not, as a rule, possess skills and abilities required by the educational standard. The reason, it is argued, is not that the communicative method, on which most school courses are based, is fundamentally faulty. Rather, the blame must be laid on the ideology of structuralism adopted by educational institutions in the mid-20th century; this ideology underlies educational programs in foreign languages as well as all other linguistic courses in institutions of secondary and tertiary education. Viewing language as a sign system ‘in itself and for itself’ used in communication as exchange of information equates it with a code; learning this code constitutes the process of language ‘acquisition’. As the structuralist theory of language, along with its model of linguistic communication, leans on the Platonic notion that the objects and events in the world are merely flawed instantiations of ideal forms (which modern science and philosophy have long rejected), it is not only inadequate, but unscientific.

Counter to structuralist dogmas, linguistic behavior is not a kind of autonomous activity independent of other kinds of human activity; it is an integral part of the complex dynamics of human behavior, and is interpreted as such. Such an understanding implies a different set of initial assumptions that define the logic of naturalizing language rather than rationalizing it the way orthodox linguistics has done since Descartes. Approached from a naturalistic stand-

point, communication is seen not as exchange of meanings encoded in words, but as finding common ground in interpreting socially conditioned behavior in a consensual domain. To learn a foreign language is to learn to interact with others in a consensual domain by establishing a set of shared values that orient coordination of interactive linguistic behavior. Such learning may, and should, be based on the learner's pragmatic (implicit) linguistic knowledge as accumulated experience of interactions in the consensual domain of the learner's mother tongue, such as Russian.

Rejecting the ideology of structuralism would help to increase the efficiency of linguistic education.

References

1. FSES SGE (2012). *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart srednego (polnogo) obshchego obrazovaniya, 2012* [Federal State Educational Standard of Secondary (Complete) General Education 2012]. [Online] Available from: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_12/m413.pdf.

2. Irkutsk Secondary School 39. (2016) *Irkutskaya SOSH № 39: Osnovnaya obrazovatel'naya programma srednego obshchego obrazovaniya (FK GOS – 10–11 klassy) munitsipal'nogo byudzhelnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya goroda Irkutsk* [Irkutsk Secondary School 39: The basic educational program of secondary general education (Federal Component of the State Educational Standard: grades 10–11) of the municipal budget educational institution of Irkutsk]. [Online] Available from: https://docs.google.com/document/d/1oN7Vas-uvo2pA5RKiU9jzWr3jAqH7ImN9LDRaoLh_q/edit.

3. St. Petersburg School 482. (2015) *Sankt-Peterburgskaya shkola № 482: Osnovnaya obrazovatel'naya programma srednego obshchego obrazovaniya (10–11 klassy) gosudarstvennogo byudzhelnogo obshcheobrazovatel'nogo uchrezhdeniya shkoly № 482 Vyborgskogo rayona Sankt-Peterburga* [St. Petersburg School 482: The basic educational program of secondary general education (grades 10–11) of the state budgetary educational institution School 482 of the Vyborgsky District of St. Petersburg]. [Online] Available from: <https://drive.google.com/file/d/1OB0qf-2QEAXAVcEN3c3AweUM3NXM/view>.

4. Cambridge University Press. (2013) *Introductory Guide to the Common European Framework of Reference (CEFR) for English Language Teachers*. [Online] Available from: <http://www.english-profile.org/images/pdf/GuideToCEFR.pdf>.

5. Verbitskaya, M.V., Makhmuryan, K.S. & Simkin, V.N. (2017) *Metodicheskie rekomendatsii dlya uchiteley, podgotovlennyye na osnove analiza tipichnykh oshibok uchastnikov EG-E 2017 goda po inostrannym yazykam* [Guidelines for teachers, prepared on the basis of the analysis of typical errors of the Unified State Exam participants of 2017 in foreign languages]. Moscow: Federal'nyy institut pedagogicheskikh izmereniy.

6. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (2009) *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language learning)]. Moscow: IKAR.

7. Naumova, O.V. (2014) Razvitie metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: obzor osnovnykh napravleniy [The development of methods of teaching foreign languages: An overview of the main directions]. In: Ioanesyan, E.R. (ed.) *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Linguistics and methods of teaching foreign languages]. Vol. 6. Moscow: Institute of Linguistics RAS. pp. 153–190.

8. Swan, M. (1985) A critical look at the communicative approach. *ELT Journal*. 39 (1). pp. 2–12; 39 (2). pp. 76–87.

9. Komorowska, H. (2004) Podejście komunikacyjne w nauce języka obcego – blaski i cienie [Communication approach in learning a foreign language – light and shadows]. In: Chruszczewski, P.P. (ed.) *Język a komunikacja 5* [Language and communication 5]. Vol. 1. Kraków: Krakowskie Towarzystwo Popularyzowania Wiedzy o Komunikacji Językowej.

10. Biboletova, M.Z., Babushis, E.E. & Morozova, A.N. (2010) *Angliyskiy s udovol'stvиеm: Kniga dlya uchitelya k uchebniku 9 klassa obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [English with pleasure: A teacher's book to the textbook of the 9th grade of educational institutions]. Moscow: Titul.

11. Afanas'eva, O.V. & Mikheeva, I.V. (2015) *Angliyskiy yazyk. Kniga dlya uchitelya. IX klass: Posobie dlya obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy i shkol s uglublennym izucheniem angliyskogo yazyka* [English. A teacher's book. Grade 9: A handbook for educational institutions and schools with in-depth study of English]. Moscow: Prosveshchenie.

12. Kravchenko, A.V. (2008) Yazykovoy semiozis i predely chelovecheskogo poznaniya [Language semiosis and the limits of human knowledge]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language]. Is. 3. Moscow; Tambov: Institute of Linguistics RAS; Tambov State University. pp. 37–45.

13. Stepanov, Yu.S. (1981) *Imena. Predikaty. Predlozheniya: (Semiologicheskaya grammatika)* [Names. Predicates. Sentences: (Semiological grammar)]. Moscow: Nauka.

14. Stawarska, B. (2015) *Saussure's Philosophy of Language as Phenomenology: Undoing the doctrine of the course in general linguistics*. Oxford: Oxford University Press.

15. Lotman, Yu.M. (1992) *Kul'tura i vzyryv* [Culture and explosion]. Moscow: Gnozis: Progress.

16. Deacon, T.W. (2012) *Incomplete Nature: How mind emerged from matter*. New York; London: W.W. Norton and Company.

17. Makaev, E.A. (1962) Ponyatie davleniya sistemy i ierarkhiya yazykovykh edinit [The concept of system pressure and the hierarchy of language units]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 6. pp. 44–52.

18. Solntsev, V.M. (1984) Variativnost' kak obshchee svoystvo yazykovoy sistemy [Variability as a general property of the language system]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2. pp. 31–42.

19. Gak, V.G. (2001) [On general factors of variation in the language]. *Stepanovskie chteniya. Problema variativnosti v romanskikh i germanskikh yazykakh* [Stepanov Readings. The problem of variation in the Romance and Germanic languages]. Abstracts of the International Conference. Moscow: RUDN. pp. 4–5. (In Russian).

20. Rubinshteyn, L.S. (1940) *Osnovy obshchey psikhologii* [Basics of general psychology]. Moscow: Uchpedgiz.

21. Deacon, T.W. (2005) Language as an emergent function: some radical neurological and evolutionary implications. *Theoria*. 54. pp. 269–286.

22. Kravchenko, A.V. (2008) *Biology of Cognition and Linguistic Analysis: From non-realist linguistics to a realistic language science*. Frankfurt etc.: Peter Lang.

23. Kravchenko, A.V. (2015) Is traditional linguistic analysis an analysis of language? *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya – Herald of Tver State University. Philology*. 2. pp. 54–62. (In Russian).

24. Yartseva, V.N. (ed.) (1990) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sov. entsikl.

25. Vasil'eva, N.V., Vinogradov, V.A. & Shakhnarovich, A.M. (1995) *Kratkiy slovar' lingvisticheskikh terminov* [A concise dictionary of linguistic terms]. Moscow: Russkiy yazyk.

26. Zhrebilo, T.V. (2010) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 5th ed. Nazran: Piligrim.

27. Linell, P. (2009) Pis'mennyazykovaya predvzyatost' lingvistiki kak nauchnoy otrasli [The Written Language Bias in Linguistics: Its nature, origins and transformations]. Translated from English by A.V. Kravchenko. In: Kravchenko, A.V. (ed.) *Studia Linguistica Cognitiva*. Is. 2. Irkutsk: BGUEP. pp. 153–191.

28. Linell, P. (2013) Dva vzglyada na prirodu yazyka: formal'naya lingvistika (s ee pis'menno-yazykovoy predvzyatost'yu) vs. dialogicheskaya lingvistika [On the nature of language: formal written-language-biased linguistics vs. dialogical language sciences]. Translated from English by A.V. Kravchenko. In: Kravchenko, A.V. (ed.) *Studia Linguistica Cognitiva*. Is. 3. Moscow: Flinta, Nauka. pp. 41–57.

29. Kravchenko, A.V. (2009) The experiential basis of speech and writing as different cognitive domains. *Pragmatics & Cognition*. 17 (3). pp. 527–548. DOI: 10.1075/p&c.17.3.03kra
30. Kravchenko, A.V. (2012) [System error of linguistics as a science and its consequences for linguistic education]. *Sovremennye problemy vzaimodeystviya yazykov i kul'tur* [Modern problems of interaction of languages and cultures]. Proceedings of the International Forum. Blagoveshchensk. 14–15 December 2012. Pt. 1. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 161–168. (In Russian).
31. Kravchenko, A.V. (2016) A. V. Kravchenko. Linguistic education in school: are we teaching the right thing? *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 3. pp. 143–149. (In Russian).
32. Searle, J. (1969) *Speech Acts. An essay in the philosophy of language*. Cambridge: Cambridge University Press.
33. Wierzbicka, A. (1996) *Semantics: Primes and universals*. Oxford; New York: Oxford University Press.
34. Glanville, R. (1996) Communication without coding: cybernetics, meaning and language (How language, becoming a system, betrays itself). In: Wellbery, D. (ed.) *Modern Language Notes*. Vol. 111 (3). The John Hopkins University Press.
35. Dement'ev, V.V. (2000) *Nepryamaya kommunikatsiya i ee zhanry* [Indirect communication and its genres]. Saratov: Saratov State University.
36. Glasersfeld, E. Von. (2002) *Constructing communication*. An interview by Andrea Pitasi, 2001. Published for the Radical Constructivism Homepage by Alex Riegler, [Online] Available from: <https://www.univie.ac.at/constructivism/papers/glasersfeld/glasersfeld01-interview.html>.
37. Zalevskaya, A.A. (2002) Korporeal'naya semantika i integrativnyy podkhod k yazyku [Corporal semantics and integrative approach to the language]. *Lingvisticheskie paradigmy i lingvodidaktika*. 7. pp. 9–21.
38. Blyumenau, D.I. (1985) Informatsiya: mif ili real'nost'? (o sostoyanii ponyatiy "znanie" i "sotsial'naya informatsiya") [Information: myth or reality? (on the state of the concepts "knowledge" and "social information")]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Ser. 2: Informatsionnyye protsessy i sistemy*. 2. pp. 1–4.
39. Reeke, G. & Edelman, G. (1988) Real brains and artificial intelligence. *Deadalus*. 117. pp. 143–174.
40. Dijk, T. Van. (2006) Introduction: discourse, interaction and cognition. *Discourse Studies*. 81. pp. 5–7.
41. Maturana, H. (1983) On the misuse of the notion of information in biology. *Journal of Social and Biological Structures*. 6. pp. 155–158.
42. Deacon, T.W. (2007) Shannon-Boltzmann-Darwin: Redefining information (Part I). *Cognitive Semiotics*. 1. pp. 123–148.
43. Deacon, T.W. (2010) What is missing from theories of information. In: Davies, P.C.W. & Gregersen, N.H. (eds) *Information and the Nature of Reality: From Physics to Metaphysics*. Cambridge University Press.
44. Kitova, E.B. & Kravchenko, A.V. (2006) Tsennost' kak dominanta ierarkhii kontseptov data, information, knowledge [Value as the dominant of the hierarchy of the concepts of data, information, knowledge]. In: Kravchenko, A.V. (ed.) *Studia Linguistica Cognitiva*. Is. 1. Moscow: Gnozis. pp. 257–275.
45. Robert, I.V. (2005) Osnovnye napravleniya informatizatsii obrazovaniya v otechestvennoy shkole [The main directions of informatization of education in the national school]. *Vestnik MGPU. Seriya: Informatika i informatizatsiya obrazovaniya – MCU Vestnik. Informatics and Informatization of Education*. 5. pp. 106–114.
46. Sysoev, P.V. (2013) Main directions and prospects of informatization of a foreign language education. *Vysshhee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 10. pp. 90–97. (In Russian).

47. Ushakov, D.N. (ed.) (1935) *Tolkovnyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Sov. entsikl.: OGIZ. [Online] Available from: <http://ushakovdictionary.ru>.
48. Yanin, V.L. (1975) "Ya poslal tebe berestu" ["I sent you a birchbark letter"]. Moscow: Moscow State University.
49. Shannon, C.E. (1948) A mathematical theory of communication. *The Bell System Technical Journal*. 27. pp. 379–423, 623–656.
50. Shannon, C.E. (1963) *Raboty po teorii informatsii i kibernetike* [Works on information theory and cybernetics]. Translated from English. Moscow: Izd-vo inostr. lit.
51. Kravchenko, A.V. (2003) Chto takoe kommunikatsiya?: Ocherk biokognitivnoy filosofii yazyka [What is communication?: Essay on the biocognitive philosophy of language]. In: Dement'ev, V.V. (ed.) *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* [Direct and indirect communication]. Saratov: Kolledzh.
52. Kravchenko, A.V. (2011) The Problem of Meaning and Communication in Linguistics and the Roots of its Misunderstanding. *Acta Neophilologica*. 13. pp. 91–104. (In Russian).
53. Kravchenko, A.V. & Payunena, M.V. (2017) Education: a value lost? In: Dudziak, A. & Orzechowska, J. (eds) *Język i tekst w ujęciu strukturalnym i funkcjonalnym* [Language and text in structural and functional terms]. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie.
54. Kravchenko, A.V. (2007) Essential properties of language, or, why language is not a code. *Language Sciences*. 29 (5). pp. 650–671. DOI: 10.1016/j.langsci.2007.01.004
55. Kravchenko, A.V. (2016) The epistemological trap of language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (41). pp. 14–26. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/41/2
56. Kravchenko, A.V. (2009) O traditsiyakh, yazykoznanii i kognitivnom podkhode [On traditions, linguistics and cognitive approach]. In: Ryabtseva, N.K. et al. (eds) *Gorizonty sovremennoy lingvistiki: Traditsii i novatorstvo: sb. v chest' E.S. Kubryakovoy* [Horizons of modern linguistics: Traditions and innovation: Collection in honor of E.S. Kubryakova]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
57. Kravchenko, A.V. (2016) On how structuralism harms the well-being of society: language as the ecological niche of humans. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*. 1. pp. 354–370. (In Russian).
58. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie* [Time and Being]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika.
59. Koshelev, A.D. (2017) *Ocherki evolyutsionno-sinteticheskoy teorii yazyka* [Essays on the evolutionary-synthetic theory of language]. Moscow: Izd. dom YaSK.
60. Kravchenko, A.V. (2013) The biological reality of language. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 1. pp. 55–63.
61. Linell, P. (2009) *Rethinking Language, Mind, and World Dialogically: Interactional and contextual theories of human sense-making*. Charlotte, NC: Information Age Publishing.
62. Kravchenko, A.V. (2015) Grammatika v kognitivno-semioticheskom aspekte [Grammar in the cognitive-semiotic aspect]. In: Kibrik, A.A. & Koshelev, A.D. (eds) *Yazyk i mysl': sovremennaya kognitivnaya lingvistika* [Language and thought: modern cognitive linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
63. Maturana, H.R. & Varela, F.J. (2001) *Drevo poznaniya: Biologicheskie korni che-lovecheskogo ponimaniya* [The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding]. Translated from English by Yu.A. Danilov. Moscow: Progress-Traditsiya.
64. Zubkova, L.G. (2002) *Obshchaya teoriya yazyka v razviti* [The general theory of language in development]. Moscow: RUDN.
65. Benveniste, E. (1974) *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Translated from French M.: Progress.

66. Morris, C.W. (1938) Foundations of the theory of signs. In: Neurath, O., Carnap, R. & Morris, C.W. (eds) *International encyclopedia of unified science*. Vol. 1. Pt. 2. Chicago: University of Chicago Press.

67. Gibson, J. (1979) *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston, MA: Houghton-Mifflin.

68. Järvillehto, T. (1998) The theory of the organism-environment system: I. Description of the theory. *Integrative Physiological and Behavioral Science*. 33. pp. 317–330.

69. Maturana, H. (1996) *Biologiya poznaniya* [Biology of knowledge]. Translated from English. In: Petrov, V.V. (ed.) *Yazyk i intellekt* [Language and intelligence]. Moscow: Progress.

70. Kravchenko, A.V. (2017) Making sense of languaging as a consensual domain of interactions: Didactic implications. *Intellectica*. 2 (68). pp. 175–191.

71. Kravchenko, A.V. (1996) *Yazyk i vospriyatie: Kognitivnye aspekty yazykovoy kategorizatsii* [Language and perception: Cognitive aspects of language categorization]. Irkutsk: Irkutsk State University.

72. Kravchenko, A.V. (2006) *Yazykoznanie i znanie yazyka: ob odnom obrazovatel'nom paradokse* [Linguistics and knowledge of the language: about one educational paradox]. In: Tamer'yan, T.Yu. (ed.) *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Topical issues of philology and pedagogical linguistics]. Is. 8. Vladikavkaz: [s.n.].

УДК 81'373.46

DOI: 10.17223/19986645/56/6

Г.Н. Ловцевич, А.С. Трифонов

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ТЕРМИНОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА КАНАДЫ В РАМКАХ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Представляется алгоритм конструирования определений терминов экологического права Канады. Конструирование терминологического определения напрямую ориентировано на пользователя словаря. Данный процесс осуществляется с двух позиций, первая из которых состоит в учете свойств дефинированности и мотивированности термина, а вторая – в проведении как внутриязыкового, так и межъязыкового сопоставления терминов исследуемой области знания. Авторы не ограничиваются описанием собственно терминологического определения – в фокусе внимания также находится зона комментария словарной статьи, в которой представлены результаты межъязыкового сопоставления.

Ключевые слова: термин, мотивированность термина, дефиниция, формально-логический подход, социокогнитивное терминоведение, внутриязыковое сопоставление, межъязыковое сопоставление, переводной эквивалент.

В рамках более широкого исследования нами была выполнена работа по конструированию модели микроструктуры учебного англо-русского словаря терминологии экологического права Канады. Цель настоящей статьи состоит в освещении наиболее ответственного этапа осуществленной терминографической работы – конструирования определений¹ терминов экологического права Канады. Методология данного процесса основывалась на двух выработанных в ходе исследования принципах. Первый принцип – учет ключевых для данного исследования взаимосвязанных свойств термина. Таковыми свойствами явились: а) дефинированность термина; б) мотивированность формы термина. Согласно второму принципу с целью отражения всей полноты значения иноязычного термина для русскоязычного пользователя словаря² мы прибегли к сопоставительному исследова-

---

¹ В целях исследования мы проводим разграничение между определением и дефиницией. Определение используется нами в качестве родового термина, по отношению к которому «краткая научная дефиниция» и «внутренняя дефиниция» являются видовыми. Любой из данных типов дефиниций может входить в состав терминологического определения наряду с прочими компонентами.

² Конструирование терминологического определения осуществляется с учетом требований двух выделяемых нами групп пользователей учебного двуязычного терминологического словаря – малокомпетентных и компетентных студентов. Обе группы пользователей словаря являются российскими студентами, изучающими профессиональный английский язык по таким специальностям, как экологическое право, экология

нию терминов экологического права. Сопоставительное исследование представляло собой внутриязыковое сопоставление англоязычных терминов канадского экологического права и межъязыковое сопоставление англо- и русскоязычных терминов терминотем экологического права Канады и Российской Федерации. Подробно остановимся на каждом из указанных принципов.

В поисках наиболее эффективных способов построения терминологического определения мы обратились к двум подходам в терминоведении: формально-логическому и социокогнитивному. Под формально-логическим подходом в терминоведении, основоположниками которого в 30-е гг. XX в. стали О. Вюстер в Австрии и Д.С. Лотте в нашей стране, понимаются общие положения венской, пражской и советской школ терминоведения [1. Р. 29]. Общая черта данных положений состоит в необходимости строгой стандартизации терминов любой терминотем, а также в описании значения термина в соответствии с правилами формальной логики. В данном контексте важно заметить, что ориентированность при описании терминов на упорядочение, унификацию, стандартизацию и рационализацию было продиктовано самой эпохой, поскольку середина XX в. ознаменовалась стремительным научно-техническим прогрессом, когда приоритетом стало освоение новой техники и решение проблемы профессиональной коммуникации между специалистами. Все это в значительной мере обозначило интерес исследователей к описанию терминов именно естественных и технических наук [2. С. 14–15]. Согласно формально-логическому подходу одному термину в рамках конкретной терминотем соответствует лишь одно понятие, а определение термина строится через поиск ближайшего родового понятия и отграничение описываемого понятия от смежных с ним, т.е. видовых, понятий посредством перечисления минимального набора наиболее значимых признаков [3–5]. Затрагивая способы дефинирования терминов в рамках данного подхода, отметим, что в качестве двух основных видов семантизации термина называются интенциональная и экстенциональная дефиниции. Дефиниция первого типа является «классической» и основывается на выявлении родовидовых отношений понятия с другими понятиями терминотем. Дефиниция же второго типа предполагает перечисление всех признаков описываемого понятия [1. Р. 31; 6. Р. 8–9].

Поскольку формально-логический подход ориентирован главным образом на профессиональную коммуникацию в рамках точных и естественных наук, то его методы, на наш взгляд, недостаточны для описания терминов социальных наук, к которым относится экологическое право [2]. Нами выдвинуто предположение, что социокогнитивный подход в терминоведении (Р. Теммерман) способен компенсировать недостатки методов формально-логического подхода в целях описания терминологии экологического пра-

---

и юриспруденция. Данные типы пользователей различаются иноязычными компетенциями – общеязыковой и профессиональной.

ва Канады. Основные идеи социокогнитивного терминоведения состоят в признании факта того, что: а) стандартная логическая дефиниция эффективна и универсальна не для всех типов понятий; б) значения терминов должны описываться не только в синхронии, но и в диахронии, поскольку они могут изменяться в исторической перспективе; в) синонимия и полисемия не являются недостатками терминов, подлежащими устранению, а характеризуют определенный этап развития термина, подлежа описанию [6, 7]. В рамках социокогнитивного терминоведения предложена трехчастная классификация терминов по семантическому признаку, которая позволяет дифференцированно подойти к построению определения термина, используя как собственные методы, так и методы формально-логического подхода. В зависимости от обозначаемого понятия (собирательные категории, деятельность и процессы, сущности) термины могут быть представлены в трех группах. Остановимся на каждой из групп.

В *собирательные категории* входят термины¹, обозначающие максимально широкое или общее понятие, охватывающее большое количество нижестоящих понятий в иерархической системе понятий, *e.g.*: *biotechnology, consumptive use, ecological integrity*. Категория *деятельность и процессы* представлена отглагольными существительными и, как следует из названия, включает термины, обозначающие действия и процессы конкретной области знания, *e.g.*: *authorization, emission offset, participant funding*. В категорию *сущности* входят типы терминов, которые обозначают понятия, описывающие единичные объекты определенной области знания, *e.g.*: *excavation pit, safety mark, status report*. Предполагаем, что описание терминов первой и второй категорий возможно с позиций социокогнитивного терминоведения, а терминов третьей категории – в соответствии с правилами формальной логики через выделение вышестоящего понятия и видовых отличий (интенциональная дефиниция) либо через перечисление всех компонентов понятия (экстенциональная дефиниция).

Материалом исследования послужил корпус англоязычных терминов и номенов в объеме 1 262 терминологических единиц, отобранный нами из текстов 110 законодательных актов экологического права Канады и одноязычных терминологических словарей по данной теме. Релевантность отобранной для исследования терминологической лексики определялась так называемым критерием важности термина для профессиональной коммуникации, т. е. наличием в текстах законодательных актов канадского экологического права глоссария (раздел «Interpretation»), в котором даются определения наиболее значимых терминов, используемых в документе. Количественный анализ показал следующее соотношение различных типов терминов: *собирательные категории* – 7 %, *деятельность и процессы* – 7 % и *сущности* – 86 %.

---

¹ В исследовании нам близка точка зрения, согласно которой терминологическая лексика выражается как существительными, так и прилагательными, глаголами и, в редких случаях, наречиями с существительным в роли опорного слова.

Последовательно обратимся к терминам каждой из категорий для иллюстрации алгоритма построения терминологических определений. Заметим, что дефинирование всех типов терминов осуществляется на русском языке, что обусловлено ориентированностью словаря на русскоязычных пользователей – малокомпетентных студентов и компетентных студентов. Каждый случай построения терминологического определения предваряется внутриязыковым сопоставлением англоязычных терминов экологического права Канады, которое имеет целью сравнение сходств и расхождений в значениях одного термина для последующей точной и корректной семантизации термина¹.

Остановимся на терминах, определения которых строятся в соответствии с методами социокогнитивного терминоведения; это термины *собираемых категорий* и категории *деятельность и процессы*. Нам близка точка зрения о невозможности или как минимум неэффективности их описания с позиции формально-логического подхода [6, 7]. Сложность применения формально-логического подхода при дефинировании терминов *собираемых категорий* видится в том, что даже если родовое понятие определено, оно будет выходить за рамки или терминологии исследуемой темы, или терминологической лексики вообще. Попытка же описания видовых признаков или перечисления компонентов таких понятий способна привести, например, к избыточному описанию признаков всех нижестоящих понятий. Определение вышестоящего понятия для терминов категории *деятельность и процессы* фактически является возможным, однако приведет к множественности результатов, не позволяя точным образом отразить логику-понятийную структуру описываемого понятия.

Собираемые категории. Проиллюстрируем данное положение конструированием определения термина *собираемых категорий* «*biotechnology*». Первоначально выполняется внутриязыковое сопоставление данного термина, функционирующего в нескольких законодательных актах экологического права Канады, а также зафиксированного в англоязычных терминологических словарях по исследуемой теме. Так, для отбора наиболее общих признаков данного термина мы обратились к текстам законодательных актов, а также к терминологическому словарю «*Dictionary of environment and ecology*»:

«*biotechnology*» – the application of science and engineering in the direct or indirect use of living organisms or parts or products of living organisms in their natural or modified forms (Canadian environmental protection act [8, 9]);

¹ Необходимость данного шага вызвана существованием ареальных различий в значениях одного и того же термина, функционирующего в различных законодательных актах экологического права Канады. Подобные различия обусловлены равными полномочиями при принятии законодательных решений на каждом из уровней – федеральном и провинциальном. Ареальные различия могут существовать как между актами федерального и провинциального экологического права, так и между разными актами экологического права на уровне провинций и территорий Канады.

«*biotechnology*» – the use of biological processes in industrial production, e.g. the use of yeasts in making beer, bread or yoghurt (Dictionary of environment and ecology [10]).

Было обнаружено, что для определения термина «*biotechnology*» важным является указание на его принадлежность к определенной сфере деятельности – особому направлению научной деятельности. Результаты внутриязыкового сопоставления служат содержательной основой для последующего конструирования терминологического определения на русском языке. Вторым шагом является собственно дефинирование термина «*biotechnology*» через выделение внутренней дефиниции¹, дополняемой релевантными для конкретного термина модулями информации². Первая часть конструируемого нами определения представляет собой внутреннюю дефиницию, которая в определенной степени аналогична выделению родового признака в обычной дефиниции, однако имеет целью дать не вышестоящее понятие, а минимально значимую общую характеристику понятия. В качестве возможного варианта внутренней дефиниции для определения данного термина используется «научно-практическое направление». Для второй части определения были отобраны такие модули информации, как «способ использования», «объект использования» и «цель использования». В результате мы предлагаем следующее определение термина «*biotechnology*»:

Научно-практическое направление, основывающееся на прямом или побочном использовании живых организмов и биологических процессов в промышленных целях.

Подобный алгоритм может быть применен ко всем терминам собирательных категорий, обозначающих научные парадигмы и практические направления.

Категория «деятельность и процессы». В отношении терминов категории *деятельность и процессы* заметим, что алгоритм построения определений терминов для данной категории имеет сходство с таковым для терминов *собирательных категорий* и основывается на выделении внутренней дефиниции и модулей информации. Различия в дефинировании терминов данных категорий касаются отбора релевантных модулей информации. Для иллюстрации построения определений терминов данной

---

¹ В социокогнитивном терминоведении внутренняя дефиниция (core definition) понимается как «...дефиниция, содержащая минимальный объем наиболее существенных признаков для описания значения слова отличными от традиционной дефиниции способами» (перевод наш. – Г.Л., А.Т.) [6. Р. 83].

² Модули информации (modules of information) содержат наиболее релевантную для той или иной группы терминов информацию, такую как «историческая информация», «процесс выполнения», «цель», «результат» и пр. [Ibid. Р. 225–226].

категории обратимся к термину «disposal»¹, описывающему как способы размещения отходов, так и утилизируемые объекты. Мы рассмотрели два источника, в одном из которых дается развернутая трактовка этого термина:

«disposal» – (a) the disposal of a substance at sea from a ship, an aircraft, a platform or another structure, (b) the disposal of dredged material into the sea from any source not mentioned in paragraph (a), (c) the storage on the seabed, in the subsoil of the seabed or on the ice in any area of the sea of a substance that comes from a ship, an aircraft, a platform or another structure, (d) the deposit of a substance on the ice in an area of the sea, (e) the disposal at sea of a ship or aircraft, (f) the disposal or abandonment at sea of a platform or another structure, and (g) any other act or omission that constitutes a disposal under regulations made under paragraph 135 (3)(c) (Canadian environmental protection act [8]);

«disposal» – the process of getting rid of something (Dictionary of environment and ecology [10]).

Основываясь на внутриязыковом сопоставлении определений данного термина, в качестве внутренней дефиниции предлагаем минимальную характеристику понятия, указывающую на «место захоронения отходов». Во второй части терминологического определения были выдвинуты такие модули информации, как «способ размещения» (утилизация или хранение) и «объект размещения» (техника, химические вещества и пр.). Все это нашло отражение в определении термина «disposal» следующим образом:

Различные способы размещения отходов в море, такие как: а) утилизация химических веществ, удаленного осадка, судна, самолета, платформы или иного сооружения в море с доступных транспортных средств, в том числе с судна, самолета или платформы; б) захоронение на морском дне, в грунте морского дна или во льду химических веществ, доставленных на судне, самолете, платформе или ином сооружении.

Категория «сущности». Дефинирование терминов категории *сущности*, составляющих 86 % от объема терминологического корпуса, осуществляется с позиции формально-логического подхода в терминоведении. Было выявлено, что для построения определений терминов данной категории особое значение имеет учет степени мотивированности формы термина. Внимание к свойству мотивированности обусловлено, прежде всего, антропоцентричностью учебного терминологического словаря, предполагающей учет характеристик выделяемых типов пользователей словаря и обуславливающей дифференцированный подход к различным признакам термина. Признак мотивированности термина получил широкое освещение

---

¹ Данный термин в разных законодательных актах экологического права Канады обозначает утилизацию объектов как на суше, так и в море. Наиболее интересным для рассмотрения в рамках настоящей статьи представляется случай утилизации в морской среде, описанный в законодательных текстах более развернуто.

в отечественном терминоведении [4, 5]. В исследовании нами использована развернутая типология В.М. Лейчика, согласно которой выделяются термины, обладающие четырьмя степенями мотивированности – полностью мотивированные, частично мотивированные, ложномотивированные и немотивированные [11. С. 39].

В общих чертах мы сформулировали вопросы, ответы на которые служат основой определения степени мотивированности формы термина:

1. В какой мере понятийное наполнение термина проявляется в его внешней форме, облегчая его понимание пользователем словаря?

2. Способен ли термин с той или иной внешней формой дать пользователю словаря *верный* ответ о его понятийном наполнении?

Рассматривая свойство мотивированности формы термина как одно из основополагающих в исследовании, допустимо исходить из предположения, что термины, отражающие своей внешней формой различную полноту и истинность содержащейся в них информации, могут потребовать различных подходов к семантизации. В связи с этим нами предлагаются два типа терминологических определений – расширенное и краткое. Расширенное определение содержит две зоны – зону краткой научной дефиниции и зону энциклопедической информации. Назначение зоны краткой научной дефиниции состоит в раскрытии минимально значимой для понимания информации для малокомпетентных студентов. Важность включения в терминологическое определение энциклопедической, или экстралингвистической, информации служит главным образом расширению границ профессионального кругозора компетентных студентов. Полностью мотивированные и немотивированные термины рассматриваются нами как наименее сложные, поскольку а) полностью мотивированные термины через внешнюю форму в достаточной мере способны выразить свое значение, не являясь сложными для понимания как для малокомпетентных, так и для компетентных студентов, и б) немотивированные термины не выражают свое значение через внешнюю форму, но в то же время не усложняют понимание своего значения. По этой причине описываемые группы терминов снабжаются зоной энциклопедической информации для дополнительного расширения предметного кругозора компетентных студентов. Частично мотивированные и ложномотивированные термины являются более сложными для понимания, так как своей внешней формой способны привести к неполному или ложному пониманию значения термина; такие термины имеют краткое определение. В таком случае приоритетом являются раскрытие значения немотивированного компонента термина и описание истинного значения ложномотивированного термина соответственно.

Обратимся к частично мотивированным и ложномотивированным терминам, определения которых не требуют зоны дополнительной информации.

Частично мотивированный термин. Для иллюстрации алгоритма конструирования определения обратимся к термину «active ingredient». В рамках терминосистемы экологического права Канады этот термин входит в узкоспециализированный фрагмент знания «нетоксичные вещества»

в составе специализированного фрагмента знания «химические вещества»¹. В результате анализа определений термина на материале законодательного акта Канады и терминологического словаря мы отнесли его в группу частично мотивированных терминов из-за значения первого компонента рассматриваемого терминологического словосочетания. Второй компонент «ingredient» является международным и может быть понят любым пользователем словаря. В то же время первый компонент «active» употреблен здесь не в значении «наиболее сильнодействующий», а в значении «основной действующий», что способно привести пользователя словаря к неверному пониманию значения термина. Все это позволяет считать «active ingredient» частично мотивированным термином. Описание значения термина «active ingredient» потребовало анализа его определений в следующих источниках:

«*active ingredient*» – a component of a pest control product to which the intended effects of the product are attributed and includes a synergist but does not include a solvent, diluent, emulsifier or other component that is not primarily responsible for those effects (Pest control products act [9]);

«*active ingredient*» – the main effective ingredient of something such as an agrochemical, as opposed to the base substance (Dictionary of environment and ecology [10]).

Поскольку частично мотивированный термин представляет большую сложность для понимания, основным назначением определения такого термина является не расширение предметной компетенции пользователей словаря, а пояснение значения его немотивированного компонента. Вследствие этого для термина «active ingredient» предлагается сформулировать краткое определение, которое приобрело следующий вид:

Основной действующий компонент средств для уничтожения вредителей растений.

Ложномотивированный термин. Обратимся к термину «attractant», который в логико-понятийной схеме терминосистемы экологического права Канады входит в состав узкоспециализированного фрагмента знания «нетоксичные вещества», являющегося частью специализированного фрагмента знания «химические вещества». Корень термина *attract* имеет

---

¹ Сформированная в ходе исследования логико-понятийная схема терминосистемы экологического права Канады характеризуется следующей структурой: первый (высший) иерархический уровень представлен общими фрагментами знания исследуемой понятийной области – экологией и юриспруденцией; на втором (среднем) уровне находятся семь специализированных фрагментов знания – человек и живая природа, территории, транспортировка, организации, правовой контроль, антропогенное воздействие, химические вещества; третий (низший) уровень представлен двадцатью пятью узкоспециализированными фрагментами знания.

нетерминологическое происхождение и несложен для понимания студентами с низким уровнем лингвистической компетенции. Однако высока вероятность того, что суффикс *ant* может стать причиной его неверного понимания как (должностного) лица, совершающего какое-либо действие, в то время как это химическое вещество, что позволяет рассматривать данный термин как ложномотивированный.

Анализ законодательных актов канадского экологического права и терминологического словаря по экологии показал использование для термина «attractant» как интенциональной (в терминологическом словаре по экологии), так и экстенциональной (в законодательных актах экологического права Канады) дефиниций:

«attractant» – any of the following: (a) food or food waste, compost or other waste or garbage that could attract dangerous wildlife; (b) a carcass or part of a carcass of an animal or fish, or other meat; (c) any other substance or thing prescribed by regulation of the minister (Wildlife act, British Columbia [12]);

«attractant» – food, food waste, compost, garbage or other substances that could attract dangerous wildlife (Wildlife act, Yukon [13]);

«attractant» – a chemical that attracts an organism (Dictionary of environment and ecology [10]).

Для термина «attractant» возможно построение определения любого типа, однако предпочтение было отдано именно интенциональной дефиниции. Это связано с тем, что в понятие входит сравнительно небольшое число однородных преимущественно органических компонентов, которые, на наш взгляд, не представляют собой сложности для изучающего специальность, лишь увеличивая объем определения. Особенность данного термина заключается в том, что анализ его определений в вышеназванных источниках показал необходимость указания сразу двух вышестоящих понятий – «органические отходы» и «химические вещества». Видовой же признак «которые привлекают опасных диких животных» указан во всех рассмотренных дефинициях и является характерным признаком именно этого термина. В результате было выработано определение термина «attractant», основывающееся на следующей схеме (рис. 1).

Рис. 1. Схема определения термина «attractant»

Органические отходы или химические вещества, которые привлекают опасных диких животных.

Полностью мотивированный термин. Для рассмотрения алгоритма построения определения полностью мотивированного термина обратимся к термину «contaminated site», который входит в узкоспециализированный фрагмент знания «поверхность суши» в составе специализированного фрагмента знания «территории». Оба компонента данного термина прочно вошли в общелитературный язык, полностью мотивированы, благодаря чему термин может быть правильно понят любым пользователем словаря. Сравнимые определения данного термина в правовых актах экологического права Канады и в терминологическом словаре по экологии подтверждают возможность вывода о значении термина как о загрязненном / зараженном участке:

«contaminated site» – (i) unless otherwise defined by regulation, a site with concentrations of a contaminant or contaminants that exceed standards prescribed or adopted by the Minister that has caused, is causing or may cause an adverse effect, or (ii) a site designated as a contaminated site by the Minister pursuant to Section 87 (Environment act, Nova Scotia [14]);

«contaminated site» – an area of land in which the soil, including any groundwater lying beneath it, or the water including the sediment and bed below it, contains a contaminant which is in an amount, concentration, or level in excess of that prescribed by regulation or allowed under a permit (Environment act, Yukon [15]);

«contaminated site» – an area which has been polluted as a result of human activities such as industrial processes, presenting a hazard to human health, and which needs cleaning before it can be used for other purposes (Dictionary of environment and ecology [10]).

Так как полностью мотивированные термины обладают расширенным определением (зона краткой научной дефиниции и зона энциклопедической информации), мы, основываясь на внутриязыковом сопоставлении определений термина в англоязычных юридических источниках и терминологических словарях, для каждой из зон определения последовательно отобрали признаки описываемого понятия. Релевантность отбираемой информации обеспечивалась совпадением наиболее значимых признаков понятия в рассматриваемых источниках. Для каждой из двух зон отобраны следующие компоненты:

Зона краткой научной дефиниции	Зона энциклопедической информации
<ul style="list-style-type: none"> • an area • contaminated in excess • as a result of human activities 	<ul style="list-style-type: none"> • the soil, including any groundwater lying beneath it • the water including the sediment and bed below it • presenting a hazard to human health

-
- needs cleaning before use
-

Все это позволило сконструировать определение термина «contaminated site» следующим образом (зона энциклопедической информации выделена пунктирной линией):

Участки территории — почва и водные ресурсы, в том числе грунтовые воды, дно и осадочные отложения, — содержащие повышенный уровень загрязняющих веществ в результате антропогенной деятельности, представляющей угрозу для здоровья. Такие участки могут использоваться только после предварительной очистки.

Немотивированный термин. Конструирование определения немотивированного термина осуществляется нами на примере термина «fumigant». Термин входит в узкоспециализированный фрагмент знания «токсичные вещества» в составе специализированного фрагмента знания «химические вещества». Были проанализированы его определения в законодательном акте, а также в терминологическом словаре по экологическому праву:

«fumigant» — a pesticide that is or that produces a gas, vapour, fume or smoke and that functions as a pesticide exclusively or primarily by the action of the gas, vapour, fume or smoke (Pesticides act, Ontario [16]);

«fumigant» — a chemical compound that becomes a gas or smoke when heated and is used to kill insects (Dictionary of environment and ecology [10]).

Механизм построения определения термина «fumigant» повторял механизм построения полностью мотивированного термина «attractant» и также предполагал расширенное определение, включающее в себя зону краткой научной дефиниции и зону энциклопедической информации.

Зона краткой научной дефиниции	Зона энциклопедической информации
<ul style="list-style-type: none"> • a chemical compound • used to kill insects 	<ul style="list-style-type: none"> • gas, vapour, fume, smoke

В результате мы пришли к следующему определению термина «fumigant»:

Химическое соединение в виде газа, пара или дыма, применяемое для уничтожения насекомых.

Другой важный этап конструирования определений терминов экологического права Канады был посвящен межъязыковому сопоставлению англоязычных терминов экологического права Канады и русскоязычных терминов экологического права Российской Федерации. Если внутриязыковое сопоставление ставило своей целью конструирование максимально

точных и правильных терминологических определений, основывающееся на дефиниционном и системном анализе определений одного и того же термина в нескольких законодательных актах экологического права Канады, то фокусом межъязыкового сопоставления было выявление сходств и пояснение различий в семантике разноязычных терминов, принадлежащих к двум разным лингво- и социокультурным контекстам – канадскому и российскому.

Экологическое право Канады является научной и практической дисциплиной, существующей на стыке наук – экологии и юриспруденции. Как любая социальная наука, экологическое право Канады характеризуется отсутствием признака международнойности, т. е. отсутствием взаимно однозначных межъязыковых соответствий, по причине различий между правовыми системами разных государств. Причина случаев полного или частичного отсутствия межъязыкового соответствия термина исходного языка в языке перевода кроется, как правило, в национальном характере гуманитарных терминологий, означающем лингво- и социокультурную детерминированность терминов каждой из терминосистем. Кроме того, в случае с юридической терминологией, составляющей значительный пласт терминологии экологического права, справедливо говорить о различиях, сложившихся в ходе независимого исторического развития данной дисциплины в разных странах. Для русскоязычного пользователя учебного терминологического словаря экологического права Канады, являющегося представителем незнакомого, внешнего по отношению к себе лингво- и социокультурного ареала, подобные различия могут быть препятствием для успешной и эффективной профессиональной коммуникации. Нами была сделана попытка выделения и описания отношений переводной эквивалентности между терминами экологического права Канады и Российской Федерации, в результате чего был выработан алгоритм учета и описания национально маркированной терминологической лексики.

Межъязыковое сопоставление потребовало обзора существующих в переводоведении типологий межъязыковых соответствий для определения типов переводных эквивалентов, с которыми нам предстояла работа. В первую очередь нами было уделено внимание типологии, принятой в рамках воронежской теоретико-лингвистической школы, согласно которой речь идет о выделении а) линейных соответствий, когда одной единице исходного языка соответствует одна единица языка сопоставления; б) векторных соответствий, когда одной единице исходного языка соответствует несколько единиц языка сопоставления и в) лакун, когда единица исходного языка не имеет соответствий в языке сопоставления [17. С. 21–22; 18. С. 35]. Прочие рассмотренные типологии лексических эквивалентов, в полной мере применимые к терминам, показывают существование и неполных эквивалентов. Для обозначения лакун может также использоваться термин «безэквивалентная лексика» [19. С. 31].

Анализ терминосистем экологического права показал целесообразность объединения линейных и векторных соответствий в одну группу, поскольку

ку основное различие между ними – наличие или отсутствие синонимических рядов между разноязычными терминами – не влияет на содержание определений терминов экологического права Канады и на содержание зоны комментария словарной статьи. Данная группа соответствий была обозначена нами как *полные эквиваленты*. Другими группами рассматриваемых соответствий являются *неполные эквиваленты* и *безэквивалентные терминологические единицы*.

Полные эквиваленты являются единственной группой переводных соответствий, которые характеризуются признаком международной, традиционно выделяемым с возникновения терминоведения как самостоятельного научного направления. Значения таких терминов не детерминированы лингво- и социокультурно, вероятно, в силу большей распространенности в профессиональной коммуникации по данной теме. Это означает, что даже для начинающего специалиста правильное понимание иноязычных терминов, имеющих полные эквиваленты в родном языке, не представляет большой трудности. Примером такого типа переводных соответствий может служить рассмотренный ранее термин «*active ingredient*», объем понятия которого не детерминирован национальной принадлежностью. Результатом межязыкового сопоставления данного термина является его кодирование с помощью пометы полной эквивалентности в виде знака равенства: «*active ingredient* = *активный ингредиент*».

Большую сложность для понимания иноязычного термина представляют неполные эквиваленты. Такие термины, как правило, описывают понятие, существующее в исходном языке и имеющее схожее, но не идентичное понятие в языке перевода, или понятие, имеющее аналог в языке перевода, но с различной количественной или качественной составляющей. Предполагается, что пользователь учебного терминологического словаря, ориентируясь на родной для себя социокультурный ареал, может или допускать ошибки при выборе переводного эквивалента, или делать неверные предположения о значении того или иного англоязычного термина. Неполным эквивалентом по отношению к русскому языку является термин «*prohibited hours*», который можно интерпретировать как «часы запрета на охоту». С одной стороны, и в Канаде, и в Российской Федерации законодательными актами экологического права предусмотрены сроки, когда охота не разрешена или ограничена, для их обозначения используются термины «*closed season*» и «закрытый сезон». С другой стороны, только в канадском экологическом праве существует термин, обладающий более узким значением, который ограничивает срок запрета на охоту несколькими часами:

«*prohibited hours*» — the hours during which the hunting of specified species of wildlife in a locality is prohibited (Wildlife act, British Columbia [12]).

Именно эта характеристика значения термина поясняется нами в зоне комментария словарной статьи, следующей после терминологического определения, а для формального обозначения отношений неполной экви-

валентности используется знак приближительного равенства $\approx$. Зона комментария словарной статьи обозначается лексикографической пометой ! и служит для пояснения различий данной реалии в Канаде и России.

prohibited hours $\approx$ часы запрета на охоту

! Согласно постановлениям экологического права Канады сроки ограничения права на охоту или рыбную ловлю могут быть ограничены не только определенным временем года, но и несколькими часами в течение суток.

Случай безэквивалентности по отношению к русскому языку демонстрирует термин «aboriginal government», интерпретированный нами как «правительство малочисленных коренных народов». Как в английском, так и в русском языке существует термин, описывающий явление, представленное в системах экологического права обеих стран, – коренные малочисленные народы. Причина этого сходства заключается в схожести части территории в северных областях обеих стран. Однако анализ законодательных текстов показал, что только на территории Канады существует государственная структура, регламентирующая отношения между коренными малочисленными народами и правительством страны, особенно касающиеся вопросов сохранения окружающей среды:

«aboriginal government» – a governing body that is established by or under or operating under an agreement between Her Majesty in right of Canada and aboriginal people and that is empowered to enact laws respecting (a) the protection of the environment; or (b) for the purposes of Division 5 of Part 7, the registration of vehicles or engines (Canadian environmental protection act [8]).

Конструирование максимально полного определения потребовало бы подробного изучения соответствующего раздела законодательного акта, однако в данном случае нашей целью является выделение факта отсутствия подобного правового явления в российском экологическом праве и, если это возможно, указание на причины отсутствия такого явления. В результате отсутствие эквивалента термина кодируется с помощью лексикографической пометы $\neq$. В зоне комментария словарной статьи осуществляется, во-первых, указание на отсутствие особого государственного органа в нашей стране и, во-вторых, пояснение роли британского монарха в урегулировании правовых вопросов:

aboriginal government $\neq$ правительство малочисленных коренных народов

! Правительство малочисленных коренных народов находится под юрисдикцией монарха Великобритании, формально являющегося главой государства. В настоящий момент данный пост занимает королева Великобритании Елизавета II. Полномочия королевы в Канаде на федеральном уровне представляются генерал-губернатором и вице-губернатором в каждой из провинций и территорий;

! В Российской Федерации законодательное урегулирование вопросов, связанных с малочисленными коренными народами, осуществляется на уровне постановлений правительства Российской Федерации.

Подводя итог, следует сказать, что конструирование определения термина является центральной задачей проектирования микроструктуры учебного англо-русского словаря терминологии экологического права Канады. Именно от терминологического определения зависит то, насколько точно понят и правильно употреблен тот или иной термин. Проведенная терминографическая работа основывалась на комбинации методов формально-логического и социокогнитивного подходов в терминоведении при дефинировании терминов. Особого внимания заслуживает то, что передача на русский язык значения термина экологического права Канады как лингво- и социокультурно детерминированного лингвистического знака невозможна без двух типов сопоставления – внутриязыкового и межъязыкового.

Литература

1. *Packeiser K.* The general theory of terminology: a literature review and a critical discussion. Copenhagen : Copenhagen Business School, 2009. 84 p.
2. *Ловцевич Г.Н.* Кросскультурный терминологический словарь как способ репрезентации терминологии гуманитарных наук. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. 264 с.
3. *Авербух К.Я.* Общая теория термина. Иваново : Изд-во Иванов. гос. ун-та, 2004. 252 с.
4. *Гринев-Гриневиц С.В.* Терминоведение : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2008. 304 с.
5. *Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология: вопросы теории. 6-е изд. М. : Книжный дом «Либроком», 2012. 248 с.
6. *Temmerman R.* Towards new ways of terminology description: the socio-cognitive approach. Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2000. 258 p.
7. *Temmerman R.* Questioning the univocity ideal: The difference between socio-cognitive Terminology and traditional Terminology // *Hermes – Journal of Linguistics.* 1997. № 18. P. 51–93.
8. *Canadian environmental protection act:* [Statutes of Canada, 1999, c. 33, assented to 14.09.1999: act current to 30.08.2015: last amended on 26.02.2015] / Government of Canada: the online source of the consolidated Acts and regulations of Canada. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-15.31/FullText.html> (дата обращения: 16.07.2017).
9. *Pest control products act:* [Statutes of Canada, 2002, c. 28, assented to 12.12.2002: act current to 30.08.2015: last amended on 28.06.2006] / Government of Canada: the online source of the consolidated Acts and regulations of Canada. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/p-9.01/FullText.html> (дата обращения: 16.07.2017).
10. *Dictionary of environment & ecology* / P.H. Collin (ed.). 5th ed. London : Bloomsbury Publishing Plc, 2004. 264 p.
11. *Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. М. : ЛКИ, 2007. 256 с.
12. *Wildlife act:* [Revised statutes of British Columbia, 1996, c. 488, act current to 19.08.2015] / BC laws. URL: http://www.bclaws.ca/Recon/document/ID/freeside/00_96488_01 (дата обращения: 18.07.2017).

13. *Wildlife* act: [Revised statutes of Yukon, 2002, с. 229, last amended 2012] / Government of Yukon. URL: http://www.gov.yk.ca/legislation/acts/wildlife_c.pdf (дата обращения: 19.07.2017).

14. *Environment* act: [Revised Statutes of Nova Scotia, 1994–95, с. 1, as amended by 2011] / Her Majesty the Queen in right of the province of Nova Scotia. Halifax : Published by authority of the speaker of the House of Assembly Halifax, 2013. 95 p.

15. *Environment* act: [Revised statutes of Yukon, 2002, с. 76, amended by Statutes of Yukon 2014, с. 6] / Government of Yukon. URL: http://www.gov.yk.ca/legislation/acts/environment_c.pdf (дата обращения: 20.07.2017).

16. *Pesticides* act: [Revised statutes of Ontario, 1990, с. P. 11, last amendment: 2009, с. 33, Sched. 15, s. 9] / Government of Ontario: the official website of the Ontario Government. URL: <https://www.ontario.ca/laws/statute/90p11> (дата обращения: 20.07.2017).

17. *Контрастивная лексикология и лексикография* / под ред. И.А. Стернина, Т.А. Чубур. Воронеж : Истоки, 2006. 341 с.

18. *Стернин И.А.* Контрастивная лингвистика: Проблемы теории и методики преподавания. М. : АСТ-Восток-Запад, 2007. 288 с.

19. *Ганчева М.* О широкозначности в сопоставительном изучении русской и болгарской лексики // Ежегодные лингвистические чтения 3 декабря 2004 г. : сб. докл. Велико-Тырново : Унив. изд-во им. св. Кирилла и Мефодия, 2006. С. 30–37.

CANADIAN-RUSSIAN LSP DICTIONARY OF ENVIRONMENTAL LAW: DEFINITION OF A TERM WITHIN THE FRAMEWORK OF A CONTRASTIVE STUDY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 56. 92–109. DOI: 10.17223/19986645/56/6

Galina N. Lovtsevich, Alexander S. Trifonov, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: glomtsev@yandex.ru / aleksander.s.t@live.com

Keywords: term, term motivation, definition, traditional terminology, socio-cognitive terminology, interlingual comparison, intralingual comparison, translation equivalent.

The article presents the results of a broader study, devoted to the construction of the microstructure of the bilingual LSP dictionary of the Canadian environmental law. The aim of the article is to describe the process of a term definition within the given subject field. The authors propose two principles to follow. First, a close relationship between such properties of a term as term definition and term motivation is taken into consideration. The second principle is based on a two-stage comparison of terms: the intralingual comparison of the English terms of the Canadian environmental law and the interlingual comparison of the Canadian and Russian terms of environmental law.

To design the algorithm for constructing terminological definitions, the authors adhere to two major approaches in terminology: traditional and socio-cognitive. For the purpose of designing the definitions of terms of the Canadian environmental law, the study adopts a typology of terms on the semantic basis, which is developed by socio-cognitive terminologists. The typology distinguishes three categories of terms: “collective categories”, “activities” and “entities”. The authors suggest that the terms of the first and second categories should be described by methods of socio-cognitive terminology through the allocation of the “core definition” and relevant “modules of information”. Definitions of terms of the third category are constructed in compliance with the methods of the traditional approach in terminology through the selection of the closest genus and species differences or through enumeration of all components of the concept. Terms of this category are divided into four groups according to the level of term motivation: fully motivated, partially motivated, false-motivated and unmotivated terms. The article reveals the need to identify two areas in the definitions of fully motivated and unmotivated terms. These are the areas of brief scientific definition and of encyclopedic information. The purpose of the area of brief scientific definition is to explain the minimum amount of information about the term to low-competent students, while the area

of encyclopedic information serves to broaden the professional horizon of high-competent students.

The intralingual comparison of the terms of the Canadian and Russian environmental laws is of a significant importance for the bilingual LSP dictionary. The aim of the intralingual comparison is to compare and describe the linguistic and sociocultural differences in the meanings of the terms of the two terminology systems. The contrastive terminology study reveals the presence of the following types of the LSP equivalents: full equivalents, partial equivalents and non-equivalent terminology. The authors propose to code the term equivalency with special lexicographical labels.

References

1. Packer, K. (2009) *The general theory of terminology: A literature review and a critical discussion*. Copenhagen: Copenhagen Business School.
2. Lovtsevich, G.N. (2009) *Krosskul'turnyy terminologicheskiy slovar' kak sposob reprezentatsii terminologii gumanitarnykh nauk* [Cross-cultural terminological dictionary as a way of representing the terminology of the humanities]. Vladivostok: Far Eastern SU.
3. Averbukh, K.Ya. (2004) *Obshchaya teoriya termina* [The general theory of the term]. Ivanovo: Ivanovo State University.
4. Grinev-Grinevich, S.V. (2008) *Terminovedenie* [Term studies]. Moscow: Akademiya.
5. Superanskaya, A.V., Podol'skaya, N.V. & Vasil'eva, N.V. (2012) *Obshchaya terminologiya: voprosy teorii* [General terminology: questions of theory]. 6th ed. Moscow: Knizhnyy dom "Librokom".
6. Temmerman, R. (2000) *Towards new ways of terminology description: the socio-cognitive approach*. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
7. Temmerman, R. (1997) Questioning the univocity ideal: The difference between socio-cognitive Terminology and traditional Terminology. *Hermes – Journal of Linguistics*. 18. pp. 51–93.
8. Government of Canada: the online source of the consolidated acts and regulations of Canada. (2015) *Canadian Environmental Protection Act*: [Statutes of Canada, 1999, c. 33, assented to 14.09.1999: act current to 30.08.2015: last amended on 26.02.2015]. [Online] Available from: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-15.31/FullText.html>. (Accessed: 16.07.2017).
9. Government of Canada: the online source of the consolidated acts and regulations of Canada. (2006) *Pest Control Products Act*: [Statutes of Canada, 2002, c. 28, assented to 12.12.2002: act current to 30.08.2015: last amended on 28.06.2006]. [Online] Available from: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/p-9.01/FullText.html>. (Accessed: 16.07.2017).
10. Collin, P.H. (ed.) (2004) *Dictionary of environment & ecology*. 5th ed. London: Bloomsbury Publishing Plc.
11. Leychik, V.M. (2007) *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Term studies: the subject, methods, structure]. 3rd ed. Moscow: LKI.
12. BC laws. (1996) *Wildlife Act*: [Revised statutes of British Columbia, 1996, c. 488, act current to 19.08.2015]. [Online] Available from: http://www.bclaws.ca/Recon/document/ID/freeside/00_96488_01. (Accessed: 18.07.2017).
13. Government of Yukon. (2012) *Wildlife Act*: [Revised statutes of Yukon, 2002, c. 229, last amended 2012]. [Online] Available from: http://www.gov.yk.ca/legislation/acts/wildlife_c.pdf. (Accessed: 19.07.2017).
14. Nova Scotia. (2013) *Environment Act*: [Revised Statutes of Nova Scotia, 1994–95, c. 1, as amended by 2011]. Halifax: Published by authority of the speaker of the House of Assembly Halifax.
15. Government of Yukon. (2014) *Environment Act*: [Revised statutes of Yukon, 2002, c. 76, amended by Statutes of Yukon 2014, c. 6]. [Online] Available from: http://www.gov.yk.ca/legislation/acts/environment_c.pdf. (Accessed: 20.07.2017).

16. Government of Ontario: the official website of the Ontario Government. (2009) *Pesticides Act*: [Revised statutes of Ontario, 1990, c. P. 11, last amendment: 2009, c. 33, Sched. 15, c. 9]. [Online] Available from: <https://www.ontario.ca/laws/statute/90p11>. (Accessed: 20.07.2017).

17. Sternin, I.A. & Chubur, T.A. (eds) (2006) *Kontrastivnaya leksikologiya i leksikografiya* [Contrastive lexicology and lexicography]. Voronezh: Istoki.

18. Sternin, I.A. (2007) *Kontrastivnaya lingvistika: Problemy teorii i metodiki prepodavaniya* [Contrastive linguistics: Problems of the theory and methods of teaching]. Moscow: AST-Vostok-Zapad.

19. Gancheva, M. (2006) O shirokoznachnosti v sopostavitel'nom izuchenii russkoy i bolgarskoy leksiki [On the broad significance in the comparative study of Russian and Bulgarian vocabulary]. In: Gochev, G. et al. (eds) *Ezhegodnye lingvisticheskie chteniya 3 dekabrya 2004 g.* [Annual linguistic readings. December 3, 2004]. Veliko-Tyrnovo: Univ. izd-vo im. sv. Kirilla i Mefodiya.

УДК 811.511.2 : 801.612.2
DOI: 10.17223/19986645/56/7

Ю.В. Норманская

ПРАСАМОДИЙСКОЕ УДАРЕНИЕ: ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ¹

На основании сравнения полевых и архивных данных по селькупским и ненецким диалектам мы предлагаем реконструировать разноместное фонологически значимое ударение для прасамодийского языка, которое влияло на развитие вокализма от прауральского языка к прасамодийскому. Далее проводится сравнение реконструируемого ударения с разноместным ударением в прафинно-волжском, пермских, хантыйском языках и реконструируется прауральское фонологически значимое ударение.

Ключевые слова: ударение, архивные данные, полевые данные, самодийские языки, уральские языки, сравнительно-историческое языкознание.

1. Внутренняя реконструкция прасамодийского ударения

В настоящее время считается, что описание происхождения прасамодийского вокализма из прауральского [1, 2] сделано с наименьшим количеством исключений. По данным [2. Р. 478], генезис прасамодийской системы гласных выглядел следующим образом²:

ПУ *a > ПС *o   ПУ *ï > ПС *i   ПУ *e > ПС *i   ПУ *i > ПС *ë.
ПУ *u > ПС *ə   ПУ *i > ПС *ə   ПУ *ä > ПС *e

Однако при сопоставлении прауральских (по данным [3]) и прасамодийских (по [4]) этимологий система соответствий выглядит следующим образом: каждая ПУ гласная (за исключением *ï и *i) имеет «двойную» или даже «тройную» рефлексацию в ПС: а) широкий гласный и б) ə или узкий гласный. Приведем несколько примеров (более подробный анализ см. ниже).

В статьях [5, 6] было показано, что правило появления того или иного рефлекса прауральской гласной в прасамодийском языке может быть сформулировано в терминах прасамодийского ударения, которое сохранилось без существенных изменений в южных и центральных диалектах селькупского языка и в тундровом ненецком языке. В статьях [5, 6] материалы по ударению в современных самодийских диалектах приведены и

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №18-012-00119а (описание ударения в пермских полевых данных) и РНФ № 15-18-00044 (описание ударения в обско-угорских и самодийских языках).

² Здесь материал представлен в сокращенном варианте подробнее см.: [2. Р. 478].

подробно разобраны. В статье [5] представлено описание акцентных систем шести центральных и южных диалектов селькупского языка, сделанное на основе следующих материалов:

1) полевых материалов, собранных в ходе экспедиций аспирантов Н.Л. Федотовой в с. Парабель Томской области в 2009 и 2010 гг. (опрос носителей нарымского говора центрального диалекта селькупского языка И.А. Коробейниковой и Я.Я. Мартынова) и М.К. Амелиной в п. Степановка Верхнекетского района Томской области в 2011 г. (опрос носителя кетского говора южного диалекта селькупского языка В.В. Арбалдаева);

2) архивных материалов, собранных коллективом томских ученых под руководством А.П. Дульзона в 60–80-х гг. XX в. и в настоящее время в полном объеме (т. е. с указанием населенных пунктов и знаков ударения) не изданных;

3) первых селькупских книг, которые были составлены Н.П. Григоровским в конце XIX в. и описаны Е.А. Хелимским в 1983 г. [7];

4) архивных материалов М.А. Кастрена, собранных в середине XIX в. и в настоящее время в полном объеме не изданных.

Т а б л и ц а 1

Примеры «двойной» рефлексии ПУ гласных в ПС языке

1а. ПУ * <i>sala</i> ‘красть’ > ПС * <i>tâlã</i> ПУ * <i>pala</i> ‘кусать’ > ПС * <i>pâlã</i>	1б. ПУ * <i>lante</i> ‘низкий’ > ПС * <i>lãmtV</i> ПУ * <i>amta-</i> ‘давать’ > ПС * <i>ãm-</i>
2а. ПУ * <i>ñõŋða-</i> (* <i>ñõwða-</i>) ‘следовать’ > ПС * <i>ño-</i> ПУ * <i>kora</i> ‘кожа, кора’ > ПС * <i>korã</i>	2б. ПУ * <i>konta</i> ‘мороз, стужа’ > * <i>kãntʒ-</i>
3а. ПУ * <i>tule</i> ‘огонь’ > ПС * <i>tuj</i> ПУ * <i>kuñce</i> ‘муравей’ > ПС * <i>kunsã</i>	3б. ПУ * <i>kupsa</i> ‘стирать’ > ПС * <i>kãptã</i> ПУ * <i>kuma</i> ‘гнуться’ > ПС * <i>kãmã</i>
4а. ПУ * <i>jãpsẽ</i> ‘острая палка, копье’ > ПС * <i>jãpsã-</i> ПУ * <i>mãttV</i> ‘дом, чум’ > ПС * <i>mãt</i>	4б. ПУ * <i>ãlV-</i> ‘древесный сок’ > ПС * <i>ilã-</i> ~* <i>jilã</i>
5а. ПУ * <i>meke</i> (? * <i>meue</i>) ‘вещь, дело’ > ПС * <i>mej-</i> ‘делать’ ПУ * <i>nejde</i> (* <i>nejde</i> / * <i>nejde</i>) ‘девочка’ > ПС * <i>ne</i>	5б. ПУ * <i>wete</i> ‘вода’ > ПС * <i>wit</i> ПУ * <i>erV</i> ‘большой’ > ПС * <i>irV-</i> * <i>jirV-</i>
6а. ПУ * <i>icã</i> ‘отец’ > ПС * <i>ejsã</i>	6б. ПУ * <i>ime-</i> ‘сосать’ > ПС * <i>ñim-</i> ПУ * <i>itã</i> ‘появляться, светить’ > ПС * <i>ãtã-</i>

Как неоднократно было показано в работах Т. Салминена и других исследователей ненецкого языка (см. подробную историю вопроса в работе [8]), для протоненецкого языка реконструируется следующая система гласных фонем: одна редуцированная гласная фонема *ã, пять нейтральных по долготе гласных фонем *i, *e, *a, *o, *u, дифтонг *æ, две долгие гласные фонемы *ĩ, *ũ.

Эта система сохранилась, по мнению Т. Салминена, практически без изменений в тундровом диалекте ненецкого языка. В лесном диалекте произошли значительные изменения, которые повлияли как на качественные, так и на количественные характеристики гласных. Подробный анализ из-

менений см. в работе [8]. Здесь мы перечислим основные количественные изменения. В лесном диалекте ненецкого языка есть четыре краткие гласные фонемы, появляющиеся следующим образом: *a > *ǎ*, *æ > *ǎ̃*, *i > *ĩ*, *u > *ũ*, и шесть нейтральных по долготе гласных фонем *ī > *i*, *e > *e*, *a > *a*, *æ > *ǎ*, *o > *o*, *ū > *u*¹.

В результате проведенного анализа мы обнаружили, что любая нейтральная по долготе прауральская гласная за исключением **i*² (т. е. ПУ *i, *e, *ǎ, *a, *o, *u) может быть источником как долгих, так и кратких гласных в тундровых диалектах ненецкого языка. Приведем примеры:

Таблица 2

**Примеры «двойной» рефлексии ПУ гласных
в тундровых диалектах ненецкого языка**

Долгий гласный в первом слоге	Краткий гласный в первом слоге
ПУ * <i>kada</i> > ПС * <i>kajǎ</i> > ненец. тунд. <i>χǎjɛ-</i> (O) 'оставлять', <i>χǎjɔ-</i> (O) 'оставить' ПУ * <i>kalma</i> > ПС * <i>kalmɜ</i> > ненец. тунд. <i>χǎlmer</i> (O) 'труп', <i>χǎlmer?</i> (O) 'умершие, кладбище'	ПУ * <i>lamte</i> > ПС * <i>lɔmtɜ</i> > ненец. тунд. <i>lamtũ</i> (O) 'низкий' ПУ * <i>lapa</i> > ПС * <i>lɔpɜ</i> > ненец. тунд. <i>labɛ</i> (O) 'весло'
ПУ * <i>koje</i> > ПС * <i>kajǎ</i> > ненец. тунд. <i>χǎjɛr?</i> (O) 'солнце, ясный (о погоде)' ПУ * <i>koska</i> > ПС * <i>kata</i> > ненец. тунд. <i>χǎda</i> (O) 'бабушка'	ПУ * <i>joke</i> > ПС * <i>jɔka</i> > ненец. тунд. <i>jaχǎ</i> (O) 'река' ПУ * <i>korŋa</i> > ПС * <i>kɔrɔ</i> > ненец. тунд. <i>χarǎ-</i> (O) 'прибиться к земле течением или ветром'
ПУ * <i>kulM(-kV)</i> > ПС * <i>kulɔjɔ</i> > ненец. тунд. <i>χũl</i> (O) 'ворон' ПУ * <i>kure</i> > ПС * <i>kura</i> ~ (? * <i>kujra</i>) > ненец. тунд. <i>χũrǎ-</i> (O) 'укреплять груз на санях'	ПУ * <i>čukka</i> > ПС * <i>tɔk- ~ tɔkkɔl</i> > ненец. тунд. <i>takaɫ-</i> (O) 'прятать' ПУ * <i>puna</i> > ПС * <i>pɔn</i> > ненец. тунд. <i>paŋkǎɫ-</i> , <i>panor-</i> (O) 'плести'
	ПУ * <i>lampe</i> > ПС * <i>lɔmpǎ</i> > ненец. тунд. <i>limbad</i> (O) 'болото, трясина' ПУ * <i>šarV</i> > ПС * <i>šira</i> > ненец. тунд. <i>sirra</i> (O) 'снег, зима'
ПУ * <i>ǎjmǎ</i> > ПС * <i>ejmǎ ~ nejmǎ</i> > ненец. тунд. <i>ń pe</i> (O) 'игла' ПУ * <i>pǎwe</i> ([1; 2]: * <i>pǎjwǎ</i>) > ПС * <i>pejwǎ</i> > ненец. тунд. <i>p w</i> (O) 'сухой, теплый ветер летом'	ПУ * <i>ǎlV</i> > ПС * <i>ilɔ</i> > ненец. тунд. <i>ila-</i> (O) 'успокаивать' ПУ * <i>kakta</i> ~ * <i>kǎktǎ</i> > ПС * <i>kitǎ</i> > ненец. тунд. <i>śide</i> (O) 'два'

¹ Здесь мы опускаем описание качественных изменений в позициях I, U-умлауга, которые не меняют количественные характеристики гласных.

² Мы предполагаем, что у ПУ *i нет двух типов рефлексии в ПС языке, поскольку эта фонема реконструируется исключительно на основании ПС рефлекса *i, т. е. в тех случаях, когда в ПС другой рефлекс, например *ǎ, то просто реконструируется не ПУ *i, а ПУ *a.

Долгий гласный в первом слогe	Краткий гласный в первом слогe
ПУ * <i>đimā</i> (<i>đūmā</i>) > ПС * <i>jimā</i> > ненец. тунд. <i>j bē, j mē</i> (O) ‘клей’ ПУ * <i>sile</i> (* <i>sīle</i>) > ПС * <i>tij</i> > ненец. тунд. <i>ć bē</i> (O) ‘морская сажень’	ПУ * <i>kije</i> (* <i>kīje</i>) > ПС * <i>səjwa</i> > ненец. тунд. <i>xǎčββəə</i> (O) ‘водяное насекомое’ [4. С. 132] ПУ * <i>künčē</i> > ПС * <i>kōta</i> > ненец. тунд. <i>χada</i> (O) ‘ноготь, коготь’
ПУ * <i>kepā</i> > ПС * <i>kejp3-</i> > ненец. тунд. <i>s b</i> (O) ‘легкий’ ПУ * <i>pele</i> > ПС * <i>pij-</i> > ненец. тунд. <i>p lū-</i> (O) ‘бояться’	ПУ * <i>ćečā</i> > ПС * <i>cicā</i> > ненец. тунд. <i>ťide</i> (O) ‘дядя, младший брат матери’ ПУ * <i>enā</i> > ПС * <i>inā</i> > ненец. тунд. <i>ññeka</i> (O) ‘старший брат младший брат отца’
ПУ * <i>ćā</i> > ПС * <i>ejsā</i> > ненец. тунд. <i>n śe</i> (O) ‘отец’ ПУ * <i>pijse-me, *pise-me</i> > ПС * <i>peptān₂ ~ riptān₂</i> > ненец. тунд. <i>p bī ?</i> (O) ‘нижняя губа’	ПУ * <i>piša</i> > ПС * <i>pōtā</i> > ненец. тунд. <i>pađe</i> (O) ‘желчь’, <i>pađej laχā</i> (O) ‘зеленый’, <i>pađerāχā</i> (O) ‘цвета желчи, желтый’ ПУ * <i>piđe</i> (~ <i>kā</i>) > ПС * <i>pirə</i> > ненец. тунд. <i>piće</i> (O) ‘высокий’

Подобная двойная с точки зрения количественной характеристики гласных рефлексация наводит на мысль о различных просодических характеристиках прасамодийских и, возможно, даже прауральских гласных.

Учитывая тот факт, что в селькупском языке реально представлено разноместное ударение, мы предположили, что следует сравнить позиции появления долгих и кратких протоненецких гласных, без изменения сохранившихся в тундровых диалектах, и плюсовые / минусовые основы в селькупском языке.

В статье [6] в результате анализа архивного и полевого материала, представленного в современных самодийских языках и диалектах, были сделаны такие выводы:

I. Следует реконструировать два типа акцентных маркировок для ПС корней:

ПС корни с плюсовой акцентной маркировкой имеют рефлексы

- 1) долгие протоненецкие (тундровые) гласные;
- 2) плюсовая акцентная маркировка в селькупских диалектах (т. е. когда ударение во всех производных фиксировано на корне).

ПС корни с минусовой акцентной маркировкой имеют рефлексы

- 1) краткие протоненецкие (тундровые) гласные;
- 2) корни с минусовой маркировкой в селькупском (т. е. когда ударение в ряде производных падает не на первый слог).

II. Оказалось, что принципиально различается рефлексация ПУ гласных в ПС языке в корнях с плюсовой и минусовой акцентной маркировками.

Замечание про ПС гласный *.

На основании сопоставления данных по вокализму в селькупских диалектах с камасинскими материалами мы предлагаем реконструировать три дополнительные фонемы в ПС языке.

**Рефлексия ПУ гласных первого слога в зависимости
от акцентной маркировки ПС корней**

ПУ гласный первого слога	Рефлекс ПУ гласного в ПС корнях с <u>плюсовой</u> акцентной маркировкой (П а.п.)	Рефлекс ПУ гласного в ПС корнях с <u>минусовой</u> акцентной маркировкой (П а.п.)
*a	ПС *ā, *v	ПС *ə
*o	ПС *o, *ā	ПС *ə
*u	ПС *u, *л	ПС *ə
*i	ПС *i, *e	ПС *i
*ā	? ПС *ā, *e	
*ī	ПС *i	ПС *i, *ə
*e	ПС *e, *i	ПС *i
*i	ПС *ā	ПС *i, *ə

Таблица 4

Прасамодийский язык	Северносамодийские языки	Селькупские диалекты	Камасинский язык	ПУ язык
ПС *ā (*ā [4])	ненец. a, энец. a, нган. o	ПСельк. *o/*ō (Сельк. o/ō [9]) > таз., ср.-обск. o/ō, нар. џ, кет. ¹ o	кам. a	*a (> саам. N oa)
ПС *v (*ā [4])	ненец. a, энец. a, нган. o	ПСельк. *uə/*uō (Сельк. uə [9]) > таз. e/ē, нар. vε, ср.-обск., кет. Ve	кам. u, o	*a (> саам. N uo)
ПС *л (*ā [4])	ненец. a, энец. a, нган. o	ПСельк. *u/*ū (Сельк. u/ū [9]) > таз., ср.-обск. u/ū, нар., кет. u; в позиции анлаута таз. wε, нар. va	кам. u, o, ш	*o, *u

Из табл. 4 видно, что ПС *ā в реконструкциях [4] соответствуют три разные гласные в праселькупском языке, имеющие особые соответствия в камасинском и прауральском языках. На основании этого можно предположить, что прасамодийскую систему гласных следует дополнить двумя дополнительными фонемами: ПС *v, *л. Полученный инвентарь будет выглядеть так:

$$\begin{array}{cc}
 *i *ī & *j *u \\
 *e *ō *ə *ā *ē *o \\
 *ā *a *v *ā *л
 \end{array}$$

Более того, на основании двух рядов соответствий для ПУ *a: 1) саам. N oa – Псельк. *o/*ō, кам. a; 2) саам. N uo – Псельк. *uə/*uō, кам. u, o мож-

¹ Материал по южным и центральным диалектам селькупского языка взят частично из полевых материалов, собранных на портале lingvodoc.ispras.ru, частично из монографии [33].

но предположить существование двух *a и в прауральском языке, полную выборку примеров, иллюстрирующую указанные соответствия, см. в [10].

Но для верификации этой реконструкции необходимо найти соответствия ПС в других уральских языках и провести полексемное сравнение этимологически родственных слов с целью выявления прауральского ударения. Поэтому мы далее приведем краткие сведения о системах разноместного ударения в финно-угорских языках, которые были получены в результате анализа 43 диалектов в полевых условиях (словари этих диалектов представлены на сайте <http://lingvodoc.ispras.ru>), более тысячи первых книг, опубликованных до 1917 г., и архивных аудиозаписей. Было выявлено **15 финно-угорских диалектов с разноместным парадигматическим ударением**¹, при этом только в 2 (коми-пермяцком, мансийском тавдинском) оно было отмечено в научной литературе ранее.

– В **6** диалектах (мысовском, кудымкарском, нижнеиньвенском диалектах коми-пермяцкого языка, ижемском диалекте коми-зырянского языка, низямском и салымском диалектах хантыйского языка) парадигматическое ударение было выявлено в результате полевых исследований (2009–2016 гг.).

– В **4** диалектах (иртышском и васюганском диалектах хантыйского языка, пельымском и тавдинском диалектах мансийского языка) парадигматическое ударение отмечено только в архивных данных, некоторые из этих диалектов уже исчезли, другие нуждаются в дополнительных полевых исследованиях для создания аудиословарей.

– В **5** (центральном диалекте эрзянского языка, пермском диалекте марийского языка, ваховском диалекте хантыйского языка, юкондинском и обском диалектах мансийского языка) ударение отмечено как в полевых материалах, так и в архивах, и системы ударения за последние 100–250 лет **не изменились**.

2. Системы разноместного ударения в других уральских языках

2.1. Ударение в финно-волжских языках

В монографии [11] было показано, что проекция современного мокшанского места ударения на прафинно-волжский уровень позволяет решить

---

¹ В.А. Дыбо дает следующее определение парадигматических акцентных систем: «Под парадигматическими акцентными системами понимаются такие системы, которые характеризуются двумя или несколькими типами поведения акцента в слове, именуемыми акцентными типами или акцентными парадигмами, по которым распределяются все слова соответствующего языка следующим образом:

1) в корпусе непроеизводных основ выбор акцентного типа для каждого слова не предсказывается какой-либо информацией, заключенной в форме или значении этого слова, а является присущим данному слову (приписанным ему) традиционно;

2) в корпусе производных основ выбор акцентных типов определяется акцентными типами производящих (обычно с соответствующей поправкой на словообразовательный тип)» [11].

ряд вопросов сравнительно-исторической фонетики и грамматики финно-волжских языков, которые на протяжении прошлого столетия были предметом оживленных дискуссий:

1) описать с минимумом исключений становление системы вокализма в современных мордовских языках в рефлексах ПУ / ФУ / ФП / ФВ *a, *o, *u, *ä-основах в зависимости от места прафинно-волжского ударения и типа основы.

В табл. 5, 6 представлена схема рефлексов прауральских гласных в мордовских языках в зависимости от прафинно-волжского места ударения, сохранившегося без изменения в пшеновском диалекте мокшанского языка (подробнее см. I главу [11]);

Таблица 5

**Рефлексы ПУ гласных в мордовских языках в зависимости от места ударения.
Заднерядные слова**

ПУ/ФУ/ФП/ФВ *V (1-й слог)	ПМ *V (2-й слог)			
	* <i>a</i>	ə ₁	- <i>a</i>	ə ₂
* <i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>u</i> / - (/ <i>i</i> / ə) (М), <i>u</i> / - (/ <i>i</i> / ə) (Е) ¹	<i>u</i>
* <i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>u</i> / - (/ <i>i</i> / ə) (М), <i>u</i> / - (/ <i>i</i> / ə) (Е)	<i>u</i>
* <i>u</i>	o ²	<i>o</i>	<i>u</i> / - (/ <i>i</i> / ə) (М), <i>u</i> / - (/ <i>i</i> / ə) (Е)	<i>u</i>
* <i>i</i>	o'e(Ā, Ā)	o'e(Ā, Ā)	<i>u</i> / - (/ <i>i</i> / ə) (М), <i>u</i> / - (/ <i>i</i> / ə) (Е)	<i>u</i>

¹ По реконструкции прамордовского языка, предложенной Г.С. Ивановой в [13], так выглядят рефлексы ПМ *ə в первом слог в ФУ *a-основах. Правило реализации ПМ *ə по диалектам не вполне ясно. По мнению Г.С. Ивановой, первоначальными рефлексами ПМ *ə были морд. *u* и *i*, которые в дальнейшем в отдельных диалектах переходят в редуцированный гласный *ə* или выпадают. Процесс такого перехода продолжается и в настоящее время. Г.С. Иванова приводит ряд примеров, где в одном и том же диалекте в одних грамматических формах слово имеет гласный полного образования в первом слог, а в других слогах – редуцированный. Вот несколько примеров, цитируемых по работе [13], из II типа мокшанских говоров, распространенных на территории Инсарского, Кадошкинского, Ковылкинского (частично), Ельниковского, Зубово-Полянского (частично), Атюрьевского (частично) районов: *sur* ‘палец’ vs *sərne* ‘пальчик’, *sízə* ‘устье’ vs *səzan* ‘я устану’, *səzəndán* ‘я устаю’. По мнению Г.С. Ивановой, факторы, влияющие на редукцию гласных, – это последующие сочетания согласных и тип говора. Например, перед сочетанием согласных с *-r*- ПМ *ə практически в любом говоре имеет рефлекс *ə*. Во II типе говоров ПМ *ə значительно чаще имеет редуцированный рефлекс, чем в I и III типах. Но системно описать позиции реализации ПМ *ə в настоящее время не удастся.

² В результате анализа мы пришли к выводу, что рефлексы ПУ *o, *u в *a-основах в мордовском совпадают, см. выше концепцию Э. Итконена, по которой они различаются.

Таблица 6

**Рефлексация ПУ гласных в мордовских языках в зависимости от места ударения.
Переднерядные слова**

ПУ/ФУ/ФП/ФВ *V (1-й слог)	ПМ *V (2-й слог)			
	* <i>ä</i>	<i>ə</i> ₃ ¹	- <i>ä</i>	<i>ə</i> ₄
* <i>ä</i>	<i>ä</i> (М), <i>e</i> (Е)	<i>e</i> (<i>ä</i>)	<i>i</i> / - (Е) <i>i</i> / <i>ə</i> / - (М) ²	<i>i</i> / - (Е) <i>i</i> / <i>ə</i> / - (М)
* <i>e</i>	<i>i</i>	<i>e</i> (<i>ä</i>)	<i>i</i> / - (Е) <i>i</i> / <i>ə</i> / - (М)	<i>i</i> / - (Е) <i>i</i> / <i>ə</i> / - (М)
* <i>i</i>	<i>o</i> / <i>e</i> (<i>Ā</i>)	<i>e</i> (<i>ä</i>)	<i>i</i> / - (Е) <i>i</i> / <i>ə</i> / - (М)	<i>i</i> / - (Е) <i>i</i> / <i>ə</i> / - (М)
* <i>ü</i>	<i>e</i> (<i>ä</i>)	<i>e</i> (<i>ä</i>)	<i>i</i> / - (Е) <i>i</i> / <i>ə</i> / - (М)	<i>i</i> / - (Е) <i>i</i> / <i>ə</i> / - (М)

2) объяснить причины возникновения I (a-) vs II (e-)спряжений марийских глаголов в зависимости от места прафинно-волжского ударения [11. II глава, I раздел].

В результате анализа по корпусу UEW тех глагольных этимологий с ПУ/ФУ/ФП/ФВ *a-основой, которые имеют рефлекс в мокшанском и марийском языках, получен следующий результат.

В тех случаях, когда рефлекс слов с прафинно-угорской *a-основой имеют в мокшанском языке безударную *a*-основу, в марийском глагольные рефлекс получают 2 (*e*)-спряжение.

Рефлекс слов с прафинно-угорской *a-основой имеют в мокшанском языке ударную *a*-основу, в марийском глагольные рефлекс получают 1 (*a*)-спряжение;

3) объяснить причины возникновения двух подтипов III склонения существительных с основами, заканчивающимися на -*ä* vs -*é* в зависимости от места прафинно-волжского ударения [Там же. II глава, II раздел].

Проведенный анализ существительных III склонения в марийском языке с основами на *a*-, *e*-ударное дал следующий результат: в рефлексах прафинно-угорских *a-основ, когда в мокшанском языке существительное с *a-основой имеет ударение на корне и в марийском существительное имеет III склонение, его основа заканчивается на -*a*, когда в мокшанском языке существительное с *a-основой имеет ударение на окончании и в марийском существительное имеет III склонение, его основа заканчивается на -*e*;

4) показать, что редуцированные в марийском языке следует реконструировать на прамарийский уровень (на основании внутреннего сравнения современных диалектов марийского языка и анализа болгарских заим-

¹ Помимо влияния на развитие вокализма первого слога *ə*₃ и *ə*₄ различаются следующим формальным образом: в ауслауте в мокшанском языке *ə*₃ имеет рефлекс *ä*, *ə*₄ другие рефлекс.

² По реконструкции прамордовского языка, предложенной в [13], так выглядят рефлекс ПМ *ə в первом слоге в ФУ *ä-основах.

ствований в прамарийский язык); описать причины их возникновения в зависимости от места прафинно-волжского ударения [11. III глава].

Правило рефлексии ФВ *o, *u в прамордовском языке выглядит следующим образом:

I тип рефлексов – место ударения на первом слоге: ФВ * <i>u-a</i> > Пморд. * <i>o</i> , Пмар. * <i>u</i> ¹
II тип рефлексов – место ударения на втором слоге: ФВ * <i>o-a</i> [э], * <i>u-э</i> > Пморд. * <i>u</i> (в * <i>э</i> -основах)/* <i>э</i> (в * <i>а</i> -основах), Пмар. * <i>u</i> (в * <i>а</i> -основах), Пмар. * <i>o</i> (2-спряжение глаголов в марийском)/* <i>u</i> (1-спряжение) (в * <i>э</i> -основах) ФВ * <i>u-a</i> > Пморд. * <i>э</i> , Пмар. * <i>ü/ū</i>

2.2. Ударение в пермских языках²

Первой работой, в которой было доказано существование подвижного ударения в прапермском языке, мы считаем монографию М. Гейслера [14]. На основании анализа синкопы в пермских языках М. Гейслер доказывает, что на определенном этапе развития в прапермском языке было подвижное ударение, которое без изменения сохранилось в коми-язьвинском диалекте. Однако М. Гейслер, видимо находясь под влиянием господствующей традиционной теории о том, что в прафинно-угорском языке ударение было фиксировано на первом слоге, постулирует для прапермского языка два периода: на первом этапе в протопермском языке ударение было фиксировано, по его мнению, на первом слоге; на втором этапе в прапермском языке ударение стало подвижным и по месту совпадало с ударением, которое представлено в современном коми-язьвинском диалекте. В работе [15] было показано, что в прапермском языке шло принципиально разное развитие вокализма в «палатализирующей» позиции³ и в нейтральной позиции. Интересно, что в «палатализирующих» позициях не представлены обычные прапермские фонемы, которые традиционно реконструируются [16]. В них представлены особые соответствия гласных, подробное исследование которых в коми и удмуртских диалектах еще предстоит провести⁴. В нейтральной позиции развитие ПУ / ФУ / ФП гласных первого слога за-

¹ В словах со структурой CVV > Пмар. *u/*o.

² Данные по анализу ударения в пермских языках приводятся более подробно по сравнению с разделами о финно-волжском и хантыйском ударении в связи с тем, что они еще не опубликованы в полном объеме.

³ Перед следующими согласным и группами согласных: : ПУ / ФУ / ФП *s, *śk, *ś, *śk, *n, *nś, *nś, *j, *jk, *t (> ПП *o), *ŋ (> ПП *o), *ŋś, *l / *δ*, *lj, *lw, *lm, *k (> ПП *o), *ks, *p (> ПП *o), *ps, *śj, *rs, *tj.

⁴ В этих позициях решающим фактором для развития прапермского вокализма тоже является прапермское ударение. Сформулированное для нейтральной позиции правило о том, что под ударением в прапермском языке появляется широкий гласный, а без ударения – узкий, действует без исключений и в «палатализирующих» позициях.

висит от места прапермского ударения и ПУ / ФУ / ФП гласных второго слога. Нами был проанализирован полный материал этимологий по [3], в которых нет палатализирующих позиций и представлен рефлекс в коми-язьвинском диалекте подтверждается (см. анализ полного корпуса примеров в статье [17]). На этом материале подтверждается наша гипотеза, что в позиции под ударением рефлексом прапермской гласной является широкий гласный, а без ударения – узкий. Основываясь на этой закономерности, мы проанализировали материал этимологий из [3], которые не имеют рефлекса в коми-язьвинском диалекте (т. е. однозначных указаний на прапермское ударение нет), но их рефлексы представлены в других диалектах одного или двух пермских языков. Полный анализ материала представлен в работе [17], здесь приведем только таблицу, иллюстрирующую эту гипотезу.

Таблица 7

**Рефлексаия ПУ гласных первого слога в пермских языках
в зависимости от места ударения**

ПУ / ФУ / ФП	Ударение на первом слоге	Ударение на втором слоге
* <i>a-a</i>	* <i>a</i>	* <i>u, *i</i>
* <i>o-a</i>	* <i>a, *o</i>	* <i>u, *i</i>
* <i>u-a</i>	* <i>o</i>	* <i>i</i>
* <i>i-a</i>	* <i>i, *o</i>	* <i>i</i>
* <i>ä-ä</i>	* <i>e</i>	* <i>i</i>
* <i>ü-ä</i>	* <i>e</i>	* <i>i</i>
* <i>e-ä</i>	* <i>o, e(?)</i>	* <i>u</i>
* <i>i-ä</i>	_____	_____
* <i>a-e</i>	* <i>ε</i>	* <i>u, *i</i>
* <i>u-e</i>	* <i>ε</i>	* <i>u, *i</i>
* <i>o-e</i>	* <i>ö</i>	* <i>u, *i</i>
* <i>e-e</i>	* <i>ö, e(?)</i>	* <i>u</i>
* <i>ä-e</i>	* <i>ε</i>	* <i>i</i>
* <i>ü-e</i>	* <i>ε</i>	* <i>i</i>
* <i>i-e</i>	* <i>e</i>	* <i>i</i>

В табл. 8 представлено развитие прапермских фонем в современных коми и удмуртских диалектах¹.

¹ В настоящей работе мы не концентрируемся на фонетической интерпретации полученного списка прапермских фонем, которые встречаются в нейтральной позиции. Мы постарались их обозначить максимально приближенно к традиционному способу обозначения, принятому, например, в работе [16]. В нескольких местах мы позволили себе отступить от транскрипции В.И. Лыткина и убрать диакритические пометы, которые представляются излишними, в частности, потому, что второй член оппозиции по закрытости vs открытости в нейтральной позиции не встречается. Представляется, что новую фонетическую интерпретацию прапермским фонемам целесообразно давать

Рефлексация прапермских гласных в коми и удмуртском языках¹

ПП	Коми-удм.
* <i>a</i>	вс. <i>ɑ</i> , кя. <i>u</i> , остальные <i>o</i> – <i>u</i>
* <i>o</i>	вс. <i>ɑ</i> , остальные <i>o</i> – <i>u</i>
* <i>ō</i>	вс. <i>ɑ</i> , кя. <i>u</i> , остальные <i>o</i> – юз. <i>u</i> , остальные <i>u</i>
* <i>e</i>	<i>e</i> – <i>e</i> , <i>o</i>
* <i>ε</i>	виш., воств. <i>ō</i> , остальные <i>ε</i> – общеудмуртский <i>ε</i> , остальные <i>ε</i>
* <i>i</i>	воств. <i>ε</i> , кя. <i>i</i> , остальные <i>e</i> – остальные <i>o</i>
* <i>u</i>	<i>u</i> – <i>u</i>
* <i>ü</i>	виш., воств. <i>u</i> , кя. <i>ə</i> , остальные <i>i</i> – юз. <i>ə</i> , остальные <i>i</i>

Но очевидно, что для верификации гипотезы о первичности ударения и лишь последующем изменении системы вокализма необходимо было дальнейшее исследование акцентных систем пермских языков.

Начиная с 2009 г. нами были обследованы с точки зрения ударения 6 словарей исконной лексики всех групп (северной, срединной, южной, крайне-южной и 2 словаря бесермянского наречия) удмуртских диалектов и 6 словарей диалектов коми языков (4 словаря диалектов коми-пермяцкого языка: мысовского (северного), кудымкарского (южного), 2 словаря на нижнеиньвенском (южном) диалектах коми-пермяцкого языка, 1 словарь на ижемском диалекте коми-зырянского языка, 1 словарь коми-язьвинского языка). В результате анализа этих словарей и привлечения данных было установлено, что в удмуртском языке разноместное фонологическое ударение действительно отсутствует.

В современном коми-язьвинском языке ударение соответствует правилу, описанному В.И. Лыткиным, согласно которому постановка ударения в большинстве случаев определяется звуковым составом слова: если в первом слоге многосложных слов находятся неузкие гласные *a*, *o*, *ō*, *e*, они всегда принимают на себя ударение, а гласный *ə*, который в коми-язьвинском говоре принадлежит к среднему подъему и в других диалектах ему обычно соответствует узкий *i*, всегда отталкивает ударение на последующий слог. Как ударными, так и безударными в первом слоге многосложных слова могут быть только коми-язьвинские узкие гласные *u*, *ü*, *i* [18. С. 33–34]. Они притягивают ударение, если в других коми диалектах им соответствуют неузкие *o*, *ε*, *e*, и отталкивают его, если в других коми диалектах им соответствуют узкие *u*, *i*. Отсюда легко реконструируется прежнее состояние, в котором неузкие гласные всегда притягивали ударение, а узкие отталкивали. Затем некоторые ранее неузкие гласные сузились, что и привело к сложению современной язьвинской качественно-вокальной

после полного завершения составления списка фонем, которые встречаются не только в нейтральной, но и в палатализирующей позиции.

¹ Таблица рефлексации в усеченном виде взята из [19].

акцентуации [18. С. 106]. Как указал В.В. Понарядов [20. С. 757], «в близком коми-язвинском оньковском говоре коми-пермяцкого языка представлено даже более архаичное состояние подобной акцентуации, потому что сужение гласных в нем не произошло, и место ударения всецело определяется синхронным качеством гласных [21. С. 26–27; 22. С. 30–33]. Проведенный анализ места ударения в ижемском диалекте коми-зырянского языка в непроизводных словах позволяет выявить аналогичное правило. В производных словах место ударения зависит от типа суффикса, часть суффиксов перетягивают ударение, другие – всегда безударны».

Но полевые материалы, собранные Р.И. Идрисовым в 2015 г. по южному – **кудымкарскому** (<http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/522/4/perspective/522/5/view>) диалекту коми-пермяцкого языка, и словари с большими глагольными парадигмами, собранные в 2016 г. Л.Г. Пономаревой по южному – **нижнеиньвенскому** (<http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/770/32463/perspective/770/32464/view>) диалекту коми-пермяцкого языка, позволяют уже на этапе внутренней реконструкции склониться к гипотезе о первичности ударения и вторичности процессов изменения гласных в коми языке.

2.2.1. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка

В 2016–2018 гг. Л.Г. Пономарева в населенных пунктах Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа Пермского края, расположенных на расстоянии 30 км друг от друга (с. Доег, Тимино, д. Пиканово, Тукачево), собрала полные глагольные парадигмы исконной лексики от носителей **нижнеиньвенского диалекта коми-пермяцкого языка**, в идиолектах которых сохранилось разноместное ударение в глагольной парадигме. Сама Л.Г. Пономарева родилась в с. Доег и является носителем нижнеиньвенского диалекта, но в ее речи, так же как и у большинства жителей этих сел, ударение падает на первый слог глагольной словоформы, вероятно, под влиянием литературного языка. Но у ряда носителей сохранилось разноместное ударение в глагольной парадигме. Такая поставновка ударения была обнаружена Л.Г. Пономаревой в идиолекте Алексея Алексеевича Мальцева, 1959 г.р. (родился в с. Доег). Близкая, но несколько отличная система ударения в глагольных парадигмах была выявлена у его жены Маргариты Алексеевны Мальцевой, которая родилась в 1961 г. в д. Пиканово (5 км от с. Доег).

Ранее в монографии Р.М. Баталовой, посвященной описанию этого диалекта [23], отмечалось, что в нем присутствует разноместное ударение, не зависящее от качества гласных: в случае широких гласных ударение чаще падает на первый слог, ср. *на́чкõтас* ‘зарезет’, *на́сьтõtõны* ‘одевают’, *но́бõтас* ‘отнесёт’, но есть примеры и *босьтáн* ‘возьмешь’, *сёйõны* ‘кушают’, *пантáсь* ‘и не встретишься’, *нармáн* ‘грабли’. Гласные *и*, *у* (коми-язвинское *й*) могут быть ударными в том случае, если они исторически восходят к закрытым *э* и *õ*, например: *чигны* «слопать», *ситиõм* ‘такой’, *игõ*, *инõ*, *изõ баитõ* ‘мы, вы, они не говорили’. Но Р.М. Баталова отмечает, что «в этих словах ударение не всегда удерживается на *и*, *э*, *а* по аналогии

с другими словами, где корневые *и, ы, у* не удерживают на себе ударение», и тогда оно падает на последующий слог, т.е. на словообразовательный или словоизменительные суффиксы, например: *чигіс* 'сломался', *сітішмō* 'такого', *йиммэз* 'иглы', *умōль* 'плохой', *унмōсси* 'заснул'.

Опрос носителей и анализ записанных данных в фонетической программе Праат позволил выявить в каждом из говоров **четыре акцентные парадигмы** в глагольной словоформе¹.

В **I парадигме** в д. **Пиканово, с. Доег** ударение во всех формах падает на гласный первого слога.

Во **II парадигме** в д. **Пиканово, с. Доег** ударение в настоящем времени падает на первый слог, а в прошедшем – на второй.

В **IIIa парадигме** в д. **Пиканово** ударение падает на второй слог в единственном числе настоящего и прошедшего времени, за исключением 3 л. ед.ч. настоящего времени: в этой форме, как и во множественном числе, ударение падает на первый слог; в **с. Доег** в этих словах ударение всегда падает на первый слог, т. е. они относятся к **I а.п.**

В **IIIb акцентной парадигме** в **с. Доег** ударение падает на первый слог во всех формах, кроме 2 л. ед.ч., 1, 3 л. мн.ч. настоящего времени, 3 л. ед.ч. прошедшего времени; в говоре д. **Пиканово** все глаголы этого класса имеют ударение на втором слоге и относятся к **IV а.п.**

В **IV парадигме** ударение всегда падает на второй слог.

В идиолекте более молодого носителя из д. Пиканово, Геннадия Николаевича Бычкова, 1975 г. р., зафиксированы уже только три акцентные парадигмы: II а.п. совпала с IIIa а.п., в настоящее время в обеих представлено разноместное ударение в глаголах с широким гласным первого слога как в настоящем, так и в прошедшем времени аналогичное IIIa а.п. у М.А. Мальцевой.

По данным Р.М. Баталовой [23. С. 93–94], в говорах населенных пунктов Тимино и Тукачево, которые располагаются на расстоянии 13 и 30 км на северо-восток от с. Доег и д. Пиканово, наблюдается особая система ударения, отличная от «доеговской».

Действительно, и по современным полевым записям, у Галины Павловны Семушевой, 1950 г. р., из с. Тимино тоже представлены только три акцентные парадигмы: IIIb а.п. с разноместным ударением у глаголов с узким гласным в первом слоге совпала с I а.п., и ударение в части слов с узкими гласными в корне оказалось фиксировано на первом слоге, что отмечает в качестве диагностической особенности этого говора и Р.М. Баталова [23. С. 94], т. е. система ударения, представленная у Г.П. Семушевой, является достаточно архаичной и была отмечена у носителей говора в середине XX в.

---

¹ Надо отметить, что этим носителям было очень тяжело спрягать глаголы, более охотно они переводили рассказы, поэтому в настоящее время собрано лишь несколько десятков глаголов с полными акцентными парадигмами, от других слов спрашивались только диагностическая форма 3 л. ед.ч. настоящего времени.

У молодой носительницы говора Марии Александровны Тукачевой, 1984 г. р., из д. Тукачево, которая по состоянию здоровья не училась в школе, частично сохраняется различие четырех акцентных парадигм. В словах с широкими гласными ударение полностью совпадает с говором Г.Н. Бычкова из д. Пиканово, т. е. представлены I а.п. (ударение фиксировано на первом слоге) и Ша а.п. (разноместное ударение в настоящем и прошедшем времени). Но, интересно, что у нее в словах с узкими гласными частично сохраняется различие парадигм Шб (разноместное ударение), например у глагола *тун-* 'идти', и IV а.п. (ударение фиксировано не на первом слоге), например у глагола *тис-* 'мыть'. Но в большинстве случаев эти глаголы получают фиксированное ударение на первом слоге (I а.п.) под влиянием литературного языка, в то время как у Г.Н. Бычкова в «доеговском» они получают IV а.п. К сожалению, в монографии Р.М. Баталова [23] при описании ударения в этом говоре приводит лишь несколько слов, и не вполне понятно, имел ли место переход глаголов с узким гласным первого слога в I а.п. в середине и конце XX в.

Таким образом, сравнивая данные по ударению, полученные от носителей разных говоров нижнеиньвенского диалекта, можно сделать вывод, что четыре акцентные парадигмы являются достаточно архаичными и представлены у носителей из разных ареалов этого диалекта:

Т а б л и ц а 9

Акцентные парадигмы нижнеиньвенского диалекта коми-пермяцкого языка

Пранижнеиньвенский язык		Доеговский говор			Тиминский говор	Тукачевский говор
		с. Доег	д. Пиканово (Мальцева)	д. Пиканово (Бычков)	с. Тимино	д. Тукачево
гласный 1-го слога – широкий	I а.п. ударение фиксировано на корне	I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.
гласный 1-го слога – широкий	II ¹ а.п. разноместное ударение	II а.п.	Ша а.п. и II а.п.	Ша а.п.	III а.п.	Ша а.п.
гласный 1-го слога – узкий	III ² а.п. разноместное ударение	Шб а.п.	IV а.п.	IV а.п.	I а.п.	III а.п. (в виде реликтов)

¹ Акцентная кривая, видимо, совпадала с Ша а.п. у М.А. Мальцевой, см. табл. 7, поскольку такая а.п. представлена у носителя из д. Пиканово и д. Тукачево, которые отдалены на 30 км, а появление акцентной кривой по типу II а.п. у А.А. Мальцева, очевидно, является инновацией с. Доег. У М.А. Мальцевой, которая уже несколько десятилетий живет с мужем в с. Доег, представлены обе акцентные кривые, спорадически заменяющиеся друг на друга.

² Акцентная кривая, видимо, совпадала с Шб у А.А. Мальцева, см. табл. 6, поскольку именно она представлена у носительниц из тиминского и тукачевского говоров.

Пранижне-иньвенский язык		Доеговский говор			Тиминский говор	Тукачевый говор
		с. Доег	д. Пиканово (Мальцева)	д. Пиканово (Бычков)	с. Тимино	д. Тукачево
гласный 1-го слога – узкий	IV а.п. ударение фиксировано не на первом слоге	IV а.п.	IV а.п.	IV а.п.	IV а.п.	IV а.п. (в виде реликтов)

Таким образом, становится ясно, что в говорах нижнеиньвенского диалекта зафиксировано разноместное парадагматическое ударение и оно не связано напрямую с качеством гласного первого слога, реконструируются IV а.п., которые, как будет показано в выводах, являются архаическим наследием прауральского языка-основы.

2.2.2. Кудымкарский диалект коми-пермяцкого языка

Еще одно подтверждение гипотезы о первичности разноместного ударения в пермских языках, значимое как для внутренней реконструкции, так и для внешней, мы нашли в аудиословарях по южному – **кудымкарскому диалекту** (д. Большая и Малая Серва) (<http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/522/4/perspective/522/5/view>) коми-пермяцкого языка. В [23] отмечается, что в федоровском говоре кудымкарского диалекта в производных словах отмечены следы разноместного ударения, отличающегося от литературного коми-пермяцкого языка и не зависящего от состава гласных в словоформе, ср. *póndic vudný* ‘зачесалось’, *ménö и гиждó сия* ‘он и меня записывает’. К сожалению, у нас нет записей глагольных парадигм из с. Большая и Малая Серва, их сбор планируется в будущих экспедициях. Но анализ даже начальных форм показал, что, как указывала и Р.М. Баталова, в производных словах¹ место ударения не всегда зависит от качества гласного первого слога. Было выявлено, что при первом узком гласном ударение может падать как на первый, так и на второй слог: кудым. *ívin-* (Д1 0.151, И1 63.075; Д2 0.078, И2 63.41) ‘далеко’ (ПП. **ül-*), кудым. *kún'ni* (Д1 0.105, И1 52.97; Д2 0.053, И2 51.178) ‘закрыть глаза’ (< ПП. **kuñ-*) vs кудым. *kírím* (Д1 0.029, И1 49.069; Д2 0.134, И2 56.386) ‘горсть’ (< ПП. *kürym), *jurei* (Д1 0.056, И1 36.89; Д2 0.248, И2 43.185) (ПП. **jur-** *ši*) ‘волосы’ вне зависимости и от прапермского качества этого гласного. Основной характеристикой ударного гласного является большая длительность, которая иногда в полтора-два раза превышает длительность безударного гласного в этом слове. В ряде случаев ударный гласный маркируется и большей интенсивностью, но в открытом ауслутом втором слоге в большинстве случаев более интенсивный гласный первого слога вне зави-

¹ В производной лексике место ударения, видимо, зависит от типа суффикса и в большинстве слов совпадает с литературным языком. Полное описание системы ударения в этих диалектах еще предстоит подготовить.

симости от места ударения, поэтому для носителя русского языка в таких случаях, когда длительность и интенсивность маркируют разные слоги, не всегда ясно на слух, как поставить ударение. В связи с этим для непроезженных лексем кудымкарского диалекта была произведена разметка спектрограмм на отдельные звуки в фонетической программе Праат (результаты этой обработки представлены в онлайн-словаре на сайте <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/522/4/perspective/522/5/view>, можно выбрать опцию Tools > Phonology и загрузить файлы Экселя с результатами обсчета данных разметки спектрограмм, представленных на сайте; здесь и далее¹ для гласных этого говора мы приводим сведения по длительности и интенсивности, верифицирующие место ударения).

Предварительное² соотнесение данных по ударению в глаголе с доеговским нижнеиньвенским говором показывают, что есть два акцентных типа с узким гласным первого слога:

1) когда глагол имеет Шб а.п. (ударение падает на первый слог во всех формах, кроме 2 л. ед. ч., 1, 3 л. мн. ч. настоящего времени, 3 л. ед. ч. прошедшего времени), то в записанных Р.И. Идрисовым кудымкарском словаре глагол в инфинитиве имеет ударение на первом слоге: кудым. *viēni* (Д1 0.079, И1 51.298; Д2 0.039, И2 42.760), доег. нижнеин. *viēni* (Шб а.п.) 'болеть'; кудым. *vidzni* (Д1 0.092, И1 47.858, Д2 0.087, И2 52.196), доег. нижнеин. *vidzni* (Шб а.п.) 'держат'; кудым. *kiceini* 'литься' (Д1 0,080, И1 41,30; Д2 0,69, И2 43,06; Д3 0,066, И3 38,37), доег. нижнеин. *kiceini* (Шб а.п.) 'вылить';

2) когда в доеговском говоре у глагола IV а.п. (ударение по всех формах настоящего и прошедшего времени падает на второй слог), то в кудымкарском диалекте ударение в инфинитиве глагола приходится на второй слог: кудым. *kusni* (Д1 0,162, И1 74,17; Д2 0,224, И2 68,80), доег. нижнеин. *kusni* (IV а.п.) 'гаснуть'; кудым. *funi* (Д1 0,064, И1 52,99; Д2 0,111, И2 48,17) 'говорить', доег. нижнеин. *funni* (IV а.п.) 'сказать'.

При анализе данных по ударению в именах с двумя узкими гласными в кудымкарском говоре и литературном коми-пермяцком языке³ по словарю [24] оказалось, что место ударения в подавляющем большинстве таких слов совпадает.

Насколько нам известно, ранее в литературе не было дано объяснения, в каких случаях в непроезженных словах с двумя узкими гласными в ко-

¹ Эксплицитное указание на длительность и интенсивность гласного приводится в статье в тех случаях, когда постановка ударения не очевидна на слух для носителя русского языка. В остальных примерах эту информацию можно получить на сайте в онлайн-словаре (<http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/522/4/perspective/522/5/view>).

² В настоящее время примеров глаголов с III а.п. в доеговском нижнеиньвенском говоре найдено менее десяти, поскольку удалось собрать акцентную парадигму лишь от нескольких десятков глаголов.

³ В непроезженных глаголах с двумя узкими гласными в литературном коми-пермяцком языке ударение всегда падает на первый слог в отличие от кудымкарского и нижнеиньвенского диалектов, в которых ударение, как было показано выше, может быть и на первом, и на втором слоге.

ми-пермяцких диалектах ударение ставится на первый слог, а в каких на второй. Представляется, что факт наличия разноместного ударения в словах с узкими гласными в различных коми-пермяцких диалектах и литературном языке указывает на первичность ударения по отношению к происхождению систем современных гласных в диалектах коми языков, поскольку становится ясно, что место ударения не во всех случаях связано с качеством гласных.

2.3. Ударение в хантыйских диалектах

В 2011 г. во время работы в Национальной библиотеке Финляндии в г. Хельсинки с архивом М.А. Кастрена было обнаружено, что в его записях зафиксировано разноместное ударение в южнохантыйских диалектах на Иртыше. Это чрезвычайно ценные данные, поскольку в настоящее время южнохантыйских диалектов уже нет. В списке М.А. Кастрена представлено около 200 слов, в подавляющем большинстве непроемных существительных и глаголов в форме 1 л. ед. ч. настоящего или прошедшего времени и инфинитива. В инфинитивах ударение падает всегда на первый слог, а в косвенных падежах имен и в форме 1 л. ед. ч. настоящего или прошедшего времени глаголов ударение может падать как на первый, так и на второй слог. Какую-либо зависимость от качества гласных в словоформе нам выявить не удалось. Эти данные заставляют предположить, что в южнохантыйских диалектах в непроемных словах было представлено парадигматическое фонологически значимое ударение.

Учитывая, что аналогичные системы были выявлены в центральных и южноселькупских диалектах (экспедиции 2009–2010 гг., архивные данные М.А. Кастрена, А.П. Дульзона) [25], во всех ненецких диалектах (экспедиции М.К. Амелиной 2009–2012 гг.) [26, 27] и в качестве рудиментов в энецком языке (архивные данные М.А. Кастрена) и полевые данные на портале lingvodoc.ispras.ru [28], можно предположить, что парадигматическое ударение в уральских языках является весьма древним. Поэтому представлялось целесообразным продолжить его поиск в других хантыйских и мансийских диалектах.

Работа по поиску таких систем ведется нашим коллективом в рамках работ по грантам Президента РФ, РГНФ, РНФ. За последние 8 лет была проведена серия экспедиций в отдаленные районы Западной Сибири, где в результате контактов с местной администрацией было установлено, что там проживают ханты или манси, владеющие родным языком: к березовским, казымским, шурышкарским, низямским, салымским, сургутским, васюганским, александровским, ваховским хантам, среднеобским, юкондинским, сосвинским манси. Было выявлено, что в большинстве северо-западных диалектов хантыйского языка ударение фиксировано на первом слоге. Ситуация с ударением в шурышкарском диалекте нуждается в дальнейших исследованиях. Оно явно разноместное, что отмечают и сами носители языка, но при анкетировании С.В. Ониной был зафиксирован ряд слу-

чаев, когда одна и та же словоформа в разных контекстах имела ударение то на первом, то на втором слоге. Представляется, что анализ полного материала словаря и представительного числа контекстов в фонетической программе Praat позволит описать эту систему. В салымском¹, васюганском, ваховском диалектах, которые считаются восточнохантыйскими, видимо, представлено ударение, которое особым образом зависит от состава гласных в словоформе, ср. [30], а в низямском диалекте хантыйского языка, промежуточном между северо- и юго-западными, в кондинском, обском, сосвинском (д. Хулимсунт) диалектах мансийского языка было выявлено разноместное ударение. В каждом диалекте был записан полный словник всей исконной финно-угорской лексики от двух и более носителей языка². В настоящее время эти словари можно найти на сайте lingvodoc.ispras.ru.

Сопоставление низямских³ данных с материалами М.А. Кастрена по иртышскому диалекту, проведенное в [31], позволило сделать следующий вывод. В непроезженных словах ударение в современном низямском диалекте и ударение южнохантыйских данных М.А. Кастрена, записанных на Иртыше, полностью совпадают, и оно может быть фиксировано либо на корне, либо на окончании. Поскольку ни в материалах М.А. Кастрена, ни в полевых записях от носителей низямского диалекта не представлены развернутые парадигмы, то вопрос о наличии изменения места ударения при словоизменении остается открытым. В словообразовательных производных в низямском диалекте произошла категоризация иктуса, которая при отсутствии непроезженных форм в словаре не позволяет установить ак-

---

¹ Этот диалект, по данным предшествующих исследователей (см. [29]), относится к уже исчезнувшему. М.К. Амелина нашла несколько десятков людей, хорошо владеющих диалектом, но их них лишь одна женщина, Светлана Петровна Каюкова, согласилась сотрудничать.

² Исключение составляет салымский диалект, где словник был записан от одной носительницы говора и не полностью.

³ Записи по низямскому диалекту были сделаны С.В. Онойной: была проведена экспедиция к последним носителям низямского диалекта, живущим изолированно от носителей казымского диалекта, наиболее распространенного и положенного в основу литературного языка. Было проанкетировано два человека пожилого возраста (старше 60 лет), живущих изолированно в лесах: Ольга Сергеевна Хорова, Сергей Николаевич Хоров. Родным диалектом они владели все-таки весьма слабо (основной язык общения – русский). От каждого носителя было записано около 200 слов исконной лексики, для каждого слова – несколько контекстов с разными парадигматическими формами. Затем С.В. Онина опросила свою более молодую коллегу-филолога (Антонину Николаевну Никонову), которая специально поддерживает хороший уровень владения родным низямским диалектом, при том что она работает и преподает на казымском. Эта носительница начитала в студийных условиях на диктофон полный словарь низямского диалекта (около 2500 слов), но, к сожалению, без контекстов и парадигматических форм. Несмотря на это, материал, представленный ею, очень ценный, потому что последние данные о низямском диалекте были записаны более 80 лет назад, а сейчас он находится на грани исчезновения. Обработанный, затранскрибированный А.А. Козловым, протимологизированный Ю.В. Норманской, этот словарь доступен по ссылке <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/654/3/perspective/654/4/view>.

центный тип корня. Это ударение, видимо, следует реконструировать для прахантыйского языка, поскольку, с одной стороны, в восточных диалектах представлена явно инновационная система ударения, связанная с прахантыйским качеством гласного, а с другой стороны, низямско-иртышские а.п. имеют и надежные соответствия в других уральских языках.

2.4. Соответствие прапермского ударения в мансийских диалектах

Мансийское разноместное ударение отмечалось еще в XIX в. в работе В. Munkácsi [35]. Он приводит парадигмы глагола для северных, восточных, западных и южно-мансийских диалектов.

Для **тавдинского (южного) диалекта** Б. Мункачи выделяет две акцентные парадигмы: у одной части глаголов с одним и тем же типом спряжения ударение фиксировано на первом слоге, а у дркгой – на втором. К сожалению, материал, приведенный в монографии [35], нельзя назвать исчерпывающим. Как было сказано выше, в качестве иллюстрации глагольных парадигм для каждого из диалектов приводится лишь несколько лексем. Более информативен в этом плане словарь [36]. В нем практически для каждой глагольной южномансийской лексемы отмечено место ударения в форме третьего лица множественного числа настоящего времени, по которому можно судить, относился ли глагол к первой или второй акцентной парадигме, место ударения в которых указано в [35]. К сожалению, в словаре отсутствуют данные о разноместном ударении в восточных и западных диалектах, которое было отмечено в монографии.

В материалах А. Каннисто также отмечено ударение в южномансийских диалектах. Однако в недавно опубликованном словаре [37] в двухсложных словах или основах ударение в тавдинском диалекте всегда стоит на втором слоге, как в глаголах, так и в именах. Этот факт отмечен и в монографии [38. С. 15].

Таким образом, наблюдается противоречие между данными Б. Мункачи и А. Каннисто. В именах, по Б. Мункачи, в тавдинском диалекте ударение всегда падает на первый слог, по материалам А. Каннисто – на второй. В тех глаголах, в которых, по А. Каннисто, ударение фиксировано на втором слоге основы, по Б. Мункачи, оно может быть в форме третьего лица множественного числа настоящего времени как на первом слоге, так и на втором. Как объяснить это противоречие, не вполне ясно. Но как будет показано ниже, ударение в тавдинских формах, по Б. Мункачи, достаточно точно соответствует современным полевым данным.

В 2013 г. М.К. Амелина предприняла экспедицию в д. Шугур Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) с целью сбора материала по юкондинскому диалекту мансийского языка¹, в резуль-

---

¹ В ходе экспедиции были найдены всего два носителя этого диалекта, которые могли на нем говорить: Елизавета (Анна)¹ Ивановна Селиванова (урожд. Нохова) (1923 г. р., на момент записи – 89 лет) и Максим Семенович Шивторов (1939 г. р., на

тате в собранном материале были выявлены три акцентные парадигмы в глаголах, словарь этого диалекта доступен по ссылке <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/657/3/perspective/657/4/view>, более подробная информация о нем представлена в статье [39].

Как было сказано выше, разноместное ударение в северномансийских диалектах, насколько нам известно, отмечено ранее не было. Но в результате полевой работы в 2013 г. в двух селах Октябрьского района ХМАО – Нижние Нарынкары и Перегрёбное – было выявлено разноместное ударение в глагольных парадигмах среднеобского диалекта мансийского языка¹. Словарь этого диалекта доступен по ссылке <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/656/2/perspective/656/3/view> более подробная информация о нем представлена в статье [39], а в 2016 г. в с. Хулимсунт Березовского района ХМАО в глагольных парадигмах сосвинского диалекта мансийского языка. Словарь этого диалекта доступен по ссылке <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/660/7/perspective/660/8/view>.

Ниже приведем глагольные акцентные парадигмы в двух северных (среднеобском и сосвинском) и одном восточном (юкондинском) мансийских диалектах, выявленные в результате анализа в фонетической программе Праат полевого материала по северным и восточному мансийским диалектам.

Во всех рассматриваемых мансийских диалектах было выявлено три акцентных парадигмы: в первой ударение фиксировано на первом слоге, во

момент записи – 74 года); остальные манси в д. Шугур помнят лишь отдельные слова. От этих двух носителей были записаны полные словники исконной лексики с парадигмами и контекстами их употребления, а также небольшие тексты. Через пять дней после отъезда М.К. Амелиной из д. Шугур, 2 апреля 2013 г., Е.И. Селиванова скончалась. Важно отметить, что в настоящее время анализ данных, собранных от двух носителей восточномансийского (юкондинского) диалекта, указывает на их высокую значимость для лингвистики: оказалось, что по сравнению с литературным северномансийским в восточномансийском диалекте представлены архаические черты – три степени долготы гласных и три акцентных парадигмы глагола. Собранный материал подтверждает, что эти черты, которые встречаются и в обском (северномансийском) диалекте, должны быть реконструированы и для прамансийского языка. Наличие записей от двух носителей указывает на то, что та или иная черта не является особенностью идиолекта одного носителя, а была свойственна идиому в целом. На этом примере видно, что каждый год промедления может быть фатальным для сохранения материала языков и диалектов, которые находятся на грани исчезновения.

¹ Он опросил и по возможности записал словник исконной лексики от четырех носителей обского диалекта мансийского языка из д. Нижние Нарынкары: Галины Васильевны Бутариной, Нины Иосифовны Куликовой, Зинаиды Яковлевны Матвеевой, Клавдии Семеновны Плехановой – и от двух носителей из с. Перегрёбное – Таисии Григорьевны Гындышевой и Евдокии Григорьевны Ярлиной. Почти все носители обского диалекта мансийского языка старше 60 лет. В детстве они владели только мансийским языком и до школы не знали русского. В настоящее время дома с детьми и внуками они говорят только по-русски, между собой общаются по-мансийски, но часто переходят на русский язык.

второй оно находится не на первом слоге, а в третьей в части форм на первом слоге, а в других на втором.

Опираясь, на существующие материалы, мы сделали попытку реконструировать прамансийскую систему ударения. Подводя итоги проведенного анализа, можно сказать, что привлечение материала сосвинского диалекта с. Хулимсунт, собранного в полевых условиях Р.И. Идрисовым в 2016 г., подтверждает гипотезу, выдвинутую в статьях [39, 40], о реконструкции четырех акцентных парадигм для глаголов в прамансийском языке.

Таблица 10

Реконструкция прамансийских акцентных парадигм и их развитие в диалектах

ПМанс.	Сосьв. диал.	Ср.-обск. диал.	Юконд. диал.	Тавд. диал.
I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.
II а.п.	II а.п.	II а.п.	II а.п.	II а.п.
III а.п.	III а.п.	III а.п.	III а.п.	I а.п.
IV а.п.	I а.п.	III а.п.	III а.п.	II а.п.

3. Внешняя реконструкция прасамодийского ударения

Итак, в результате проведенного анализа было реконструировано разноместное ударение в следующих дочерних уральских языках:

- 1) в ПС языке – две акцентные парадигмы;
- 2) в ФВ языке – две акцентные парадигмы;
- 3) в ПП языке – четыре акцентные парадигмы;
- 4) в ПХант. языке – две акцентные парадигмы;
- 5) в ПМанс. языке – четыре акцентные парадигмы.

Было проведено полексемное сравнение а.п. в дочерних уральских языках с целью реконструкции ПУ системы ударения.

В результате были реконструированы следующие ПУ акцентные парадигмы:

Таблица 11

Прауральские акцентные парадигмы и их соответствия в дочерних языках

ПУ	ФВ	ПП	ПС	ПХант.	ПМанс.
I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.	I или III а.п.
II а.п.	I а.п.	II а.п.	I а.п.	I а.п.	II или IV а.п.
III а.п.	I а.п.	III а.п.	II а.п.	II а.п.	I или III а.п.
IV а.п.	II а.п.	IV а.п.	I а.п.	I а.п.	II или IV а.п.

Ниже приводится перечень праформ по [3], для которых можно установить а.п. в самодийских языках и еще как минимум в одной языковой семье – ФВ, ПП или ПХант. В таких случаях можно установить ПУ а.п. парадигму. К сожалению, в рамках статьи нет возможности давать обоснование выбора той или иной реконструкции а.п. Но это возможно проверить при обращении к [3]. Таблицы рефлексии гласных в зависимости от ударной vs безударной позиции в ФВ, ПП, ПС приведены в настоящей статье, в большинстве случаев по ним можно установить ФВ, ПП или ПС а.п. Дополнительные критерии уста-

новления места ударения, когда у слова нет рефлекса в мордовских языках или нет прасамодийской реконструкции, и информация о реконструкции ФВ и ПС а.п. для конкретных лексем представлены в [12, 28], здесь приводится лишь иллюстративная форма. Материал по низямскому и иртышскому диалектам хантыйского языка частично дан в статье [31], но учитывая, что там приведены лишь иллюстративные примеры, здесь при указании прахантыйской а.п. мы приводим форму из архива М.А. Кастрена или полевых низямских материалов. Для прамансийского диалекта диагностическими являются глагольные формы юкондинского, обского и сосвинского диалектов из наших полевых записей. Для всех упоминаемых слов эти формы по диалектам приведены в статьях [39, 40] и на сайте lingvodoc.ispras.ru. Во всех диалектах сохранились только три или две а.п. из четырех, которые мы реконструируем для ПМанс. В юкондинском (восточном) совпали I и IV а.п., в обском и сосвинском диалектах (северных) – III и IV а.п. Здесь мы в качестве иллюстрации приводим в первую очередь юкондинскую форму, если она не засвидетельствована, то пример из северных диалектов.

ПУ I а.п.: ФВ I а.п. – ПП I а.п. – ПС I а.п. – ПХант. I а.п. – ПМанс. I или III а.п.

1. **amV*- ‘сидеть’ [3. С. 8]: ПС I а.п. (**āmtə* (сев.-самод.) ~ **āmtʒ* (юж.-самод.)) – ПХант. I а.п. (низям. *ómāsty* ‘сидеть’) – ПМанс. I а.п. (юконд. *wōndlat* ‘они сидят’);

2. **kunta* ‘ловить, искать’ [3. С. 207]: ФВ I а.п. (морд. *kunda-* (Е), *kunda-* (*kunda-*) (М) ‘трогать, ловить’ [Raasonen 1992: 956]) – ПС I а.п. (ненец. *χāñje-* (О) ‘ловить’) – ПМанс. I а.п. (сосьв. *xónteyət* ‘найдут’);

3. **kuška* (**koška*) ‘сухой, сохнуть’ [3. С. 223]: ФВ I а.п. (морд. *koške* (Е), *koškä* (М) ‘сухой, тощий’, *koške-* (Е), *koško-* (М) ‘сухой’ [41. С. 872]) – ПП I а.п. (пик. *kōšta* ‘я сушу’) – ПС I а.п. (**kāsə* ‘сухой’ [4. С. 60]);

ПУ II а.п.: ФВ I а.п. – ПП II а.п. – ПС I а.п. – ПХант. I а.п. – ПМанс. II или IV а.п.

1. **elä-* ‘жить’ [3. С. 73]: ФВ I а.п. (морд. *eŕa-*, *äŕa-* (Е), *eŕa-* (М) ‘жить’ [4. С. 368]) – ПП II а.п. (пик. *uá*) – ПС I а.п. (ненец. *jīle-* (О) ‘жить’);

2. **kärV* ‘завязывать, шнуровать’ [3. С. 139]: ПП II а.п. (пик. *gərd’á* ‘я вяжу’) – ПС I а.п. (**ker-* ‘надевать’ [4. С. 68]);

3. **kaða* ‘оставлять, покидать’ [3. С. 115]: ФВ I а.п. (морд. *kado-* (Е) *kadə-* (М) ‘оставлять, позволять’ [41. С. 561]) – ПП II а.п. (пик. *kol’á* ‘я оставляю’) – ПС I а.п. (**kājä-* ‘оставлять’) – ПМанс. II а.п. (обск. *χul’ti* ‘остаётся’, *χul’téit* ‘они остаются’);

4. **pele* ‘бояться’ [3. С. 370]: ПП II а.п. (пик. *poá* ‘я боюсь’) – ПС I а.п. (ненец. *pīlū-* (О) ‘бояться’) – ПХант. I а.п. (ирт. *Peédem* ‘я боюсь’) – ПМанс. II а.п. (юконд. *pelí* ‘он боится’, *pel’ét* ‘они боятся’);

5. **tumte* ‘чувствовать, воспринимать, знать’ [3. С. 536]: ПП II а.п. (пик. *tədə*) – ПС I а.п. (**tjumtjə* ‘знать’ [4. С. 167]);

ПУ I или II а.п.: ФВ I а.п. – ПС I а.п. – ПХант. I а.п. (Это те случаи, когда ПП или ПМанс. а.п. не известны)

1. *äjmä 'иголка' [3. С. 22]: ПП I а.п. (коми *jet* (S) 'игла') – ПС I а.п. (*ejmä ~ *nejmä);
2. *aña 'жена старшего родственника' [3. С. 10]: ФВ I а.п. (морд. *niz-aŋa* 'теща' (E), *aŋaka* 'старшая сестра' (M)) – ПП I а.п. (коми *əne*, *əña* 'невестка') – ПС I а.п. (ненец. *ńějǰè* (O) 'младшая сестра матери' [34. С. 313]¹);
3. *aŋe 'дыра, нора' [3. С. 11]: ПП I а.п. (коми *vom* (S) 'рот') – ПС I а.п. (*äŋ 'рот' [4. С. 20]);
4. *aŋtV (*oŋtV) 'рот' [3. С. 12]: ПС I а.п. (*ämtə 'рот' [4. С. 20]) – ПХант. I а.п. (хант. *Onget Castrén*);
5. *apte 'волос' [3. С. 14]: ПС I а.п. (*eptə [4. С. 21]) – ПХант. I а.п. (низям. *épat*);
6. *apV 'старшая женщина в семье' [3. С. 15]: ПС I а.п. (*äpā 'старшая сестра' [4. С. 21]) – ПХант. I а.п. (низям. *üpi* 'старшая сестра');
7. *ekä 'старший мужчина в семье' [3. С. 72]: ПС I а.п. (ненец. *n'ėkke* (O) 'старший брат' [34. С. 313]²) – ПХант. I а.п. (*Ika Castrén*);
8. *erV 'большой, много, старый' [3. С. 75]: ПС I а.п. (ненец. *jīrī* (O) 'дедушка') – ПХант. I а.п. (низям. *āra*);
9. *icä 'отец' [3. С. 78]: ФВ I а.п. (морд. *óčä*, Род. *óčāñ* (M) 'старший брат со стороны отца' [41. С. 1416]) – ПС I а.п. (*ejsä 'отец' [4. С. 21]);
10. *jäpse 'тонкие палочки, копьё' [3. С. 94]: ПП I а.п. (коми *joň* (S) 'тонкие палочки') – ПС I а.п. (*jəpsə 'палочки для жарки' [4. С. 41]);
11. *järV 'круг' [3. С. 94]: ПП I а.п. (коми *jər* (S) 'сад овощей') – ПС I а.п. (ненец. *jəŕ-* (O) 'круг' [34. С. 136–137]³);
12. *jOrtV 'друг, товарищ' [3. С. 108]: ПП I а.п. (коми *jort* (I P PO) 'товарищ, супруг') – ПС I а.п. (ненец. *jыry* (O) 'друг');
13. *kačV 'подарок, дарить' [3. С. 111]: ПП I а.п. (коми *koçin* (S) 'подарок') – ПС I а.п. (*kesəj [4. С. 61]);
14. *kajV (*kojV) 'ложка' [3. С. 117]: ПП I а.п. (коми *koj* (VU) 'деревянная лопатка') – ПС I а.п. (*kuj 'ложка' [4. С. 76]);
15. *kala 'рыба' [3. С. 119]: ФВ I а.п. (морд. *kal* (E), *kal* (M) [41. С. 574]) – ПС I а.п. (*kelə 'рыба' [4. С. 59]);
16. *kalma 'труп' [3. С. 119]: ФВ I а.п. (морд. *kalmo* (E), *kalmä* (M) 'гроб' [41. С. 582]) – ПС I а.п. (*kelmz 'труп' [4. С. 59]);
17. *kälV (? *kälV-wV) 'невестка' [3. С. 135]: ПП I а.п. (коми *kel* (*kelj-*) (S) 'невестка') – ПС I а.п. (*kelə [4. С. 67]);

¹ Для этого слова мы приводим форму из словаря [34], поскольку в словаре [3] в ненецкой форме этого слова допущена опечатка и оно приведено без долготы в первом слоге *neje*

² Для этого слова мы приводим форму из словаря [34], поскольку в словаре [3] в ненецкой форме этого слова допущена опечатка и оно приведено без долготы в первом слоге *neka*.

³ Для этого слова мы приводим форму из словаря [34], поскольку в словаре [3] в ненецкой форме этого слова допущена опечатка и оно приведено без долготы в первом слоге *jorka*.

18. *kama ‘кожура’ [3. С. 121]: ПП I а.п. (коми *komje* (Le.) ‘кожура’) – ПС I а.п. (*kətmə [4. С. 63]);
19. *kanta ‘груз, нести’ [3. С. 124]: ФВ I а.п. (морд. *kando* (E), *kandä*, Род. *kandən* (M) ‘сваленное дерево, бурелом’ [41. С. 595]) – ПС I а.п. (**kente-* ‘носить’ [4. С. 59]);
20. *kerä ‘легкий’ [3. С. 146]: ПП I а.п. (удм. *karimi* (S) ‘легкий’) – ПС I а.п. (**kejrz-* ‘легкий’ [4. С. 67]);
21. *kojwa ‘копать, черпать’ [3. С. 170]: ФВ I а.п. (морд. *kojme*, *kojmä* (E), *kajmä* Род. *kajmäñ* (M), *kajmä́* (M) [Raasonen 1996, 820]) – ПС I а.п. (*kəjwe);
22. **komV(rV)* ‘пустая ладонь’ [3. С. 175]: ФВ I а.п. (морд. *komoro* (E), *komor* (M) ‘горсть’) – ПП I а.п. (коми *katir* ‘горсть’) – ПС I а.п. (*kəme, *keme ‘(раскрытые) руки’ [4. С. 63]);
23. **końčkV ~ *kočkV* ‘кора дерева’ [3. С. 179]: ПП I а.п. (коми *kazm* (S) ‘внутренний срез коры сосны’) – ПС I а.п. (*kəse ‘кора дерева’ [4. С. 65]);
24. *korkV ‘вид дикой утки или чайки’ [3. С. 185]: ПП I а.п. (коми *kerēg* (S) ‘утка’) – ПС I а.п. (ненец. *χыаохо*, *χыаыхо* (O) ‘черная морская чайка’);
25. *kučV ‘муравей’ [3. С. 192]: ПС I а.п. (**kecz-* ‘муравей’ [4. С. 65]) – ПХант. I а.п. (низям. *χəfja*);
26. **kulV(-kV)* ‘ворон’ [3. С. 200]: ПС I а.п. (*kuləjə ‘ворон’ [4. С. 77]) – ПХант. I а.п. (низям. *χələχ*);
27. *kure ‘завязывать, шнуровать’ [3. С. 215]: ПП I а.п. (коми *ker-* (S, P) ‘делать складки’) – ПС I а.п. (**kure-* ~ (? **kujre-*) ‘завязывать’ [4. С. 76]);
28. *kurV ‘корзина, сосуд из березы’ [3. С. 219]: ПП I а.п. (удм. *kór* (K) ‘корзина из коры липы’) – ПС I а.п. (*kor ‘сосуд’ [4. С. 74]);
29. *läppV (~ *däppV, -e-) ‘селезенка’ [3. С. 242]: ПП I а.п. (коми *lor* (*lorj-*) (S) ‘селезенка’) – ПС I а.п. (ненец. *garъв* (Nj.) ‘селезенка’);
30. **mättV (mVttV)* ‘дом, чум’ [3. С. 269]: ПП I а.п. (коми *matε* (S) ‘вблизи’) – ПС I а.п. (*mət ‘палатка, дом’ [4. С. 90]);
31. *miñä ‘невестка, молодая женщина’ [3. С. 276]: ПП I а.п. (*mos* (S) ‘невестка’) – ПС I а.п. (**mej^lə* ‘невестка’ [4. С. 92]);
32. *ñErV ‘ростки, молодая поросль’ [3. С. 331]: ПП I а.п. (коми *ceɾ* (S) ‘росток’) – ПС I а.п. (*ceɾ ‘ива’ [4. С. 108]);
33. *numV ‘верх, Бог’ [3. С. 308]: ПС I а.п. (*num ‘небо, погода, Бог’ [4. С. 108]) – ПХант. I а.п. (низям. *пəтəн*);
34. *oŋtV ‘копье’ [3. С. 342]: ПС I а.п. (*oŋtə) – ПХант. I а.п. (низям. *oŋtə*);
35. *osa ‘ягода’ [3. С. 343]: ПП I а.п. (коми *oz* (S) ‘ягода’) – ПС I а.п. (*wot3);
36. *pala ‘кусочек, пожирать’ [3. С. 350]: ФВ I а.п. (морд. *pal* (E) ‘кусочек (о продуктах)’, *pal*, Род. *palən* (M) ‘мясо’ [41. С. 1510]) – ПП I а.п. (коми *palak* (Skr.) ‘пласт; ком, комок (земли, навоза, снега)’) – ПС I а.п. (**pələ-* ‘глотать’ [4. С. 116]);
37. *pälä ‘половина, сторона’ [3. С. 362]: ФВ I а.п. (морд. *pele* (E), *pälä* (M) ‘половина’ [Raasonen 1994, 1597]) – ПП I а.п. (коми *pel* (S) ‘сторона’) –

ПС I а.п. (*peld ‘половина’) – ПХант. I а.п. (ирт. *Pállek* ‘сторона’, низ. *pélək* ‘сторона’);

38. *pälkä ‘большой палец’ [3. С. 363]: ФВ I а.п. (морд. *peeka* (E), *pðEkð* (M)) – ПП I а.п. (*pel* (S)) – ПС I а.п. (ненец. *rokge* (O));

39. *piłmV ‘темный, становиться темный’ [3. С. 381]: ПП I а.п. (коми *petid* (S) ‘темный’) – ПС I а.п. (ненец. *pðewdme* (O));

40. *pučke ‘высокий стебель’ [3. С. 397]: ФВ I а.п. (морд. *počko* (E), *počka* (M)) – ПС I а.п. (*pučə ‘ядро’ [4. С. 129]);

41. *sala ‘прятать, воровать’ [3. С. 430]: ФВ I а.п. (морд. *sala-* (E M) ‘прятать, воровать’, [41. С. 1937]) – ПС I а.п. (**tälä-* ‘воровать’ [4. С. 150]) – ПХант. I а.п. (низям. *tótmaχ* ‘он ворует’);

42. *seŋkV (*säŋkV) ‘какой-то член’ [3. С. 439]: ПС I а.п. (ненец. *čeŋkät* (P) ‘предплечье’, *iäŋkäd* (T) ‘плечо’) – ПХант. I а.п. (низям. *θäŋkər* ‘плечо’);

43. **šidä(-mV)* (**südü(-mV)*) ‘сердце’ [3. С. 477]: ПП I а.п. (коми *ŋeļeļet* (S) ‘сердце’) – ПС I а.п. (*sejə ‘сердце’ [4. С. 139]);

44. *sVŋčV (*sVŋčV-IV) ~ *sVčV (*sVčV-IV) ‘ящерица’ [3. С. 454]: ПП I а.п. (коми *жозмил* (S)) – ПС I а.п. (*tjensə ‘ящерица’ [4. С. 151]);

45. *tijä ‘узкий’ [3. С. 523]: ФВ I а.п. (морд. *teja* (E), *täjñä* (M)) – ПС I а.п. (ненец. *tije* (O));

46. *watka ‘очищать кору с дерева’ [3. С. 561]: ФВ I а.п. (морд. *vatka-* (E M)) – ПС I а.п. (ненец. *wətw-* (OP));

47. *woča ‘изгородь’ [3. С. 577]: ПП I а.п. (коми *vož* (Pr. V) ‘сеть для ловли рыбы’) – ПС I а.п. (*wec ‘изгородь’ [4. С. 151]);

48. *đimä (*đümä) ‘клей’ [3. С. 66]: ПП I а.п. (коми *eemeđ-* (S) ‘клеить’) – ПС I а.п. (ненец. *jobme, joŋe* (O));

Исключения:

1. *čecä ‘дядя’ [3. С. 34]: ФВ II а.п. (морд. *čiče* (E) ‘муж сестры, который старше, чем я’, *ščəŋä́* St. *ščəŋä́-* (M) ‘бабушка со стороны матери’ [41. С. 259]) – ПП I а.п. (коми *жоћ* (S) ‘дядя’) – ПС II а.п. (*cicə ‘дядя’ [4. С. 133]);

2. *kOIV ‘(внутренние) черви’ [3. С. 227]: ПП I а.п. (коми *škol* (S)) – ПС II а.п. (ненец. *χalo* (O));

3. *lappV ‘плоский’ [3. С. 237]: ПП I а.п. (коми *lap* (I)) – ПС II а.п. (*lapcw-* (O));

4. *pašV (*paškV) ‘нора, отверстие’ [3. С. 357]: ПП I а.п. (*paŋkal-* (S) ‘распространяться’) – ПС II а.п. (*raso* (O) ‘вагина’);

5. *rape ‘класть, ставить’ [3. С. 353]: ПП I а.п. (коми *peŋ-* (S P) ‘coire cum femina’) – ПС I а.п. (**peŋ-* ‘лежать’ [4. С. 118]) – ПХант. I а.п. (ирт. *Päném* ‘я кладу’);

6. *pesä ‘гнездо’ [3. С. 375]: ФВ I/II а.п. (морд. *řize* (E), *řizä* Род. *řizəŋ* (M), Raasonen 1994, 1693) – ПП I а.п. (коми *poz* (S)) – ПС II а.п. (*pitə ‘гнездо’ [4. С. 126]);

7. *tappa ‘топать ногами, бить стучать’ [3. С. 509]: ФВ I а.п. (морд. *tapa-* (E M) ‘разбить’ [Raasonen 1996: 2264]) – ПП I а.п. (*tapki-* (S) ‘идти, мягко ступая лапами’) – ПС II а.п. (ненец. *tarar-* (O));

ПУ III а.п. ФВ I а.п. – ПП III а.п. – ПС II а.п. – ПХант. II а.п. – ПМанс. II или IV а.п.

1. *ala ‘место под чем-либо’ [3. С. 6]: ФВ I а.п. (морд. *alo* (E), *alä* (M) ‘низ, нижний’ [41. С. 22]) – ПП III а.п. (*uljn* (S) ‘под’) – ПС II а.п. (*ilä ‘почва’ [4. С. 24]);

2. **älV-* ‘поднимать, нести’ [3. С. 24]: ПС II а.п. (*ilä ‘поднимать’ [4. С. 26]) – ПХант. II а.п. (низям. *adém:ati*);

3. **anV(-ppV)* ‘теща, свекровь’ [3. С. 9]: ПС II а.п. (*inärä ‘тесть’ [4. С. 24]) – ПХант. II а.п. (низям. *winturá* Лос ‘к свекрови’);

4. *čančV ~ *čačV ‘родиться’ [3. С. 53]: ФВ I а.п. (морд. *šačo-*, *čačo-* (E), *šačo-* (M)) – ПП III а.п. (коми *čuž-* (S)) – ПС II а.п. (*tenc* (O) ‘вид’) – ПХант. I/II а.п. (низям. *šóšy*);

5. **ime-* ‘сосать’ [3. С. 82]: ПС II а.п. (*nimhe-* (O)) – ПХант. II а.п. (*emém* Castrén);

6. *imV ‘старая женщина, бабушка’ [3. С. 83]: ПС II а.п. (**imz-* ‘старая женщина, бабушка’ [4. С. 27]) – ПХант. II а.п. (*Íma* Castrén, низям. *imí*);

7. *ipV ~ *ipV-sV ~ *ipV-šV ‘вкус, запах’ [3. С. 83]: ПП III а.п. (коми *is* (*isk-*) (S)) – ПС II а.п. (*äptä ‘запах’ [4. С. 16]);

8. **jaka-* ‘разделять, резать’ [3. С. 87]: ФВ I а.п. (морд. *javo-* *java-* (E), *javä-* (M) ‘делить’ [41. С. 503]) – ПП III а.п. (коми *juk-* (S P) ‘отделять’) – ПС II а.п. (*jäkä);

9. *joke ‘река’ [3. С. 99]: ПП III а.п. (коми *ju* (S)) – ПС II а.п. (*jäke) – ПХант. II а.п. (ирг. *Jeagá* ‘река’ – низ. *jučán* ‘река’);

10. **jomV-* ‘идти’ [3. С. 100]: ПС II а.п. (*jäm-* (O) ‘отправляться в путь с караваном оленей’) – ПМанс. IV а.п. (обск. *jómi* ‘он идет’, *jom'égät* ‘они идут’);

11. *kakta ~ *käktä ‘два’ [3. С. 118]: ФВ I а.п. (морд. *kavto*, *kafto* (E), *kafta* (M)) – ПП III а.п. (коми *kjk* (S)) – ПС II а.п. (*kitä ‘два’ [4. С. 71]);

12. *karke ‘журавль’ [3. С. 128]: ФВ I а.п. (морд. *kargo* (E), *karga* (M)) – ПС II а.п. (**kärä-* (?*käräjä) ‘журавль’ [4. С. 54]);

13. *karma ‘хотеть’ [3. С. 128]: ФВ I а.п. (морд. *karma-* (E M)) – ПС II а.п. (ненец. *čarwä-* (O));

14. *kič3 (*küčV) ‘кнопка, узел’ [3. С. 152]: ПП III а.п. (коми *gizmj* (URS) ‘крепкий узел’) – ПС II а.п. (**sis3(-)* ‘завязка’ [4. С. 141]);

15. *kinče (*künče) (~ ? *kiče (*küče)) ‘ноготь, коготь’ [3. С. 157]: ПП III а.п. (коми *gjh* (S) ‘ноготь’) – ПС II а.п. (*käte ‘ноготь’ [4. С. 155]) – ПМанс. II а.п. (обск. *kosčáti* ‘царапается’, *kosčáteit* ‘царапаются’);

16. **kiñe(-IV)* (**küñe(-IV)*) ‘слезы’ [3. С. 159]: ПП III а.п. (удм. *ñin-kjei* (S)) – ПС II а.п. (*käcälä ‘слезы’ [4. С. 53]);

17. *kintV (*küntV) ‘туман, пар, дым’ [3. С. 158]: ПП III а.п. (коми *mjl-kjd* (S) ‘мужество, радость’) – ПС II а.п. (*küntä ‘дым’ [4. С. 9]);

18. *kolme (*kulme) 'три' [3. С. 174]: ФВ I а.п. (морд. *kolmo* (E), *kolma* (M)) – ПП III а.п. (коми *kujim* (S));
19. *kuma 'согнутый, гнуться' [3. С. 201]: ФВ I а.п. (морд. *komā-* (E, M) 'нагибаться', *komaflo-* (E) 'опрокидывать' [41. С. 839]) – ПП III а.п. (коми *kjmes* (S) 'лоб') – ПС II а.п. (**kāmā-* 'падать' [4. С. 52]);
20. *kuña 'закрывать глаза, моргать' [3. С. 208]: ФВ I а.п. (морд. *kosa* (E), *koce-* (M)) – ПП III а.п. (коми *kuc-* (S) 'закрывать глаза') – ПС II а.п. (**kācā-* 'закрывать глаза' [4. С. 53]);
21. *kurV 'сгибаться' [3. С. 220]: ПП III а.п. (коми *kjriβen* (Lu.) 'косо, недоверчиво') – ПС II а.п. (*kāre, **kārā-* 'кривой' [4. С. 55]);
22. *lamte 'низкий, низина' [3. С. 235]: ФВ I а.п. (морд. *lanáda-* (E, M) 'присесть на корточки, сесть') – ПП III а.п. (коми *lud* (Рей.) 'долина') – ПС II а.п. (**lāmtz-* [4. С. 61]);
23. *lupša (*lepša) 'роса' [3. С. 261]: ФВ I а.п. *lakša-* (E), *leša-* (M) 'быть покрытым инеем' – ПС II а.п. (*jāpte 'роса' [4. С. 35]);
24. *mānV 'становиться свободным' [3. С. 268]: ПП III а.п. (коми *mjñ-* (S)) – ПС II а.п. (*mīnarij* (OP) 'толстый олень-бык');
25. *mene 'идти' [3. С. 272]: ПП III а.п. (тим. *mína*) – ПС II а.п. (**min-* 'ходить' [4. С. 94]) – ПХант. II а.п. (ирт. *Menidēm* 'выходил') – ПМанс. II а.п. (юконд. *el miní* 'он уходит', *el minést* 'они уходят');
26. *muna 'яйца, яички' [3. С. 285]: ФВ I а.п. (морд. *mona* (E, M) 'яичко' [41. С. 1282]) – ПС II а.п. (*mānā 'яйцо' [4. С. 86]);
27. *mura (*murV) 'кусочек, раскалывать' [3. С. 288]: ПС II а.п. (*mārā (~ ? *mār) 'раскалывать' [4. С. 87]) – ПХант. II а.п. (ирт. *Murtēm* Castrén);
28. *mura 'вид ягоды' [3. С. 287]: ПП III а.п. (коми *mjṛ-pon* (S)) – ПС II а.п. (ненец. *maran̄ka* (O));
29. *nime (? *lime) (*nime (? *lime) / *nime) 'имя' [3. С. 305]: ПП III а.п. (коми *sim* (S)) – ПС II а.п. (*nim, **nȳm* 'имя' [4. С. 102]);
30. *nirV 'царапать, скрести' [3. С. 320]: ПП III а.п. (коми *ciral-* (S)) – ПС II а.п. (ненец. *cira-* (Sjo. Lj.));
31. *niwa (*niṣa) 'удалять волосы' [3. С. 306]: ФВ I а.п. (морд. *nevélde-* (E) 'очищать от чешуи, обваривать кипятком', *nevélđā-* (M) 'ощипывать' [41. С. 1396]) – ПС II а.п. (**nij̄kā-* ~ **nij̄kā-* 'ощипывать' [4. С. 102]) – ПМанс. IV а.п. (юконд. *n'éwat* 'ощипывают');
32. *norV 'болото' [3. С. 324]: ПП III а.п. (коми *cur* (S)) – ПС II а.п. (*surka* (O) 'осина');
33. *paṅka 'завязка' [3. С. 354]: ФВ I а.п. (морд. *paṅgo* (E), *paṅga* (M) 'женский головной убор') – ПС II а.п. (*pāṅkā 'вена' [4. С. 113]);
34. *piḍe (~ *kā*) 'высокий, длинный' [3. С. 377]: ПС II а.п. (*pirā 'высота' [4. С. 125]) – ПХант. II а.п. (низям. *kārās pādāt*);
35. *pOca 'ласка' [3. С. 412]: ФВ I а.п. (морд. *paua* (E M)) – ПС II а.п. (*picā 'бобр' [4. С. 129]);
36. *puṣV 'выливаться' [3. С. 399]: ФВ I а.п. (морд. *puodo-* (E M) 'насыпать, рассыпать') – ПП III а.п. (тим. *búždi* 'я осыпаюсь') – ПС II а.п. (ненец. *pudarə-*, *pidarə-* (O) 'падать');

37. *ṛuna ‘плести’ [3. С. 402]: ФВ I а.п. (*rona* (E M)) – ПП III а.п. (*ṛin-* (Le.)) – ПС II а.п. (**ṛən-* ‘плести’ [4. С. 113]);

38. *ṛura ‘сверлить’ [3. С. 405]: ПП III а.п. (*ṛir* (P)) ‘через’ – ПС II а.п. (*ṛəṛəjəṛ сверло’ [4. С. 114]);

39. *pOrV ‘бегать, прыгать’ [3. С. 414]: ПМанс. IV а.п. (юконд. *péurəli* ‘он прыгает’, *péurələn* ‘они прыгают’ – обск. *púrge* ‘он прыгает’, *purgéiht* ‘они прыгают’) – ПС II а.п. (ненец. *partam-* (O) ‘внезапно выпрыгивать’);

40. *šilmä ‘глаз’ [3. С. 479]: ФВ I а.п. (морд. *šélme* (E), *šélmä* Pl. *šélmät* (M) [Raasonen 1996: 2128]) – ПП III а.п. (*šín* (*šínnt-*) (SP)) – ПС II а.п. (*šəjmd ‘глаз’ [4. С. 132]);

41. *soksV (*saksV, *seksV) ‘сосна кедровая сибирская’ [3. С. 445]: ПП III а.п. (*sus-pu* (V Ud.)) – ПС II а.п. (*títəjəṛ ‘сосна кедровая сибирская’ [4. С. 160]) – ПХант. I а.п. (низ. *túgel*);

42. *taje (*toja) ‘наклоняться, ломаться’ [3. С. 505]: ПП III а.п. (*tuj-* (S P)) ‘пригодный’ – ПС II а.п. (*tujə-* (O) ‘крест, вынуждающий поклониться’);

43. *tuktV ‘поперечная балка’ [3. С. 534]: ПП III а.п. (*tik* (*tíkj-*) (Ud.)) ‘поперечная древесина’ – ПС II а.п. (**tətə(-)* ‘поперечная балка’ [4. С. 149]);

44. *tuna ‘приучать, учить’ [3. С. 537]: ФВ I а.п. (морд. *tonado-* (E M)) – ПП III а.п. (*tun* (V)) ‘предсказатель’ – ПС II а.п. (**tíənt₁e-* ‘учить’ [4. С. 147]);

45. *warV ‘ворона’ [3. С. 559]: ФВ I а.п. (морд. *varaka*, *varšej*, *varšej*, *varšej*, *varkšij*, *varkšij* (E), *varši*, *varči* (M)) – ПС II а.п. (**wər-* ‘ворона’ [4. С. 170]) – ПХант. II а.п. (низям. *wurjá*).

46. *ala ‘место под чем-либо’ [3. С. 6]: ФВ I а.п. (морд. *al* (M) нижний, находящийся внизу, *alo* (E), *alä* (M) ‘низ, нижний’ [41. С. 22]) – ПП III а.п. (коми *-ul* (S) ‘помещение под полом’) – ПС II а.п. (*olä ‘почва’ [4. С. 24]);

47. *wilä (*wülä) ‘верх’ [3. С. 573]: ФВ I а.п. (морд. *véldé* (E) ‘через, посредством’, *véldä* (*véldə-*) (M) ‘благодаря, посредством’ [41. С. 2605]) – ПП III а.п. (коми *vjl* (S)) – ПС II а.п. (**i(-) ~ *ni*);

Исключения:

1. *kumpra ‘волна’ [3. С. 203]: ФВ I а.п. (морд. *kombä* Род. *kombän* (M)) ‘кочка, плавучий островок’, *kum-boldo-*, *kopildi-* (E) ‘быть в бурлящей воде, бурлить’ [41. С. 950]) – ПП III/IV а.п. (коми *gib-* (Vm.)) ‘плескаться, играть’) – ПС I а.п. (*ketpe, *kəmpre ‘волна’ [4. С. 59]);

2. *maksa ‘печень’ [3. С. 264]: ФВ I а.п. (морд. *makso* (E), *maksä* (M) [41. С. 1162]) – ПП III/IV а.п. (коми *mus* (S)) – ПС I а.п. (*mijtä ‘печень’ [4. С. 93]) – Пхант. I а.п. (ирт. *Miugat* ‘печень’ – низ. *míxəd* ‘печень’);

3. *enä ‘большой, много’ [3. С. 74]: ФВ I а.п. (морд. *inē* (E), *inä* (M)) ‘большой’ [41. С. 463]) – ПП III а.п. (*una* (S) ‘много’) – ПС I а.п. (*inđ ‘старший брат’ [4. С. 27]);

ПУ IV а.п. ФВ II а.п. – ПП IV а.п. – ПС I а.п. – ПХант. I а.п. – ПМанс. I или III а.п.

1. **juta-* ‘идти, путешествовать’ [3. С. 106]: ФВ II а.п. (морд. *juta-* (E), *jota-*, *juta-* (M) ‘проходить, переходить, проезжать’ [41. С. 549]) – ПС I а.п. (**jātā-* ‘идти’ [4. С. 38]);
2. *konV (*kana) (? + *ala*) ‘подмышка’ [3. С. 178]: ПП IV а.п. (коми *kum-les* (S) ‘подмышка’) – ПС I а.п. (*kōlʒŋ ‘подмышка’ [4. С. 63]);
3. *kora ‘кожа, кожура’ [3. С. 180]: ФВ II а.п. (морд. *kuvo* (E) ‘корка’, *kuva* (M) ‘корка, кора’) – ПП IV а.п. (коми *ku* (S PO) ‘мех’) – ПС I а.п. (*kope ‘кожа, кожура’ [4. С. 73]);
4. *luke ‘число, считать’ [3. С. 253]: ПП IV а.п. (тим. *vid’á* ‘я считаю’) – ПС I а.п. (ненец. *lāχnā* -);
5. *mOnV (*monV) ‘говорить’ [3. С. 290]: ФВ II а.п. (морд. *tuna-* (E), *məná-* (M) ‘заколдовывать’ [41. С. 1297]) – ПС I а.п. (**mā-*, **mān-* ‘говорить’ [4. С. 88]);
6. *muške (*moške) ‘мыть’ [3. С. 289]: ПП IV а.п. (тим. *mešká* ‘я мою’) – ПС I а.п. (**mesə-* ‘мыть’ [4. С. 89]);
7. *nejde (*nejde/*nejde) ‘девочка, дочь’ [3. С. 302]: ПП IV а.п. (коми *njī* (S) ‘детвора’) – ПС I а.п. (*ne ‘женщина’ [4. С. 100]);
8. **nota(-IV)* ‘заяц’ [3. С. 322]: ПП IV а.п. (коми *nimāl* (PO)) – ПС I а.п. (*nātmā ‘заяц’ [4. С. 105]);
9. *ončV ‘нельма’ [3. С. 339]: ПП IV а.п. (*už* (Ud. I)) – ПС I а.п. (*āncz ‘нельма’ [4. С. 18]);
10. *reje ‘вариться’ [3. С. 368]: ПП IV а.п. (тим., пик. *ruá* ‘я варю’) – ПС I а.п. (коми **pī-* [4. С. 123]) – ПМанс. I а.п. (юконд. *pójtæt* ‘они варят’);
11. *roča ‘влажный’ [3. С. 388]: ПП IV а.п. (коми *ričal-* (S) ‘впитанный’) – ПС I а.п. (ненец. *rōda-*);
12. *pora ‘пробка’ [3. С. 395]: ПП IV а.п. (коми *pur* (S) ‘открытая плита’) – ПС I а.п. (*pārʒ ‘нары на четырех ножках’ [4. С. 116]);
13. *purkV ‘снежная буря’ [3. С. 406]: ФВ II а.п. (морд. *porgams*, *purga-* (E), *purga’ms*, *pərga’-* (M) [41. С. 1850]) – ПП IV а.п. (коми *pjra* (Lu.)) – ПС I а.п. (ненец. *pārontāj* (O));
14. *seŋV ‘причесываться’ [3. С. 439]: ФВ II а.п. (морд. *seme*, *säme*, *sämä* (E), *sämä*, *semä* (M) ‘щетка’) – ПП IV а.п. (*sjnal-* (S)) – ПС I а.п. (**tiä-* ‘расчесывать’ [4. С. 62]);
15. *täwe ‘легкое’ [3. С. 519]: ПП IV а.п. (коми *tj* (S P)) – ПС I а.п. (*tīwǝ ‘легкое’ [4. С. 164]);
16. *ije ~ *oje ‘плавать’ [3. С. 542]: ПП IV а.п. (тим. *ujá* ‘плаваю’) – ПС I а.п. (**u-* ‘плавать’ [4. С. 29]) – ПХант. I а.п. (ирт. *Údjem*);
17. *wačV ~ *wančV ‘корень’ [3. С. 548]: ПП IV а.п. (коми *vuž* (S)) – ПС I а.п. (**wāncz(-)* ‘корень’ [4. С. 171]);

Исключения:

1. *kOrnV ‘ворон’ [3. С. 228]: ФВ II а.п. (морд. *křenč*, *křenš*, *křänš* (E), *kraňč* (M)) – ПП IV а.п. (коми *kjrnjš* (S)) – ПС II а.п. (**kəŋəjə(-)* ‘ворон’ [4. С. 55]);
2. **čEŋčV(-kV)* ‘маленькая (певчая) птичка’ [3. С. 48]: ПС II а.п. (**sIinsäkkz(-)* ‘птичка’ [4. С. 141]) – ПХант. I а.п. (низям. *čički* ‘птичка’);

3. *lEppV ‘бабочка’ [3. С. 259]: ПС II а.п. (*libérāpco* (Sj. N)) – ПХант. I а.п. (низям. *lipənta*).

Таким образом, можно предположить, что две акцентные парадигмы, сохранившиеся в селькупских и ненецких диалектах, являются архаичными и восходят к четырем прауральским акцентным парадигмам. Отметим, что они полностью коррелируют с акцентными парадигмами в низямском и иртышском хантыйских диалектах, что может свидетельствовать в пользу гипотезы о более близком родстве самодийских и обско-угорских языков, предложенной в работе [32].

В следующих публикациях мы планируем верифицировать гипотезу о четырех акцентных парадигмах в прауральском языке на полном материале этимологий [3]¹.

Сокращения

Языки и диалекты

- кам. – камасинский язык
- коми – язык коми
  - виш. – вишерский
  - воств. – восточновычегодский диалект
  - вс. – верхнесыольский диалект
  - доег. нижеин. – доеговский говор нижеиньвенского диалекта
  - кудым. – кудымкарский диалект коми
  - кя – коми-язьвинский язык
- нган. – нганасанский язык
- ненец. – ненецкий язык
  - тунд. – тундровый ненецкий язык
  - О – обдорский говор
- ПМ – прамордовский язык
- М – мокшанский язык
- Е – эрзянский язык
- ПП – прапермский язык
- ПС – прасамодийский язык
- ПСельк. – праселькупский язык
- ПУ – прауральский язык
- ПХант. – прахантыйский язык
- саам. – саамские языки
  - N – норвежский саамский язык
- Сельк. – общеселькупский язык
  - кет. – кетский диалект селькупского языка
  - нар. – нарымский диалект селькупского языка
  - таз. – тазовский диалект селькупского языка
  - ср.-обск. – среднеобской диалект селькупского языка
- удм. – удмуртский язык
  - юз. – юзовский диалект удмуртского языка

¹ В настоящей статье не были рассмотрены слова, у которых нет параллелей в самодийских языках.

ФВ – прафинно-волжский язык
 ФП – прафинно-пермский язык
 ФУ – прафинно-угорский язык
 хант. – хантыйский язык
     ирт. – иртышский диалект хантыйского языка
     низям. – низямский диалект хантыйского языка
 энец. – энецкий язык

Общие

Лос – локатив
 а.п. – акцентная парадигма
 Д1 – длительность 1-го гласного
 Д2 – длительность 2-го гласного
 И1 – интенсивность 1-го гласного
 И2 – интенсивность 2-го гласного

Литература

1. *Janhunen 1981* Uralilaisen kantakielen sanastosta // JSFOu. 1981
2. *Sammallahti P.* Historical Phonology of the Uralic Languages // The Uralic Languages: Description, History, and Foreign Influences. Brill, 1988. P. 478–554.
3. *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1986–1991. Bd. 1–3.
4. *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki : [Castrenianumin toimiteita 17], 1977.
5. *Норманская Ю.В.* Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. Ч. 1: Разноместное ударение в центральных и южных диалектах селькупского языка // Урало-алтайские исследования. 2012. № 1 (6). С. 117–148.
6. *Норманская Ю.В.* Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. Ч. 2: Внешние соответствия селькупского разноместного ударения в северно-самодийских и финно-угорских языках // Урало-алтайские исследования. 2012. № 2 (7). С. 59–81.
7. *Helimski E.* The Language of the First Selkup Books. Front Cover. Eugene Helimski : Attila József University, 1983.
8. *Salminen T.* Notes of Forest Nenets Phonology // Sámit, sánit, sátnehámit. Riepmočála Pekka Sammallahtii miessemánu 21. beaivve 2007. Doaimmahan Jussi Ylikoski ja Ante Aikio. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 253. Helsinki, 2007. P. 349–372.
9. *Sölkupisches* Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Donner K., Sirelius U.T. und Alatalo J. / Zusammengestellt und hrsg. von Alatalo J. Helsinki, 2004.
10. *Normanskaja Ju.V.* Reconstruction of the 14th and 15th Proto-Samoyedic vowels // Proceeding of the NORDSCI Conference. Helsinki, 2018, in print.
11. *Дыбо В.А.* Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. М. : Языки славянских культур, 2000.
12. *Норманская Ю.В.* Реконструкция прафинно-волжского ударения. М. : Тезаурус, 2008.
13. *Иванова Г.С.* Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2006.
14. *Geisler M.* Vokal-Null-Alternation, Synkope und Akzent in den permischen Sprachen. Wiesbaden : Harrasowitz, 2005.
15. *Норманская Ю.В.* Новый взгляд на историю пермского вокализма: описание развития вокализма первого слога в коми и удмуртском языках в зависимости от прасамодийского ударения // Вопросы уралоистики: науч. альм. / отв. ред. С.А. Мызников, И.В. Бродский. СПб., 2009. С. 260–296.

16. *Лыткин В.И.* Исторический вокализм пермских языков. М. : Наука, 1964.
17. *Норманская Ю.В.* Соотношение прапермской и прафинно-волжской акцентной систем // В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл: сб. ст. в честь 70-летия В.А. Виноградова. Сер. «Studia philologica» / отв. ред. В.З. Демьянков, В.Я. Порхомовский. М., 2010. С. 623–639.
18. *Лыткин В.И.* Коми-язввинский диалект. М. : Наука, 1961.
19. *Лыткин В.И.* Историческая грамматика коми языка. Ч. 1: Введение, фонетика. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957.
20. *Понарядов В.В.* О сильных и слабых аспектах разных подходов к праязыковой реконструкции: ответ на замечания М.А. Живлова и Ю.В. Норманской // Вопросы урало-алтайстики. СПб., 2014.
21. *Лыткин В.И.* Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам (с обзором диалектов и диалектологическим словарём). М. : Наука, 1955.
22. *Баталова Р.М.* Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. М. : Норманская, 1990.
23. *Баталова Р.М.* Коми-пермяцкая диалектология. М. : Наука, 1975.
24. *Баталова Р.М., Кривоцекова-Гантман А.С.* Коми-пермяцко-русский словарь. М. : Наука, 1985.
25. *Норманская Ю.В.* Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. Разноместное ударение в центральных и южных диалектах селькупского языка // Урало-алтайские исследования. 2012. № 1 (6). С. 117–148.
26. *Амелина М.К.* Акцентные характеристики непроизводных имен в тундровом наречии ненецкого языка // Урало-алтайские исследования. 2011. № 2 (5). С. 7–39.
27. *Амелина М.К.* Акцентные характеристики непроизводных имен в тундровом наречии ненецкого языка (гыданский диалект) // Урало-алтайские исследования. 2012. № 1 (6). С. 7–55.
28. *Borisenko O.D., Normanskaja Ju.V.* Dictionaries on Samoyedic languages and LingvoDoc software system for collaborative work on dictionaries and online publishing // Proceeding of the NORDSCI Conference. Helsinki, 2018, in print.
29. *Nikolaeva I.* Ostyak texts in the Obdorsk dialect. (Studia Uralica. Bd. 9). Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 1999.
30. *Норманская Ю.В.* Разгадка принципов постановки ударения в васюганском диалекте хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2013. № 2(2). С. 56–69.
31. *Норманская Ю.В.* Система ударения в низямском диалекте хантыйского языка (экспедиционные данные) и ее параллели в южно-хантыйском (по материалам архива М.А. Кастрена) // Linguistica Uralica. 2014. № 4. С. 283–302.
32. *Häkkinen K.* Keeleteaduse alused. Tallinn : Eesti Keele Sihtasutus, 2007.
33. *Селькупско-русский диалектный словарь* / ред. В.В. Быконя. Томск, 2005.
34. *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956. (LSFU 13)
35. *Munkácsi B.A.* Vogul nyelvjárások szóragozásukban ismertetve. Budapest, 1894.
36. *Wogulisches Wörterbuch* / Gesammelt von B. Munkácsi. Geordnet, bearb. und hrsg. von B. Kálmán. Budapest, 1986.
37. *Wogulische Volksdichtung* gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto. VII Band. Wörterverzeichnis zu den Bänden I–VI. Bearbeitet von Matti Liimola und Vuokko Eiras. Helsinki, 1982.
38. *Honti L.* System der paradigmatischen Suffixmorpheme des wogulischen Dialektes an der Tawda. Budapest ; Paris, 1975.
39. *Норманская Ю.В.* Система разноместного ударения в мансийском глаголе и ее внешние соответствия. Ч. 2: Юкондинский диалект мансийского языка // Урало-алтайские исследования. 2015. № 3 (18). С. 88–103.

40. Норманская Ю.В. (при участии И.А. Стенина). Система разноместного ударения в мансийском глаголе и ее внешние соответствия. Ч. 1: Обской диалект мансийского языка // Урал-алтайские исследования. 2015. № 2(17).

41. Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch, I–IV. Helsinki, 1990–1996.

PROTO-SAMOYEDIC ACCENT: EXTERNAL AND INTERNAL RECONSTRUCTION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 56. 110–145. DOI: 10.17223/19986645/56/7

Julia V. Normanskaja, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: julianor@mail.ru

Keywords: stress, archival data, field data, Samoyedic languages, Uralic languages, comparative historical linguistics.

The article posits the question of whether the Proto-Samoyedic accent has any external correspondences. The analysis was made using the usual methods of comparative-historical linguistics. The author followed Vladimir Dybo, who worked out the concept of paradigmatic stress based on Slavic languages, and, firstly, analyzed the changing of the place of stress in word paradigms in specific dialects in field and archival data, secondly, compared the most closely related dialects, and then languages, lexeme by lexeme, thus reconstructing the paradigmatic stress to the proto-language level.

The first indication of paradigmatic stress existing in Samoyedic languages was a phrase from the letter Eugene Helimski wrote to Ariadna Kuznetsova, now available online, that said that the catalogue compiled by Andrei Dulzon and his disciples had marked stresses in central and southern Selkup dialects, which were for some reason dropped in the dictionary published after this catalogue. In 2008, in Tomsk, the author had an opportunity to scan about 30,000 cards with marked free stress for all Selkup word-forms from several tens of settlements where southern and central dialects were spoken. The author confirmed that this material was correct while working with the last native speakers of Selkup dialects, with the books by N. Grigorovsky published in the 19th century and with the archival materials of Matthias Castrén collected in the 18th century. At the same time, while working with the Helimski archive in Helsinki, the author found roughly 500 cards on the imperative forms in Taz (Northern) Selkup, in which, again, the stress was marked. It turned out that the principle of stress placing in the forms of imperative is one and the same in the Taz dialect and in southern and central dialects of Selkup. This made it possible to reconstruct the Proto-Selkup accent system, which is described in the first part of the section for Samoyedic languages.

In 2010, Maria Amelina agreed to researching the accent systems of Nenets dialects, and since that time has conducted five expeditions to the speakers of dialects from different groups – Tundra (Yamal, Gydan, Kanin, Bolshezemelsky) and Forest. These data, analyzed in the Praat phonetic software, showed that the place of stress is more or less the same in all dialects, and is the same as the macron in the dictionary by Lehtisalo (1956); however, it is expressed prosodically in different ways, which speaks in favor of it being stress, not length. The author compared the data on accent in Nenets and Selkup dialects and saw that they correspond to each other. Based on this comparison, the author could reconstruct the place of stress in Proto-Samoyedic, on which the development of the Proto-Samoyedic vocalism system depended.

This article compares the reconstruction of the Proto-Samoyedic stress to the free stress in Proto-Finno-Volgaic, Permian, Ob-Ugric languages, and reconstructs the Proto-Uralic free paradigmatic stress.

As a result, the author has found out that Proto-Uralic had four accent paradigms, which survived without changing in Komi-Permyak dialects, but fused into two paradigms in Samoyedic languages.

References

1. Janhunen, J. (1981) *Uralilaisen kantakielen sanastosta* [Uralic Words Dictionary]. [Online] Available from: <http://hdl.handle.net/10224/4045>.
2. Sammallahti, P. (1988) Historical Phonology of the Uralic Languages. In: Sinor, D. (ed.) *The Uralic Languages: Description, History, and Foreign Influences*. Leiden; New York: Brill.
3. Rédei, K. (1986–1991) *Uralisches Etymologisches Wörterbuch* [Uralic Etymological Dictionary]. Vols 1–3. Budapest: Akadémiai Kiadó.
4. Janhunen, J. (1977) *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien* [Samoyedic Vocabulary: Common Samoyedic Etymologies]. Helsinki: [Castrenianumin toimitteita 17].
5. Normanskaya, Yu.V. (2012) Stress in the Proto-Samoyedic language and its external correspondences. I. Word accent in the central and southern Selkup dialects. *Uralo-altayskie issledovaniya – Ural-Altai Studies*. 1 (6). pp. 117–148. (In Russian).
6. Normanskaya, Yu.V. (2012) Stress in Proto-Samoyedic and its external correspondences. II. External correspondences of the Selkup word accent in the Northern Samoyedic and Finno-Ugric languages. *Uralo-altayskie issledovaniya – Ural-Altai Studies*. 2 (7). pp. 59–81. (In Russian).
7. Helimski, E. (1983) *The Language of the First Selkup Books*. Szeged: Attila József University.
8. Salminen, T. (2007) Notes of Forest Nenets Phonology. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 253. pp. 349–372.
9. Alatalo, J. (2004) *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Donner K., Sirelius U.T. und Alatalo J.* [Selkup Dictionary from the records of Donner K., Sirelius U.T. and Alatalo J.]. Helsinki: [s.n.].
10. Normanskaja, Ju.V. (2018) Reconstruction of the 14th and 15th Proto-Samoyedic vowels. *Proceeding of the NORDSCI Conference*. Helsinki. (In print).
11. Dybo, V.A. (2000) *Morfonologizovannye paradigmatische aktsentnyye sistemy: Tipologiya i genezis* [Morphonologized paradigmatic accent systems: Typology and genesis]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
12. Normanskaya, Yu.V. (2008) *Rekonstruktsiya prafinno-volzhszogo udarenija* [Reconstruction of the Proto-Finno-Volgaic accent]. Moscow: Tezaurus.
13. Ivanova, G.S. (2006) *Sistema glasnykh v dialektakh mokshanskogo yazyka v istoricheskom osveshchenii* [The system of vowels in the Mokshan dialects in historical coverage]. Saransk: Mordovia State University.
14. Geisler, M. (2005) *Vokal-Null-Alternation, Synkope und Akzent in den permischen Sprachen* [Vocal zero alternation, syncope and accent in the Permic languages]. Wiesbaden: Harrasowitz.
15. Normanskaya, Yu.V. (2009) Novyy vzglyad na istoriyu permskogo vokalizma: opisanie razvitiya vokalizma pervogo sloza v komi i udmurtskom yazykakh v zavisimosti ot prapermskogo udarenija [A new look at the history of Permic vocalism: a description of the development of vocalism of the first syllable in Komi and Udmurt languages, depending on the Proto-Permic accent]. In: Myznikov, S.A. & Brodskiy, I.V. (eds) *Voprosy uralistiki: nauch. al'm.* [Questions of Uralistics: scientific almanac]. St. Petersburg: Nauka.
16. Lytkin, V.I. (1964) *Istoricheskiy vokalizm permskikh yazykov* [Historical vocalism of the Permic languages]. Moscow: Nauka.
17. Normanskaya, Yu.V. (2010) Sootnoshenie prapermskoy i prafinno-volzhszoy aktsentnoy sistem [The correlation of the Proto-Permic and the Proto-Volgaic accent systems]. In: Dem'yankov, V.Z. & Porkhomovskiy, V.Ya. (eds) *V prostranstve yazyka i kul'tury: zvuk, znak, smysl: sb. st. v chest' 70-letiya V.A. Vinogradova* [In the space of language and culture: sound, sign, meaning: collection of articles in honor of the 70th anniversary of V.A. Vinogradov]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

18. Lytkin, V.I. (1961) *Komi-yaz'vinskiy dialekt* [The Komi-Yazva dialect]. Moscow: Nauka.
19. Lytkin, V.I. (1957) *Istoricheskaya grammatika komi yazyka* [Historical grammar of the Komi language]. Pt. 1. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.
20. Ponaryadov, V.V. (2014) O sil'nykh i slabykh aspektakh raznykh podkhodov k prayazykovoy rekonstruktsii: otvet na zamechaniya M.A. Zhivlova i YU.V. Normanskoy [On the strong and weak aspects of different approaches to proto-language reconstruction: a response to the comments of M.A. Zhivlov and Yu.V. Normanskaya]. In: Myznikov, S.A. (ed.) *Voprosy uralistiki* [Issues of Uralic studies]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
21. Lytkin, V.I. (1955) *Dialektologicheskaya khrestomatiya po permskim yazykam (s obzorom dialektov i dialektologicheskim slovaryom)* [Dialectological anthology of the Permic languages (with an overview of dialects and a dialectological dictionary)]. Moscow: Nauka.
22. Batalova, R.M. (1990) *On'kovskiy dialekt komi-permyatskogo yazyka* [On dialect of the Komi-Permic language]. Moscow; Hamburg: Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica.
23. Batalova, R.M. (1975) *Komi-permyatskaya dialektologiya* [Komi-Permyak dialectology]. Moscow: Nauka.
24. Batalova, R.M. & Krivoshchekova-Gantman, A.S. (1985) *Komi-permyatsko-russkiy slovar'* [Komi-Permyak-Russian dictionary]. Moscow: Nauka.
25. Normanskaya, Yu.V. (2012) Stress in the Proto-Samoyedic language and its external correspondences. I. Word accent in the central and southern Selkup dialects. *Uralo-altayskie issledovaniya – Ural-Altaiic Studies*. 1 (6). pp. 117–148. (In Russian).
26. Amelina, M.K. (2011) Accent characteristics of underived nouns in Tundra Nenets (the Yamal and Canin dialects). *Uralo-altayskie issledovaniya – Ural-Altaiic Studies*. 2 (5). pp. 7–39. (In Russian).
27. Amelina, M.K. (2012) Accent characteristics of nouns in Tundra Nenets (the Gydan dialect) *Uralo-altayskie issledovaniya – Ural-Altaiic Studies*. 1 (6). pp. 7–55. (In Russian).
28. Borisenko, O.D. & Normanskaja, Ju.V. (2018) Dictionaries on Samoyedic languages and LingvoDoc software system for collaborative work on dictionaries and online publishing. *Proceeding of the NORDSCI Conference*. Helsinki. (In print).
29. Nikolaeva, I. (1999) *Ostyak texts in the Obdorsk dialect*. (Studia Uralica. Bd. 9). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
30. Normanskaja, Ju.V. (2013) The solution to the principle of word stress assignment in Vasjugan Khanty. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2(2). pp. 56–69. (In Russian).
31. Normanskaya, Yu.V. (2014) The System of Accent in the Nizjam and South Dialects of Khanty. *Linguistica Uralica*. 4. pp. 283–302. (In Russian).
32. Häkkinen, K. (2007) *Keeleteaduse alused* [Basics of Linguistics]. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus.
33. Bykonya, V.V. (ed.) (2005) *Sel'kupsko-russkiy dialektnyy slovar'* [Selkup-Russian dialect dictionary]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
34. Lehtisalo, T. (1956) *Juraksamojedisches Wörterbuch*. (LSFU 13). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
35. Munkácsi, B.A. (1894) *Vogul nyelvjárások szóragszásukban ismertette* [Vogul dialects are described in the publication]. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia.
36. Kálmán, B. (ed.) (1986) *Wogulisches Wörterbuch* [Vogul Dictionary]. Budapest, 1986.
37. Liimola, M. & Eiras, V. (eds) (1982) *Wogulische Volksdichtung gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto* [Vogul folk poetry collected and translated by Artturi Kannisto]. Vol. VII. Helsinki: [s.n.].
38. Honti, L. (1975) *System der paradigmatischen Suffixmorpheme des wogulischen Dialektes an der Tawda* [System of paradigmatic suffix morphemes of the Vogul dialect on the Tavda]. Budapest; Paris: Mouton, Den Haag.

39. Normanskaya, Yu.V. (2015) The system of phonological paradigmatic stress in the Mansi verb and its external parallels. Part II. The Yukonda dialect of Mansi. *Uralo-altayskie issledovaniya – Ural-Altaiic Studies*. 3 (18). pp. 88–103. (In Russian).

40. Normanskaya, Yu.V. (with Ivan Stenin's participation) (2015) The system of phonological paradigmatic stress in the Mansi verb and its external parallels. Part I. The Ob dialect of Mansi. *Uralo-altayskie issledovaniya – Ural-Altaiic Studies*. 2(17). pp. 51–66. (In Russian).

41. Paasonen, H. (1990–1996) *Mordwinisches Wörterbuch* [Mordovian Dictionary]. Vols I–IV. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

УДК 811.161.1'282.2 + 81:39 + 663.2/.5
DOI: 10.17223/19986645/56/8

К.В. Осипова

НАЗВАНИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ: ЭТИМОЛОГО-ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Рассматриваются наименования крепких спиртных напитков, распространенные на территории Русского Севера. Основными источниками материала послужили лексические картотеки Топонимической экспедиции Уральского федерального университета. Автор прослеживает пути проникновения названий крепких алкогольных напитков в севернорусские говоры, определяет ареал их распространения и генетические связи. Большая часть рассмотренных диалектных лексем заимствована из просторечия и жаргона.

Ключевые слова: русский язык, диалектология, жаргон, просторечие, Русский Север, напитки, алкоголь, этимология, этнолингвистика.

Данная статья родилась как серия этимолого-мотивационных комментариев к находкам Топонимической экспедиции Уральского федерального университета, сотрудниками которой на протяжении многих лет собирались диалектные материалы на территории Русского Севера – Архангельской, Вологодской и Костромской областей. Среди собранных лингвистических данных оказалось немало названий, связанных с темой приготовления и употребления хмельных напитков. Представленный в Картотеках [1, 2] лексический материал позволяет говорить о том, что крестьяне Русского Севера употребляли три основных типа алкогольных напитков – пиво, брагу и самогон (водку). Наиболее архаичной была традиция пивоварения, которая отличала пищевую культуру Русского Севера от других регионов России: лексика пивоварения представлена в основном исконными словами, которые называют этапы производства, особенности ингредиентов, качество сваренного пива и пр. Следующая лексическая группа – наименования браги: как и пиво, брагу крестьяне варили сами и традиции ее приготовления также довольно архаичны. По сравнению с пивом брага считалась напитком второго сорта и не играла той обрядовой роли, которая отводилась пиву. При этом специфика ее названий состоит в большом проценте экспрессивных и метафорических обозначений (ср. севернорус. *дуранда*, *кумушка*, *шатун* и пр. [1, 2]). И наконец, третья группа – это названия вина, водки, самогона и других спиртных напитков, которые редко готовились дома, но чаще всего приобретались – в кабаках, магазинах или у местных «самогонщиков».

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

Представленная в современных говорах лексика, называющая крепкие спиртные напитки, начала формироваться в XIX в., существенно расширился этот пласт в XX в., когда на Русском Севере стала постепенно сходить на нет традиция пивоварения и возросла доля покупаемых напитков. В связи с тем, что водка и вино были завозной продукцией, вместе с появлением этих товаров в севернорусской деревне в диалект проникала новая лексика, источником которой служили городское просторечие и жаргон. Одна из особенностей географического распространения подобных лексем заключалась в том, что в основном они представляли собой точечные номинации, которые бытовали в одном или нескольких районах, и лишь некоторые из них охватывали широкую территорию. По всей видимости, это было связано с локальностью продаж и поставок алкогольных напитков.

Если традиции, связанные с пивоварением на Русском Севере, исследованы уже довольно основательно (см., например, [3–7]), то лексика и обычаи употребления иных спиртных напитков на этой территории практически не изучались. В предлагаемой статье мы постараемся проследить пути проникновения названий крепких алкогольных напитков в севернорусские говоры, определить их ареал и генетические связи. Учитывая большое количество собранных наименований, в рамках данного исследования будут рассмотрены прежде всего те слова, источником которых послужили городское просторечие или жаргон. Эта лексика представляет особый интерес для изучения проблемы соотношения «слов и вещей», поскольку помогает проследить процесс появления и распространения реалий, сопровождаемый зарождением слова в русском языке, а также пронаблюдать последующее проникновение новых реалий в традиционный мир севернорусских крестьян и адаптацию диалектом новых слов из чужеродной языковой среды. Именно поэтому семантико-мотивационные и этимологические комментарии, составляющие основу статьи, соединяются с наблюдениями историко-культурного характера.

Ханжа. В Архангельской и Вологодской областях записано слово *ханжа́* ‘домашняя брага; самогон’ [1]. Так называли алкогольный напиток, более крепкий, чем пиво, который по своим вкусовым качествам обычно ценился ниже: «Бардома, ханжа, брага – вот где голова-то болит»; «Ханжа – головолонка настоящая, с души рвет с нее» (волог. к-г.)¹; «Отбросы от пива дак ханжа, если самогонка не получилась тоже» (волог. м-реч.); «Ханжу делают, как брага, еще чиквас называют (арх. лен.); «Варили для мужиков пьяно пиво, ханжой называлось, а для женщин непьяно» (арх. прим.) [Там же]. В отличие от пива, варка которого требовала особых умений и была затратной по времени, приготовить *ханжу* было гораздо проще: «Ханжа – подвид пива, только меньше соборок <приготовлений, хлопот>. На пиво-то много собирать – кадки да лагуны да, а ханжа, брага-то

¹ Расшифровка сокращений в названиях районов приводится в конце статьи, сокращения в названиях областей даются в соответствии со Словарем русских народных говоров [8].

эта, быстрее» (волог. ник.) [1]. Как заменитель пива в XX в. *ханжу* иногда готовили к сельским праздникам и свадьбам: «На свадьбы, на праздники всегда варили ханжу» (арх. холм.). Судя по материалам Картотеки [Там же], ханжу не только делали сами, но и привозили из города.

Слово *ханжа* в севернорусских говорах можно соотнести с жаргонным *ханжа* ‘алкогольный напиток низкого качества’, которое происходит от заимствованного названия китайской водки из проса или чумизы – *хánшин* (*ханшйна*) [9. С. 635]. Согласно А.Е. Аникину *хánшин* ‘китайская водка’, *ханчйна* ‘китайская неочищенная водка’ восходит (через бурят./монг. посредство?) к тому же источнику, что и маньчж. *xānš'in* ‘китайская водка из гаоляна’, бурят. *хааншан* ‘китайская водка’ [Там же]. Известно, что уже с середины XIX в. *ханшин* контрабандой ввозили на Дальний Восток России из Китая: он пользовался популярностью в силу дешевизны, а также дефицита российской продукции или ее полного отсутствия во времена «сухого закона».

По свидетельству военного писателя М.В. Грулева, который в 1890-е гг. возглавлял научную экспедицию в Маньчжурию, «ханшин в большом количестве вывозится контрабандным путем на Амур, где раскупается нашими прибрежными казаками и кочующими инородцами, так как продается в несколько раз дешевле нашей водки: кроме того, в глазах усердных потребителей спиртных напитков, ханшин имеет еще то своеобразное преимущество перед водкой, что после опьянения от ханшина “выпил воды стакан и опять пьян”, так что, по словам казаков, “опохмелиться после ханшина ничего не стоит”» (М.В. Грулев. Из поездки в Маньчжурию // Исторический вестник. 1900)¹. В художественной литературе, территориально связанной с Дальним Востоком, *ханшин* упоминается как напиток, который солдаты пили от безысходности при нехватке водки во время Русско-японской войны: «Удар по самолюбию в маньчжурской армии от сдачи Порт-Артура ощущался слабее, чем в России, — войска не могли забыть крови, бесцельно пролитой за его спасение. Водки недоставало, пили “ханшин”. Офицеры в тылу играли в карты» (А.А. Игнатев. Пятьдесят лет в строю. Кн. 1–2. 1947–1953) Проникновение ханшина на территорию России, его широкое распространение, повсеместное употребление слова *ханшин* и образованного от него *ханжа* было связано именно с событиями Русско-японской войны 1904–1905 гг.: возвратившиеся домой русские солдаты «популяризировали» слово в разных регионах России.

По наблюдению Е.А. Оглезневой, «главной особенностью регионально-языкового существования на Дальнем Востоке России в 20–30-е гг. XX в. было китайское присутствие в нем. Это проявлялось, в частности, в активном использовании специфической регионально окрашенной лексики в русском языке дальневосточников – наличие в нем своеобразной “китайской ноты”» [11. С. 128]. На территории Приамурья бытовало несколько

---

¹ Здесь и далее тексты публицистики и художественной литературы цитируются по НКРЯ [10].

вариантов названий китайской водки – *хан(ь)жа*, *хан(ь)жина*: «У китайцев была ханжа, брали ханжу у них»; «Привозят ящик ханжины вместо водки» [11. С. 132], *ханá*: «Ханой китайскую водку звали», *ханч́ина*, *хомá*: «Раньше все больше хому пили, такая водка была» [12. С. 317]. Встречаются однокоренные лексемы и в других сибирских говорах, ср. новосиб. *ханá*, *хánка* ‘самогон’: «Ханкой её называли и ханой, вот самое самогонка любая, старики еще зовут так» [13. Т. 5. С. 203], Респ. Бурят. *хánчина*, *ханш́á* ‘китайская неочищенная водка’: «Раньше ханчину возили из Монголии»; «Ханшу хоть и по дешевке покупали, да черт ее пей. Пахнет она шибко», омск. *хánьжа* ‘самогон’: «Парни ханьжу принесут на вечеринку, а мы закуску» [Там же. С. 204]. К этому же гнезду относится томск. *ханá* ‘лекарство (какое?)’: «А перво болела все, как асмой болела. А пила все наставляла – хана была раньше синя. Просто как шпирт. Она стручковым красным перцем наставляла» [14. Т. 7. С. 185] – очевидно, речь идет о лечебной настойке на спирте.

Таким образом, в русском языке слово *хánшин* (*хánч́ина*) обрело несколько фонетико-словообразовательных вариантов. Форму *хан(ь)жина* можно рассматривать как результат контактной ассимиляции, озвончения *ш* на русской почве в *хánшин* (*хánч́ина*). Усечение основы в вариантах *ханьжá*, *ханш́á*, вероятно, возникло в русском языке позднее под влиянием общенародного *ханжа*. Формы *ханá*, *хánка* ‘самогон, суррогатный алкоголь’, которые синхронно представлены на восточносибирской и приамурской территории, по всей вероятности, также восходят к китайскому *ханшин* ‘водка из проса или чумизы’, фонетически трансформированному в жаргоне и просторечии. Родство слов *ханка*, *ханьга*, *хановка* и *ханжа*, *ханшин* ‘самогон’ признает А.Е. Аникин [15. Вып. 10. С. 70]. Из русского языка слово проникло в украинский и польский языки, где встречается в вариантах укр. диал. *ганджá* ‘денатурированный древесный спирт; некачественная водка’, *ганжá*, *ханжá*, *ханьжá*, *ханджá*, польск. *chandza* [Там же]. При этом семантическое развитие слова (‘китайская водка’ → ‘суррогатный алкоголь’) вполне объяснимо: поскольку ввозимый из Китая *ханшин* был напитком низкого качества, со временем так стали называть всякий суррогатный алкогольный напиток.

В значении ‘алкогольный напиток из денатурированного спирта’ слово *ханжа* широко употреблялось в России начала XX в. Исходя из количества его упоминаний в публицистике и текстах художественной литературы, наибольшее распространение этот напиток получил именно в 1910–1920-е гг. Публицистика того времени была вовлечена в антиалкогольную кампанию, развернувшуюся с началом Первой мировой войны и сосредоточенную на борьбе с суррогатным алкоголем, главным образом с ханжой, употребление которой становилось причиной массовых отравлений. Известно, что во времена «сухого закона», объявленного в период Первой мировой войны, отмечался рост смертности от ханжи, которая «была самым популярным напитком среди алкоголиков и представляла собой разбавленный денатурированный спирт (растворитель на основе этилового спирта-сырца, пред-

назначенный для снятия лаков)» [16. С. 133]. В книге психиатра Н. Тяпугина утверждается, что «на смену “казенке” и “мерзавчику” шло тайное винокурение с его “самоплясом” (так называют в народе самогонку), шло суррогатное пьянство с “ханжой”, политурой и прочими отравками, отнимая у народа блага трезвости» (Н. Тяпугин. Народные заблуждения и научная правда об алкоголе. 1926). Об актуальности проблемы «суррогатного» алкоголизма и действиях государства говорили заголовки газет 1915–1916 гг.: «Борьба с “ханжой”» («Раннее утро». 1915.03.03), «Борьба с отравлением населения» («Русское слово». 1915.03.19), «Еще фабрика ханжи» («Петроградский листок». 1915.03.30), «Новый денатурат» («Московская копейка». 1915.05.10), «Борьба с пьянством» («Трудовая копейка». 1915.10.06). Городская пресса писала о том, как собираются сведения о торговле суррогатным спиртным («Раннее утро» (1915.03.03)), об облавах на продавцов ханжи, которые, по словам корреспондентов, были виновны в спаивании суррогатным алкоголем солдат на Ходынском поле («Вечерний курьер». 1916.04.29), о продажах ханжи в ресторанах («Вечерняя газета». Киев. 1915.01.26), о разоблачении фабрик по производству ханжи («Петроградский листок». 1915.03.30; «Вечерняя газета». Киев. 1915.01.18). Перечисленные издания относились к разряду дешевых, соответственно, основным адресатом статей в них были горожане с самым низким достатком, из-за дороговизны или отсутствия качественного спиртного перешедшие на питье суррогата: «Таким образом, если барин насыщается в ресторане, а “простак” лакает ханжу где-нибудь на Хитровом, то среднему обывателю доступно и легко было угощаться парфюмерными изделиями» (С. Рубин. На лету // «Вечерний курьер». Москва. 1915.07.29). В борьбу с суррогатным алкоголем был вовлечен и В.В. Маяковский, которому принадлежит лозунг, размещенный на плакате авторства А. Родченко: «Трехгорное пиво выгонит вон и ханжу, и самогон! Моссельпром». Судя по дате выпуска плаката (1925 г.), он был приурочен к возобновлению производства пива на московском Трехгорном пивоваренном заводе в 1923 г., который со времени выхода «сухого закона» переориентировали на выпуск безалкогольной продукции. По замечанию И. Старкова, опубликовавшего этот плакат на сайте «Arzamas», «бутылки с ханжой часто взрывались – такой взрыв как раз изображен на плакате в качестве доказательства в пользу трехгорного пива» [17].

Употребление ханжи стало знаком уличной удали и бесшабашности: например, в книге «Дом веселых нищих» писателя Г.Г. Белых (1930) «шкет отчаянный» Васька «хвастался, что умеет пить ханжу, но этому ребята не особенно верили». Ханжа связывалась и с представлениями о моральной деградации и асоциальном поведении, ср.: «Отец распутничает, пьет ханжу, бьет вас, гонит вон, тащит к своей любезной все из дома» (В.Ф. Майстрах. Полезные советы. Ответы на вопросы подписчиков «Трудовой Копейки» // «Трудовая копейка». 1915.03.23); «И вообще в самой мягкой форме дали мне понять, что я совершаю явно неприличный поступок, вроде того, как если бы среди всеобщей трезвости я

ханжина наливался» (Л.Н. Андреев. Иго войны. 1916). Поскольку суррогатный алкоголь пили в основном бедные слои населения, ханжа воспринималась как часть образа пришедших к власти социальных низов: «...новые самодержцы торгуют выданными им казенными сапогами и штанами, щелкают подсолнушки, услаждаются ханжой, испражняются с крыш вагонов...» (Ф.Д. Крюков. Новым строем // «Русские ведомости». 1917). Для И.А. Бунина в «Окаянных днях» употребление ханжи стало атрибутом «новой литературной низости, ниже которой падать, кажется, уже некуда: открылась в гнуснейшем кабаке какая-то “Музыкальная табакерка” – сидят спекулянты, шулера, публичные девки и лопают пирожки по сто целковых штука, пьют ханжу из чайников, а поэты и беллетристы (Алешка Толстой, Брюсов и так далее) читают им свои и чужие произведения, выбирая наиболее похабные» (И.А. Бунин. Окаянные дни. 1925) – речь шла о литературном кафе «Музыкальная табакерка», открытым имажинистом В.Г. Шершеневичем.

О широте распространения слова в 20–30-е гг. XX в. в общенародном языке свидетельствует и его фиксация словарем Д.Н. Ушакова: «ханжа́, ханжи, мн. нет, ж. (китайск.) (простореч.). 1. Китайская хлебная водка желтого цвета, ханшин. 2. Всякий суррогат алкогольных напитков» [18. С. 732]. По сообщениям корреспондентов периодических изданий 1910–1920-х гг., употребление денатурированного спирта было свойственно не только жителям городов, но и сельской местности. Например, отравления суррогатом случались в Смоленской губернии («Русское слово». 1910.01.19). Эту территорию распространения подтверждают данные диалектных словарей: в Смоленской области записаны *ха́нька* ‘самогон’: «Денег не было, так пили ханьку» и *хо́нжа* в том же значении: «Рвали хмель, варили с картошкой и добавляли сула. Затирали хонжу. Гнали ее, как отстоится» [19. Вып. 11. С. 47, 68].

Обобщая данные о географии слова *ханжа* и его дериватов в русских говорах, отметим, что помимо Дальнего Востока и Сибири слова с основой *ханжэ-*, *хани-*, *хонжэ-*, *ханк-*, *хан-* в значении ‘спирт, самогон, брага’ встречаются на западе России в Смоленской области, на севере – в некоторых районах Вологодской области (Белозерский, Междуреченский, Тарногский, а также пограничные с Костромской областью Великоустюгский, Кичменгского-родецкий и Никольский районы) и повсеместно распространены в Архангельской области, ср. в-уст., к-г., ник. *ханжа́* ‘сладкое пиво, сваренное с диким хмелем; брага’: «Ханжа вышла как мед, такая крепкая» [20. Вып. 11. С. 178], арх. он. *ха́ньжа* [21. С. 460], арх. в-т. *хо́ньжа*, арх. в-т., вил., пин., прим., холм. *ханьжа́* ‘брага, самогон’: «Да вот сильная была, градусов двадцать, как красно вино, ханьжа звали да брага» (арх. холм.); Ханжа-то, бражка-то была заманчива, но выпьем – руки-ноги отымутся, в голове-то всё ошаровит» (арх. пин.); «Ханжа-то крепкая, долго стоит, дикосьти придает» (арх. вил.) [22. Вып. 3. С. 149; Вып. 10. С. 146, 336; Вып. 11. С. 152; Вып. 16. С. 407; Вып. 18. С. 16]. На Русском Севере *ханжой* называли самогон, получаемый из остатков от варки пива, а также

крепкое, перебродившее пиво: «Пиво переживет и хмелеет крепко – дак ханжа» (арх. в-т.); «Отбросы от пива – так ханьжа, если самогонка не получилась – тоё же» (волог. м-реч.) [1].

Значение ‘алкоголь’ у слов с корнем *ханж-* обнаружено также в новгородских диалектах, ср. *ханжу́ха* ‘самодельное вино, брага’ [23. С. 1242]. Однако в говорах других территорий (помимо Русского Севера, Сибири) *ханжа* ‘брага’ встречается намного реже¹. Центром распространения *ханжи* – алкогольного напитка можно считать Приамурье, юго-восточную Сибирь и Русский Север – Архангельскую и Вологодскую области. Тем не менее указанная территория кажется весьма условной: по всей видимости, слово встречалось и шире, но не фиксировалось диалектными словарями, поскольку оценивалось лексикографами как жаргонное или просторечное. Распространению слова *ханжа* ‘самогон’ в русском просторечии и говорах способствовали государственные антиалкогольные кампании и государственная монополия на производство спиртных напитков: *ханжа* и его производные нередко употреблялись как своего рода эвфемизмы, которые скрывали от посторонних и официальных лиц информацию об алкоголе, ср. контексты «Ханжой-то звали, от советской власти скрывались» (арх. котл.) [1].

В Вологодской обл. в значении ‘самогон, брага’ встречается слово *ханы́га*: «Раньше ведь по деревням ходили. Ханыгу наварим, пива» (волог. ник.); «На свадьбу пива наварили да в Вологду за ханыгой съездили» (волог. шексн.) [Там же]. Думается, его также можно считать родственным прост. *ханшин* ‘китайская водка’, образованному в результате ряда фонетико-словообразовательных трансформаций. Форма *ханыга* могла возникнуть под влиянием распространенного на той же севернорусской территории омонима *ханы́га* в значении ‘попрошайка’ (волог. в-уст.), ‘ленивый человек, пьяница’ (волог. ник.), ‘хитрый, ушлый человек’ (волог. ник.) [Там же].

Слово *ханыга* ‘проныра, попрошайка’ не имеет надежной этимологии, не рассматривается в этимологических словарях. В статье С.В. Зориной «К этимологии слова *ханыга*» высказано несколько версий его происхож-

¹ В соседних вятских, новгородских и ярославских диалектах, а также в говорах Поволжья основное значение слов с корнем *хан(ь)ж-*, *ханыж-* – ‘ходить без дела’, ‘просить, кланчить’, ‘попрошайка’: ср. *ханьжэ́* ‘езде таскающийся без дела’ (новг.), ‘попрошайка’ (вят., новг.) [24. С. 245], яросл. *ханьжничать* ‘нудно и надоедливо просить, кланчить’ [25. Вып. 10. С. 30] и мн. др. Эти лексемы гетерогенны по отношению к *ханжа* ‘брага’: они родственны литер. *ханжа* ‘лицемер’, которое восходит к тур. *хаджу* ‘паломник’ (ср. татар. *хажу*) [26. Т. 4. С. 222]. На севернорусских территориях слово *ханжа* ‘самогон, брага’ также оказывается в окружении омонимичных форм, представленных общенар. *ханжа* и его диалектными вариантами и производными, ср. волог. ник. *ханжэ́* ‘человек с тяжелым характером’ [1], костром. вохом. *ханьжйла* ‘попрошайка’, *ханжйть* ‘уезжать, искать новое место для жизни’ [2] и др. Народная этимология нередко соотносит омонимичные гнезда *ханж-*: ср. волог. в-важ. *ханжа* ‘брага’: «Ханжа стоит. Надоедает – дай, мама, дай, – от слова выханжит, выпросит значит» [1].

дения. Наличие формы вост. новг. *ханьжа́* ‘то же, что ханыга, попрошайка’, ‘езде шатающийся без дела’ позволяет предположить этимологическую связь слова *ханыга* с сущ. *ханжа* ‘лицемер’ [27. С. 95]. Переход *ханжа* > *ханыга* мог произойти под влиянием сущ. на *-ыга*, ср. *забулды́га*, *тоropýга*, *яры́га* [Там же]. Поскольку существует словообразовательная возможность возникновения формы *ханыга* ‘попрошайка’ из *ханжа* ‘лицемер’, стоит предположить и возможность происхождения *ханыга* ‘самогон, брага’ от сущ. *ханжа* в том же значении.

Лексемы *ханыга* ‘проныра, попрошайка’ и *ханыга* ‘алкогольный напиток’, будучи гетерогенными, могут быть вторично связаны семантической моделью ‘проныра; попрошайка’ > ‘пиво, алкогольный напиток’, примеры которой встречаются и в других словообразовательных гнездах. Подобным образом образуются значения ‘болтун, обманщик’ и ‘пиво’ соотносятся в выражениях арх. *свистунá* *принесли* ‘о пиве третьего слива’ [1] при *свистун* ‘врун’ (арх. пин.), ‘жулик’ (новг.), ‘болтун, обманщик’ (свердл.) [8. Вып. 36. С. 301]; костром. в. *процельы́га* ‘пиво второго или третьего слива’ [2] и костром. *процельы́га* ‘мот, ветренный человек’, ‘обманщик, лгун, хвастун’ [8. Вып. 33. С. 57]; волог. бабуш., ник. *шатун* ‘сладкое пиво; крепкий алкогольный напиток’ [1] и *шатун* ‘беспутный человек’ (арх. карг., волог. выт.), ‘головокружение’ (арх. карг.) [28. Вып. 6. С. 843]. Кроме того, для народной речи весьма характерны примеры, в которых слова гнезда *хан-* ‘попрошайничать, кланяться’ денотативно связаны с темой алкоголя и пьянства, ср.: волог. выт., кад. *ханы́га* ‘пьяный человек’, волог. выт. *ханы́чить* ‘выпрашивать’: «Ханыга ходит, ханычит оливину, выпить хочет» [1].

В Никольском районе Вологодской области записана форма *шанга́* ‘брага, самогон, перебродившее пиво и другие крепкие алкогольные напитки низкого качества’: «Шанга – бардама-то это и называется. Дрожжей пустят до воды и пьют шангу-то»; «Шаньга и ханьжа одно слово, старопрежнее»; «Ханыгу делаем да шангу ставим. стакан-два выпьешь, зашатаешься, конечно»; «Шанга – это пиво, хмельное. Шанга, бодяга – это одно и то же» [Там же]. Учитывая сходство диалектной семантики слов *ханжа*, *ханыга* ‘самогон, брага’ и *шанга*, их параллельное функционирование на одной узкой территории Никольского района Вологодской области (западная часть района, бассейн р. Кема), стоит предполагать их родство: фонетический переход *х-* > *ш-*, возможно, произошел по аналогии с чередованием начальных *х-//ш-* в омонимичных формах *ханы́га*, *халы́га* и *шаны́га*, *шалы́га* ‘попрошайка, бездельник’, широко распространенных в русских говорах [27. С. 97]¹. Примеры чередований *ш-//х-* в основах *шал-* // *хал-* в русских говорах приводятся также в [29. С. 117], ср. рус. диал. *шало-*

¹ Как предположительно родственное слову *ханыга* ‘шатун, попрошайка’ С.В. Зорина рассматривает диал. *халыга*, *халдыга* и *шалыга*, *шаны́га* ‘шатун, шальной, праздничный колоброд’; *шаны́жничать* ‘праздно шататься, баклушничать’, представляющее чередование *х-//ш-*, обусловленное переходом праслав. **xĕl-* > **šal-*. Генетическую общность, возможно, представляют дериваты основ *хал-*, *хан-*, *шал-*, *шан-* в значении ‘попрошайка; шататься без дела, попрошайничать’ [27. С. 97].

пўт // холопўтка, шалобрўдiть // халабрўдiть, халабўрда // шалабўрда, шаромыга // халамыга и др. [Там же].

Чемергес. В Шарьинском р-не Костромской обл. в значении ‘плохое, некачественное вино, брага; самогон’ употребляется слово *чемергес*: «Самогонку называли чемергес, нагомила, скажут, чемергесу»; «Бражка плохая, чемергес, пить нечего»; «Как чемергес, нисколе нет крепости» [2]. Единично слово записано в Вологодской области: «Чемергес из хлеба делали» (шексн.) [1]. В диалектных словарях лексема практически не представлена. Так, в смоленских говорах встречается *чемергес* ‘самогон’: «На свадьбу чемергес гнали» [19. Вып. 11. С. 99]; *чемергес* ‘очень крепко заваренный чай’ зафиксировано в Лодейнопольском районе Ленинградской области: «Чемергес если цельную пачку заварить в самовар» [28. Вып. 6. С. 769]. В просторечии г. Заводоуковска Тюменской области 1970-х гг. встречалась форма *чeмyрeс* ‘самогон’ (из устной беседы с М.Э. Рут).

В русские говоры слово проникло из городского просторечия или жаргона. Большинство его фиксаций приходится именно на жаргонные словари, ср. угол. *чeмaргeс*, *чeмeргeн* ‘самогон’, *чeмeргeс* ‘дешевое вино низкого качества’, ‘низкокачественный самогон’, нарк. ‘чифир, наркотический напиток из чая’, угол. *чeмeргeсник* ‘самогонщик’, *чeмeргeсницa* ‘самогонщица’ [30. С. 667], одес. *чeмeргeс* ‘низкокачественный самогон’ [31]. В украинском жаргоне находим формы *чeмeр* и *чeмeргeс* ‘самогон’: «Ми и без твоєї горілки обійдемоь: купим у баби Польки чемергесу» [32. С. 362]. В жаргонный словарь Л. Ставицькой слово попало из изданного ранее словаря говоров Нижнего Приднепровья В.А. Чабаненко, где приводится с тем же контекстом и указанием на территорию – село Малая Токмачка Ореховского района Запорожской области [33. С. 211]. В белорусских говорах Гродненского района записано *чeмьяргeс* ‘самогонка’ [34. С. 553].

Слово *чемергес* и его дериваты не часто, но употребляются в русском городском просторечии, встречаются в текстах современной прозы: так называют крепкий спиртной напиток, промышленный концентрат (например, концентрат «Тархуна» крепостью 70%, который пили рабочие винзавода [35] или технический спирт [36]. У В. ИONOVA героини *чемергесят* – готовят горячую водку с медом, которая отличается сильным хмельным воздействием [37]. В рассказе М. Вировлянского *чемергесом* называется напиток на основе денатурированного спирта, который готовили рабочие литейного цеха: для автора он стал символом тяжелой и беспросветной жизни заводчан [38]. Некоторым авторам *чемергес* представляется вполне положительным символом российской жизни, незатейливого и душевного отдыха с друзьями, ср. слова из песни «Чемергес» саратовца В. Узембло: «Чемергес хлебаешь – // Отдыхаешь головой <...> А Виталья с Риммой чемергеса наварили <...> Трава-трава – самогоночка, // Трава-трава – чемергес, // Трава-трава – потихонечку, // Трава-трава – до небес» [39]. Помимо алкогольного напитка, название *чемергес* относится к острому томатному соусу наподобие аджики (см., например, [36]): это значение, вероятно, производно от ‘крепкий, “обжигающий алкоголь”’.

Происхождение сущ. *чемергес* остается загадочным прежде всего в силу нетипичной словообразовательной модели. Предположительно слово связано с названием села Чемер Черниговской губернии, где помещиками Пашковыми в 1912 г. был открыт спиртовой завод, который просуществовал все советские годы и работает до сих пор: именно водку этого завода стали называть *чемергес* [40]. Появление конечного *-гес* можно объяснить тем, что название *чемергес* возникло как просторечное сокращение от **Чемерский государственный спиртовой завод (Чемер-гэ-сз)*, которое было перенесено с названия завода на выпускаемую им продукцию. Употребление слова *чемергес* в русском, белорусском и украинском языках, очевидно, было обусловлено тем, что на территории этих стран еще с советского времени ввозили большие объемы нелегального спирта, произведенного на Чемерском заводе. Продажам чемерского спирта способствовало северо-восточное расположение Черниговской области, близкое к территориям России и Белоруссии.

Можно также предположить, что слово *чемергес* родственно лексемам гнезда *чемер-* (праслав. **čemer-*), которые широко распространены в русских говорах и других славянских языках как обозначения ядовитого растения чемерицы, отравы, яда, различных болезней человека и скота, ср. рус. *чемерица*, блр. *чэмер*, *чамярыца*, укр. *чемериця* ‘чемерица’, рус. вят. *чэмер* ‘яд и боль от яда’, рус. нижегор. *чэмерь* ‘головокружение и боль в животе у человека’ [41. Вып. 4. С. 52–54]. В народной традиции (кстати, именно украинской) настойка чемерицы могла употребляться как алкоголь или лекарственное средство, ср. укр. *чемерівка* ‘настойка на чемерице’: «Будем пити мед-горівку, а потому чемерівку» [42. Т. 4. С. 451]. Ряд контекстов указывает на то, что и в состав чемергеса входил экстракт чемерицы, отмечается его дурманивший эффект и тяжелое влияние на организм¹. Однако тот факт, что в состав чемергеса входил экстракт чемерицы, кажется весьма сомнительным, поскольку при приеме внутрь чемерица оказывает токсическое действие на организм. Существует официальное лекарственное средство *чемеричная вода*, которое используется исключительно наружно. Тем не менее в народной медицине настой чемерицы применяют «внутри» при борьбе с алкоголизмом – несколько капель, добавленные в

---

¹ Существуют и другие примеры мотивационной связи обозначений алкогольных напитков низкого качества с названиями яда, отравы, ср. *сулемá* ‘невкусный алкогольный напиток’ (костром. пав.): «Напоили какой-то сулемой, дак и во рту небаско так, раньше бражку делали дак чего» [2], ‘брага’ (волог. сямж.), ‘бурда, бормотуха’ (арх. лен.): «Вчера такую сулему принесли, горькую, всю ночь отрыгалось», ‘бутылка спиртного напитка “Бальзам”’ (волог. хар.): «Раньше бальзам вино было, красные бутылки, их сулема звали», ‘приворотное зелье’ (арх. уст.), ‘о чем-л. невкусном, неприятном’ (волог. бел., кад.): «Сулемы всякой наешься, вот и плохо потом» (волог. кад.) [1], ‘всякий яд, отравка’ (волог., вят.), ‘что-л. горькое, горечь’ (арх. вель.) [8. Вып. 42. С. 219–220], которое восходит к химическому термину *сулема* ‘хлорид ртути’. В медицинской практике XIX в. раствор сулемы использовали для лечения некоторых заболеваний, однако, как отмечает В.И. Даль, *сулемовый настой*, которым пользовались крестьяне, часто приводил к отравлениям [43. Т. 4. С. 359].

алкогольный напиток, вызывают у пьющего тошноту и другие неприятные симптомы. Кроме того, версия о родстве сущ. *чемергес* с гнездом *чемер-*, даже семантически обоснованная, не объясняет «замысловатой» формы слова – происхождения финали *-гес*. Наиболее вероятным стоит считать первое предположение – о связи сущ. *чемергес* с жаргонным сокращением названия *Чемерский государственный спиртовой завод*. Единственное, что не дает быть окончательно уверенным в этой версии, – это отсутствие в наших материалах фиксации аббревиатуры *Чемергес* в качестве обозначения Чемерского спиртового завода в живой речи, а также вторичное сближение слова *чемергес* с гнездом *чемер-*.

Примечательно, что в некоторых костромских говорах *чемергес* как более современная и экспрессивная форма вытеснила архаичные лексемы гнезда *чемер-*, ср. костром. шар. *чемергэс* ‘неаккуратный, неопрятный человек’, ‘неопрятный, шаловливый ребенок’, ‘неумелый человек’, ‘смуглый человек’, ‘бранное обращение’ [2]. На этой же территории записан гл. *чемергэсить* ‘делать плохо, некачественно’, ‘бормотать, говорить (о пьяном человеке)’: «Напьются, так все чемергесят – бароешат, мелют ладно и неладно» [Там же], в значениях которого прослеживаются мотивы пьянства, негативно оцениваемого поведения, толчком к развитию которых стало проникновение в костромские говоры жаргонного слова *чемергес* ‘самогон’.

Наименования алкогольных напитков, восходящие к имени собственному – названию завода-производителя, места производства или продажи, далеко не единичны. Подобные названия фиксировались диалектными источниками еще с XIX в. – например, водка *крохалевка* (арх. карг.) изготавливалась на заводе купца Крохалева в городе Каргополе [8. Вып. 15. С. 286]. Ярославское название *домши́рик* ‘самогонка, водка, разбавленная чаем и подслащенная’, записанное в Пошехонском районе, отсылает к названию деревни Домшино Шекснинского района Вологодской области [Там же. Вып. 8. С. 122]. Известно, что в конце XIX – начале XX в. в вологодском селе Домшино проходили крупные ярмарки [44]. Скорее всего, их посещали и жители приграничного Пошехонского района Ярославской области, а водка с чаем и сахаром была типичным ярмарочным угощением.

Сучок. В Вельском районе Архангельской области записаны слово *сучо́к* ‘некачественная водка из гидролизного спирта’ и выражение *вологодский сучок*: «Понимающие питухи говорят, что хуже хлебной, дерет, как сучок» [8. Вып. 43. С. 36]. Слово пришло в севернорусские говоры в советское время из городского просторечия и жаргона – так повсеместно назывался этиловый спирт, производимый из целлюлозы на гидролизных заводах, а вместе с ним и некачественный алкоголь, ср. жарг. *сучо́к* ‘водка’, ‘некачественная водка, самогон’ [30. С. 576]. По всей вероятности, именно специфика сырья и отразилась во внутренней форме наименования: сущ. *сучок* можно сопоставить с другим архангельским обозначением древесного спирта и водки – *деревянное вино*, которое противопоставляло прежнюю «хлебную» и новую «деревянную» водку, ср.: «Раньше вино-то было хлеб-

ное, а сейчас деревянное» (арх. вин.) [22. Вып. 11. С. 68]. Существуют и иные версии происхождения названия *сучок*¹. Например, В.В. Похлебкин полагал, что слово связано с особенностями фильтрации спирта-«полугара»: «Полугар “с сучками” считался очищенным, а “без сучков” – плохим. В настоящее время “сучком” называют всякую низкокачественную водку, хотя следовало бы называть ее как раз наоборот – “без сучка”, то есть без фильтрации» (цит. по: [46. С. 346]). При всей аргументированности эта версия не объясняет семантического развития слова *сучок*: каким образом значение ‘фильтрованный алкоголь высокого качества’ трансформировалось в ‘некачественный, нефильтранный’, а затем и ‘изготовленный из древесного спирта’? Кроме того, сама форма *сучок* ‘вид спирта’ (а не предложно-падежные варианты *с сучками* и *без сучков*) появляется именно в XX в., когда было внедрено гидролизное производство.

Распространение наименований «древесного» этилового спирта на Русском Севере связано с открытием здесь нескольких гидролизных заводов: в 1934 г. был пущен Череповецкий опытный завод, в 1941 г. – Архангельский гидролизный завод, в 1954 г. – Онежский гидролизный завод. Древесное сырье на Русском Севере всегда было в достатке, и вставала проблема химической переработки отходов деревообрабатывающих предприятий, кроме того, запуск гидролизного производства был обусловлен необходимостью в экономии хлеба, в том числе в военное время.

Чача. Еще одно название, заимствованное в севернорусские говоры в советский период, – *чача* ‘домашнее вино или пиво; вино, продаваемое из бочек’ (арх. карг., волог. нюкс., костром. вохом.): «Чачей раньше называли пиво, возили в бочках продавали, вот чачу привезли», ‘разливное красное вино’: «Разливное красное вино раньше чачей звали, в бочках его возили, обычное вино, но разливное – чача», ‘самогон, брага’: «На дрожжах настоят песок – вот это и чача» (костром. вохом.) [2]; «Чачи подвыпил» (арх. карг.); «Вино красное в бочках мужики чачей называли» (волог. нюкс.) [1]. Вполне возможно, что слово появилось в костромских говорах в XX в. вместе со sporadической продажей на территории СССР вин и других спиртных напитков из Грузии, в том числе грузинского самогона-*чачи*. Судя по приведенным контекстам, торговали спиртным приезжавшие в деревни автолавки.

---

¹ Приведем еще одно предположение о происхождении названия *сучок*: «В народе распространена и более логичная версия: это жаргонное название дешевой водки происходит от внешнего вида горлышка бутылки, запечатанной коричневым (в отличие от более дорогой “белой головки”) сургучом (в действительности и по официальным документам – “смолкой”), что делало горлышко бутылки похожим на срезанный и соответственно обработанный сучок плодового дерева. Именно так закупоривалась водка вплоть до 50-х годов <...> Наиболее правдоподобной выглядит версия крупнейшего коллекционера водочных этикеток и прочих сопутствующих материалов В.Е. Крылова <...> Нормативные акты 30-х годов регламентировали закупорку бутылок водки корковой пробкой, которая при ударе по доньшку выбивалась как сучок и имела вид такового. На практике допускалось использование деревянной пробки. Отсюда и название» [45].

Брындахлест. Заимствование в русский язык иноязычных лексем, обозначающих спиртные напитки, как и в предыдущем случае с костром. *чача* ‘пиво, самогон’, обычно сопровождается сдвигом или расширением значения. Так, например, развивалась и семантика прост. *брандахлы́ст*, представленная в говорах формами волог., твер. *брындахлэ́ст* ‘жидкое пиво; дурное, безвкусное и жидкое хмельное питье; рассыропленная, слабая или горелая сивуха’ [43. Т. 1. С. 123], ворон., перм. *брандахлы́ст* ‘водка, самогонка’ [8. Вып. 3. С. 148]. Согласно одной из существующих этимологий, это слово образовано путем словосложения, в котором вторая часть «связана с прост. *хлыста́ть* (наряду с *хлеста́ть*) ‘хлестать’, ‘пить водку и т. п. в больших количествах’ <...> Перв. часть нередко понимают как нар. переделку польск. *brand-/t-* в *brandebula*, *brandziucha*, *brantucha* ‘водка’ от ТО *Brandenburg*, см. *Бранденбург*. Польск. слова сопоставляют также с нем. *Vranntwein* ‘водка’, см. *брéнди*» [15. Т. 4 (2). С. 154]. Таким образом, слово, обозначающее водку в языке-источнике, в русском просторечии и народных говорах используется в значении ‘водка, самогонка’ и ‘некачественный алкогольный напиток’.

Пуни, пунч. В Онежском районе Архангельской области, а также в некоторых районах Карелии (Кемский район), Ленинградской (Подпорожский, Тихвинский районы) и Мурманской области (Кандалакшский и Терский районы) записано сущ. *пунч*, *пуни* ‘водка, разведенная кипятком; чай с водкой’ [28. Вып. 5. С. 348]. География этого слова ограничена районами, расположенными на побережье Белого моря и прилегающими к ним территориями. Вероятно, что сущ. *пуни* было заимствовано жителями Русского Севера в начале XX в. из речи английских военных-моряков, которые с 1914 по 1919 г. оказывали помощь царскому правительству, а затем белому движению: грузовые и военные суда союзников прибывали преимущественно в порты Архангельска и Мурманска. Таким образом, непосредственным источником рус. диал. *пуни* можно считать англ. *punch* ‘спиртной напиток из рома (виски, коньяка и др.), разбавленного водой и сваренного с сахаром, лимонным соком или фруктами’.

Ракéж. Волжским путем с юга России на территорию костромского Поветлужья пришло слово *ракéж* ‘самогон’, *ракéжить* ‘варить самогон, пить самогон’ [8]. В южных говорах русского языка записаны, например, новорос. *раки́ца* ‘водка’ [Там же], краснодар., кубан., ставроп., терек. *ра́ка* ‘самогон, водка’ [Там же], усвоенные из тур. *rakı* ‘водка’ [15. Вып. 1. С. 255; 26. Т. 3. С. 438], т.е. из того же источника, что болг. *раки́я*, с.-хорв. *rakija* ‘водка из фруктов, ракия’ [15. Вып. 1. С. 255]. Притом что костром. *ракéж* восходит к турецкому источнику, его оформление А.Е. Аникин считает не до конца ясным.

****

Названия крепких алкогольных напитков интересны с точки зрения установления контактов города и деревни и путей заимствования новых

лексем в говоры. Эта лексическая группа в значительной степени формировалась «извне» – путем заимствования новых слов из просторечия и жаргона, нежели «изнутри» – путем метафоры или иных механизмов развития значений. Хронологически контакты можно отнести как к XIX в., когда в севернорусские говоры попали слова *брандахлест*, *ракеж*, так и к XX в., когда в диалекте появились наименования *сучок*, *ханжа*, *чача*, *чемергес* и др.

На интенсивность расширения лексической группы существенно повлияли внеязыковые социально-экономические факторы. Она пополнялась во время всякого более или менее весомого изменения в законодательстве, регулирующего производство и продажу спиртных напитков: во времена «сухого закона» и антиалкогольных кампаний появляются наименования нелегально произведенного или контрабандного алкоголя, с отменой «сухого закона» в язык входят названия новых спиртных напитков. Так, объявленный царским правительством в 1914 г. «сухой закон» был поддержан советской властью: первые послабления произошли в 1919 г., а полностью он был отменен только в 1923–1925 гг. постановлением ЦИК СССР и СНК СССР, председателем которого был А.И. Рыков. В это время было запущено производство водки крепостью 30°, которая получила неофициальное название *рыковка* и *полурыковка*. Это название бытовало не только в городском просторечии, например, оно было записано в ярославских говорах (1908–1928 гг.), ср. *ры́ковка* ‘горькое вино, водка’: «Приезжай же сват к нам в гости и то, я и рыковки куплю» [8. Вып. 35. С. 307]. На Русском Севере распространению крепкого и суррогатного алкоголя способствовало открытие в 30–50-е гг. гидролизно-спиртовых заводов, специализирующихся на переработке остатков древесины.

Многие наименования, возникшие в антиалкогольную эпоху, воспринимались как конспиративные, которые скрывали тему алкоголя от посторонних и официальной власти. К таким обозначениям можно отнести, помимо упомянутых *сучок*, *ханжа*, *ханыга* и др., например, костромские названия самогона *кисленькая водичка* или *дымная водичка* (окт.), *ржаное масло* (окт.): «Ходят, всё ищут ржаного-то масла», *гобцешная* (мант.), *гоблешная*: «Нагонят самогонку да уберут в голбце, а он у матери украдет, придет да говорит, давай голбешную пить» (шар.) [2].

Сокращения в названиях районов

- бабуш. – Бабушкинский район Вологодской области
- бел. – Белозерский район Вологодской области
- в-важ. – Верховажский район Вологодской области
- вель. – Вельский район Архангельской области
- вил. – Вилегодский район Архангельской области
- вин. – Виноградовский район Архангельской области
- вохом. – Вохомский район Костромской области
- в-т. – Верхнетоемский район Архангельской области
- в-уст. – Великоустюгский район Вологодской области
- выг. – Вытегорский район Вологодской области

кад. – Кадуйский район Вологодской области
карг. – Каргопольский район Архангельской области
к-г. – Кичменгско-Городецкий район Вологодской области
котл. – Котласский район Архангельской области
лен. – Ленский район Архангельской области
мант. – Мантуровский район Костромской области
м-реч. – Междуреченский район Вологодской области
ник. – Никольский район Вологодской области
нюкс. – Нюксенский район Вологодской области
окт. – Октябрьский район Костромской области
он. – Онежский район Архангельской области
пав. – Павинский район Костромской области
пин. – Пинежский район Архангельской области
прим. – Приморский район Костромской области
сямж. – Сямженский район Вологодской области
уст. – Устьянский район Архангельской области
холм. – Холмогорский район Архангельской области
шар. – Шарьинский район Костромской области
шексн. – Шекснинский район Вологодской области

Литература

1. *Картотека «Словаря говоров Русского Севера»* (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
2. *Лексическая картотека* Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
3. *Андреева Т.Б.* Пиво как праздничный напиток жителей Русского Севера (XIX – начало XX века) // Праздничная и обрядовая пища народов мира / отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2017. С. 134–158.
4. *Андреева Т.Б.* Традиции сельского пивоварения на Русском Севере в XIX – начале XXI в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2006. 25 с.
5. *Воронина Т.А.* Пивоварение и связанные с ним традиции праздничного застолья в Вологодской губернии в конце XIX века (по материалам Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева) // Важский край: Источниковедение, история, культура. Вельск, 2002. С. 68–83.
6. *Осипова К.В.* Лексика пивоварения на Русском Севере: этнолингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 57–73.
7. *Осипова К.В.* Традиции употребления пива на Русском Севере: этнолингвистический аспект // Славянский альманах. 2017. № 3–4. С. 463–478.
8. *Словарь русских народных говоров* / под ред. Ф.П. Филина (вып. 1–22), Ф.П. Сороколетова (вып. 23–42), С.А. Мызникова (вып. 43–48). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2015. Вып. 1–48.
9. *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. Москва ; Новосибирск : Наука, 2000. 772 с.
10. *Национальный корпус русского языка.* URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 05.03.2018).

11. *Оглезнева Е.А.* Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования // *Русский язык в научном освещении*. 2008. № 2 (16). С. 119–136.
12. *Словарь русских говоров Приамурья*. М. : Наука. 1983. 341 с.
13. *Словарь русских говоров Сибири* / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1999–2006. Т. 1–5.
14. *Вершининский словарь* / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. Т. 1–7.
15. *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. М. ; СПб., 2007–2017. Вып. 1–11.
16. *Аксенов В.Б.* «Сухой закон» 1914 г.: от придворной интриги до революции // *Российская история*. 2011. № 4. С. 126–139.
17. *Арзамас*: История, литература, искусство в лекциях, шпаргалках, играх и ответах экспертов: новые знания каждый день. URL: <https://arzamas.academy> (дата обращения: 05.03.2018).
18. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2014. 800 с.
19. *Словарь смоленских говоров* / отв. ред. Л.З. Бояринова, А.И. Иванова. Смоленск : Изд-во СГПИ–СГПУ, 1974–2005. Вып. 1–11.
20. *Словарь вологодских говоров*. Вологда : ВГПУ : Русь, 1983–2007. Вып. 1–12.
21. *Мызников С.А.* Русские говоры Беломорья: материалы для словаря. СПб. : Наука, 2010. 496 с.
22. *Архангельский областной словарь* / под ред. О.Г. Гецовой. М. : Изд-во МГУ, 1980–2017. Вып. 1–18.
23. *Новгородский областной словарь* / изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. СПб. : Наука, 2010. 1435 с.
24. *Опыт областного великорусского словаря*, изданный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1852. 300 с.
25. *Ярославский областной словарь* / отв. ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль : ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1981–1991. Вып. 1–10.
26. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1964–1973. Т. 1–4.
27. *Зорина С.В.* К этимологии слова ХАНЫГА // *Этимологические исследования* : сб. науч. тр. Свердловск, 1984. Вып. 3. С. 94–98.
28. *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* / гл. ред. А.С. Герд. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1994–2005. Вып. 1–6.
29. *Сурикова О.Д.* Еще раз о русском слове *шаромыга* // *Научный диалог*. 2016. Вып. 10 (58). С. 113–124.
30. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб. : Норинт, 2000. 717 с.
31. *Котов-Померанченко В.* Язык Одессы: Слова и фразы. Одесса : Optimum, 2013. 167 с.
32. *Ставицька Л.* Український жаргон. Словник. Київ : Критика, 2005. 496 с.
33. *Чабаненко В.А.* Словник говірок Нижньої Наддніпрянщини. Запоріжжя : ЗДУ, 1992. Т. 4: Р–Я.
34. *Сцяшкови́ч Т. Ф.* Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск : Навука і тэхніка, 1972. 618 с.
35. *Форум выпускников ЕВВАУЛ* (архивный). URL: <http://forum.a.evvaul.com/index.php?topic=661.460> (дата обращения: 05.03.2018).
36. *Калий О Аш.* Неожиданно. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/1045060/post403558493> (дата обращения: 05.03.2018).
37. *Ионов В.* Tot-Svet@mail.ru // Электронная библиотека. ModernLib.Ru. URL: http://modernlib.ru/books/vladimir_ionov/tot-svetmailru/read (дата обращения: 05.03.2018).

38. *Вировлянский М.* Чемергес // Проза. ру. URL: <http://www.proza.ru/2012/12/26/833> (дата обращения: 05.03.2018).
39. *Официальный сайт группы «Незванный гость».* URL: <http://negost.ru> (дата обращения: 05.03.2018).
40. *Коцюра И.* Два Алексея из Чемера, или Что такое «чемергес»? // Взгляд. № 42 (176). URL: <http://www.gorod.cn.ua/news/gorod-i-region/21078-dva-alekseja-iz-chemera-ili-chto-takoe-chemerges.html> (дата обращения: 05.03.2018).
41. *Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачева* (вып. 1–31), *А.Ф. Журавлева* (вып. 32–40). М. : Наука, 1975–2016. Вып. 1–40.
42. *Гринченко Б.Д.* Словарь украинского языка. Киев : 1907–1909. Т. 1–4.
43. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1955. Т. 1–4.
44. *Глебова А.А.* Домшинская береста // Научные чтения памяти В.М. Василенко. Вологда, 2003. С. 42–49.
45. *Крылов А.* Не квасом земля полита: Примечания к «человеческой трагедии» Александра Галича // Независимый альманах Лебедь. 25.06.2000. URL: <http://lebed.com/2000/art2197.htm> (дата обращения: 05.03.2018).
46. *О вине и пьянстве: Русские пословицы и поговорки / сост., предисл., словарь, примеч. Г.Ю. Багриновского.* М. : Аграф, 2001. 480 с.

NAMES OF STRONG ALCOHOLIC DRINKS IN THE RUSSIAN NORTH: ETYMOLOGICAL AND ETHNOLINGUISTIC ANALYSIS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 56. 146–165. DOI: 10.17223/19986645/56/8

Ksenia V. Osipova, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: osipova.ks.v@yandex.ru

Keywords: Russian language, dialectology, jargon, popular language, Russian North, drinks, alcohol, etymology, ethnolinguistics.

The article deals with names of strong alcoholic drinks found in the territory of the Russian North. The material of the article includes data from the dialects of the Arkhangelsk and Vologda Regions, as well as the northeast of the Kostroma Region (northern part of the Sharya District, Vokhromsky, Oktyabrsky, Pavinsky Districts, formerly belonging to the Vologda Region). The main sources of the material were the lexicographic files of the Ural Federal University Toponymic Expedition. The work aims to carry out an etymological and ethnolinguistic interpretation of the dialect vocabulary of the Russian North that nominates strong alcoholic drinks. The author examines the ways of strong alcoholic drinks names creation in the Northern Russian dialects, determines the area of their distribution and genetic links. Such methods as semantic-motivational, geographic-linguistic analysis, comparative analysis of the vocabulary of various forms of the language are used to build a complex ethnolinguistic research.

The article analyzes the lexemes of Arkhangelsk, Vologda *hanzha*, Vologda, Kostroma *chemerges*, Arkhangelsk *suchok*, Arkhangelsk, Vologda, Kostroma *chacha*, Arkhangelsk *punsh*, Kostroma *rakezh* and others: for each of them the author defines the dialects, in which these lexemes function and a version of the origin. Historical and cultural commentaries are also given. During the study it was established that most of these words are borrowed from the common language or jargon. So, Arkhangelsk, Vologda *hanzha*, *shanga*, *hanyga* ‘alcoholic drink’ are regarded as related to the jargon word *hanzha* ‘Chinese raw vodka, surrogate alcohol’, borrowed from the Chinese language. Vologda, Kostroma *chemerges* ‘bad, low-quality wine, braga; moonshine’, as well as the jargon *chemerges*, are associated with the slang term reduction of the Chemer State Alcohol Factory.

The author concludes that the intensity of the lexical expansion of the alcoholic drinks group was seriously influenced by extra-linguistic socio-economic factors. These factors were

becoming more numerous during any change in the legislation regulating the production and sale of alcoholic drinks. During the “dry law” and anti-alcohol companies, names of illegally produced or smuggled alcohol appear; with the abrogation of the “dry law”, the language includes the names of new alcoholic drinks. In the Russian North, the spread of strong and surrogate alcohol was incited by the discovery of hydrolytic alcohol distilleries in the 1930s–1950s. Many names that appeared in the anti-alcoholic period are perceived as conspiratorial: they were meant to conceal the talks about alcohol from outsiders and official authorities, for example *dymnaya vodichka*, *rzhanoye maslo*, *golbeshnaya*, etc.

References

1. Department of Russian, General Linguistics and Speech Communication of the Ural Federal University. (n.d.) *The Card File of The Dictionary of the Dialects of the Russian North*. Yekaterinburg. (In Russian).
2. Department of Russian, General Linguistics and Speech Communication of the Ural Federal University. (n.d.) *The Lexical Card File of the Toponymic Expedition of the Ural Federal University*. Yekaterinburg. (In Russian).
3. Andreeva, T.B. (2017) Pivo kak prazdnichnyy napitok zhitel'ey Russkogo Severa (XIX – nachalo XX veka) [Beer as a festive drink of the inhabitants of the Russian North (19th – early 20th centuries)]. In: Arutyunov, S.A. & Voronina, T.A. (eds) *Prazdnichnaya i obryadovaya pishcha narodov mira* [Festive and ceremonial food of the peoples of the world]. Moscow: Nauka. pp. 134–158.
4. Andreeva, T.B. (2006) *Traditsii sel'skogo pivovareniya na Russkom Severe v XIX – nachale XXI v.* [Traditions of rural brewing in the Russian North in the 19th – early 21st centuries]. Abstract of History Cand. Dis. Moscow.
5. Voronina, T.A. (2002) Pivovarenie i svyazannye s nim traditsii prazdnichnogo zastol'ya v Vologodskoy gubernii v kontse XIX veka (po materialam Etnograficheskogo byuro knyazyza V.N. Tenisheva) [Brewing and related traditions of a festive feast in the Vologda province at the end of the 19th century (according to the materials of the Ethnographic Bureau of Prince V.N. Tenishev)]. In: Vasil'ev, Yu.S. *Vazhskiy kray: istochnikovedenie, istoriya, kul'tura* [Vazhsky region: source study, history, culture]. Vel'sk: Vel'skiy kraevedcheskiy muzey.
6. Osipova, K.V. (2017) Brewing vocabulary in the Russian North: an ethnolinguistic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 48. pp. 57–73. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/48/4
7. Osipova, K.V. (2017) Traditions of drinking beer in the Russian North: an ethnolinguistic aspect. *Slavyanskiy al'manakh – Slavic Almanac*. 3–4. pp. 463–478.
8. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P. & Myznikov, S.A. (eds) (1965–2015) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 1–48. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka.
9. Anikin, A.E. (2000) *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: Borrowings from the Ural, Altai and Paleo-Asiatic languages]. 2nd ed. Moscow; Novosibirsk: Nauka.
10. Russian National Corpus. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>. (Accessed: 05.03.2018). (In Russian).
11. Oglezneva, E.A. (2008) Dal'nevostochnyy regiolekt russkogo yazyka: osobennosti formirovaniya [The Far Eastern Regiolect of the Russian Language: Features of Formation]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii – Russian Language and Linguistic Theory*. 2 (16). pp. 119–136.
12. Filin, F.P. (ed.) (1983) *Slovar' russkikh govorov Priamur'ya* [Dictionary of Russian dialects of the Amur region]. Moscow: Nauka.
13. Fedorov, A.I. (ed.) (1999–2006) *Slovar' russkikh govorov Sibiri* [Dictionary of Russian dialects of Siberia]. Vols 1–5. Novosibirsk: Nauka.

14. Blinova, O.I. (ed.) (1998–2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky dictionary]. Vols 1–7. Tomsk: Tomsk State University.
15. Anikin, A.E. (2007–2017) *Russkiy etimologicheskiy slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Is. 1–11. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
16. Aksenov, V.B. (2011) The dry law of 1914: from the court intrigue to the revolution. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 126–139. (In Russian).
17. Arzamas. (n.d.) *Arzamas: Istoriya, literatura, iskusstvo v lektsiyakh, shpargalkakh, igrakh i otvetakh ekspertov: novye znaniya kazhdy den'* [Arzamas: History, literature, art in lectures, cheat sheets, games and expert answers: new knowledge every day]. [Online] Available from: <https://arzamas.academy>. (Accessed: 05.03.2018).
18. Ushakov, D.N. (2014) *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of modern Russian]. Moscow: Adelant.
19. Boyarinova, L.Z. & Ivanova, A.I. (eds) (1974–2005) *Slovar' smolenskikh govorov* [Dictionary of Smolensk dialects]. Is. 1–11. Smolensk: Smolensk State Pedagogical Institute/University.
20. Zorina, L. Yu. et al. (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects]. Is. 1–12. Vologda: Vologda State Pedagogical University: Rus'.
21. Myznikov, S.A. (2010) *Russkie govory Belomor'ya: materialy dlya slovarya* [Russian dialects of the White Sea: materials for the dictionary]. St. Petersburg: Nauka.
22. Getsova, O.G. (ed.) (1980–2017) *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. Is. 1–18. Moscow: Moscow State University.
23. Levichkin, A.N. & Myznikov, S.A. (2010) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Novgorod regional dictionary]. St. Petersburg: Nauka.
24. Second Division of the Imperial Academy of Sciences. (1852) *Opyt oblastnogo velikorusskogo slovarya, izdannyy Vtorym otdeleniem Imperatorskoy akademii nauk* [Experience of the Great Russian Regional Dictionary, published by the Second Division of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg: v tip. Imp. AN.
25. Mel'nichenko, G.G. (ed.) (1981–1991) *Yaroslavskiy oblastnoy slovar'* [Yaroslavl regional dictionary]. Is. 1–10. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical Institute.
26. Vasmer, M. (1964–1973) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vols 1–4. Moscow: Progress.
27. Zorina, S.V. (1984) K etimologii slova KHANYGA [On the etymology of the word KHANYGA]. In: *Etimologicheskie issledovaniya* [Etymological research]. Is. 3. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo. pp. 94–98.
28. Gerd, A.S. (ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas]. Is. 1–6. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
29. Surikova, O.D. (2016) One More Time on Russian Word “Sharomyga”. *Nauchnyy dialog*. 10 (58). pp. 113–124.
30. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2000) *Bol'shoy slovar' russkogo zhargona* [Big dictionary of Russian jargon]. St. Petersburg: Norint.
31. Kotov-Pomeranchenko, V. (2005) *Yazyk Odessy: Slova i frazy* [Language of Odessa: Words and phrases]. Odessa: Optimum.
32. Stavits'ka, L. (2005) *Ukrains'kiy zhargon. Slovník* [Ukrainian jargon. Glossary]. Kiev: Kritika.
33. Chabanenko, V.A. (1992) *Slovník govirok Nizhn'oi Naddniproshchiny* [Dictionary of dialects of the Lower Dnieper region]. Vol. 4. Zaporizhia: ZDU.
34. Stysashkovich, T.F. (1972) *Materyyaly da sloynika Grodzenskay voblastsi* [Materials for the Grodno region dictionary]. Minsk: Navuka i tekhnika.
35. Forum.a.evvaul.com. (n.d.) *Forum vypusnikov EVVAUL (arkhivnyy)* [EVVAUL Alumni Forum (archival)]. [Online] Available from: <http://forum.a.evvaul.com/index.php?topic=661.460>. (Accessed: 05.03.2018).

36. Kaliy O. Ash. (2016) *Neozhidanno* [Suddenly]. [Online] Available from: <https://www.liveinternet.ru/users/1045060/post403558493>. (Accessed: 05.03.2018).
37. Ionov, V. (n.d.) *Tot-Svet@mail.ru*. [Online] Available from: http://modernlib.ru/books/vladimir_ionov/tot-svetmailru/read. (Accessed: 05.03.2018). (In Russian).
38. Virovlyanskiy, M. (2012) *Chemerges*. [Online] Available from: <http://www.proza.ru/2012/12/26/833>. (Accessed: 05.03.2018). (In Russian).
39. Negost.ru. (n.d.) *Ofitsial'nyy sayt gruppy "Nezvanyy gost"* [The official site of the group Nezvanyy Gost']. [Online] Available from: <http://negost.ru>. (Accessed: 05.03.2018).
40. Kotsyura, I. (2010) Dva Alekseya iz Chemera, ili Chto takoe "chemerges"? [Two Alexeis from Chemer, or What is "Chemerges"?]. *Vzglyad*. 42 (176). [Online] Available from: <http://www.gorod.cn.ua/news/gorod-i-region/21078-dva-alekseja-iz-chemera-ili-chto-takoe-chemerges.html>. (Accessed: 05.03.2018).
41. Trubachev, O.N. & Zhuravlev, A.F. (eds) (1975–2016) *Etimologicheskij slovar' slavyan-skikh yazykov* [Etymological dictionary of Slavic languages]. Is. 1–40. Moscow: Nauka.
42. Grinchenko, B.D. (1907–1909) *Slovar' ukrainskogo yazyka* [Dictionary of the Ukrainian language]. Vols 1–4. Kiev: USSR AS.
43. Dahl, V.I. (1955) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language]. Vols 1–4. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov.
44. Glebova, A.A. (2003) Domshinskaya beresta [Domsha birch bark]. In: *Nauchnye chteniya pamyati V.M. Vasilenko* [Scientific readings in memory of V.M. Vasilenko]. Vologda: VMDPNI.
45. Krylov, A. (2000) Ne kvasom zemlya polita: Primechaniya k "chelovecheskoy tragedii" Aleksandra Galicha [The ground is not watered with kvass: Notes to the "human tragedy" of Alexander Galich]. *Lebed'*. 25 June. [Online] Available from: <http://lebed.com/2000/art2197.htm>. (Accessed: 05.03.2018).
46. Bagrinovskiy, G.Yu. (2001) *O vine i p'yanstve: Russkie poslovitsy i pogovorki* [About wine and drunkenness: Russian proverbs and sayings]. Moscow: Agraf.

УДК 811.161.1'373
DOI: 10.17223/19986645/56/9

Е.М. Хакимова

НЕКОДИФИЦИРОВАННЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОПИСНЫХ / СТРОЧНЫХ БУКВ В ТЕКСТАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

Рассмотрено употребление прописных / строчных букв как графических маркеров для дифференциации языковых единиц вне текста и в его составе. Установлены зоны орфографической динамики: онимы (административно-территориальные названия, наименования органов власти, учреждений, организаций, обществ, должностей и званий, праздников и общественных мероприятий, артефактов и природных объектов); стилистически маркированные апеллятивы; структурные элементы текста (конструкции с однородными членами и прямой речью, подзаголовки). Выявлены дестабилизирующие факторы с учетом актуализированных языковых антиномий.

Ключевые слова: ортология, динамика языковой нормы, языковая антиномия, орфографическая норма, орфографическая девиация, неcodифицированный орфографический вариант, прописная буква, строчная буква.

В современной русской орфографии проблема употребления прописных / строчных букв является одной из самых сложных, поскольку соответствующие правила требуют от носителей языка не только основательных лингвистических знаний, но и учета экстралингвистических факторов, характеризуются относительной нестабильностью и охватывают не весь нуждающийся в орфографической регламентации материал. Программное обеспечение современных компьютеров, позволяя автоматически решать многие нормативные вопросы, бессильно в тех случаях, когда написание слова определяется дифференцирующим принципом русской орфографии, который призван, в частности, графически маркировать функциональную специфику текстовых отрезков, стилистические особенности апеллятивов и выражать орфографическими средствами различия между собственными и нарицательными именами. Указанные задачи в ряде случаев вызывают затруднения у авторов, о чем свидетельствуют многочисленные неcodифицированные орфографические варианты в русскоязычных текстах массовой коммуникации. Цель нашей работы – изучить употребления данного типа в их отношении с предписаниями, зафиксированными в современных словарях и справочниках, с учетом не сводимых друг к другу кодификаторских решений.

---

¹ Статья выполнена при поддержке Правительства РФ (Постановление № 211 от 16.03.2013 г.), соглашение № 02.A03.21.0011. The work was supported by Act 211 Government of the Russian Federation, contract № 02.A03.21.0011.

Теоретические основания исследования. Орфографические ошибки – нарушения норм, предписывающих каждой словоформе определенное, так называемое орфографически правильное написание. Специфика орфографии Нового и Новейшего времени обусловлена ориентацией пишущих не только на написания, принятые обществом в качестве образцовых, но и на правила, система которых зафиксирована в орфографических кодексах. Согласно традиционной лингвистической точке зрения, получившей выражение в работах В.А. Ицковича, при наличии орфографических правил последние и представляют собой норму правописания: «...то, что записано в правилах, – норма; то, что противоречит правилам, – за пределами нормы» [1. С. 34]. Примечательно, что это решение во многом определяет принципы современной российской лингводидактики. Так, методические рекомендации по оцениванию выполнения задания с развернутым ответом, регламентировавшие деятельность экспертов ЕГЭ по русскому языку в 2017 г., включают следующие дефиниции интересующих нас терминов: «Орфографическая ошибка – это написание слова, не соответствующее орфографическим нормам. Орфографические нормы устанавливаются академическими орфографическими словарями и справочниками» [2. С. 38].

Альтернативная позиция соотносится со значимым для теории нормы тезисом Э. Косериу [3], по мнению которого ортологические феномены соответствуют тому, что уже сказано и по традиции говорится в обществе. Из этого фундаментального положения следует, что при изучении орфографических норм нельзя ограничиваться рассмотрением свода правил (того, как должно писать), необходимо также обращаться к речевой практике носителей языка. Данный подход представлен в работах Е.В. Бешенковой и О.Е. Ивановой [4], Н.Д. Голева [5], И.В. Нечаевой [6, 7], А.Д. Шмелева [8] и других российских лингвистов, рассматривающих орфографию как функциональное синхронно-диахронное, стихийно-рациональное, условно-отражательное продолжение языка. Указанный методологический принцип позволяет расширить объект исследования, включив в сферу орфографического изучения не только искусственную, но и естественную письменную речь, которую, как указывает Н.Б. Лебедева [9], отличают спонтанность и непрофессиональность исполнения. Анализ текстов ЕПР показывает, что в настоящее время орфографическое оформление высказываний определяется не только культурно-речевыми детерминантами, но и различными прагматическими интенциями носителей языка [10].

Наше исследование осуществлялось в рамках второго направления, связанного с изучением бытия русской орфографической системы во всей его возможной полноте. При этом мы стремились не противопоставить деонтический и онтологический модусы друг другу, а рассмотреть их как грани единого целого. Указанная методологическая установка обусловила обращение к некодифицированным орфографическим реализациям. В статье мы уделяли им особое внимание, поскольку разделяем точку зрения М. Ямпольского, согласно которой «норма не может конституироваться без ее нарушения, без трангрессии границ, без наличия пограничных явлений,

без аномалий, патологий и пр., потому что без этого никакая норма вообще не имеет смысла» [11].

Практическая значимость исследования. Изучение закономерностей, определяющих динамические процессы в области употребления прописных / строчных букв, имеет не только теоретическое, но и прикладное значение: полученные результаты целесообразно использовать при переиздании орфографических словарей и справочников; разработке учебных курсов речеведческой направленности; подготовке медиатекстов, которые формируют представления носителей языка о качественной русской речи, оказывая таким образом влияние на современную культурно-речевую ситуацию в России и за её пределами.

Характеристика эмпирической базы и метода исследования. Эмпирическую базу составили: 1) публикации в российских федеральных и региональных печатных изданиях «Аргументы и факты», «Вечерний Челябинск», «Комсомольская правда», «Челябинский рабочий», «Южноуральская панорама» (2010 г.); 2) тексты, подготовленные студентами Южно-Уральского государственного университета для корпоративного издания кафедры массовой коммуникации «PR-брейк» (2011 г.); 3) сообщения, размещенные на сайтах Южно-Уральского государственного университета и составившие «Интернет-биографию факультета журналистики» (2006–2011 гг.; <https://refdb.ru/look/2831982-pall.html>). В указанном материале методом системно-функционального анализа было выявлено 202 ненормативных и периферийных с точки зрения нормы употребления прописных / строчных букв. Значимо, что нас интересовали ненамеренные отступления от современного орфографического стандарта. Изучение орфографических девиаций в качестве средства языковой игры с целью усиления выразительности текста в задачи настоящего исследования не входило.

Результаты анализа. Орфографические нормы, регламентирующие употребление прописных / строчных букв, реализуются на двух уровнях: на уровне номинативных единиц за пределами высказывания и на уровне текста.

Большинство исследуемых нами орфографических норм определяют употребление прописных / строчных букв независимо от текстовой реализации соответствующих языковых единиц. Орфография при этом функционирует в качестве одного из средств дифференциации лексико-грамматических классов. Авторы издания «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» [12] указывают, что среди слов, выделяемых прописной буквой, различаются:

1) имена собственные в узком смысле этого слова. В их составе все компоненты, кроме служебных слов и терминов, обозначающих родовые понятия, пишутся с прописной буквы;

2) наименования. Если они состоят из нескольких компонентов, в большинстве случаев с прописной буквы следует писать только первое слово (за исключением тех случаев, когда в состав наименования входят другие собственные имена).

Анализ нашего материала показывает, что в обеих группах доминирует тенденция к некодифицированному употреблению прописных букв, ненормативная капитализация.

1. Некодифицированные написания административно-территориальных названий и их производных. К данным языковым единицам относятся названия краев, областей, населенных пунктов, улиц и т. п. В нашем материале представлено 11 реализаций этого типа, т. е. 5,4% от общего числа рассмотренных употреблений.

В справочниках по орфографии и в словарях указывается, что в административно-территориальных названиях с прописной буквы пишутся все слова, кроме родовых терминов, служебных единиц и компонентов *года, лет* [12. § 169]. Данное предписание нарушено при оформлении единицы **Сибирский Федеральный Округ* (Интернет-биография факультета журналистики); нормативное написание – *Сибирский федеральный округ*. Некодифицированная капитализация, очевидно, обусловлена желанием автора выразить орфографическими средствами идею значимости соответствующей реалии.

Особое внимание кодификаторы уделяют правописанию официальных названий государств, заданному следующим правилом: в составных именах данного типа с прописной буквы должны писаться все слова, кроме служебных, в том числе и родовые термины [Там же. § 170]. Орфографическая специфика официальных наименований государств в подсистеме административно-территориальных названий не всегда учитывается носителями языка: **Сахарская Арабская Демократическая республика* (Интернет-биография факультета журналистики); правильно – *Сахарская Арабская Демократическая Республика*. По нашему мнению, подобные отступления от стандарта вызваны тем, что принятое кодификаторами предписание требует учета специальной информации, нерелевантной для обыденного метаязыкового сознания.

Значимо, что в некоторых случаях правописание административно-территориальных названий определяется не только орфографическим кодексом: **Пл. Революции, 1* (Интернет-биография факультета журналистики). Здесь допущена ошибка при оформлении почтового адреса, которое регламентируется Правилами оформления почтовых отправлений [13]. Образцы, приведенные в указанном экстралингвистическом документе, свидетельствуют о том, что сокращенные варианты родовых терминов следует писать со строчной буквы: *пл. Революции, 1*.

Колебания орфографической нормы возникают и при употреблении слов, образованных от административно-территориальных названий. Используя прописную букву в указанных единицах, пишущие на уровне орфографии эксплицируют системные связи между производящими и производными лексемами, актуализируя при этом отражательное начало русского письма. В нашем материале некодифицированные реализации этого типа представлены двумя разновидностями:

1) производными существительными – наименованиями жителей: **Россияне* (АиФ. 2010. 24 февраля – 2 марта), **Челябинцы* (PR-брейк.

2011. Декабрь). По правилу подобные лексемы следует писать со строчной буквы – *россияне, челябинцы*;

2) производными прилагательными: **Советский режиссер Сергей Аполлинариевич Герасимов* (Интернет-биография факультета журналистики). Поскольку в приведенном сочетании выделенное прилагательное не является компонентом собственного имени, нормативных оснований для употребления прописной буквы при его написании нет.

2. Некодифицированные написания названий органов власти, учреждений, организаций, обществ. В соответствии с правилом в указанных наименованиях с прописной буквы следует писать первое слово, имена собственные, а также первое слово входящих в состав данных единиц названий других учреждений и организаций [12. § 189]. В нашем материале выявлено 83 отступления от приведенного предписания, это 41,1% от общего числа исследованных употреблений. Реализации данного типа представлены несколькими разновидностями.

Названия органов власти. Как опорные слова в таких наименованиях функционируют следующие лексемы:

дума: **Челябинская Городская Дума* (Интернет-биография факультета журналистики), кодифицированный вариант – *Челябинская городская дума*;

министерство: **министерство культуры Челябинской области* (ВЧ. 2010. 5 марта), правильно – *Министерство культуры Челябинской области*;

собрание: **Законодательное Собрание* (Интернет-биография факультета журналистики), правилу соответствует написание *Законодательное собрание*;

управление: **управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Челябинской области* (ВЧ. 2010. 1 февраля), нормативный вариант – *Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Челябинской области*;

центр: **центр по противодействию экстремизму ГУВД по Челябинской области* (АиФ. 2010. 27 января – 2 февраля), правильно – *Центр по противодействию экстремизму при ГУВД по Челябинской области*.

Названия общественных организаций. В качестве идентифицирующего компонента здесь могут использоваться не только существительные, но и прилагательное *общественный*: **общественный совет при ГУВД Челябинской области* (Интернет-биография факультета журналистики), правильное написание – *Общественный совет при ГУВД Челябинской области*.

Названия научных учреждений и учебных заведений. Опорными компонентами в указанных языковых единицах являются слова:

академия: **Евразийская Академия Телевидения и Радио* (Интернет-биография факультета журналистики), ср. *Евразийская академия телевидения и радио*;

техникум: *Челябинский Техникум Торговли и Художественных Промыслов (Интернет-биография факультета журналистики), ср. Челябинский техникум торговли и художественных промыслов;

университет: *Казанский Федеральный университет (Интернет-биография факультета журналистики), ср. Казанский федеральный университет.

Названия профессиональных объединений. В ходе анализа выявлены следующие опорные компоненты данных сочетаний:

ассоциация: *Российская Ассоциация Студентов по Связям с Общественностью (PR-брейк. 2011. Декабрь), ср. Российская ассоциация студентов по связям с общественностью;

лига: *Молодежная Хоккейная Лига (Интернет-биография факультета журналистики), ср. Молодежная хоккейная лига;

партнерство: *партнерство журфаков России (Интернет-биография факультета журналистики), ср. Партнерство журфаков России;

совет: *Учебно-методический Совет по журналистике УМО государственных классических университетов РФ (Интернет-биография факультета журналистики), ср. Учебно-методический совет по журналистике УМО государственных классических университетов РФ;

федерация: *федерация специального рукопашного боя (ВЧ. 2010. 26 февраля), ср. Федерация специального рукопашного боя;

конфедерация: *Международная Конфедерация Журналистских Союзов (Интернет-биография факультета журналистики), ср. Международная конфедерация журналистских союзов.

Названия зрелищных предприятий и учреждений культуры. В наименованиях этого типа опорными являются следующие лексемы:

дворец: *дворец культуры железнодорожников (Интернет-биография факультета журналистики), ср. Дворец культуры железнодорожников;

объединение: *Челябинское Концертное объединение (Интернет-биография факультета журналистики), ср. Челябинское концертное объединение;

театр: *театр оперы и балета имени Глинки (ВЧ. 2010. 26 февраля), ср. Театр оперы и балета имени Глинки;

центр: *Чжунбейский Телевизионный Художественный Центр (Интернет-биография факультета журналистики), ср. Чжунбейский телевизионный художественный центр.

Названия организаций, связанных с медиасферой. Идентификаторами обозначенного сегмента в нашем материале являются два слова:

агентство: *Российское Агентство Международной Информации «РИА Новости» (Интернет-биография факультета журналистики), ср. Российское агентство международной информации «РИА Новости». Значимо, что отступление от правила в подобных случаях может быть спровоцировано расхождением предписаний, регламентирующих орфографию отечественных и иноязычных названий информационных агентств: в ино-

язычных названиях все слова, кроме родового, пишутся с прописной буквы, например: *агентство Франс Пресс* [12. § 189];

телекомпания: *телекомпания «Совершенно Секретно» (Интернет-биография факультета журналистики). Существительное в данном случае выполняет функцию родового термина, название заключено в кавычки, и, поскольку компонент *секретно* собственным именем не является, нормативных оснований для употребления прописной буквы в его составе нет (ср. *телекомпания «Совершенно секретно»*).

Названия коммерческих организаций в нашем материале представлены наименованием с опорным компонентом **банк:** **Свердловский Губернский Б*анк (КП. 2010. 25 февраля – 4 марта). В соответствии с рекомендациями современных орфографических кодексов прописную букву здесь нужно употреблять только в первом слове: *Свердловский губернский банк*.

Названия структурных подразделений учреждений и организаций. По мнению специалистов, данные единицы не являются собственными именами, поэтому прописные буквы в них употребляться не должны. Однако отступления от этого предписания регулярно встречаются в современных русскоязычных текстах. В интересующих нас образованиях используются слова:

кафедра: *кафедра Массовой коммуникации (PR-брейк. 2011. Декабрь), ср. *кафедра массовой коммуникации*;

совет: *Ученый Совет (Интернет-биография факультета журналистики), ср. *ученый совет*;

факультет: *факультет Журналистики (Интернет-биография факультета журналистики), ср. *факультет журналистики*.

Можно предположить, что ошибки в названиях подобных подразделений обусловлены неправомерными аналогиями: с прописной буквы пишется первое слово 1) в названиях учебных заведений, в состав которых входят такие структуры; 2) синонимичных синтаксических конструкциях (*кафедра «Массовая коммуникация», факультет «Журналистика»*). Кроме того, конвенция, регламентирующая правописание данных единиц, содержится не во всех справочниках по орфографии. Она отсутствует, например, в известном справочнике Д.Э. Розенталя, Е.В. Джанджаковой, Н.П. Кабановой [14]. Полагаем, такая ситуация в кодификационной практике также усиливает колебания в рассматриваемом звене орфографической системы.

Выделенные тематические группы названий органов власти, учреждений, организаций, обществ представляют собой открытые множества, активно пополняющиеся наименованиями, которые образуются на базе вышперечисленных опорных компонентов. Решая вопрос о правописании этих языковых единиц, целесообразно учитывать лингвистическую традицию, отраженную не только в соответствующих правилах, но и в образцах, кодифицированных специализированными орфографическими словарями [15]. Ценным источником информации являются лингво-юридические

справочники, сведения о которых представлены в статье М.И. Карпович [16]. Что касается детерминант, динамизирующих данный орфографический сегмент, то это такие факторы, как отсутствие четких границ между собственными и нарицательными именами в системе языка, стремление авторов использовать оппозицию прописная / строчная буква в качестве иерархического маркера, влияние иностранных орфографических традиций, воздействие прецедентных государственных нормативно-правовых документов, лингво-юридический узус, избирательность в кодификаторской практике.

3. Некодифицированные написания названий должностей, званий.

Подавляющее большинство указанных номинативных единиц следует писать со строчной буквы. Исключения составляют наименования высших государственных и церковных должностей и высшие почетные звания [12. § 185, 196]. Относительно первой группы делается оговорка: прописная буква в составе названий должностей уместна в том случае, если указанные наименования используются в официальных текстах. В неофициальных высказываниях рекомендуется употреблять строчную букву (*выборы президента, прием у патриарха*). Таким образом, орфографический кодекс накладывает ограничение на капитализацию в рассматриваемой группе языковых единиц. Между тем в современных текстах данное предписание регулярно нарушается. В нашем материале обнаружено 32 отступления от орфографического стандарта в названиях должностей и званий, что составляет 15,9 % от общего числа исследованных употреблений. Выявленные номинативные единицы включают в себя следующие слова-идентификаторы:

губернатор: **Губернатор Челябинской области* (Интернет-биография факультета журналистики), ср. *губернатор Челябинской области*;

директор: **Директор филиала «ОПТАН-Челябинск»* (АиФ. 2010. 24 февраля – 2 марта), ср. *директор филиала «ОПТАН-Челябинск»*;

заслуженный: **Заслуженный работник культуры РФ* (Интернет-биография факультета журналистики), ср. *заслуженный работник культуры РФ*;

председатель: *Председатель ЗСО (Интернет-биография факультета журналистики), ср. *председатель ЗСО*;

президент: **Президент Союза ректоров России* (Интернет-биография факультета журналистики), ср. *президент Союза ректоров России*. Допускаются ошибки и в наименованиях, опорным компонентом которых являются производные от слова *президент*: **Вице-президент Международной Евразийской Академии Телевидения и Радио* (Интернет-биография факультета журналистики), ср. *вице-президент Международной евразийской академии телевидения и радио*;

член: **Члены Академии Российского телевидения* (Интернет-биография факультета журналистики), ср. *члены Академии российского телевидения*.

Рассмотренные употребления, по нашему мнению, обусловлены стремлением носителей языка использовать прописную букву в качестве знака

статусности соответствующих реалий. Исследование М.И. Карпович [16] показывает, что альтернативные написания в данном звене орфографической системы вызваны также лингво-юридическим узусом, непосредственно детерминированным прецедентной государственной нормативно-правовой документацией.

4. Некодифицированные написания названий праздников, общественных мероприятий. Наша база содержит 13 единиц указанного типа, что составляет 6,4% от общего числа исследованных употреблений.

Названия праздников относятся к числу наименований, поэтому в соответствии с общей тенденцией в большинстве случаев с прописной буквы пишется только первое слово в их составе. Одним из немногочисленных исключений является сочетание *День Победы*, в котором прописная буква употребляется дважды. Однако правило не содержит никаких указаний на ее использование в прилагательном, регулярно сопровождающем вариант данного наименования: *праздник *Великой Победы* (Интернет-биография факультета журналистики). Не предусмотренная орфографическим кодексом капитализация в составе означающего позволяет автору выразить свое отношение к означаемому, усиливая модусную составляющую высказывания.

Если состав названий праздников более или менее стабилен, то языковые единицы, функционирующие в качестве наименований мероприятий общегосударственного или международного значения, напротив, характеризуются динамичностью. Тем не менее принцип их правописания тот же: прописная буква легитимна в первом слове и в собственных именах, входящих в состав названия. Учитывая это, следует констатировать отступление от орфографического стандарта в варианте **Международный Фестиваль «Телепрофи»* (Интернет-биография факультета журналистики). Правильное написание данного наименования – *Международный фестиваль «Телепрофи»*.

Поскольку общественно значимые мероприятия в ряде случаев становятся традиционными, в их состав вводятся порядковые числительные: **Десятая премия в области связей с общественностью PROBА-IPRA GWA* (Интернет-биография факультета журналистики). Числительное *десятый*, функционирующее здесь как первый компонент названия международного конкурса, нужно писать с прописной буквы – *Десятая премия в области связей с общественностью PROBА-IPRA GWA*. Номер мероприятия может обозначаться не словом, а цифрой: *IV *межвузовский фестиваль студенческого кино* (Интернет-биография факультета журналистики). Слова *Международный*, *Всемирный*, *Всероссийский* и т. п. в подобных наименованиях также пишутся с прописной буквы (ср. IV *Межвузовский фестиваль студенческого кино*). Причина появления некодифицированных орфографических реализаций данного типа – объективная сложность лингвистической задачи, связанной с определением границ собственного имени в системе современного русского языка.

За рамками орфографических конвенций остается вопрос правописания названий номинаций, заявленных в программах конкурсов, фестивалей, кон-

грессов. Между тем указанные языковые единицы регулярно встречаются в современных текстах массовой коммуникации и нуждаются в орфографической регламентации: **По окончании концерта состоялось награждение конкурсантов по номинациям: «вокал», «вокально-инструментальное исполнение», «бальный танец» ...* (Интернет-биография факультета журналистики). Нам представляется, что здесь можно рекомендовать употребление начальной прописной буквы по аналогии с орфографическим оформлением названий рубрик в традиционных печатных СМИ.

Следует также уделить внимание языковым единицам, при написании которых авторы используют прописную букву, хотя данные образования не относятся к числу собственных имен: **Зам. декана журфака – на Прямой линии ФСКН* (Интернет-биография факультета журналистики). Можно предположить, что причиной орфографических ошибок в подобных случаях является ложная аналогия: рассматриваемое сочетание неправомерно отождествляется с названиями мероприятий, имеющих общегосударственное или международное значение.

5. Некодифицированные написания названий артефактов и природных объектов. Под артефактами мы понимаем предметы, являющиеся продуктами целенаправленной человеческой деятельности, при этом учитываем, что между ними и природными объектами нет жесткой границы. В нашем материале представлено 40 некодифицированных написаний онимов данного типа, это 19,8% от общего числа рассмотренных употреблений.

Названия документов. По правилу, если указанные единицы не сочетаются синтаксически с родовым термином, их следует заключать в кавычки, употребляя прописную букву в первых словах и собственных именах. Данное предписание нарушено в сочетании *по статье «мошенничество»* (КП. 2010. 14–21 января), нормативный вариант – *по статье «Мошенничество»*.

Если названия документов кавычками не выделены, решить вопрос об их правописании сложнее. Авторы словарей и справочников рекомендуют употребление прописной буквы «в составных названиях важнейших документов и сборников документов, государственных законов» [12. § 194]. Приведенная формулировка задает дифференциацию обозначаемых реалий по иерархическому критерию. Остается открытым, не отраженным в конвенциях вопрос о том, какие документы следует считать важнейшими. Относятся ли к их числу, например, государственные стандарты? От этого, очевидно, должно зависеть написание составного наименования *Государственный стандарт по направлению «Журналистика»* (Интернет-биография факультета журналистики).

Некоторые орфографические девиации обусловлены тем, что носители языка не всегда различают названия документов и названия видов документов, последние не относятся к собственным именам и должны писаться со строчной буквы. Неправомерная аналогия стала причиной орфографической ошибки в следующем предложении: **Самовольно удерживать Трудовую*

книжку работодатель не имеет права (АиФ. 2010. 24 февраля – 2 марта), ср. трудовая книжка.

Заголовки литературных, научных и т. п. произведений. В средней школе ученики осваивают орфографическую норму, предписывающую употребление прописных букв в названиях литературных произведений. Данное правило регламентирует правописание и других заголовков, например названий публикаций в СМИ. Как правило, орфография подобных наименований не вызывает никаких затруднений у носителей языка. Исключения составляют названия, состоящие из двух компонентов, связанных союзом *или*: *«*В этот вечер выпускной*» или «*как до него добраться*» (PR-брейк. 2011. Декабрь). Орфографические кодексы указывают, что правильным в подобных случаях является употребление прописной буквы в начале не только первой, но и второй части: *В этот вечер выпускной, или Как до него добраться*. Поскольку данная модель заголовка используется в современном речевом узусе довольно редко, она находится за пределами обыденного метаязыкового сознания, особенности написания таких наименований большинству носителей языка неизвестны.

Осмысливая проблему орфографического оформления заголовков, следует учитывать, что произведение в широком понимании включает в свой состав не только слова, но и знаки другой природы – визуальные, аудиальные и т. д. В системе современного русского языка заголовки невербальных произведений относятся к числу собственных имен и требуют употребления прописной буквы. Поэтому ошибочным нам представляется орфографический вариант *коллекция одежды весна – лето – 2010* (КП. 2010. 25 февраля – 4 марта), ср. *коллекция одежды «Весна – лето 2010»*.

Названия торговых марок. В данном орфографическом сегменте в настоящее время динамические процессы проходят очень активно. Как показывают исследования Н.В. Николенковой, состав собственных имен данного типа стремительно пополняется новыми единицами, среди которых: а) названия растений, овощей, фруктов и цветов, ориентированные на производителей / потребителей соответствующей продукции; б) названия продовольственных, парфюмерных и т. д. товаров, созданные по традиционным и нестандартным для русского языка моделям; в) многочленные названия технических изделий – автомобилей, гаджетов, бытовых приборов. Указывая на принципиальную открытость последней группы, автор пишет: «...создать правило, которое будет описывать все современные случаи создания названия производственных марок и все потенциальные новые варианты, на сегодняшний день нельзя» [17. С. 15]. Мы согласны с этим утверждением и полагаем, что его можно распространить на всю рассматриваемую категорию. Из тезиса о её принципиальной открытости следует, в частности, что далеко не всегда пишущие могут найти в орфографических кодексах четкие указания относительно интересующего их случая. Так, известные нам справочники не определяют особенностей правописания наименований лекарственных препаратов. Между тем в современной речевой практике собственные имена такого типа используются регу-

лярно: *Елена Сергеевна – автор оригинального препарата для лечения заболеваний вирусной природы. Его так и называют – «раствор Солодовниковой» (ВЧ. 2010. 5 марта). Нам представляется, что, не имея конкретного предписания относительно орфографического оформления подобных единиц, целесообразно принимать решение по аналогии: выделять условное название медицинского товара кавычками и прописной буквой – «*Раствор Солодовниковой*». Причиной орфографического сдвига здесь является сосуществование в системе языка собственного имени, построенного по модели словосочетания, и соответствующей синтаксической единицы. Употребление прописной буквы позволяет снять отмеченную омонимию.

Названия растений. В издании «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» вопрос о правописании указанных единиц решается следующим образом: «Названия видов и сортов сельскохозяйственных культур, овощей, цветов и т. п. – термины агрономии и садоводства – выделяются кавычками и пишутся со строчной буквы, напр.: *пшеница «крымка», клубника «виктория», малина «мальборо», тюльпан «чёрный принц», слива «никольская»*. Примечание. Традиционно не выделяются кавычками общепринятые названия растений и их сортов, напр.: *георгин, анютины глазки, иван-да-марья, иван-чай, марьян корень, белый налив, антоновка, розмарин, ренклюд, морковь*» [12. § 198]. Приведенная формулировка дифференцирует написание а) терминов агрономии и садоводства (основная часть правила) и б) общепринятых названий растений и их сортов (примечание) на уровне пунктуации, но не орфографии, узаконивая в тех и других номинативных единицах строчную букву. В современных текстах массовой коммуникации представлены и альтернативные решения: **Комплексная настойка для лечения алкогольной зависимости из корней Длюбистока, Кукольника, Копытня европейского* (АиФ. 2010. 24 февраля – 2 марта). Употребление прописной буквы становится понятным при обращении к другим орфографическим справочникам, которые признают правильным такой вариант для специальной литературы [13. С. 34]. Таким образом, источником нестабильности в данном случае становится противоречие между общеупотребительным и специальным в языке и орфографии как его функциональном продолжении.

6. Орфографические колебания при написании слов в особом стилистическом употреблении. Данное звено орфографической системы, в отличие от предшествующих, не связано с оппозицией собственных / нарицательных имен; предметом регламентации здесь являются функционально маркированные апеллятивы. Мы выделили 18 таких единиц – 8,9% от общего числа употреблений в нашей базе. Орфографическая нестабильность указанных номинаций рассматривается в научных работах, например в статье М.И. Карпович [18], а также находит отражение в орфографических справочниках. Исследователи и кодификаторы указывают, что при написании слов в особом стилистическом употреблении выбор прописной или строчной буквы зависит от особенностей контекста. Зна-

чимыми могут быть: 1) жанрово-стилистические детерминанты; 2) эмоционально-экспрессивная составляющая высказывания.

1. Жанрово-стилистической обусловленностью характеризуется капитализация в написании местоимений *Вы* и *Ваш*. Традиционно прописная буква использовалась при вежливом обращении к одному адресату в письмах и официальных документах, и в правиле фиксировались соответствующие жанрово-стилистические ограничения. Однако данное предписание систематически нарушалось в рекламных сообщениях из стремления подчеркнуть уважительное отношение к потенциальному клиенту. Приведем фрагмент рекламного сообщения в форме поздравления из нашей базы: *Присоединяясь ко всем теплым и нежным словам, сказанным **Вам** вашими родными и дорогими людьми, от себя хотим добавить и пожелать – здоровья и благополучия **Вам** и **Вашим** близким, успехов во всех начинаниях, тепла и уюта домашнему очагу, и, конечно же, Всегда Хорошего Бензина* (АиФ. 2010. 24 февраля – 2 марта). Высококачественность капитализации в речевом узусе оказала влияние на кодификацию: авторы издания «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» включили в обновленную версию правила указание на то, что формы *Вы* и *Ваш* могут использоваться в текстах, предназначенных для многократного использования, в том числе в рекламе и листовках [12. § 202].

Очевидно, за пределами нормы пока остается капитализация местоимений *Вы* и *Ваш* в собственно журналистских жанрах. Мы обнаружили отступление от орфографического стандарта в тексте интервью: *Г: – *Как Вы думаете, это тестирование полезно студентам или же наоборот?* (PR-брейк. 2011. Декабрь). Нам представляется, что ошибка в данном примере обусловлена спецификой адресата: автор направляет свое сообщение не только массовой аудитории, но и конкретному собеседнику, наличие которого сближает интервью с эпистолярным жанром.

Особое жанрово-стилистическое использование свойственно не только местоимениям *Вы* и *Ваш*: с прописной буквы пишутся некоторые нарицательные существительные в текстах официальных документов, например в договорах (*Работодатель, Работник, Продавец, Покупатель, Поставщик, Заказчик* и т. п.). Подобные употребления имеют место и в современных медиатекстах: **Сотрудники нашей **Компании** в 10 регионах РФ на 70 АЗС «ОПТАН» днем и ночью заботятся о покупателях – и это не лозунг и не призыв, это наша ежедневная работа, это наш долг перед Вами, это верная традиция нашей **Компании!*** (АиФ. 2010. 24 февраля – 2 марта); **Специфика деятельности Анастасии в наиболее общем смысле состоит во взаимодействии с Медиа, налаживании отношений между **Клиентами** Агентства в совершенно разных областях жизни и средствами массовой информации, а также организации и проведении PR-кампаний различной сложности* (<http://do.gendocs.ru/docs/index-149630.html?page=55>). Перенос капитализации нарицательных существительных из официально-делового стиля в другую функциональную сферу в современной речевой практике

не есть явление исключительное, однако кодификаторы не спешат признать его нормативным.

2. Прописная буква может использоваться как знак эмоционально-экспрессивной маркированности некоторых нарицательных существительных, когда им приписывается особый, высокий смысл: **Команда РАССО № 74 – это друзья, друзья с большой буквы, единомышленники, активисты, люди которые также как и ты не могут сидеть без дела и подходят к каждому вопросу с душой* (PR-брейк. 2011. Декабрь). В приведенном примере допущена орфографическая ошибка, так как подчеркнутая пафосность высказывания, выраженная лексическими средствами, требует употребления в выделенном слове прописной буквы.

7. *Некодифицированные употребления на границе структурных элементов текста.* В нашем материале представлены 5 нарушений указанного типа, что составляет 2,5 % от общего числа рассмотренных единиц. Среди них обнаружены ошибки при употреблении однородных компонентов: **Основные характеристики: Рабочие частоты: 10,500–10,550 ГГц; 24,050–24250 ГГц; 800–1000 нм; Регулировка громкости звукового сигнала; Регулировка яркости дисплея; Режим ГОРОД/ТРАССА; Функция обнаружения новейших радаров с коротким импульсом* (АиФ. 2010. 10–16 марта). В соответствии с правилом с прописной буквы пишется первое слово после точки, многоточия, вопросительного и восклицательного знаков, заканчивающих предложение [12]. После других знаков препинания в прозаическом тексте должна использоваться строчная буква. Употребление прописных букв в приведенном примере, очевидно, обусловлено тем, что автор, учитывая интересы адресата, стремится усилить структурированность высказывания, орфографически подчеркивая границы между элементами многокомпонентного однородного ряда.

Следующий тип отступлений от стандарта представляет собой некорректное оформление конструкций с постпозитивной прямой речью: **Зарубежным коллегам Людмила Петровна предложила использовать термин «любительская журналистика», поскольку «гражданская журналистика» должна основываться на особых принципах работы, когда работник СМИ воспринимает слушателя, зрителя, читателя не как потребителя, а как гражданина, когда он спрашивает себя: «Что я сделаю, чтобы решить ту или иную проблему?»* (Интернет-биография факультета журналистики). Кодификаторы предписывают употребление прописной буквы в первом слове постпозитивной прямой речи [14. С. 276]. Рассматривая нарушения этого правила, следует учитывать, что в системе современного русского языка структуры с прямой речью являются не единственным способом включения чужого слова в высказывание. Авторы издания «Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование» указывают: «Кавычками выделяются чужие слова, включенные в авторский текст и сопровождаемые указанием на их принадлежность другому лицу, например: *Возникающие при этом сложности связаны с тем, что слово представляет собой «двустороннюю еди-*

нишу» (Д.Н. Шмелев)» [14. С. 286]. В приведенной формулировке использование прописных / строчных букв специально не оговаривается, но в примере чужую речь открывает строчная литера. Орфографическая составляющая рассматриваемой комплексной нормы эксплицирована в издании «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник»: «Цитата, включенная в авторское предложение на правах компонента, выделяется кавычками (но начинается со строчной буквы). ...Мысль Л.Н. Толстого «время есть отношение движения своей жизни к движению других существ», высказанная в его дневниках, имеет философское содержание» [12. § 143]. Мы полагаем, что функциональное тождество сосуществующих в системе вариантов, а также сходство их пунктуационного оформления провоцируют непропорциональную орфографическую унификацию. Если метаязыковое сознание автора не воспринимает структурные различия между предложениями как важную ортологическую характеристику, следствием может стать ошибочное употребление строчной буквы по аналогии.

Специального обсуждения, на наш взгляд, заслуживает вопрос об орфографическом оформлении заголовочного комплекса. В изученном материале обнаружено употребление строчной буквы в первом слове подзаголовка:

*Учим делать деньги

цикл бесплатных бизнес-семинаров в вашем городе

(АиФ. 2010. 10–16 марта)

Следует отметить, что современными орфографическими справочниками написание подзаголовков не регламентируется: этот аспект орфографической нормы остался за пределами внимания кодификаторов. Учитывая значимость рассматриваемого структурного элемента, считаем правомерным его выделение в тексте посредством прописной буквы.

Выводы. Проведенное нами исследование подтвердило справедливость существующего представления о сложности и нестабильности орфографической подсистемы, регламентирующей употребление прописных / строчных букв.

1. В ходе анализа установлено, что орфографические колебания затрагивают три функциональные области:

1) написание онимов – административно-территориальных названий и их производных; наименований органов власти, учреждений, организаций, обществ, должностей и званий, праздников и общественных мероприятий, артефактов и природных объектов;

2) написание нарицательных лексем в особом стилистическом употреблении;

3) выделение структурных элементов текста – конструкций с однородными членами и прямой речью, подзаголовков.

2. Некодифицированные употребления прописных / строчных букв обусловлены множеством факторов:

1) авторы используют орфографические средства для выражения модусных значений – прописная буква становится графическим акцентом, позволяющим подчеркнуть значимость соответствующего объекта речи;

2) орфографическое правило приносится в жертву коммуникативной норме, когда отступления от орфографического стандарта связаны с интересами адресата;

3) носители языка, абсолютизируя отражательное начало письма, устанавливают прямолинейную зависимость между орфографией и языковой системой, следствием такой деформации является, например, неправомерный перенос особенностей написания производящих слов на производные лексемы;

4) в некоторых случаях появление орфографических вариантов обусловлено существованием кодификационных лакун – ортологических зон, которые важны для языкового коллектива, но не получили должного отражения в словарях и справочниках;

5) отступления от орфографического стандарта могут быть следствием унификации сходных написаний по аналогии – подобные упрощения имеют место в случаях, когда выбор нормативного варианта предполагает предварительную работу с информацией, которая находит отражение в правилах, но представляется нерелевантной с точки зрения обыденного метаязыкового сознания носителей языка;

6) правописание некоторых языковых единиц определяется не только орфографическими кодексами, но и нормативными документами экстралингвистического содержания, а это значит, что деятельность пишущих усложняется, так как регламентируется ортологическими феноменами двух типов – правилами и образцами.

3. Динамические процессы в сфере употребления прописных / строчных букв связаны с актуализацией ряда языковых антиномий. Перспективность использования антиномического подхода при исследовании современной письменной коммуникации в целом продемонстрирована в работе Н.Д. Голева [19]. В ходе нашего исследования установлены соответствия между типами языковых антиномий и областями реализации орфографических норм в тестах массовой коммуникации:

1) нормативное ~ системное – написание производных административно-территориальных названий (орфографическая унификация производных и производящих), наименований структурных подразделений (орфографическая унификация синтаксических синонимов), торговых марок (орфографическая унификация омонимов – словосочетаний и составных номинативных единиц), выделение структурных элементов текста (орфографическая унификация разных способов передачи чужой речи в системе языка);

2) нормативное ~ узуальное – написание наименований органов власти, учреждений, организаций, обществ, должностей и званий (актуализация лингво-юридического узуса);

3) означающее ~ означаемое – написание административно-территориальных названий, наименований органов власти, учреждений, организаций, обществ, должностей и званий, праздников и общественных мероприятий, артефактов и природных объектов; написание нарицатель-

ных лексем в особом стилистическом употреблении (использование прописной буквы в качестве знака статусности);

4) специальное ~ общеупотребительное – написание наименований растений (орфографическая дифференциация текстов, адресованных массовой аудитории и профессионалам);

5) свое ~ чужое – написание наименований медиаструктур (взаимодействии разных национальных орфографических традиций);

6) конвенциональное ~ неконвенциональное – написание наименований структурных подразделений, номинаций в рамках общественных мероприятий, торговых марок, выделение подзаголовков (орфографическая нестабильность вследствие неполноты и вариантности кодификаторских решений);

7) экспрессивное ~ апеллятивное¹ – написание наименований органов власти, учреждений, организаций, обществ, должностей и званий, общественных мероприятий; написание нарицательных лексем в особом стилистическом употреблении; выделение границ между однородными компонентами (некодифицированная капитализация с целью прагматической оптимизации высказывания);

8) интралингвистическое ~ экстралингвистическое – оформление реквизитов почтового адреса, написание наименований органов власти, учреждений, организаций, обществ, должностей и званий (орфографическая вариантность как отражение противоречий между лингвистическими кодексами и прецедентными государственными нормативно-правовыми документами).

Обращение к принципу языковых антиномий при изучении употребления прописных / строчных букв позволило получить целостное представление о закономерностях, определяющих устройство и функционирование рассматриваемой орфографической подсистемы, осмыслить специфику ее отражения в металингвистическом сознании представителей языкового коллектива, выявить особенности реализации в современной речевой практике. Согласно проведенному исследованию соотношение между тем, что «должно быть» (система санкционированных лингвистических предписаний), и тем, что «есть» (продукт орфографической деятельности носителей языка в сфере массовой коммуникации), представляет собой гетерогенное единство, онтологическую сторону которого нельзя недооценивать и следует изучать, с тем чтобы использовать полученные результаты для оптимизации кодификационной системы. Значимо, что онто-деонтическая целостность орфографии является перманентно динамичной, это обусловлено многофакторностью, внутренней противоречивостью и принципиальной открытостью орфографической системы, языка и культуры в целом.

---

¹ В нашей работе термины «экспрессивное» и «апеллятивное» употребляются в том значении, в каком их использовал К. Бюлер [20]. Существование данной антиномии обусловлено значимостью для языковых процессов позиции двух участников коммуникативного акта – адресанта и адресата.

Литература

1. *Ицкович В.А.* Норма и ее кодификация // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 9–39.
2. *Методические материалы для председателей и членов предметных комиссий субъектов Российской Федерации по проверке выполнения заданий с развернутым ответом экзаменационных работ ЕГЭ 2017 года. Русский язык. Методические рекомендации по оцениванию выполнения заданий с развернутым ответом.* М., 2017. 91 с.
3. *Косеру Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3. С. 143–343.
4. *Беишкова Е.В., Иванова О.Е.* Современная орфографическая вариативность: тенденция к унификации / дифференциации написаний // Язык и социальная действительность. Красноярск, 2011. С. 5–19.
5. *Голев Н.Д.* Антиномии русской орфографии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 148 с.
6. *Нечаева И.В.* Орфографическая кодификация сегодня и коллегиальность нормативных решений // Кодификация норм современного русского языка: результаты и проблемы. СПб., 2011. С. 38–39.
7. *Нечаева И.В.* Некоторые особенности сложившейся орфографической кодификации и реалии современного письма // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 1. С. 49–61.
8. *Шмелев А.Д.* Орфографические нормы и орфографические правила // Русский язык в школе. 2009. № 9. С. 70–76.
9. *Лебедева Н.Б.* Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2001. № 1–2. С. 4–10.
10. *Тесленко О.А.* Современная естественная письменная речь: неполный стиль написания, или аллегорное письмо // Филология и лингвистика в современном обществе : материалы III Междунар. науч. конф., Москва, ноябрь 2014 г. М., 2014. С. 108–114.
11. *Ямпольская А., Ямпольский М.* Нормальное и нормативное // Отечественные записки. 2014. Т. 2. С. 8–24.
12. *Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина.* М. : Эксмо, 2006. 480 с.
13. *Правила оформления почтовых отправлений.* URL: <http://www.dprint.ru/spravka.html> (дата обращения: 01.10.2017).
14. *Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П.* Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование. М. : Айрис-пресс, 2008. 768 с.
15. *Лопатин В.В., Нечаева И.В., Чельцова Л.К.* Прописная или строчная?: Орфографический словарь. М. : Эксмо, 2007. 512 с.
16. *Карнович М.И.* Конкуренция прописной и строчной буквы в современном русском языке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 25–30.
17. *Николенкова Н.В.* Проблемы орфографического оформления названий товарных знаков в XXI в.: лингвистические наблюдения // STEPHANOS. 2017. Т. 22, № 2. С. 9–17.
18. *Карнович М.И.* Этикетная функция прописной буквы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 1. С. 298–302.
19. *Голев Н.Д.* Письменная коммуникация новейшего времени: основные векторы развития // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 2 (18). С. 5–17.
20. *Бюлер К.* Теория языка. М. : Прогресс, 2001. 504 с.

UNCODIFIED USAGE OF CAPITAL/LOWERCASE LETTERS IN MASS COMMUNICATION TEXTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 56. 166–186. DOI: 10.17223/19986645/56/9

Elena M. Khakimova, South Ural State University (Chelaysinsk, Russian Federation).

E-mail: khakimova-elena@yandex.ru

Keywords: orthology, dynamics of language norm, variability of language norm, language antinomy, spelling norm, spelling deviation, uncodified spelling variant, capital letter, lowercase letter.

The article considers dynamic processes of modern Russian spelling associated with the use of capital/lowercase letters as graphic markers to differentiate language units as a part of a statement and beyond it. The theoretical bases of the research go back to the concept, which interprets spelling as a functional synchronous-diachronic, spontaneous-rational, conventional-reflective language continuation. The empirical basis is the publications in the Russian press, materials for the student corporate edition, reports on the sites of South Ural State University. In this material, the author identified 202 uncodified uses of capital/lowercase letters using the system-functional analysis method.

In the course of the research, the author has established that orthographic oscillations influence:

1) spelling of onyms (administrative-territorial names and their derivatives, names of authorities, institutions, organizations, societies, positions and titles, holidays and social events, artifacts and natural objects);

2) spelling of common lexical units in a special stylistic use;

3) identification of structural text elements (homogeneous parts and direct speech, sub-headings).

Dynamics in the use of capital/lowercase letters is preconditioned by a number of factors:

1) authors use the capital letter to emphasize the significance of a relevant object of speech;

2) the spelling rule is sacrificed to the communicative norm when deviations from the spelling standard are connected with the addressee's interests;

3) speakers incorrectly transfer spelling features from generating words to derived lexical units;

4) some uncodified uses are connected with the existence of orthologic zones not reflected in dictionaries and reference books;

5) deviations from the spelling standard can be a consequence of the unification of similar spellings by analogy;

6) spelling of certain language units is determined not only by spelling codes but also by normative documents of extra-linguistic content.

Dynamic processes in the sphere of using capital/lowercase letters are associated with the actualization of language antinomies: 1) normative ~ system; 2) normative ~ usual; 3) the signifier ~ the signified; 4) special ~ common; 5) the self ~ the other; 6) conventional ~ non-conventional; 7) expressive ~ appellative; 8) intra-linguistic ~ extra-linguistic. The idea of language antinomies makes it possible to obtain a holistic view of the regularities that determine the orthographic subsystem under consideration, to comprehend the specificity of its reflection in the native speakers' metalinguistic consciousness and to identify the implementation features in modern speech practice. According to the research, the correlation between what "should be" and what "exists" presents a heterogeneous unity. Its ontological side cannot be underestimated and needs further research to use the results in optimizing the codification system.

References

1. Itskovich, V.A. (1970) Norma i ee kodifikatsiya [The norm and its codification]. In: Kostomarov, V.G. & Skvortsov, L.I. (eds) *Aktual'nye problemy kul'tury rechi* [Topical issues of the culture of speech]. Moscow: Nauka.
2. Federal Institute for Educational Measurement. (2017) *Metodicheskie materialy dlya predsedateley i chlenov predmetnykh komissiy sub'ektov Rossiyskoy Federatsii po proverke vypolneniya zadaniy s razvernutym otvetom ekzamenatsionnykh работ EGE 2017 goda. Russkiy yazyk. Metodicheskie rekomendatsii po otsenivaniyu vypolneniya zadaniy s razvernutym otvetom* [Methodological materials for the chairmen and members of the subject commissions of the constituent entities of the Russian Federation to verify the implementation of tasks with a detailed answer to the exam papers of the 2017 Unified State Exam. Russian language. Guidelines for assessing the performance of tasks with a detailed answer]. Moscow: FIPI.
3. Koseriu, E. (1963) Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya [Synchrony, diachrony and history]. Translated from English. In: Oborina, M.A. (ed.) *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.
4. Beshenkova, E.V. & Ivanova, O.E. (2011) Sovremennaya orfograficheskaya variativnost': tendentsiya k unifikatsii / differentsiatsii napisaniy [Modern spelling variability: a tendency to unify/differentiate spellings]. *Yazyk i sotsial'naya deystvitel'nost'*. 1. pp. 5–19.
5. Golev, N.D. (1997) *Antinomii russkoy orfografii* [Antinomies of Russian spelling]. Barnaul: Altai State University.
6. Nechaeva, I.V. (2011) [Spelling codification today and collegiality of regulatory decisions]. *Kodifikatsiya norm sovremennogo russkogo yazyka: rezul'taty i problemy* [Codification of the norms of the modern Russian language: results and problems]. Proceedings of the All-Russian Conference. St. Petersburg: Zlatoust. pp. 38–39. (In Russian).
7. Nechaeva, I.V. (2015) Some features of the existing spelling codification and the realities of modern writing. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie – RSUH/RGGU Bulletin. History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*. 1. pp. 49–61.
8. Shmelev, A.D. (2009) Orfograficheskie normy i orfograficheskie pravila [Spelling norms and spelling rules]. *Russkiy yazyk v shkole*. 9. pp. 70–76.
9. Lebedeva, N.B. (2001) The Russian naive written speech as the object of linguistic research. *Vestnik Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 1. pp. 4–10. (In Russian).
10. Teslenko, O.A. (2014) [Modern natural writing: incomplete writing style, or allegro writing]. *Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve* [Philology and linguistics in modern society]. Proceedings of the III International Conference. Moscow. November 2014. Moscow: Buki-Vedi. pp. 108–114. (In Russian).
11. Yampol'skaya, A. & Yampol'skiy, M. (2014) The Normal and the Normative. *Otechestvennye zapiski*. 2. pp. 8–24. (In Russian).
12. Lopatin, V.V. (ed.) (2006) *Pravila russkoy orfografii i punktuatsii: Polnyy akademicheskii spravochnik* [The rules of Russian spelling and punctuation: A complete academic reference book]. Moscow: Eksmo.
13. Dprint.ru. (n.d.) *Pravila oformleniya pochtovykh otpravleniy* [The rules of registration of mail]. [Online] Available from: <http://www.dprint.ru/spravka.html>. (Accessed: 01.10.2017).
14. Rozental', D.E., Dzhandzhakova, E.V. & Kabanova, N.P. (2008) *Spravochnik po russkomu yazyku: pravopisanie, proiznoshenie, literaturnoe redaktirovanie* [Reference book on the Russian language: spelling, pronunciation, literary editing]. Moscow: Ayris-press.
15. Lopatin, V.V., Nechaeva, I.V. & Chel'tsova, L.K. (2007) *Propisnaya ili strochnaya?: Orfograficheskii slovar'* [Uppercase or lowercase?: Spelling dictionary]. Moscow: Eksmo.
16. Karpovich, M.I. (2014) Competition Between Capital and Lower-case Letters in the Modern Russian Language. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya:*

Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism. 14 (3). pp. 25–30. (In Russian).

17. Nikolenkova, N.V. (2017) Problems of Spelling Trademark's Names in the 21th century: Linguistic Observations. *STEPHANOS.* 22 (2). pp. 9–17. (In Russian).

18. Karpovich, M.I. (2016) The etiquette function of the capital letter. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya – Herald of Tver State University: Series Philology.* 1. pp. 298–302. (In Russian).

19. Golev, N.D. (2012) Written communication of modern time: main vectors of development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 2 (18). pp. 5–17. (In Russian).

20. Bühler, K. (2001) *Teoriya yazyka* [Theory of language]. Translated from German. Moscow: Progress.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/56/10

И.Ф. Гнюсова

«ИОНЫЧ» А.П. ЧЕХОВА И «МИДЛМАРЧ» ДЖ. ЭЛИОТ: СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА В «ОПУСТОШАЮЩЕЙ ДУШУ ЖИТЕЙСКОЙ ТРЯСИНЕ»

Выдвигается гипотеза о возможности творческого отклика А.П. Чехова на творчество Джордж Элиот, в частности роман «Мидлмарч». На материале рассказа «Ионыч» делается вывод о принципиальной близости Чехову викторианской философии человека, общности художественного метода и ключевых нравственно-философских убеждений Элиот и русского писателя. Отдельно рассматривается образ центрального героя – молодого провинциального врача, который «изнутри» продолжает авторское исследование социально-психологических закономерностей обыденной жизни людей.

Ключевые слова: А.П. Чехов, Дж. Элиот, Дж.Г. Льюис, художественный метод, образ врача.

Рассказ «Ионыч» (1898) считается одним из хрестоматийных¹ произведений А.П. Чехова, отражающих взгляды писателя на назначение человека. Тем не менее интерпретация этого рассказа остается одним из актуальных вопросов современного чеховедения. Об этом свидетельствует регулярное появление статей, в которых исследователи пытаются с разных позиций протестовать стереотипную трактовку «Ионыча»². В настоящей работе

---

¹ Такое определение ему дают многие исследователи, среди которых А.П. Чудаков [1. С. 305], В.Б. Катаев [2. С. 26] и др.

² Так, Б.С. Дыханова в статье 2004 г. анализирует «эстетическую информативность» [3. С. 19] чеховского рассказа, в частности образы дома и сада, делая вывод о «самодостаточной полноте жизни Туркиных-старших, лишенной социальных притязаний» [Там же. С. 20], и драме Старцева, причиной которой стало «низведение бытового, повседневного... существования до чего-то малозначащего» и «замещение духовного социальным» [Там же. С. 21]. Ю.В. Доманский в работе 2006 г. видит в сцене на кладбище отражение эстетики декадентства и предлагает прочитать рассказ еще и как изложение «авторского взгляда на искусство» [4. С. 160]. О.В. Богданова в исследовании 2016 г. доказывает, «что намерением Чехова не был показ деградации образа главного героя», он лишь «намечал жизненный путь обыкновенного человека, тем самым воплощая особенности собственного философского представления о жизни» [5. С. 124]. А.С. Степанова в своей статье (2016) спорит с традиционной трактовкой функциональности песни «Лучинушка»: исполнение песни, по ее мнению, «становится фактом искусства и в такой же мере не имеет ничего общего с жизнью, как и роман Веры Иосифовны» [6. С. 144]. Отметим также более раннюю работу В.М. Марковича (1996), в которой он

будет также предпринята попытка по-новому взглянуть на концепцию рассказа путем сравнительного анализа чеховского произведения с романом Джордж Элиот «Мидлмарч».

Самое известное творение Элиот и «величайший из написанных на английском языке» [8. С. 237] романов в сознании каждого англичанина, «Мидлмарч» был создан в 1871–1872 гг. Как и все произведения английской писательницы, он оказался незамедлительно переведен и опубликован в российских журналах «Отечественные записки» (1872) и «Дело» (1872–1873), а в 1873 г. вышел двумя отдельными изданиями. Творчество Элиот имело значительный резонанс в литературных кругах того времени: как замечает Б.М. Проскурнин, «...ни один обзор современной иностранной литературы в 1850–1870-х годах не обходился без разговора о ней, не говоря уже об особо близких отношениях Элиот и И.С. Тургенева, пристальном интересе к ее прозе со стороны Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского» [9]. Из записок Д.П. Маковицкого, кстати, достоверно известно о знакомстве Толстого с романом «Мидлмарч» [10. С. 242].

Читал ли его Чехов? Никаких прямых свидетельств этого в записных книжках, письмах и произведениях писателя не обнаруживается. Однако нам представляется, что такое знакомство было вполне возможно уже в момент публикации романа, несмотря на то, что Чехову в это время было только 12–13 лет. По словам В.В. Ермилова, для будущего писателя «это были годы, наполненные уже вполне осознанным, огромным трудом самовоспитания» [11], главной составляющей которого было чтение¹.

На творчество Элиот Чехов мог обратить внимание и позже. В 1880-е гг., когда он сам пробует свои силы как литератор, имя писательницы продолжает регулярно появляться на страницах ведущих изданий. В начале 1881 г. почти все газеты и журналы печатают некрологи (Элиот умерла в декабре 1880 г.), а затем размещают очерки биографического характера. В 1884 г. такой очерк публикует в «Вестнике Европы» и А.С. Суворин, в дальней-

указывает на «наличие в рассказе по крайней мере двух смысловых перспектив и их существенное несовпадение» [7. С. 30].

¹ То, что в указанном возрасте Чехов читал вполне серьезные произведения, доказывают, например, его советы брату Михаилу в письме от июля 1876 г. (Антону тогда было 16 лет, а Михаилу – 11): «Хорошо делаешь, если читаешь книги. Привыкай читать. Со временем ты эту привычку оценишь. Мадам Бичер-Стоу выжала из глаз твоих слезы? Я ее когда-то читал... <...> Прочти ты следующие книги: “Дон-Кихот” (полный в 7 или 8 частей). Хорошая вещь. Сочинение Сервантеса, которого ставят чуть ли не на одну доску с Шекспиром. <...> Если желаешь прочесть нескучное путешествие, прочти “Фрегат Паллада” Гончарова...» [12. Т. 1. С. 29]. В 13 лет Чехов начал посещать и театр: в «Летописи жизни и творчества Чехова» по разным источникам собраны названия пьес, которые видел Чехов в гимназические годы: «Ограбленная почта», «Маменькин сынок», «Лев Гурыч Синичкин», «Гамлет», «Ревизор», «Горе от ума», «Без вины виноватые», «Чайный цветок», «Парижские нищие», «За монастырской стеной», «Хижина дяди Тома», «Убийство Коверлей», «Петербургские когти» и др. [13]. Все эти факты в совокупности указывают на то, что, будучи гимназистом, Антон Павлович вполне мог прочесть и такой роман, как «Мидлмарч».

шем один из близких друзей Чехова. И хотя знакомство их состоится только в 1885 г., нельзя отрицать возможность того, что в разговорах двух литераторов обсуждалось творчество Элиот, занимающей, по словам Суворина, «почетное место между самыми первоклассными европейскими романистами» [14. С. 134].

Статьи и отдельные издания, посвященные жизни и наследию Джордж Элиот, продолжают выходить и в 1890-е гг. Одним из заметных явлений стала книга Л.К. Давыдовой, выпущенная в 1892 г. в серии «Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова». В ней дается весьма односторонняя и субъективная оценка произведений писательницы, однако точно характеризуется «миросозерцание Джордж Элиот и ее жизненная философия» [15]. Так, Давыдова подчеркивает, что «положительные типы» Элиот «вовсе не какие-нибудь образцы героических добродетелей; они не совершают никаких особенных подвигов, а живут той обыденной, повседневной жизнью, какую живет громадное большинство человечества, и стараются по мере сил и возможностей облагородить эту жизнь для себя и облегчить ее для других» [Там же]. Этот тезис автор очерка подкрепляет собственными словами Элиот из статьи 1857 г.: «Чувство сострадания к людям не находится в прямой зависимости от веры в будущую жизнь; напротив, может быть, у многих людей сознание того, что жизнь так коротка и что с нею все кончается, скорее может породить нравственное воодушевление, чем идея о бесконечном существовании»¹.

Легко заметить, что квинтэссенция основных идей Элиот – человек живет здесь и сейчас, он сам определяет свою жизнь и должен по мере сил совершенствовать ее – весьма близка чеховской философии человека. «Именно сознание того, что человек создан для больших дел, для большого труда, заставило Чехова вмешаться в обыденную, мелочную сторону жизни – не с тем, чтобы прямо обличать или негодовать, а с тем, чтобы показать, как эта жизнь несообразна с заложенными в этих людях возможностями, – пишет об этом Б.М. Эйхенбаум. – <...> Он видел, что люди сами тяготеют этой неурядицей, этой “путаницей мелочей”, этой житейской “тиной”» [16].

Частая публикация биографических очерков об Элиот дает основание говорить еще об одном возможном связующем звене между ней и Чеховым. Это звено – Джордж Генри Льюис, гражданский муж писательницы, известный в России английский философ, ученый и литературный критик. В 1859 г. он создал один из первых в мире научно-популярных трудов по медицине – книгу «Физиология обыденной жизни», в которой несведущему в анатомии читателю «в живой форме рассказывалось о том, что происходит в теле ежедневно, ежечасно и ежесекундно» [17]. Книга была переведена на русский язык в 1861 г. (и переиздавалась в 1863 и 1876-м) и приобрела огромную популярность: ее рецензируют ведущие критики; о ней упоминает в своем романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоев-

---

¹ Цит. по: [15].

ский¹; возможно, именно эту книгу Льюиса читает и Анна Каренина в рукописном варианте толстовского романа². Но наиболее существенной для Чехова как врача могла быть рекомендация знаменитого русского физиолога И.П. Павлова, который неоднократно признавался, что именно «Физиология обыденной жизни» перевернула его взгляд на мир и пробудила интерес к науке – впоследствии он был способен наизусть цитировать целые страницы из книги Льюиса [20].

Внимание к обыденной жизни и ее максимально объективное, методичное, почти научное исследование – это тот «узел», в котором сходятся интересы Чехова, Льюиса и Джордж Элиот. Писательница известна своим интересом к естественным наукам и увлечением философией позитивизма. Важность основной профессии Чехова для его творческого метода также отмечалась многими исследователями: «Медицина была дорога ему как правильный метод познания человека и общества, как научная опора для художественного наблюдения и разработки материала... чтобы не впасть в субъективизм, не поддаться личным представлениям, не утратить чувства целого, не выйти из круга жизни» [16]. И именно эта особенность чеховской поэтики – максимально объективное отображение жизненных явлений и характеров – сближает его произведения с викторианской литературой, и прежде всего с аналитическим психологизмом Элиот. Для творчества писательницы принципиально важна эстетика «правдивости и точности воспроизведения жизни» [21. С. 298]. Элиот, как подчеркивает Б.М. Проскурнин, стремилась изображать «жизнь как процесс, как единый поток... со всей совокупностью детерминант, причин и следствий, с генетическим синтезом прошлого и настоящего» [Там же]. Не случайно роман «Мидлмарч» имеет подзаголовок, прямо указывающий на «научность» авторского метода: «A Study of Provincial Life» – «Исследование провинциальной жизни»³.

Принципиально важным в этом смысле является и тип героя, которого Элиот и Чехов ставят в центр своих произведений. Это тоже ученый-естественник и одновременно практикующий врач, причем врач провинциальный, который «изнутри» продолжает исследование социально-психологических закономерностей обыденной жизни людей. Такому аналитическому подходу способствует и одинаковый сюжетный ход: и доктор Лидгейт, и доктор Старцев – новички, сторонние люди в провинциальном городе, куда они прибывают в начале повествования. Оба покровительственно оценивают, «что это за люди» (С. 10, 25)⁴ вокруг них, но очень скоро сами поглощаются этой средой, становятся ее частью.

---

¹ «...Одну книжку – “Физиологию” Льюиса, изволите знать-с? – с большим интересом прочла», – говорит Мармеладов об образовании Сони [18. Т. 6. С. 16].

² «Анна... занималась чтением... тех модных серьезных книг какими были Toqueville, Carlyle, Lewes, Taine» [19. Т. 20. С. 487].

³ В российских изданиях романа абсолютно все переводчики выбрали менее точный вариант: «Картины провинциальной жизни».

⁴ Здесь и далее ссылки на Полное собрание сочинений А.П. Чехова [12] даются в круглых скобках с указанием тома (П. – письма, С. – сочинения) и страницы.

Герой-врач, молодой интеллигент с амбициозным желанием преобразить мир – знаковый герой для викторианской литературы 1860–1870-х гг., когда на волне научных открытий (прежде всего теории Дарвина) интеллигенция начинает занимать ведущую позицию в общественной жизни Англии. Именно Элиот в своих произведениях обратила пристальное внимание на этот процесс формирования нового передового класса людей и на испытания, которым подвергается такой герой. Не случайно в более ранней европейской литературе можно с трудом вспомнить произведения, в центре которых находится герой-врач¹.

Образ молодого интеллигента оказался удобным материалом для реализации ключевой идеи Джордж Элиот. Б.М. Проскурнин справедливо указывает на то, как и почти все ее произведения, «Мидлмарч» – роман «о призвании, которое ищет, обретает или не обретает, за которое борется, побеждая или терпя поражение, герой или героиня» [21. С. 309]. В «Мидлмарче» писательница реализует оба варианта, делая центральными персонажами образованную девушку с пылким характером и молодого доктора, «интеллектуально воспроизведенный процесс самоопределения» которых и «составляет основу сюжета и конфликтной системы романа» [Там же. С. 310]. Главным противником героев на этом пути становится сам город – Мидлмарч, «его атмосфера, нравственные и этические горизонты» [Там же. С. 311].

Даже если Чехов и не читал роман Элиот, созданное им произведение о судьбе молодого и неглупого врача, презиравшего рутину и пошлость, но пришедшего к еще более печальному итогу («не человек» (С. 10, 40)), сразу после публикации вошло в большой литературный контекст, известный его читателям². Конечно, традиция литературы о врачах существовала и в России («Доктор Крупов» А.И. Герцена, «Некуда» Н.С. Лескова, «Отцы и дети» И.С. Тургенева), но только в «Мидлмарче» этот тип героя оказался

---

¹ Немногочисленные примеры – романы «Мадам Бовари» Г. Флобера, «Доктор Торн» Э. Троллопа, «Повесть о двух городах» Ч. Диккенса и др., однако профессия героя еще не играет в них существенной роли.

² То, что сюжет «Ионыча» оказался знакомым его читателям, демонстрирует, к примеру, критический очерк Д.Н. Овсяннико-Куликовского (1902), который начинается так: «...легко может показаться, будто рассказ написан на старую, избитую тему о том, как “среда заедает свежего человека”. В былое время в нашей литературе это была одна из ходячих, излюбленных тем. Писались повести, романы, пьесы, в которых “герой”, обыкновенно молодой человек с благородными стремлениями и возвышенной душой, попадает в непонимающую его, отсталую “среду” и вступает в борьбу с нею; эта борьба кончается тем, что благородный “герой” растеривает все свои возвышенные стремления, “падает”, опускается и начинает жить безыдейно, пошло, даже развратно, – тою жизнью, какою будто бы живет “среда”» [22. С. 491]. Хотя роман «Мидлмарч» в работе критика не упоминается, его сюжет вполне совпадает с этим описанием. Отметим также, что современники Чехова обратили внимание на особую значимость героя-врача в его творчестве. Так, Е.А. Ляцкий в статье 1904 г. замечает: «...рисую своих интеллигентов, г-н Чехов обнаруживает большое пристрастие к врачам: последние фигурируют у него во многих рассказах; назовем, например, “Неприятность”, “Дуэль”, “Ионыч”, “Бабы царство”, “Скучная история”, “Случай из практики”, “По делам службы” и др.» [23. С. 457].

столь явно подчинен близкой Чехову викторианской идее о героизме обыденной жизни, о тяготах борьбы человека за право оставаться верным своей нравственной позиции. На наш взгляд, параллели между судьбами двух докторов – Старцева и Лидгейта – свидетельство не просто случайного типологического сходства, но принципиальной близости Чехову викторианской философии человека, общности художественного метода и ключевых нравственно-философских убеждений Элиот и русского писателя.

Неслучайно в этой связи и то, что рассказ «Ионыч» был написан Чеховым сразу после возвращения из-за границы, где в Париже и двух французских курортных городах – Биаррице и Ницце – писатель прожил в общей сложности восемь месяцев. Широко известно его признание в «страстной любви» к европейской культуре¹. Кроме того, именно во время пребывания Чехова во Франции произошел очередной виток знаменитого «дела Дрейфуса», когда Эмиль Золя вступился за осужденного и выдвинул публичное обвинение против французских властей. В то время как в России многие считали этот поступок неприемлемым, Чехов горячо отстаивал правоту Золя и восхищался его гражданским мужеством². «Ионыч» и «Маленькая трилогия», написанные летом 1898 г., во многом отражают тоску Чехова по тому уважению к личности и вниманию к собственному достоинству, которое остро чувствовал писатель в Европе. Эти рассказы становятся его своеобразным диалогом с европейскими писателями о ценности человека и о личной ответственности за свою жизнь – и в ряду этих писателей, безусловно, фигурирует и Джордж Элиот.

Образы двух провинциальных городов, воплощение «трясины опустошающих душу житейских дрызг» [24. С. 732] (цитата из «Мидлмарча»), – первая и наиболее яркая художественная параллель между произведениями Элиот и Чехова. Мидлмарч, как и город С., не просто «среда», но метафорическое воплощение всего, с чем приходится бороться на жизненном пути любому человеку, – мелочности, пошлости, ограниченности интересов, злословия, косности и предубеждений. Этимология вымышленного топонима Элиот совершенно очевидна: ключевая его часть, слово «middle», «средний»³, – это и символ усредненности, обывательского существования без высоких целей, и одновременно собирательный образ среднего английского городка и жизни среднего класса.

Подобную символику можно увидеть и в чеховском «губернском городе С.»⁴ – аналогия с романом Элиот позволяет предположить, что С. – это

---

¹ «Природа здешняя меня не трогает, она мне чужда, но я страстно люблю тепло, люблю культуру...» (письмо от 10 (22) ноября 1897 г. (П. 7, 98)).

² «Дело Дрейфуса закипело и поехало, но еще не стало на рельсы. Золя благородная душа, и я... в восторге от его порыва. Франция чудесная страна, и писатели у нее чудесные» (письмо от 4 (16) января 1898 г. (П. 7, 143)).

³ «March» – ход, развитие событий.

⁴ Примечательно, что хотя Чехов не выносит название города в заглавие своего произведения по примеру Элиот, это сделано в экранизации рассказа 1966 г.: фильм режиссера Иосифа Хейфица называется «В городе С.».

тоже «средний город» с той же смысловой нагрузкой. Эмоциональные образы, сопровождающие упоминание об обоих топосах, аналогичны у Элиот и Чехова: в городе С. «приезжие жаловались на скуку и однообразие жизни» (С. 10, 24); доктор Лидгейт впервые появляется в тексте с чувством «унылого ожидания вкупе с печальным убеждением, что от Мидлмарча вообще нельзя ожидать ничего хорошего» [24. С. 121].

Основной сюжет рассказа «Ионыч» имеет очевидное типологическое сходство с одной из двух линий романа «Мидлмарч», где рассказывается о судьбе молодого врача Тертия Лидгейта. В начале действия он приезжает в провинциальный город, имея твердое намерение совершить прорыв в науке и медицинской практике, но очень скоро его амбициозные планы терпят крах, и в дальнейшем он будет вынужден владеть свое существование, улаживая «платежеспособных пациентов» [Там же. С. 825] на морском курорте и недалекою красавицу-жену. Однако при внимательном рассмотрении в рассказе Чехова обнаруживается упоминание и о второй сюжетной линии романа Элиот. Это не что иное, как роман Веры Иосифовны Туркиной, который она читает во время первого визита Старцева в их дом: «...как молодая, красивая графиня устраивала у себя в деревне школы, больницы, библиотеки и как она полюбила странствующего художника» (С. 10, 26).

О.В. Богданова полагает, что этот сюжет «отчасти напоминает “Дом с мезонином” Чехова» [5. С. 125]. Однако возможна и другая, менее очевидная гипотеза о происхождении истории Веры Иосифовны: это немного видоизмененное изложение судьбы Доротеи Брук, героини романа «Мидлмарч». Девушка из обеспеченной английской семьи жаждет принести пользу людям: так, она мечтает «купить землю и основать деревню, которая станет школой разумного труда» [24. С. 757], а впоследствии жертвует деньги на экспериментальную больницу. В финале Доротея отказывается от наследства ради того, чтобы выйти замуж за бедного молодого человека Уилла Ладислава, который в начале романа собирается стать художником, а в дальнейшем посвящает жизнь политической деятельности¹.

Семья Туркиных, «самая образованная и талантливая» (С. 10, 24) в городе С., также имеет аналог в романе Элиот. Подобно тому, как новый

---

¹ Отчасти образ Доротеи перекликается и с фигурой Екатерины Ивановны Туркиной. Если в начале повествования героиню Чехова обуревают себялюбивые мечты о жизни столичной артистки («...я хочу славы, успехов, свободы» (С. 10, 34)), то после возвращения в город С. ее стремления совершенно совпадают с желанием Доротеи стать спутницей жизни и верной помощницей человека, посвятившего себя интеллектуальному труду ради высокой цели. Стремясь вернуть расположение Старцева, она идеализирует его труд, который в ее глазах становится подобием гражданского подвига: «Какое это счастье быть земским врачом, помогать страдальцам, служить народу. Какое счастье!» (С. 10, 39). Доротея точно так же восторгается ученостью и занятиями преподающего Кейсобона, ее будущего мужа: «Мой долг – учиться, чтобы я могла помогать ему в его великих трудах. В нашей жизни не будет ничего мелкого и пошлого. Великое и благородное – вот что станет нашими буднями. Словно бы я вышла замуж за Паскаля» [24. С. 30]. Очевидно, что эти представления обеих героинь не более чем иллюзия.

земский доктор Старцев вскоре после назначения получает приглашение в гости к «умной, интересной, приятной семье» (С. 10, 24), Лидгейтом с первых дней его работы в Мидлмарче начинают интересоваться в доме Уолтера Винси, фабриканта и будущего мэра города. Эпизоды посещения главными героями семейных вечеров в наиболее известном доме города содержат чрезвычайно много переключек. Схожи образы хозяев – Ивана Петровича Туркина, «полного, красивого bruneta с бакенами» (С. 10, 24) и «смеющимися глазами» (С. 10, 26), любителя принимать гостей, «шутить и острить» (С. 10, 24), и Уолтера Винси, «дорожного человека» «цветущего вида» [24. С. 24], «любящего пожить в свое удовольствие» [Там же. С. 349] и предпочитающего «всем другим ролям... роль хлебосольного хозяина» [Там же. С. 350]. Простодушие и «веселая шутливость в обращении с мужем и детьми» [Там же. С. 163] миссис Винси так же могут быть соотнесены с напускным кокетством «баловницы» (С. 10, 25) Веры Иосифовны. Но главное, что сближает описание обеих семей, – это атмосфера искренней радости, добродушия и умение наслаждаться жизнью, которое проявляют те и другие хозяева.

«Мидлмарч» ¹	«Ионыч»
<p>Лидгейт со времени своего приезда в Мидлмарч еще ни разу не бывал на столь приятном семейном вечере². Винси умели радоваться, забывать про заботы и не считали жизнь юдолью скорби, а потому тон их дома был редкостью для провинциальных городов той эпохи... У Винси играли в вист и карточные столы были уже разложены, а потому некоторые гости с тайным нетерпением ожидали, когда Розамонда кончит петь [24. С. 167].</p> <p>Ее отец обводил взглядом гостей, наслаждаясь их восторгом, а мать сидела... и, держа на коленях младшую дочь, нежно покачивала руку девочки в такт музыке. Даже Фред, несмотря на свое скептическое отношение к Розе, слушал ее с искренним удовольствием, жалея только, что не может вот так же чаровать слушателей своей флейтой [Там же. С. 166–167].</p>	<p>Туркины принимали гостей радушно и показывали им свои таланты весело, с сердечной простотой. В их большом каменном доме было просторно и летом прохладно, половина окон выходила в старый тенистый сад, где весной пели соловьи; когда в доме сидели гости, то в кухне стучали ножами, во дворе пахло жареным луком – и это всякий раз предвещало обильный и вкусный ужин (С. 10, 24).</p> <p><...> – Ну, Котик, сегодня ты играла, как никогда, – сказал Иван Петрович со слезами на глазах, когда его дочь кончила и встала (С. 10, 27).</p>

¹ Перевод И.Г. Гуровой и Е.В. Коротковой.

² Здесь и далее выделено мною. – И.Г.

В эпизоде первого посещения Старцевым дома Туркиных Чехов многократно повторяет эпитеты со значением покоя, удовольствия, наслаждения: «мягкий», «покойный», «ласковый», «нежный», «удобный», «приятный». Каждая деталь здесь описана с максимальной чувственной конкретностью, и при этом для сгущения смыслов автор задействует все пять органов чувств: «очень вкусные печенья... таяли во рту» (С. 10, 25), «в мягких, глубоких креслах было покойно», «огни мигали так ласково в сумерках гостиной», «потягивало со двора сиренью», «слушать было приятно, удобно» (С. 10, 26). Неслучайно здесь и метафорическое упоминание о весне (также настойчиво повторяемое автором) как аналога молодости героя и молодости его души: Старцев отправляется в гости «весной, в праздник» (С. 10, 25), и внешность Екатерины Ивановны¹, с которой его знакомят, вся «говорила о весне, настоящей весне» (С. 10, 25).

Художественная картина, нарисованная Чеховым, характеризует не только Туркиных, их простой и сердечный семейный уклад. Это, прежде всего, указание на способность главного героя к обостренному восприятию жизни, его умение чувствовать, которое будет утеряно Дмитрием Старцевым к концу рассказа. Эта способность обуславливает и его чуткость к другим людям, широту мышления, допущение иного взгляд на мир. Во второй части Старцев отправляется на кладбище именно потому, что убежден: «У всякого свои странности... Котик тоже странная и – кто знает? – быть может, она не шутит, придет» (С. 10, 31). Через четыре года после неудавшегося сватовства и это приятие другого будет утрачено героем: «...обыватели своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своим видом раздражали его» (С. 10, 35).

Своеобразной проверкой героя на умение чувствовать является музыка. О.В. Богданова, развивающая в своей статье мысль об изначальной «усредненности», «обычности» Старцева, указывает, что его восприятие фортепианной игры Котика («эти шумные, надоедливые, но все же культурные звуки» (С. 10, 27)) «однозначно становится выражением глухоты и равнодушия героя» [5. С. 125]. Но в то же время именно во время игры Котика на рояле Старцев понимает, что ему нравится героиня, «розовая от напряжения, сильная, энергичная, с локоном, упавшим на лоб» (С. 10, 27). Эта энергия как будто передается и самому доктору, который после посещения Туркиных чувствует невероятный подъем сил: «Пройдя девять верст и потом ложась спать, он не чувствовал ни малейшей усталости, а напротив, ему казалось, что он с удовольствием прошел бы еще верст двадцать» (С. 10, 28). Обращает на себя внимание и то, что Старцев напевает по дороге домой, изменив слова известного романса на стихотворение А.С. Пушкина «Ночь»: «Твой голос для меня, и ласковый и томный...» (С. 10, 28). Это говорит о том, что герой не настолько лишен музыкально-

---

¹ Упомянем здесь, что домашнее имя Екатерины Туркиной Котик – еще одна любопытная отсылка к роману «Мидлмарч»: младшую сестру Доротеи Селию в семье называют «Киска» («Kitty»).

сти и глух к искусству, как может показаться по его впечатлению от выступления Котика.

В романе «Мидлмарч» игра на рояле и пение героини также становятся первым шагом к влюбленности героя: «Лидгейт был полностью покорен и уверовал в исключительность Розамонды» [24. С. 166], заявив позднее, что женщина «должна вызывать то же чувство, что и чудесная музыка» [Там же. С. 97]. Романы двух докторов схожи наличием внутренней борьбы между страстью (Старцев: «...я страстно хочу, жажду вашего голоса» (С. 10, 29), «лунный свет подогрел в нем страсть» (С. 10, 31); «...не удержался и страстно поцеловал ее в губы» (С. 10, 33)) и голосом разума: «Остановись, пока не поздно! Пара ли она тебе? Она избалована, капризна, спит до двух часов, а ты дьячковский сын, земский врач... Ее родня заставит тебя бросить земскую службу и жить в городе» (С. 10, 32–33). Лидгейт вообще не думает о женитьбе, дав себе слово отложить это «...до тех пор, пока он не проложит для себя собственную дорогу в стороне от широкого истоптанного пути» [24. С. 98]. Однако очарование Розамонды и ее слезы, вызванные его долгим отсутствием, ненароком приводят к объяснению: «...мысль, подобная молнии, озарила скрытые уголки его души и пробудила способность к страстной любви, которая не была погребена под каменными сводами склепа, а таилась у самой поверхности» [Там же. С. 308].

Оба доктора становятся жертвами собственных иллюзий. Старцев идеализирует восторженную и тщеславную Екатерину Ивановну: «Она восхищала его своею свежестью, наивным выражением глаз и щек. ...Он видел что-то необыкновенно милое, трогательное своей простотой и наивной грацией. И в то же время... она казалась ему очень умной и развитой не по летам» (С. 10, 29). Лидгейт чудовищно ошибается, приписывая пустой и эгоцентричной Розамонде способность украсить его жизнь и облегчить кропотливый труд ученого-практика: «...вряд ли можно было бы найти изобретательницу безопаснее мисс Винси, чей ум украсил бы любую женщину – образованный, утонченный, восприимчивый, способный постигать деликатнейшие оттенки жизни и обитающий в теле, которое настолько все это подтверждает, что иных доказательств не нужно» [Там же. С. 169].

Однако Элиот, разумеется, не делает Розамонду Винси единственной виновницей краха благородных стремлений Лидгейта. Писательница показывает, как сам герой втягивает себя в паутину неразрешимых обстоятельств (больших денежных долгов и всеобщего осуждения после сомнительного случая с умершим больным) из-за своего характера. Лидгейта губят невнимание к чувствам других людей, самоуверенность, гордыня, тщеславное желание жить не хуже других и возможность пойти против убеждений ради собственной пользы (ситуация с выборами священнослужителя в больнице). Как и в рассказе Чехова, доктора здесь не «заедает среда»: трясина провинциального городка – только один, и не главный фактор, убивающий его мечту о славе ученого и осмысленной трудовой жизни.

На фоне «Мидлмарча» история доктора Старцева и вовсе лишена каких-либо отягощающих внешних обстоятельств. Котик отказывает ему,

сомнительная женитьба не состоялась, с Туркиными он больше не общается, жители города С. не только не вредят герою, но, напротив, побаиваются его: «...за то, что он всегда сурово молчал и глядел в тарелку, его прозвали в городе “поляк надутый”, хотя он никогда поляком не был» (С. 10, 36). Однако Старцев теряет больше, чем жизненную цель, – он теряет в себе живую душу, способность к сочувствию и сопереживанию. Единственной страстью героя становится стяжательство, «в которое он втянулся незаметно, мало-помалу» (С. 10, 36). Увеличение накоплений не имеет для Ионыча никакой конкретной цели – ему просто нравится «по вечерам вынимать из карманов бумажки... и когда собиралось несколько сот», отвозить их «в Общество взаимного кредита» (С. 10, 36)¹.

Лидгейт в конце жизни также приходит к внешнему благополучию: он приобрел огромную практику, «сделался богат» и поселил жену «в золоченой, благоухающей цветами клетке» [24. С. 825]. Но этот финал имеет принципиальное отличие от чеховского: герой Элиот осознает, что с ним произошло, и не видит счастья в богатстве, «упорно называя себя неудачником» [Там же]. Более того, несчастья, случившиеся с Лидгейтом в Мидлмарче, заставляют его прозреть: герой начинает понимать как пустоту своей жены, так и бесценные душевные качества Доротеи, на которую он сперва смотрит с долей скептицизма; он становится терпимее и смиреннее, высокой ценой обретая жизненную мудрость. Жизнь обывателя является его расплатой за ошибки, но одновременно Лидгейт вырастает духовно.

Чехов более пессимистичен в своем взгляде на фигуру доктора Старцева. Финальной фразой «вот и все, что можно сказать про него» (С. 10, 41) он как будто не оставляет герою никаких шансов на возрождение². Но од-

---

¹ Этот мотив любования деньгами, «от которых пахло духами, и уксусом, и ладаном, и ворванью» (С. 10, 36), очень напоминает ситуацию из другого романа Джордж Элиот – «Сайлес Марнер» (1861), где единственной радостью героя, потерявшего веру в людей и Бога, становится накопление золота: «Теперь... когда цели не стало, эта привычка ждать заработанных денег, и получать их, как награду за усилия, послужила почвой, достаточно глубокой для всхода семян алчности. И когда Сайлес под вечер возвращался через поля домой, он то и дело вытаскивал монеты из кармана, и ему казалось, что в надвигающихся сумерках они блестят еще ярче» [25. С. 19]. Роман «Сайлес Марнер» неоднократно переиздавался в России, в том числе в 1889, 1890 и 1892 гг., поэтому потенциально он также мог быть знаком А.П. Чехову.

² Таковую возможность своему герою Чехов предоставил в ранней повести «Цветы запоздалые» (1882), в сюжете которой, по мнению З.С. Паперного, берет начало замысел «Ионыча» [26]. В финале повести любовь главной героини, княжны Маруси, преобразует корыстного доктора Топоркова: глядя на нее, он вспоминает свою молодость, учебу в университете «вопреки желаниям благодетелей», «голод и холод ради труда» (С. 1, 429). «Наконец он победил, лбом своим пробил туннель к жизни, прошел этот туннель и... что же? <...> Неужели только для пятирублевки и барынь он прошел ту трудовую дорогу? Да, только для них...» (С. 1, 429–430). Это прозрение заставляет его на короткий срок изменить свою жизнь, увести умирающую Марусю на юг, а после смерти героини взять к себе ее беспутного брата. Повесть считается «одним из наиболее слабых произведений начинающего писателя» [27. С. 95], однако показательно, в ней более открыто, по сравнению с «Ионычем», проявляется английский контекст.

новременно этим финалом Чехов стремится подтолкнуть к возрождению своего читателя. «Вывод может быть только один, – пишет В.Б. Катаев, – бороться с превращением в Ионыча должен каждый – пусть надежд на успех в этой борьбе почти нет» [25. С. 106]. И эта мысль полностью соответствует пафосу эпилога романа Элиот, призывающего по примеру Доротеи не смиряться с «несовершенством окружающей среды», ибо «благоденствие нашего мира» зависит порой от самых незначительных «житейских деяний», от людей, которые сумели прожить жизнь «незаметно и честно» [24. С. 829]. Симптоматично, что и рассказ «Ионыч» заканчивается не подведением печальных итогов жизни талантливого врача Дмитрия Старцева: как и Элиот, Чехов стремится здесь противопоставить им других героев – семью Туркиных. В неизменности их «сердечной простоты» (С. 10, 41), верности своим привычкам видится теперь позитивное начало: все той же незначительной, но простой и честной жизнью они незаметно противостоят безысходности, бездушности засасывающей человека «житейской трясины».

Разумеется, близость произведений Элиот и Чехова не отменяет их явного отличия – прежде всего, в жанровой природе. Эпическое повествование романа «Мидлмарч» совершенно несхоже с «пунктирной» манерой изображения событий в рассказе «Ионыч» – впрочем, широта проблематики и хронотопа позволяет исследователям предполагать, что именно это произведение Чехов в одном из писем называл «маленьким романом»¹. Есть отличия и в художественной манере писателей: налицо лаконизм Чехова, усиление драматичности его образов. Но эти расхождения только подчеркивают общее стремление писателей к объективному и максимально правдивому изображению художественной реальности, к научно-точному исследованию провинциальной действительности, той житейской «тины», в которой, по словам В.Б. Катаева, так «...неимоверно трудно оставаться человеком, даже зная, каким ему следует быть» [28. С. 106].

Проведенный анализ позволяет с уверенностью говорить о том, что рассказ «Ионыч» стал своеобразным откликом Чехова на европейскую философию личности, и прежде всего на викторианскую идею о героизме обыденной жизни, которую развивает в своем творчестве и Джордж Элиот.

Княжна Маруся, например, описывается Чеховым как «девушка лет двадцати, хорошенькая, как героиня английского романа, с чудными кудрями льняного цвета, с большими умными глазами цвета южного неба» (С. 1, 392–393). Это, по сути, утрированный портрет красавицы Розамонды, который, впрочем, тоже изображается Элиот без иронии: «Розамонда сняла шляпку, разгладила вуаль и кончиками пальцев поправила волосы... золотистые, как у младенца. ...Эти две нимфы – одна в зеркале и другая перед ним... глядели друг на друга глазами небесной синевы, такой глубокой, что восхищенные наблюдатели могли прочесть в них самые неземные мысли...» [24. С. 116]. Обращает на себя внимание и завязка сюжета повести «Цветы запоздалые», где аналогично «Мидлмарчу» отношения между молодыми людьми завязываются вследствие болезни брата героини.

¹ «Пишу маленький роман» (письмо от 10 (22) декабря 1897 г. (П. 7, 116)).

Предпринятое ею исследование того, как складывается судьба молодого интеллигента в провинциальной среде, находит свое продолжение в рассказе Чехова, где герой еще видит несовершенство окружающей его «трясины», но уже равнодушен к себе, к истинному предназначению человека, а потому стремительно теряет человеческие черты. Принципиальная близость нравственного пафоса и особой природы объективности творчества Элиот и Чехова указывает на факт своеобразного диалога двух крупнейших европейских писателей и позволяет существенно обогатить представление о литературном процессе второй половины XIX в.

Литература

1. Чудаков А.П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М., 1986. 384 с.
2. Катаев В.Б. Чехов плюс...: Предшественники, современники, преемники. М., 2004. 392 с.
3. Дыханова Б.С. Утрата без обретений (эстетическая информативность рассказа А.П. Чехова «Ионыч») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2004. № 2. С. 19–22.
4. Доманский Ю.В. Декадент Ионыч // Чеховские чтения в Оттаве : сб. науч. тр. Тверь ; Оттава, 2006. С. 142–160.
5. Богданова О.В. Образ доктора Старцева в рассказе А.П. Чехова «Ионыч» // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 2. С. 124–127.
6. Степанова А.С. Псевдоантитеза в рассказе А.П. Чехова «Ионыч» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2016. Вып. 3. С. 138–146.
7. Маркович В.М. Пушкин, Чехов и судьба «пелеюющей душу гуманности» // Чеховиана: Чехов и Пушкин. М., 1998. С. 19–34.
8. Хьюитт К. Джордж Элиот и ее роман «Мидлмарч» // Вопросы литературы. 2005. № 2. С. 236–260.
9. Проскурнин Б.М. Почему Джордж Элиот недооценена в современной России, или О пользе зарубежного взгляда на российскую англистику // Вопросы литературы. 2005. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2005/2/pro11.html> (дата обращения: 29.07.2018).
10. У Толстого. 1904–1910: «Яснополяские записки» Д.П. Маковицкого : в 4 кн. Кн. 1: 1904–1905. М., 1979. 544 с.
11. Ермилов В.В. Чехов. М., 1946. 446 с. URL: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0490.shtml (дата обращения: 30.07.2018).
12. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М., 1974–1983.
13. Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. Т. 1: 1860–1888. М. : Наследие, 2000–... URL: <http://feb-web.ru/feb/chekhov/lc-abc/0.htm> (дата обращения: 30.07.2018).
14. Суворин А.С. Джордж Элиот: Очерк жизни и сочинений // Вестник Европы. 1884. Т. 3, № 5. С. 133–179.
15. Давыдова Л.К. Джордж Элиот. Ее жизнь и литературная деятельность. СПб., 1892. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=114078&p=17> (дата обращения: 1.04.2018).
16. Эйхенбаум Б.М. О Чехове // Эйхенбаум Б.М. О прозе : сб. ст. Л., 1969. С. 357–370. URL: <http://chegov.niv.ru/chegov/articles/ejhenbaum-o-chehove.htm> (дата обращения: 31.03.2018).
17. Иван Петрович Павлов. URL: <http://nauka03.ru/istoriya-anatomii/ivan-petrovich-pavlov.html> (дата обращения: 01.04.2018).
18. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л., 1972–1990.
19. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. ; Л., 1928–1958.
20. Льюис Г.Г. Физиология обыденной жизни [Аннотация]. URL: <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&blang=ru&page=Book&id=34983> (дата обращения: 01.04.2018).

21. *Проскурнин Б.М.* Джордж Элиот // История зарубежной литературы XIX века: западноевропейская реалистическая проза : учеб. пособие. М., 2006. С. 289–342.

22. *Овсянко-Куликовский Д.Н.* Этюды о творчестве А.П. Чехова // А.П. Чехов: pro et contra: Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. (1887–1914): антология. СПб., 2002. С. 482–536.

23. *Ляцкий Е.А.* А.П. Чехов и его рассказы: Этюд. // А.П. Чехов: pro et contra: Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. (1887–1914): антология. СПб., 2002. С. 425–481.

24. *Элиот Дж.* Мидлмарч. М., 2012. 829 с.

25. *Элиот Дж.* Сайлес Марнер. М.; Л., 1959. 190 с.

26. *Паперный З.С.* Записные книжки Чехова. М., 1976. 391 с. URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000006/st004.shtml> (дата обращения: 01.08.2018).

27. *Бердников Г.П.* Чехов. М., 1974. 512 с.

28. *Катаев В.Б.* Ионыч // А.П. Чехов : энцикл. М., 2011. 696 с.

ANTON CHEKHOV'S "IONYCH" AND GEORGE ELIOT'S *MIDDLEMARCH*: THE FATE OF MAN IN A "SOUL-WASTING STRUGGLE WITH WORLDLY ANNOYANCES"

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 56. 187–202. DOI: 10.17223/19986645/56/10

Irina F. Gnyusova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

Keywords: A.P. Chekhov, George Eliot, G.H. Lewes, creative method, character of doctor.

The paper attempts to give a new view of the conception of the story "Ionych" by a comparative analysis of Chekhov's work with George Eliot's *Middlemarch*. Eliot's novel was written in 1871–72 and immediately published in Russian magazines. Did Chekhov read it? There is no sure evidence of it. But Eliot's name regularly appeared in Russian periodicals. A.S. Suvorin published an essay about her life, too. One more connecting link is G.H. Lewes, Eliot's common-law husband. His book *Physiology of Common Life* was very popular in Russia.

Attention to common life and its methodical, even scientific study is the "node", in which the interests of Chekhov, Lewes and Eliot converge. Eliot was also known by her propensity to natural sciences. Many researchers noted the importance of Chekhov's main profession for his creative method. The key feature of Chekhov's poetics, maximally objective representation of the facts of life, is similar to Eliot's analytical psychological analysis. For a reason, the novel *Middlemarch* has the subtitle *A Study of Provincial Life*.

The type of character, which Eliot and Chekhov put in the centre of their works, is significant. This is a natural scientist and a practicing doctor at the same time. In *Middlemarch*, this type of character obeyed the Victorian idea about the heroism of common life and the tribulations of man in struggle for freedom to be true to his own moral position, which was close to Chekhov. In the author's view, the parallels between the fates of the two doctors bear evidence of the fundamental closeness of the Victorian philosophy of personality to Chekhov, of the affinity of the creative method and the moral-philosophical views of Eliot and the Russian writer rather than a random typological resemblance.

The most salient parallel between the two works is the image of two provincial towns. *Middlemarch*, like the "town S.", is not simply a "milieu", but a representation of all that man has to contend with: pettiness, platitude, narrow-mindedness. The plot of the story "Ionych" has an evident typological resemblance with one of the two lines of the novel *Middlemarch*. The young Doctor Lydgate comes to a provincial town, intending to achieve a breakthrough in science, but is soon defeated in his ambitious plans. The Turkin family also has an analogue in Eliot's novel. Love affairs of the two main characters are similar: both doctors are victimized by their own delusions. Disregard to other people's feelings, self-confidence,

pride, desire to stand the pace eventually ruin Lydgate. Nevertheless, the character develops morally. Startsev loses more than the purpose of life: he loses his living soul, the ability to sympathize and empathize.

Eliot's study of the fate of a young intellectual in a provincial milieu continued in Chekhov's story. His character still notices the imperfection of the ambient "bog", but he is already indifferent to himself and to the true mission of man; therefore, he swiftly loses human features. The closeness of the moral pathos and of the specific nature of objectivity in Eliot's and Chekhov's works indicates the fact of a particular dialogue of the two European writers.

References

1. Chudakov, A.P. (1986) *Mir Chekhova: Vozniknovenie i utverzhdenie* [Chekhov's world: the emergence and establishment]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
2. Kataev, V.B. (2004) *Chekhov plyus...: Predshestvenniki, sovremenniki, preemniki* [Chekhov plus . . . Predecessors, contemporaries, successors]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
3. Dykhanova, B.S. (2004) Utrata bez obreteniy (esteticheskaya informativnost' rasskaza A.P. Chekhova "Ionych") [Loss without acquisitions (aesthetic informativity of Anton Chekhov's story "Ionych")]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism.* 2. pp. 19–22.
4. Domanskiy, Yu.V. (2006) Dekadent Ionych [The Decadent Ionych]. In: Domanskiy, Yu.V. & Clayton, D. (eds) *Chekhovskie chteniya v Ottave* [Chekhov's Readings in Ottawa]. Tver; Ottawa: Liliya Print.
5. Bogdanova, O.V. (2016) The image of Doctor Startsev in A.P. Chekhov's story "ionych". *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta – Bryansk State University Herald.* 2. pp. 124–127. (In Russian).
6. Stepanova, A.S. (2016) Pseudoantithesis in Short Story *Ionych* by A. Chekhov. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9 – Vestnik of St. Petersburg University. Series 9.* 3. pp. 138–146. (In Russian).
7. Markovich, V.M. (1998) Pushkin, Chekhov i sud'ba "leleyushchey dush-ch gumannosti" [Pushkin, Chekhov and the fate of "soul-nurturing humanity"]. In: Kataev, V.B. (ed.) *Chekhoviana: Chekhov i Pushkin* [Chekhoviana: Chekhov and Pushkin]. Moscow: Nauka.
8. Kh'yuit, K. (2005) Dzhordzh Eliot i ee roman "Midlmarch" [George Eliot and her novel "Middlemarch"]. Translated from English by I. Popova. *Voprosy literatury.* 2. pp. 236–260.
9. Proskurnin, B.M. (2005) Pochemu Dzhordzh Eliot nedootsenena v sovremennoy Rossii, ili O pol'ze zarubezhnogo vzglyada na rossiyskuyu anglistiku [Why George Eliot is underestimated in modern Russia, or The benefits of a foreign perspective on Russian English studies]. *Voprosy literatury.* 2. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/voplit/2005/2/pro11.html>. (Accessed: 29.07.2018).
10. Makashin, S.A. (ed.) (1979) *U Tolstogo. 1904–1910: "Yasnopolyanskije zapiski" D.P. Makovitskogo: v 4 kn.* [At Tolstoy's. 1904–1910: "Yasnaya Polyana Notes" by D.P. Makovitsky: in 4 books]. Book 1. Moscow: Nauka.
11. Ermilov, V.V. (1946) *Chekhov*. Moscow: Molodaya gvardiya. [Online] Available from: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0490.shtml. (Accessed: 30.07.2018). (In Russian).
12. Chekhov, A.P. (1974–1983) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols]. Moscow: Nauka.
13. Gromova-Opul'skaya, L.D. et al. (eds) (2000) *Letopis' zhizni i tvorchestva A.P. Chekhova* [Chronicle of the life and work of A.P. Chekhov]. Vol. 1. Moscow: Nasledie. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/chekhov/lc-abc/0.htm>. (Accessed: 30.07.2018).
14. Suvorin, A.S. (1884) Dzhordzh Eliot: Ocherk zhizni i sochineniy [George Eliot: Essay on life and writings]. *Vestnik Evropy.* 3 (5). pp. 133–179.

15. Davydova, L.K. (1892) *Dzhordzh Eliot. Ee zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'* [George Eliot Her life and literary activity]. St. Petersburg, [Online] Available from: <https://www.litmir.me/br/?b=114078&p=17>.
16. Eykhenbaum, B.M. (1969) *O proze* [About prose]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. pp. 357–370. [Online] Available from: <http://chehov.niv.ru/chehov/articles/ejhenbaum-o-chehove.htm>. (Accessed: 31.03.2018).
17. Nauka03.ru. (n.d.) *Ivan Petrovich Pavlov*. [Online] Available from: <http://nauka03.ru/istoriya-anatomii/ivan-petrovich-pavlov.html>. (Accessed: 01.04.2018). (In Russian).
18. Dostoevsky, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad: Nauka.
19. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete Works: in 90 vols]. Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
20. Lewis, G.H. (1863) *Fiziologiya obydennoy zhizni [Annotatsiya]* [Physiology of everyday life [Abstract]]. Translated from English. [Online] Available from: <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&lang=ru&page=Book&id=34983>. (Accessed: 01.04.2018).
21. Proskurnin, B.M. (2006) Dzhordzh Eliot [George Eliot]. In: Proskurnin, B.M. & Yasen'kina, R.F. *Istoriya zarubezhnoy literatury XIX veka: zapadnoevropeyskaya realisticheskaya proza* [History of foreign literature of the 19th century: Western European realistic prose]. Moscow: Flinta.
22. Ovsyaniko-Kulikovskiy, D.N. (2002) *Etyudy o tvorchestve A.P. Chekhova* [Essays about the works of A.P. Chekhov]. In: Burlak, D.K. (ed.) *A.P. Chekhov: pro et contra: Tvorchestvo A.P. Chekhova v russkoy mysli kontsa XIX – nachala XX v. (1887–1914): Antologiya* [A.P. Chekhov: pro et contra: Works of A.P. Chekhov in the Russian thought of the late 19th – early 20th centuries (1887–1914): Anthology]. St. Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities.
23. Lyatskiy, Ye.A. (2002) *A.P. Chekhov i ego rasskazy: Etyud* [A.P. Chekhov and his stories: An essay]. In: Burlak, D.K. (ed.) *A.P. Chekhov: pro et contra: Tvorchestvo A.P. Chekhova v russkoy mysli kontsa XIX – nachala XX v. (1887–1914): Antologiya* [A.P. Chekhov: pro et contra: Works of A.P. Chekhov in the Russian thought of the late 19th – early 20th centuries (1887–1914): Anthology]. St. Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities.
24. Eliot, G. (2012). *Midlmarch* [Middlemarch]. Translated from English. Moscow: Astrel'.
25. Eliot, G. (1959) *Sayles Marner* [Silas Marner]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat.
26. Papernyy, Z.S. (1976) *Zapisnye knizhki Chekhova* [Chekhov's notebooks]. Moscow: Sovetskiy pisatel'. [Online] Available from: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000006/st004.shtml>. (Accessed: 01.08.2018).
27. Berdnikov, G.P. (1974) *Chekhov*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
28. Kataev, V.B. (2011) Ionych. In: Kataev, V.B. (ed.) *A.P. Chekhov: entsikl.* [A.P. Chekhov: an encyclopedia]. Moscow: Prosveshchenie.

УДК 82.091(131.1+161.1)
DOI: 10.17223/19986645/56/11

В.Б. Зусева-Озкан

**«ЛЕГЕНДА ИЗ Т. ТАССО» И ЕЕ РЕДАКЦИИ:
ИСТОРИЯ ТАНКРЕДА И ВОИТЕЛЬНИЦЫ КЛОРИНДЫ
В ИЗЛОЖЕНИИ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО¹**

Сопоставляются три редакции стихотворения Мережковского о рыцаре Танкреде и деве-воительнице Клоринде (1883) и текст-источник – поэма Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим». С каждой редакцией Мережковский все дальше отходил от первоисточника, не только отказываясь от словесных формул Тассо, но и меняя последовательность событий, т. е. собственно смысл сюжета, о чем свидетельствует и учительный финал. Демонстрируется, как эти изменения связаны с формированием религиозно-философской концепции Мережковского.

Ключевые слова: Мережковский, Тассо, дева-воительница, Клоринда, Танкред, легенда, эпическая поэма, рыцарский роман.

Стихотворение «Легенда из Т. Тассо» относится к самым ранним произведениям Д.С. Мережковского. В дебютной книге «Стихотворения» (1888) и в 22-м томе Полного собрания сочинений (изд. Сытина, 1914; далее обозначается как ПСС-2) в качестве даты создания указан 1883 г., К.А. Кумпан на основании черного автографа в фонде Мережковского в ИРЛИ датирует его ноябрем 1882 г. [1. С. 211], но поскольку «отсчет своего творчества Мережковский начинает с 1883 года, то есть со студенческих лет» [2. С. 16], это самое начало его творческого пути. Стихотворение это относится также и к далеко не самым важным для автора: оно не вошло ни в одно из двух Собраний стихов (1904 и 1910 гг.), притом что им предположено сообщение «От издателей» о том, что «в это собрание вошли из прежних стихотворных сборников Д.С. Мережковского все стихи, которым автор придает значение, и все, напечатанные им за последние годы» [3, страница без пагинации; 4, страница без пагинации]. Не вошло оно и в первое Полное собрание сочинений (изд. Вольфа, 1911–1913), а во втором было помещено в раздел «Эскизы», что указывает на некую незавершенность, подготовительный характер текста, хотя заголовок с обозначением жанра и источника, казалось, позволял отнести его к разделу «Поэмы и легенды».

Тем не менее, даже не будучи одним из «хрестоматийных», принципиальных произведений Мережковского, «Легенда из Т. Тассо» любопытна и как предвестие некоторых идей и мотивов, впоследствии ставших цен-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709) в ИМЛИ РАН.

тральными для этого писателя, и типологически – как один из вариантов реализации сюжета о воительнице, причем сюжета, отчетливо модифицированного по сравнению с сюжетом текста-источника – поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим».

По характеристике А.Г. Бойчука, «стихотворную продукцию Мережковского 1880-х годов отличали интенсивность воздействия демократической <...> поэзии и одновременно – довольно значительная широта тематически-мотивного и жанрового репертуара. Достаточно далеко выходящий за рамки основополагающей для этой поэзии “скорбной” гражданственности, последний в той или иной мере предсказывал уже, в отдельных компонентах, будущую эволюцию Мережковского-лирика. <...> Способность следовать различным канонам проявилась уже в его наиболее ранней, во многом ученической, лирике (1880–1882). С мотивами, навеянными “боевым” агитационным народничеством, соседствовали здесь сюжетно-описательные опыты в духе авторов круга так называемого “чистого искусства” <...>. Он будет продолжать, например, создавать более всего напоминающие о “картинах” или “преданиях веков” Ап. Майкова – Мея – Полонского¹ стихотворения, разрабатывавшие тот или иной литературный, исторический или этнографический материал...» [5. Кн. 1. С. 791–793]. К последним относится и «Легенда из Т. Тассо».

Стихотворение представляет собой переложение эпизода из третьей песни «Освобожденного Иерусалима» (октавы XX–XXIII, XXVIII–XXX), где рыцарь Танкред, один из лучших христианских бойцов (наряду с Ринальдом), в первый – но, увы, не последний – раз вступает в поединок с Клориндой, сарацинской воительницей. Мережковский шел по пути постепенного отдаления от первоисточника и сокращения текста: у «Легенды из Т. Тассо» (72 строки) есть еще две редакции. Первоначальная – это черновой автограф под названием «Танкред и Клоринда» в составе 195 строк (далее ЧА); вторая – стихотворение «Танкред», опубликованное в журнале «Живописное обозрение» (1885. № 51. С. 386), в составе 154 строк (далее ЖО).

«Освобожденный Иерусалим» к тому времени неоднократно переводился и перекладывался на русский язык целиком и фрагментами², но Ме-

¹ Ср.: «Сам он позже своими учителями в поэзии называл <...> Майкова и Полонского» [2. С. 33].

² См.: *Тассо Т. Освобожденный Иерусалим / Ироическая поэма, итальянского стихотворца Тассо; Переведена с французского Михайлом Поповым.* СПб., 1772; *Тассо Т. Освобожденный Иерусалим / пер. А. Ш[ишков].* Ч. 1–2. СПб., 1818–1819; *Освобожденный Иерусалим: героич. поэма / пер. С. Москотильникова.* М., 1820; *Мерзляков А.Ф. Освобожденный Иерусалим: Поэма Торквата Тассо.* Ч. 1–2. М., 1828; *Тассо Т. Освобожденный Иерусалим / пер. С. Раича.* Ч. 1–4. М., 1828; *Освобожденный Иерусалим: Поэма Торквата Тассо / пер. с новейшего итал. текста, изд. в Париже 1855 г., с присовокуплением ист., миф. и геогр. коммент. Ф.В. Ливанова.* СПб., 1862. В конце XIX – начале XX в. вышел еще ряд переводов: Тассо Т. Освобожденный Иерусалим: Поэма в 20 песнях: В пер. рус. писателей: Пер. 1–4, 12, 13, 15, 16 и 20 строф и излож. содерж. остальных, с приведением лучших мест. СПб., 1899; *Освобожденный Иерусалим: Поэма Торквата Тассо / пер. с итал. размером подлинника Дмитрий Мин.* СПб., [1900];

режковский, по-видимому, имел дело с оригиналом¹, хотя и обращался с ним весьма вольно. Начать с того, что он не стал соблюдать строфическую форму октавы (АБАБАБВВ), хотя имя Тассо накрепко связано с ней и в русской поэзии имеет место устойчивое выражение «Тассовы октавы» (у Баратынского, Е. Ростопчиной, Мятлева, Плещеева, Плетнева, позднее Ходасевича, Мандельштама; «Торкватовы октавы» – у Пушкина, И. Козлова и др.). Далее, Мережковский не стремился воспроизвести словесные формулы Тассо, хотя кое-какие следы «перевода» все-таки сохраняются. В основном это касается первоначальной редакции (хотя и там образы Тассо служат Мережковскому скорее отправной точкой), в меньшей степени – второй, а в окончательной редакции этих следов уже почти не остается (таблица).

Как нетрудно заметить, Мережковский использует Тассовы мотивы, по-своему их варьируя, порой приводя к противоположности (где Тассо спрашивает: «Глаза полны молниеносных взглядов. / Прекрасная и в гневе, что она / Явила бы, веселая, собою?» [б. С. 99], там Мережковский сообщает: «Танкред встречает светлый взгляд, / Что в блеске пламенного гнева / Еще пленительней стократ...» [1. С. 665]), порой доводя почти до гротескного предела. Так, у Тассо Танкред вполне конвенционально говорит о себе как о «пленнике» Клоринды, а у Мережковского он называет себя ее «послушным рабом», «трусливым и слабым» (в другой редакции – «пугливым»), что почти комически контрастирует с первоначальным описанием Танкреда как славнейшего воина. В целом, как мы покажем далее, Мережковский, по крайней мере в первых двух редакциях, всячески сгущает страсти в эпигонски-романтической, даже надсоновской, манере, при этом отдавая дань и сентиментально-идиллической модальности (отметим «робость» и «стыдливость» Клоринды при первой встрече в лесу и после признания Танкреда).

Во второй редакции Мережковский дает имя Гьюскар безымянному у Тассо христианскому воину, который, желая помочь Танкреду, поднимает оружие на Клоринду (что наряду с другими изменениями придает рассказываемой истории более законченный вид). Он переставляет местами эпизоды: так, в первой и второй редакциях, после того как Танкред узнает Клоринду, помещена предыстория, соответствующая фрагменту первой песни «Освобожденного Иерусалима» – речь идет о том, как Танкред впервые встретил Клоринду в лесной чаще (формульный эпизод рыцарского романа, о чем речь далее). Причем если у Тассо эта встреча происходит в контексте военных действий (когда христиане разбили персов) и завершается намерением Клоринды напасть на героя (к нему неожиданно приходит подкрепление, и ей приходится спешно ретироваться), то у Мережковского контекст уже почти идиллический.

Освобожденный Иерусалим: Поэма Торквата Тассо / В новом полн. стихотвор. пер. В.С. Лихачева. СПб., [1910]; Освобожденный Иерусалим: Поэма Торквата Тасса / пер. [и предисл.] Ореста Головнина (Романа Брандта). Т. 1, 2. М., 1911.

¹ «Уже в гимназии Мережковский пробует себя в поэтических переводах, которые, как известно, займут существенное место в его творчестве» [2. С. 13].

№	Оригинал	ЧА	ЖО	ПСС-2
1	...e le chiome dorate al vento sparse, giovane donna in mezzo 'l campo apparise [7. P. 71].	И что ж? рассыпалась кудрями, Как златоструйными волнами, Густая пышная коса... [I. С. 664]; И ветры, ласково играя, Волну развеяли кудрей [Там же. С. 667]	И что ж? Рассыпалась кудрями, Как златоструйными волнами, Густая, девичья коса... [I. С. 210]; И ветер ласково играет С волнами вьющихся кудрей [Там же. С. 211]	И что ж? Рассыпалась кудрями, Как златоструйными волнами, Густая, девичья коса... [I. С. 210]; И ветер ласково играет С волнами вьющихся кудрей [Там же. С. 211]
2	<i>L'ampreggiàr gli occhi, e folgoràr gli sguardi,</i> dolci ne l'ira; or che sarian nel riso? [7. P. 71]	Танкред встречает светлый взгляд, Что в блеске пламенного гнева Еще пленительней стократ... [I. С. 665]	НЕТ	НЕТ
3	Un de' persecutori, uomo inumano, videle sventolar le chiome sparte, e da tergo in passando alzò la mano per feir lei ne la sua ignuda parte; ma Tancredi gridò, che se n'accorse, e con la spada a quel gran colpo oc- corse.	И над прелестной головою С челом нежней эдемских роз Он святотатственной рукою Секиру тяжкую занес. Но полн любви безумным жаром Врага Клоринды поразил Танкред и громовым ударом Его оружие раздробил. Коснулось шеи лебединой Оно слегка, – и кровь на ней, Как драгоценные рубины, Зарделась в золоте кудрей [I. С. 666]	И над прелестной головою С челом нежней эдемских роз Он святотатственной рукою Секиру тяжкую занес. Но от смертельного удара Танкред Клоринду защитил, – Оружье пылкого Гьюскара Он, негодуя, раздробил. Коснулось шеи лебединой Оно слегка, – и кровь на ней, Как драгоценные рубины, Зарделась в золоте кудрей [I. С. 210]	И над прелестной головою С челом нежней эдемских роз Он святотатственной рукою Секиру тяжкую занес. Но от смертельного удара Танкред Клоринду защитил, – Оружье пылкого Гьюскара Он, негодуя, раздробил. Коснулось шеи лебединой Оно слегка, – и кровь на ней, Как драгоценные рубины, Зарделась в золоте кудрей [I. С. 210]
4	Percorso, il cavalier non ripercote, né sí dal ferro a riguardarsi attende, come a guardar i begli occhi e le gote ond'Amor l'arco inevitabil tende [7. P. 72];	Смертельной ранен он стрелюю И робко молит, как бедняк... [I. С. 666]; «Я для тебя – послушный раб, Я пред тобой труслив и слаб...» [Там же]	«Взгляни, Клоринда, жалкий враг, Ничтожный воин пред тобою: Пощады молит он, бедняк, Уязвлен гибельной стрелюю; Твоих желаний верный раб,	НЕТ

№	Оригинал	ЧА	ЖО	ПСС-2
	Vuol ch'ella sappia ch'un prigion suo fèrte già inerte, e supplichevole e tremante... [7. P. 72]		Я пред тобой пуглив и слаб...» [1. С. 669]	
5	<p>“I patti sian”, dicea “poi che tu pace meco non vuoi, che tu mi tragga il core. Il mio cor, non più mio, s'a te dispiace ch'egli più viva, volontario more: è tuo gran tempo, e tempo è ben che trarlo omai tu debbia, e non debb'io vietarlo. Ecco io chino le braccia, e t'appresento senza difesa il petto: or ché no 'l fiedi? vuoi ch'agevoli l'opra? t' son contento trarmi l'usbergo or or, se nudo il chiedì” [7. P. 73]</p>	<p>«Но если ненависть одна В ответ на страстное моленье Мне от Клоринды суждена, – Пусть прекратит мой томленья Могилы мрачное забвенье: Зову губительный удар. <i>Вот грудь моя, любя, умру я, Из милых рук твоих, ликуя Приемлю смерти грозный дар!</i>» [1. С. 667]</p>	<p>«Но если встретить сожаленье В твоих очах мне не дано, Но если гордое презренье Мне от Клоринды суждено, – <i>Вот грудь моя!</i>.. Любя, умру я... Зову губительный удар. <i>Из милых рук твоих, ликуя Приемлю смерти грозный дар!</i>» [1. С. 669]</p>	НЕТ

Танкред отдыхает от «утомительной охоты» (ЧА [1. С. 665]), и Клоринда в смущении «робко» скрывается от него, «подобно лани боязливой» (Там же) или испуганной нимфе. В окончательной редакции этот эпизод исчезает, но есть и другая перестановка.

Если у Мережковского Танкред сначала отражает удар, направленный на Клоринду, а затем во многих словах признается ей в своем чувстве, хотя она и ранена (что не совсем логично), то у Тассо Танкред признается Клоринде, и именно в этот момент его слова прерывает атака на воительницу, после чего Танкред в ярости начинает преследовать нападавшего. В «Освобожденном Иерусалиме» трагически – как станет ясно в свете дальнейших событий – теряется возможность диалога, так что в двенадцатой песни Танкред и Клоринда вновь, не узнав друг друга, сойдутся в поединке. Если у Тассо героев разводит судьба, точнее Провидение в лице неизвестного воина-христианина (ибо Танкреду еще предстоит вернуть героиню в лоно христианина на пороге ее смерти), то у Мережковского Клоринда сама убегает. Кокетливый оттенок этого бегства весьма отчетлив в первых двух редакциях:

Она головку, застыдясь,
Склонила тихо, как лилею.
Вдруг искра резвая зажглась
В очах, но луч тот омрачая,
Ресниц ложится тень густая.
<...>
Вот улыбнулася чуть-чуть
Она, потупив взор лазурный,
Молчанье строгое храня,
Потом пришпорила коня... (ЧА [1. С. 667]);

Она внимала; гнев жестокий
В душе невольно утихал,
Невольно взор ее глубокий
Тревогу сердца выдавал.
Вот луч усмешки горделивой
Мелькнул на царственных устах,
Минутной искрою в очах
Он вспыхнул резво и стыдливо.
Но очерк дивного чела,
Невольной грустью омрачая,
Ресниц шелковых тень густая
На очи ясные легла... (ЖО [1. С. 669]).

Повторяются противопоставления «искры» / «тени» и улыбки / грусти, указывающие на противоречивый характер чувств героини, в душе которой необходимость сразиться с христианином, очевидно, конфликтует с любовью. («Мрак» «грусти» еще и напоминает знакомому с оригиналом

читателю об исходе земной истории Танкреда и Клоринды.) В окончательной редакции эти детали исчезают вместе с признанием Танкреда (предсказывающим, кстати, судьбу Клоринды принять «грозный дар» смерти «из милых рук»), так что остается лишь встреча в поединке двух героев, оказывающихся без шлемов и пораженных взаимным восхищением. Танкред спасает Клоринду, а та в ответ отказывается от продолжения начатого поединка. Таким образом, более органичен финал – неизменный во всех редакциях, т. е., очевидно, принципиальный для автора:

Не меч, не пролитая кровь, –
Ту битву грозную решила
Лишь красоты благая сила,
Миротворящая любовь [1. С. 211].

Разумеется, этот финал ставит точку в истории Танкреда и Клоринды совсем не там, где поставил ее Тассо. Более того, при сравнении трех редакций становится очевидно, как меняются акценты в сторону смягчения красок. В первоначальной редакции встречаем подробное описание поединка героев (во второй оно более сжатое, в окончательной практически отсутствует). Подчеркивается, как и у Тассо, аффект гнева, ярости, бушевающей героев: «Растет в них ненависть и злоба...» [Там же. С. 664], «Порывом пламенным объятый / От гнева рыцарь трепетал...» [Там же. С. 664] (в последней редакции эти строки характерно замещаются на следующие: «С мольбой о помощи трикраты / Танкред Спасителя призвал...» [Там же. С. 210]); «Танкред встречает светлый взгляд, / Что в блеске пламенного гнева / Еще пленительней стократ...» [Там же. С. 665], «Свой гнев жестокий потуши...» [Там же. С. 666]. Даже страсть героя описана как «грозовая туча», «затмевающая» душу [Там же. С. 665] (причем грозе уподоблено и схождение «врагов»: «Сошлись как в небе туча с тучей / От столкновения горячи / Сверкая молнией гремучей / Скрестились острые мечи» [Там же. С. 664]). Во второй редакции аффект ярости значительно смягчен; остаются лишь реплика Клоринды «“Ты жалкий трус, гяур презренный!” – / Свой вызов бросила она...» [Там же. С. 668] и деталь, характеризующая ее реакцию на признание Танкреда: «Она внимала, гнев жестокий / В душе невольно утихал» [1. С. 669] (а также представление о страсти как о «грозе»: «В нем подымается грозой / Нежданно вспыхнувшая страсть» [Там же. С. 668]).

Отчасти меняются и характеристики героев. В первоначальной редакции сделан акцент на воинских подвигах Танкреда как основании для будущего бессмертия, понятого в духе «вечной славы» [Там же. С. 664]; герой изначально предстает непобедимым, и повествователь называет его противника «безумцем»; отчетливо противопоставлены идиллический locus первой встречи героев и мятежность, сила вспыхнувшей в герое страсти («грозовой тучи»), причем в первой и второй редакциях сохранена многократно повторяющаяся у Тассо параллель между поединком в прямом смысле и в фигуральном («рана» в сердце, нанесенная «стрелой»

Амура); внешность Танкреда описана как «прекрасная»: строки «И благородно, и светло / Его прекрасное чело / Любовью пламенной дышало» [1. С. 666] – будут заменены во второй и третьей редакциях на следующие: «И благородно, и светло / Любовью чистою дышало / Его открытое чело» [Там же. С. 210], где не только снят акцент на внешности, но и любовь героя предстает небесной, сакральной, а не профанной, как в первой редакции. Вообще, по сравнению с позднейшими редакциями страсти героев гигантизированы. Таким образом, Танкред, с одной стороны, оказывается в первоначальной редакции ближе к герою Тассо, который представлен как прекрасный юноша и славнейший воин (наряду с Ринальдом), в чьей победе автор не сомневается, а с другой – Мережковский придает ему темный романтический гигантизм страсти, не вполне свойственный герою Тассо. По мере вносимых в текст изменений снимаются и романтический оттенок, и пыл страстей, и акцент на воинских подвигах Танкреда, на первый план выдвигаются, с одной стороны, набожность, вер героя, а с другой – высокий, небесный характер его чувства.

Образ Клоринды тоже претерпевает изменения. Если в итоговой редакции она представлена в первую очередь красавицей (хотя обязательный сюжетный атрибут вроде неузнания ее в мужском платье присутствует), то в первоначальной редакции, с одной стороны, подчеркнуты доблесть и мужественный элемент ее облика¹, важные у Тассо («Но доблесть дивная была / В осанке мужественно-смелой» [Там же. С. 664–665]; во второй редакции упоминается ее «легкий смелый шаг» [Там же. С. 668]), а с другой – присутствуют противоположные элементы характеристики, сближающие героиню со смущенной и кокетливой девой, испуганной нимфой. Образ Клоринды в итоговой редакции, таким образом, оказывается очищен от противоречий, но одновременно теряет в своеобразии. В «Легенде...» это довольно конвенционально описанная красавица, мужские черты которой сглажены и характер больше, чем в первых двух редакциях, соответствует примиряющему пафосу финала. Причем это постепенное сглаживание черт воительницы оригиналу – поэме Тассо – как раз не свойственно²: Клоринда довольно сильно отличается от двух других, более конвенциональных героинь – Эрминии и Армиды.

Все три героини принадлежат к сарацинскому, вражескому стану; все три к концу поэмы примут христианство, внося тем самым лепту в торже-

¹ Отметим также еще одну «формульную», типичную для образа воительницы черту – гордость и высокомерие. Реакция Клоринды на неожиданное спасение таково: «И глубоко недоуменно, / Но все еще высокомерно / Глядит на рыцаря она» (ЧА) [1. С. 666]; «И глубоко изумлена, / Но все еще высокомерно / Глядит на рыцаря она» (ЖО) [Там же. С. 669], тогда как у Тассо она лишь удивлена, как можно заключить из слов: «Ella rimar sospesa...» [7. P. 73], где героиня как бы остановлена в своем движении.

² У Тассо Клоринда негибаема, не склонна решать поединок миром: первый бой ее с Танкредом заканчивается иначе, чем у Мережковского (см. выше), а во время второго поединка, когда Танкред просит противника назвать свое имя, Клоринда отвечает лишь насмешкой, т. е. отвергает любую возможность примирения.

ство Христовой веры, которым проникнут «Освобожденный Иерусалим» – поэма, более серьезно трактующая тему борьбы христиан и мусульман, нежели формально написанная о том же – борьбе христианских рыцарей (только Карла Великого, а не Готфрида Бульонского) с мусульманскими врагами, но акцентирующая совершенно иные идеи и ценности поэма Ариосто. Если Армида изначально – персонаж довольно зловредный, плетущая чары против христиан волшебница, которую в итоге облагораживает только любовь к славному Ринальду, а Эрминия – в общем-то нейтральный (наследница антиохийского трона, приближенная иерусалимского правителя, она переходит на сторону врагов ради любви к Танкреду и сама по себе не свершает ни особенно хорошего, ни особенно дурного), то Клоринда представлена как благородная героиня, наделенная отважным сердцем и врожденным чувством справедливости.

Ни у кого из других персонажей поэмы не прописана столь подробно предыстория, никому не посвящено столько эпизодов, прямо или косвенно¹. Так, в песни первой Танкред вспоминает о встрече с воительницей у источника. Во второй Клоринда заступает за христианских мучеников Олинда и Софронию и спасает их от казни. В шестой песни Эрминия крадет доспехи Клоринды, чтобы в мужском облике, неузнанной, прокрасться к Танкреду в лагерь христиан, причем следует ее длинное рассуждение о воительнице, а высказываемая ею мечта хотя бы погибнуть от руки Танкреда, чтобы рана реальная излечила ей рану сердечную, оказывается своего рода предсказанием судьбы Клоринды. В песне седьмой, как и во всех описаниях битв (песни третья, шестая, девятая, одиннадцатая, двенадцатая), Клоринда оказывается в гуще сражения и переломляет его ход в пользу сарацин. В песни одиннадцатой она ранит самого Готфрида. Наконец, песнь двенадцатая всецело посвящена этой героине: сначала рассказывается о ее необыкновенном рождении и детстве, затем о ее втором поединке с Танкредом.

Евнух Арзет, вырастивший Клоринду, раскрывает ей тайну ее рождения, поскольку полон мрачными предчувствиями. Оказывается, что героиня была рождена женой царя Эфиопии христианина Сенапа, но чудесным образом кожа ее оказалась совершенно белой. Боясь гнева мужа и обвинения в измене, царица подменила дитя и вручила его доверенному слуге. Подробно описывается картина, висевшая в покоях царицы:

Картина у нее была в покоях
Священного значения: как снег,

---

¹ Переделывая «Освобожденный Иерусалим» в «Завоеванный Иерусалим» и убирая многие эпизоды, в том числе такие знаменитые, как врачевание ран Танкреда Эрминией или заключительная встреча Ринальда и Армиды, из всей истории Клоринды Тассо убрал только спасение ею Олинда и Софронии и даже добавил более подробное признание Танкреда Клоринде. Таким образом, Клоринда – важнейший из женских персонажей поэмы, чья история не столько является романной «интермедией», сколько входит в эпическое ядро героической поэмы.

Сверкая белизной, в цепях, под стражей
Дракона дева юная томится;

Чудовище копьем пронзает витязь,
И плавает оно в своей крови.
Перед картиной часто в умиление
Молитвенном царица преклонялась.

Невдолге забеременев, царица
Рождает дочь такой же белизны:
То ты была... До глубины сердечной
Она поражена неожиданным чудом... [б. С. 354].

Клоринда здесь сопоставлена с девой, спасенной св. Георгием; более того, ее мать просит святого стать «ангелом-хранителем для той, / Что не познает материнской ласки» (Там же. С. 355). Так и происходит, и следуют новые чудеса: Георгий дважды спасает младенца от верной смерти. Мусульманин Арзет вопреки данному царице обещанию не покрестил Клоринду, так что в качестве третьего чуда ему в видении является сам святой:

...Ночь вскоре нас окутывает тьмою
И погружает в сон, и воин мне
Является величественно-грозный;
Приставив меч к лицу, он говорит:
«Исполни повеление царицы
И окрести немедленно малютку;
Она – Небес любимое дитя,

А я – ее хранитель и защитник,
Я для нее смирил в лесу тигрицу
И чувство к ней внушил волнам бездушным:
Страшись не верить сну, что в этот миг
Небесную тебе вещает волю!» [Там же. С. 358].

Тот же святой является Арзету накануне второго боя Клоринды с Танкредом, причем «такой же сон привиделся и ей»:

Вчера я впал в неодолимый сон,
И тот же воин снова мне явился;
Глядел он на меня еще грознее
И голосом ужасным говорил:
«Неверный, близок час, когда Клоринда
Моею станет; ты же предавайся
Бесплодному отчаянью тогда» [Там же. С. 359].

Клоринда задумывается, но не желает предавать веру, с которой прожила всю жизнь (что на фоне многочисленных «предательств» других ге-

роинь явно выделяется: с одной стороны, ее верность достойна восхищения, с другой, как намекает Тассо, – это верность неправильным ценностям). В результате следует очень подробно описанный поединок с Танкредом, которому ценой величайших усилий все же удается победить не узанного им витязя. Умирая, Клоринда хочет принять христианство. Сняв с противника шлем, чтобы покрестить его, Танкред в ужасе узнает Клоринду, а та умирает истинно христианской, блаженной кончиной, напоследок прощая его. Позднее она нисходит к горяющему Танкреду во сне:

Тогда ему является Клоринда
В сверкающем венце из звезд небесных;
Но в блеске ослепительном черты
Знакомые он узнает тотчас же.
И кажется ему, что осушает
Она его глаза и говорит:
«Пусть этот образ радости небесной,
Мой верный друг, тебя утешит в горе.

Обязана тебе я этим счастьем:
Нечаянно ты жизни скоротечной
Меня лишил, но пребываю в сонме
Бессмертных я на лоне Божества.
Здесь, чистым наслажденьям предаваясь,
Я жду тебя, и здесь-то наши души
Сольются, чтоб блаженство обрести
Одна в другой и вместе – в славе вечной» [6. С. 374].

Отметим следующие любопытные моменты в линии Клоринды у Тассо: рождение и детство Клоринды – это чудесное рождение и «сказочно-героическое» [8. С. 280], по выражению Е.М. Мелетинского, детство мифологического героя; интересно, что ни один другой персонаж поэмы, включая Танкреда, Ринальда и Готфрида, не удостоивается таких мотивов. Прямое вмешательство высших сил обнаруживается не только в рождении, но и в смерти героини: картина, на которой св. Георгий освобождает девственницу от дракона и которая сопровождает зачатие и рождение Клоринды, аллегорически соответствует освобождению героини от дракона ложной веры и уз земной жизни с Танкредом. Явление Клоринды в лучах небесной славы заставляет вспомнить о дантевской Беатриче, тоже любящей поэта, как только «дозволено <...> смертного любить» [6. С. 375]. В образе и истории Клоринды, таким образом, крайне любопытно сочетаются христианские и древнейшие, языческие мотивы.

Подобно мифологическим воительницам, Клоринда предназначена сильнейшему воину; и если в земном плане это Танкред, то в потустороннем, по нашему мнению, им оказывается святой воин Георгий, заявляющий свои права на Клоринду словами, в которых сплетаются голоса небес-

ного покровителя и суженого¹ (« “Ecco”, dicea “fellow, l'ora s'appressa / che dée cangiar Clorinda e vita e sorte: / mia sarà mal tuo grado, e tuo fia il duolo”» [7. P. 364]), чем акцентируется «полубожественная» природа героини. Действительно, в мифах девы-воительницы обычно предстают существами, имеющими непосредственное отношение к богам: таковы дочери Одина валькирии, в том числе Брюнхильд, или Пенфесилея, дочь бога Ареса. Взаимоотношения таких героинь с сильнейшим воином не имеют «благополучной» развязки: они либо перестают быть равными себе и теряют чудесную силу, подчинившись любви и/или смирившись перед своим победителем, либо погибают в поединке.

В свете этого заканчивающийся гибелью Клоринды бой с Танкредом в двенадцатой песни воспринимается одновременно в двух планах, двух системах координат – и как событие трагическое, результат действия рока в его античном понимании и рокового неузнания (недаром Тассо подчеркнуто останавливает поединок, чтобы заставить Танкреда спросить имя его противника, а Клоринду – дерзко отказать ему в праве знать), и как событие провиденциальное, освобождающее героиню, «Небес любимое дитя», от навязанной ей ложной веры и земной тяжести, восстанавливающее ее полубожественную сущность. (А Танкреда возвращающее на путь веры, почти забытый им ради пути любви. Недаром Петр Пустынник заявляет:

Карает заблуждение твое
И к доблестям забытым возвращает
Тебя благополучная развязка,
А ты отвергнуть хочешь эту милость? [6. С. 373].)

Так или иначе, сквозь христианские наслоения просвечивает древний комплекс мотивов, связанный с образом воительницы: судьба ее просто не может получить благополучную развязку вопреки – или, точнее, как раз благодаря – ее героической, высокой, полубожественной сущности. Осо-

---

¹ Воительница и св. Георгий – эта необычная пара появится в творчестве М. Цветаевой, для которой образ девы-воина вообще был своего рода альтер эго. Типичная для ее поэтического мира коллизия состоит в том, что лирическая героиня приносит в жертву земное (в том числе обычную человеческую любовь) и этой ценой остается амазонкой, сохраняя верность своему небесному жениху, который порой ассоциируется именно со св. Георгием (см. поэму «На красном коне» и цикл «Георгий»). Не был ли «Освобожденный Иерусалим» одним из источников этой коллизии? “Тассо” Цветаева, по всей вероятности, читала – см. «Воспоминания» А. Цветаевой («Освобожденный мамин шкаф в папином кабинете вновь принимает туда же Маринины теперь книги (Гёте – ей, Шиллера – мне; ей – Мильтона и Торквато Тассо; мне – “Божественную комедию” Данте)...» [9. С. 429]), а также отсылку в пьесе «Феникс» («С движеньем рук и глаз им Тасса / Вещаю...» [10. С. 536]) и сопутствующие замечания в записных книжках: «О Казанове: блестящий ум (вечные проекты), сердце – всегда настороже <...>. Наконец дух: вечная потребность в Тассо» [11. С. 151]; «Prince de Ligne воспринял бы меня, как чудесный и неправдоподобный анекдот, который бы всем рассказывал, Казанова – как поэму Тасса, которую вытвердил бы наизусть» [Там же. С. 391].

бенно отчетливо это показывает сравнение с другими героинями «Освобожденного Иерусалима». Крайне любопытно, что и Эрминия, и Армида восхищены уделом воительницы и примеряют на себя эту роль, но она оказывается им не по росту. Так, Эрминия в песни шестой буквально выступает субститутом Клоринды, укрывает и надевает ее доспехи, чтобы пробраться к Танкреду в христианский стан. Она сетует:

«Счастливая воительница! Ах,
За что меня судьба так обделила!
Не подвиги, не суетная слава
Красы во мне к ней зависть возбуждают...
Но шаг ее не связан длинным платьем,
И в клетку не посажена отвага:
<...>
Как и она, могла б я променять
Докучные одежды на доспехи» [6. С. 196].

Однако «под непривычной тяжестью она / За шагом шаг едва волочит ноги» [Там же. С. 199], а когда на нее нападают христиане, Эрминия просто пускается в бегство. Армида, оскорбленная уходом Ринальда, желает стать воительницей, чтобы убить безжалостно оставившего ее возлюбленного. Внешность ее блестяща:

А после всех героев появилась
С блестящей конницей своей Армида
В роскошной колеснице; за плечами
Колчан был у нее и лук в руке.
В лице с природной нежностью мешаясь,
Гнев придавал ей вид неустрашимый:
И угрожает будто бы она,
И, угрожая, тем сильнее чарует [Там же. С. 481].

Однако в реальности она ведет себя не как воительница:

...Пытается три раза натянуть
Она свой лук; трепещущие руки
Отказывают в этом ей три раза:
И все ж в конце концов стрела летит,
А вслед за ней раскаянье несется [Там же. С. 590];

Под гнетом ужаса и лук, и стрелы,
И чародейство – все забыто ею.
Так лебедь робкий, увидав орла,
Что растерзать его готов, трепещет,
Заранее к земле уж припадая [Там же. С. 591].

И Эрминия, и Армида не выдерживают тяжести доспеха воительницы и ее удела, но именно поэтому судьба щадит их: Армиду мы в последний раз видим утешаемой Ринальдом, Эрминию – врачующей Танкреда, который благодарит «прекрасную целительницу»... И лишь еще один из заметных женских персонажей поэмы погибает, как и Клоринда. Это тоже воительница, только из христианского стана, – Джильдиппе. Хотя она не участвует в традиционном для воительницы сюжете поединка с возлюбленным и показана как нежная супруга Одоарда, одного из христианских воинов, ее судьба определена ее сущностью: Сулейман, один из главных сарацинских героев,

Разит ее отчаянным ударом;
И дерзко рассекает меч ту грудь,
Что создана для стрел Амура только.
Поводья выпуская, на коне
Шатается Джильдиппе; муж несчастный
Спешит, чтоб защитить ее, но поздно! [6. С. 599].

Как изначально в мифе герой был тем, кто имеет умереть¹, так воительница у Тассо (и вообще всегда в сюжетах эпического характера – см. об этом далее) – это фигура *moritura*.

Поэтому тем эпизодом истории Танкреда и Клоринды, который, как правило, становился предметом изображения и в живописи, и в музыке² (особенно известен и до сих пор исполняется мадригал «Поединок Танкреда и Клоринды» К. Монтеверди, 1624), и в поэзии, была сцена смерти (и крещения) героини³. В русской поэзии отметим послание К. Батюшкова

¹ «Еще у греков “умереть” и “стать героем” было синонимично. Герой сначала не человек, а умирающее божество, сам космос, “весь видимый мир в его воплощении”. Поэтому “первоначально герой несколько не соответствует тому значению, которое мы вкладываем в него теперь. Воинственный, отважный характер герой получает впоследствии, и это вытекает из его подвигов в преисподней, где он борется со смертью и вновь рождается в жизнь”. Однако как в слове “автор” культурная память удержала связь с “богом”, так же и в слове “герой” не прервана окончательно его соотнесенность со смертью (эта прапамять позволила Бахтину сказать, что “эстетическое отношение (автора. – С.Б.) к герою и его миру есть отношение к нему как к имеющему умереть”» [12. С. 24].

² В том числе в ставшем легендарным пении гондольеров: «...они пропели нам, среди прочих отрывков, смерть Клоринды и описание дворца Армиды...» [13. С. 101]. См. также: «Казимир Делавинь (1793–1843), часто избиравший итальянские сюжеты для своих лирических и драматических произведений, посвятил несколько стихотворений Венеции. Особенно поэтична “Прогулка на Лидо”. Обращаясь к гондольеру, поэт говорит, что иностранец, проходя по берегам города, наслаждается “жалобными стансами” Тассо и просит гребца еще раз спеть ему о “несчастьях Клоринды и ее возлюбленного”» [Там же. С. 104].

³ В живописи XVII–XVIII вв. это буквально десятки изображений. Среди других эпизодов истории Клоринды большой популярностью у художников пользовалось спасение

«К Тассу» (1808), где есть строки (последние две представляют собой перевод из строфы LIX двенадцатой песни «Освобожденного Иерусалима»):

А там что зрят мои обворожены очи?
Близ стана воинска, под кровом черной ночи,
При зареве бойниц, пылающих огнем,
Два грозных воина, вооружась мечом,
Неистойвой рукой струят потоки крови...
О, жертва ярости и плачущей любви!..
Постойте, воины!.. Увы!.. один падет...
Танкред в враге своем Клоринду узнает,
И морем слез теперь он платит, дерзновенный,
За каплю каждую сей крови драгоценной... [14. С. 84].

Таким образом, творческий выбор Мережковского крайне оригинален. Он избирает предметом своего вдохновения не второй поединок Танкреда и Клоринды – один из лучших и наиболее трогательных эпизодов поэмы, а первый, гораздо менее известный и драматичный, в контексте поэмы как бы предуготовительный. Более того, он делает этот эпизод замкнутым в себе, будто бы не предполагающим рокового продолжения, – прежде всего благодаря особой учительной интонации финального четверостишия, как бы перечеркивающего будущие события Тассовой поэмы. Его характеристики Танкреда и Клоринды, к которым он приходит по мере движения от первой редакции к третьей и отдаления от текста Тассо, тоже способствуют более органичному восприятию нового финала. Но ведь речь идет и о разных жанрах, а именно жанр определяет целое высказывания. Тассо пишет героическую поэму с элементами рыцарского романа, Мережковский же – легенду. За этими жанрами стоят принципиально разные смысловые интенции.

Как известно, главным образцом для Тассо были героические поэмы древности, прежде всего «Илиада», так что оба главных христианских рыцаря – Танкред и Ринальд – в разные моменты действия спроецированы на величайшего греческого героя Ахилла¹. Таким образом, история Танкреда и Клоринды в поэме получает отсвет истории Ахилла и амазонки Пенфесилеи, хоть и не описанной у самого Гомера, но входящей в троянский цикл. В частности, М.Л. Андреев в статье «Эпический опыт Тассо: рыцарский роман и героическая поэма» отмечал, что «роль Ахилла, правда уже не гомеровского, может на время перейти от Ринальда к Танкреду, сражающему Клоринду, эту сарацинскую Пентесилею» [15. С. 252].

ею Олинда и Софронии, а также первая встреча Танкреда и Клоринды в лесу у источника. «Бескровный» поединок героев в третьей песни живописцев привлекал мало.

¹ В частности, удаление Ринальда с места осады в результате его конфликта с Готфридом и поражения, которые христиане после этого терпят (причем изменить ситуацию способно только возвращение героя), напоминают о гневе Ахилла и его последствиях. Танкреда же в песни девятнадцатой противник ранит не куда-нибудь, а в пятку.

История Ахилла и Пенфесилеи – сугубо эпическая. В ее рамках совершается типично эпическое событие – испытание силы, а противоборствующие герои представляют собой противоположные части эпического мира (ахейцы vs троянцы с союзниками), причем встреча и поединок героев «раскрывают родство противоположностей: событие обнаруживает противоречивое единство мира» [16. Т. 1. С. 289]. «Противники предназначены друг другу как воплощения противоположных мировых начал» [Там же], что выражается в данном случае в виде предназначенности любовной.

Но Тассо ориентировался не только на Гомера. Другим важнейшим образцом для него были «Неистовый Роланд» Л. Ариосто и вообще традиция рыцарского романа. Об амбивалентности жанра «Освобожденного Иерусалима», вечно колеблющегося между полюсами героической поэмы и рыцарского романа (но все-таки стремящегося к первому из них), подробно писал М.Л. Андреев. В частности, он указывал на черты, роднящие персонажей Тассовой поэмы с ариостовскими: «...в поэму Тассо пришли из романа не только ситуации – вместе с ними пришли герои. В стане противников их решительно больше, чем героев эпических: о Клоринде, деве-воительнице, новой Брадаманте или Марфизе, об Армиде, новой Анджелике и Альчине, нечего и говорить...» [15. С. 253]. Клоринда, таким образом, спроецирована не только на эпическую Пенфесилею, но и романную Брадаманту, а Танкред – не только на эпического Ахилла, но и романного Руджьера: «В мизансцене романа мы с ним знакомимся: для нашей первой встречи с Танкредом и для его первой встречи с Клориндой, после битвы, на берегу ручья, где прекрасная сарацинка, спешившись и сняв шлем, утоляет жажду, не составит труда отыскать сюжетных близнецов <...>. В Танкреде, влюбленном в богатыршу и неприятельницу по вере и оружию, мы сразу и без усилий узнаем боярдовского и ариостовского Руджеро, плененного в аналогичных декорациях Брадамантой (и во “Влюбленном Орландо” подходил к концу бой, и там был снят шлем, скрывавший женскую стать). <...> Сразив своей рукой не узнанную им Клоринду (и эта перипетия знакома рыцарскому роману, в частности роману старшего Тассо, правда без трагической развязки¹), Танкред, казалось, бесповоротно выходит из этого образа и страданием искупает свою эпическую ущербность...» [Там же. С. 254].

Андреев совершенно справедливо делает оговорку, что, если уж в рыцарском романе герой и сражается с не узнанной им возлюбленной, поединок не сопровождается смертью героев. В романе мотив *поединка* между мужчиной и женщиной, характерный для героического эпоса, уступает место *эротическому поиску*, или любовному преследованию, при котором

¹ Речь идет о Миринде и Алидоре из романа Бернардо Тассо «Амадис». Сходство отметил Сальваторе Мультинедду в классической монографии «Источники “Освобожденного Иерусалима”»: «Сражаются Миринда и Алидоре, двое влюбленных, подобно Танкреду и Клоринде, и один не узнает другую. Поединок столь же яростен, но исход его не столь катастрофичен, ибо никто из влюбленных не погибает; с другой стороны, увещание поэта соответствует восклицанию Тассо...» [17. Р. 131].

героиня полагается равной или почти равной мужскому персонажу, но происходит отказ героев от испытания силы¹. Таким образом, и в линии Танкред / Клоринда у Тассо проявляется то же соотношение романа и эпоса, что и во всем здании поэмы: романский элемент присутствует, и сильно, но эпос все же побеждает. То есть первый поединок, в третьей песни, разбивается по законам романа, второй, в двенадцатой песни, – по законам эпоса (смертельный исход поединка двух любящих – эпическая черта).

Правда, за боем следуют прощение, истинно христианская кончина и чудесное явление – элементы, характерные для легенды, т. е. «повествования о событии, якобы имевшем место в действительности <...> тем не менее обязательны мотивы необыкновенного, сверхъестественного <...> с героем происходит чудо или чудо героем засвидетельствовано; герой переживает падения в страхах и восстания, духовные обновления и социальные превращения; обязательна личная выдвинутость героя из ряда обычных персонажей; экзотична обстановка действия – экзотична для современности и среды, передающей легенду; просветляющий, дидактического значения конец зачастую соединен с всеразрешающим вмешательством высшей силы» [18. С. 7]. У Тассо элементы христианской легенды, как и рыцарского романа, «встречаются» с принципами героической поэмы и побеждаются ими. У Мережковского же торжествует жанр легенды, вкус к которой этого писателя общеизвестен [19, 20].

К.А. Кумпан объясняет склонность Мережковского к этому жанру «спецификой психологического склада Мережковского, который всегда стремился выйти за пределы собственного “я”, за пределы только личных переживаний» [2. С. 29]: «Произведения эти традиционно объединялись им в специальный раздел “Поэмы и легенды”. Сюжетами включенных сюда текстов служили эпизоды из знаменитых произведений мировой литературы, их стихотворные переложения, а также псевдопереложения. Большинство из них – фрагменты и легенды о любви, причем о разных ее ипостасях. Это и фанатичная любовь к Христу (Богу) <...>. Это и легенда о жертвенной “необъятной любви” <...>. Это и <...> легенды о действенной и бескорыстной любви к простым людям <...>. Но наиболее интересными нам представляются произведения, посвященные разработке темы всепоглощающей и вечной земной страсти. Вдохновенный перевод из Данте (“Франческа Римини”) был отмечен <...> цензурой, которая изъяла из монолога Франчески терцины о земной любви героев, преобразившей “муки” ада “в рай”, которая не страшится угроз Творца и вызывает зависть у ангелов. Интересно, что их нет в оригинале: они принадлежат самому Мережковскому. Теме “роковой страсти”, которая оказалась сильнее любви к Христу, посвящен и помещенный в разделе “Эскизы” “отрывок” “Искуше-

---

¹ А третий тип сюжета с участием воительницы, когда женский персонаж, являющийся здесь заведомо сильнее мужского, самостоятельно и, в общем, односторонне принимает *брачное решение*, характерен, по нашему мнению, в первую очередь для сказки (см., в частности, «Царь-Девуцу» М. Цветаевой).

ние”. <...> Иначе говоря, уже в начале пути Мережковского волнует проблема несовместимости христианства и земной (“плотской”) любви, которая будет играть важную роль в формировании его религиозно-философской концепции» [2. С. 29–30].

Исследовательница касается тут крайне важных тем, причем принятый ею подход помогает ответить на главный вопрос, встающий в связи с «Легендой из Т. Тассо»: почему Мережковский избрал для изображения не второй, а первый поединок Танкреда и Клоринды. Второй их бой, заканчивающийся смертью Клоринды, проходит под знаком возвращения к христианской вере и будущего спасения души героини; счастливое воссоединение обещано героям лишь за гробом, в жизни вечной. Однако Мережковского, который, как справедливо пишет Кумпан, уже в этот период размышляет о «несовместимости» веры и земной любви, должен был не удовлетворять такой исход. Не случайно в стихотворении, фоном которого является война за Иерусалим, за возвращение Гроба Господня христианам (тема, о которой Тассо не склонен забывать даже в романных «интермедиях»), собственно о вере ничего не сказано. Невольная, возможно, реминисценция из пушкинского «...Рыцаря бедного» («Пред ним *трепецут* сарацины; / И поражая *мусульман*, / Мечом он *гонит* их дружины...») [1. С. 209] – ср.: «Между тем как паладины / Встречу *трепетным* врагам / По равнинам Палестины / Мчались, именуя дам, / *Lumen coelum, sancta Rosa!* / Воскликнул в восторге он, / И *гнала* его угроза / *Мусульман* со всех сторон»¹ [21. С. 114]) это лишь подчеркивает. Причина вражды Танкреда и Клоринды у Мережковского уходит на задний план.

Зато на первый план выдвигается идея Красоты: недаром, отказавшись от подробного описания поединка, от экскурса в прошлое, от признания Танкреда, Мережковский сохраняет несколько описаний Клоринды, а из словесных формул Тассо – маньеристское сравнение крови воительницы с «драгоценными рубинами». Учительный финал провозглашает победу «благой силы красоты» и «миротворящей любви», делая «акцент на преобразование и возрождение личности любовью» [2. С. 30] (обольщение красотой, по мысли раннего Мережковского, имеет божественную природу).

¹ Характерно, что Пушкин послал это стихотворение Дельвигу для напечатания в «Северных цветах» под названием «Легенда». Заодно отметим, что к Пушкину, точнее, к его «Евгению Онегину», по всей видимости, восходит прием пропуска текста в окончательной редакции («вместо словесных масс – динамический знак, указывающий на них; вместо определенного семантического веса – неопределенный, загадочный семантический иероглиф, под углом зрения которого следующие строфы и строки воспринимаются усложненными, обремененными семантически» [22. С. 60]). Интересно, что в следующей после отточия строфе меняется перспектива и нарратор обращается к Клоринде (что тоже отсылает к «свободной» манере «Онегина», где автор порой обращается к героям на «ты»; этот прием свойствен уже повествовательной структуре «Руслана и Людмилы», ориентированной как раз на поэмы Ариосто и Тассо). Этого не было в первых двух редакциях, где строго соблюдалось ведение речи от третьего лица.

Очевидно, что эти идеи представляют собой ростки будущих монументальных построений писателя. Как писал А.Г. Бойчук, «уже в ранней лирике Мережковского <...> берут начало те подчеркивающие разнообразие и эстетическую, познавательную, чувственно-эмоциональную и эротическую привлекательность витального дискурсивные стратегии, которые станут у писателя еще одной константой (трансформируясь, они сыграют позже существенную роль в формировании его концепций “язычества” и затем “святой плоти” <...>» [5. С. 794]. Ему вторит К.А. Кумпан: «Мережковский нуждался в вере. Однако вера в могущество Красоты, в возможность с ее помощью решить все экзистенциальные проблемы, преодолеть ужас жизни и ужас смерти, преобразить мир и человека оказалась недостаточной и требовала подкрепления. В начале века, по сути дела, продолжается поиск тех же ценностей, но уже внутри христианства. Все отрицательные, аскетические стороны этой религии были отнесены к “исторической” ее фазе, извратившей истинную веру отрицанием земли, плоти, мировой культуры и жизни и подменившей подлинный лик Христа, Бога любви и веселья, – ликом гнева, мщенья и аскезы. Новое религиозное сознание приходит к выработке новой утопической модели – Царства Третьего Завета, и новой церкви – Церкви Святого Духа, освящающей культуру, пол, любовь, общечеловечность, то есть реабилитирующей “святую плоть”...» [2. С. 90].

Причем эта реабилитация плоти, красоты и земной любви была тесно связана у Мережковского с хронотопом ренессансной Италии: здесь и «Итальянские новеллы» писателя, в том числе с говорящим названием «Любовь сильнее смерти» (ряд «новелл» на самом деле – по своей структуре – ими не являются, а некоторые смыкаются как раз с жанром легенды), и роман «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (вторая часть трилогии «Христос и Антихрист»). Таким образом, «Легенда из Т. Тассо» предвещает будущие идеи Мережковского еще и в этом отношении.

Отметим, что образ воительницы появится в творчестве Мережковского еще раз, но если Клоринда стоит у его начала, то в конце его окажется Жанна д'Арк. Ничто в книге «Жанна д'Арк» (1938), завершающей трилогию «Лица святых от Иисуса к нам», не напоминает о «Легенде из Т. Тассо». Это совершенные противоположности: стихи – и проза, фикциональность – и квазидокументальность, воспевание красоты и земной любви – и проповедь веры, восхищение девственностью, самопожертвованием и Огненным Крестом. И образы дев-воительниц в этих двух произведениях тоже предельно различны. Если Клоринда – прежде всего «суровая красавица», то Жанна – смиренная девочка-крестьянка, в образе которой подчеркнута андрогинность (то, чего в «Легенде из Т. Тассо» Мережковский, насколько возможно, избегает): «В Библосе, Пафосе, Амафонте, Эдессе и других “священных городах”, “иераполях”, языческой древности, так же как в Пью-Велейском святилище Девы Марии, бог-богиня, Сын-Мать, заключены в одном бэтиле, “Мужеженском”, *arsênotheryls*. <...> Царство Бо-

жие наступит тогда, когда два будут одно... Мужское будет, как женское, и не будет ни мужского, ни женского.

“Ты прекраснее сынов человеческих” (Пс. 45, 3). Чем же красота Его больше всех красот мира? Тем, что она ни мужская, ни женская, но “сочетание мужского и женского в прекраснейшую гармонию”. Он в Ней, Она – в Нем; вечная Женственность в Мужественности вечной: Два – Одно.

Вот почему и на знамени Жанны, Отрока-Девы, два имени – одно: Jhesus-Maria.

Святость Жанны – одно из лучезарнейших явлений той, идущей от Иисуса Неизвестного к нам, “прекраснейшей гармонии”, мужественно-женственной прелести, которая сияет на последней черте между двумя Царствами – Вторым, Сына, и Третьим, Духа» [23. С. 263]; «...шепотные велись под одним одеялом беседы молодых людей с Отроком-Девой» [Там же. С. 273]; «Когда в палату вошел или вошла неизвестно кто – мальчик или девочка, простоволосая, – дамы не знали куда девать глаза от стыда <...> многих мужчин то и пленяло невиданной прелестью в Жанне, что она была неизвестно кто – мальчик или девочка» [Там же. С. 275].

Если Клоринда – «неверных гордость и оплот» [1. С. 210], а по сути, дело совсем не в том, к какой вере она принадлежит (главное, что она является «врагом» героя и вступает с ним в поединок), то Жанна – посланница и «дочь» Божия; ей «должно пострадать» «так же, как Сыну Божию» [23. С. 295]. Это хриstopодобная фигура, неоднократно с Ним сравнивающаяся. Лицо Жанны «озарено нездешним светом» [Там же. С. 270], лицо Клоринды – только ее «дивной красотой». Если Клоринда – героиня постольку, поскольку она возлюбленная Танкреда, то Жанна – сама по себе. Ни в каком любовном сюжете она не участвует; Мережковский подчеркивает, что «сила Жанны – в чистоте» [Там же. С. 278] (изначально это, разумеется, мифологический мотив, но в истории Жанны д’Арк он обработан соответственно христианским идеям), и аллегорически связывает с ней легенду о Единороге, которого может укротить лишь девственница.

Клоринда воинственна по природе (особенно в первых редакциях; у Тассо она убивает и ранит многих героев-христиан), а Жанна – по необходимости. Более того, сама она никого не убивает и признает знамя «во сто крат <...> дороже меча» [Там же]: «В первый раз в жизни, увидев кровь на войне, ужасается, но не за себя, а за других» [Там же. С. 284]; «– Вы и сами убивали? – Нет, никогда! Я носила только знамя» [Там же. С. 302].

Обе героини участвуют в чуде «миротворящей любви», но Клоринда – лишь по инициативе Танкреда, тогда как Жанна жертвенно совершает «подвиг любви, мира и милости» [Там же. С. 283]. Ее цель – «царство Божие на земле, как на небе» [Там же. С. 283], т. е. идея, которой еще нет в «Легенде из Т. Тассо»: там имеет место индивидуальное чудо, свершающееся только для героев, а не вселенское, обещанное Жанной. Такой путь проходит образ воительницы у Мережковского, отражая его идейную эволюцию и формирование концепции Третьего Завета.

Литература

1. Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы. СПб. : Академический проект, 2000. 926 с.
2. Кумпан К.А. Д.С. Мережковский-поэт: (У истоков «нового религиозного сознания») // Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 5–114.
3. Мережковский Д.С. Собрание стихов. 1883–1903 г. М. : Скорпион, 1904. 182 с.
4. Мережковский Д.С. Собрание стихов. 1883–1910 г. СПб. : Просвещение, 1910. 253 с.
5. Бойчук А.Г. Дмитрий Мережковский // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). М., 2001. Кн. 1. С. 779–850.
6. Тассо Т. Освобожденный Иерусалим / пер. В.С. Лихачева. СПб. : Наука, 2007. 715 с.
7. Tasso T. La Gerusalemme liberata. Parigi: La Vedova Thiériot, 1845. (Collezione dei quattro primi poeti italiani. Т. 3). 648 p.
8. Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М. : Наука, 1968. 364 с.
9. Цветаева А. Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1983. 767 с.
10. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 3: Поэмы. Драматические произведения. М. : Эллис Лак, 1994. 816 с.
11. Цветаева М.И. Неизданное: Записные книжки : в 2 т. М. : Эллис Лак, 2000. Т. 1. 557 с.
12. Бройтман С.Н. Наследие М.М. Бахтина и историческая поэтика // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998. № 4. С. 14–38.
13. Горохова Р.М. «Напев Торкватовых октав»: (Об одной итальянской теме в русской поэзии первой половины XIX века) // Русская литература и зарубежное искусство: сб. исследований и материалов. Л., 1986. С. 82–123.
14. Батюшков К.Н. Полное собрание стихотворений. М. ; Л. : Сов. писатель, 1964. 354 с.
15. Андреев М.Л. Эпический опыт Тассо: рыцарский роман и героическая поэма // Андреев М.Л. Литература Италии: Темы и персонажи. М., 2008. С. 246–268.
16. Теория литературы : в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. М. : Академия, 2004. 512 с.
17. Multineddu S. Le fonti della *Gerusalemme liberata*: Ricerche e studi. Torino : Carlo Clausen, 1895. 218 p.
18. Фатеева Ю.Г. Жанр легенды в русской литературе рубежа XIX–XX веков : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 181 с.
19. Казеева Е.А. Жанр легенды в поэтическом творчестве Д.С. Мережковского: (На примере «Родриго (Испанской легенды)») // Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения. М., 2008. С. 342–345.
20. Казеева Е.А. Религиозно-назидательная легенда в поэтическом творчестве Д.С. Мережковского (на примере стихотворения «Пастырь Добрый») // Литература и культура в контексте христианства: Образы, символы, лики России. Ульяновск, 2008. Ч. 1. С. 78–82.
21. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 3: Стихотворения, 1827–1836. Л. : Наука, 1977. 495 с.
22. Тынянов Ю.Н. О композиции «Евгения Онегина» // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 52–77.
23. Мережковский Д.С. Жанна д'Арк // Мережковский Д.С. Лица святых от Иисуса к нам. М., 1997. С. 243–359.

“A LEGEND FROM TORQUATO TASSO” AND ITS VERSIONS: THE TALE OF TANCRED AND THE WOMAN WARRIOR CLORINDA IN DMITRY MERZHKOVSKY’S RETELLING

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 56. 203–225. DOI: 10.17223/19986645/56/11

Veronika B. Zuseva-Özkan, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com / zuseva_v@mail.ru

Keywords: Merezhkovsky, Tasso, woman warrior, Clorinda, Tancred, legend, epic poem, chivalric romance.

This article aims at comparing three versions of D. Merezhkovsky’s poem about the knight Tancred and the woman warrior Clorinda (1883) and its source text – the poem by Torquato Tasso “Jerusalem Delivered”. It is demonstrated that with each subsequent version Merezhkovsky departed further away from the primary source – he not only forgoes Tasso’s verbal formulas but also changes the sequence of events, i.e. the story’s meaning, which is evidenced by the didactic ending that draws a finish line in the tale of Tancred and Clorinda not where Tasso drew it. The characters’ characterization also changes so as to better correspond to the pacifistic pathos of the ending. In the case of Clorinda, the traditional “masculine” elements of the woman warrior image, which are rather important both in “Jerusalem Delivered” and in mythology, get smoothed out. It is shown that the woman warrior in Tasso is a *moritura* character (i.e. destined to death) – the only two heroines of the poem who perish are female warriors Clorinda and Gildippe. This is very much in accordance with the epic tradition where the relationship between such a heroine and a stronger male warrior does not get a happy ending: she either loses her self-identity and wondrous strength after being defeated and/or after surrendering to love or dies in combat. The elements of chivalric romance and legend in “Jerusalem Delivered” are analyzed, and it is concluded that they are overshadowed by the tradition of the epic poem whereas Merezhkovsky creates a legend proper. Already at this earliest stage of his artistic life, he was concerned with the problem of incompatibility of Christianity and earthly (“carnal”) love. Therefore, the miracle that occurs in the poem (an indispensable element of the genre of legend) gets associated with the transformation and renewal of the individual by love and beauty, which makes the characters renounce the contest of strength (i.e. single combat) and lay down their arms. The uniqueness of the artistic choice of Merezhkovsky whose inspiration was sparked by this first and not second, more famed, encounter of Tancred and Clorinda is emphasized by the fact that the episode of Clorinda’s death in combat (and her baptism) was repeatedly and almost exclusively represented in painting, music and poetry. But for Merezhkovsky the rehabilitation of flesh, beauty and earthly love was fundamentally important; it is also shown that in his work this rehabilitation is closely associated with the chronotope of Italian Renaissance (cf. his *Italian Novellas* and *The Romance of Leonardo da Vinci*). The conclusion is made that “A Legend from Torquato Tasso” has preempted many of Merezhkovsky’s later ideas, in particular, his religious-philosophical conception of “sacred flesh” and of the Third Testament. Finally, the heroine of the poem is compared to another woman warrior in Merezhkovsky’s work: if the beginning of his artistic life is marked by the image of Clorinda, there is Joan of Arc at its end (from the book *Joan of Arc* of 1938 completing the trilogy *Faces of Saints: from Jesus to Nowadays*). Their similarities and, mainly, differences, due to the different phases in the author’s ideological evolution, which however is represented as an integral spiritual path, are discussed.

References

1. Merezhkovskiy, D.S. (2000) *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
2. Kumpan, K.A. (2000) D.S. Merezhkovskiy-poet: (U istokov “novogo religioznogo soznaniya”) [D.S. Merezhkovsky the poet: (At the origins of the “new religious consciousness”)]. In: Merezhkovskiy, D.S. *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.

3. Merezhkovskiy, D.S. (1904) *Sobranie stikhov. 1883–1903 g.* [Collection of poems. 1883–1903]. Moscow: Skorpion.
4. Merezhkovskiy, D.S. (1910) *Sobranie stikhov. 1883–1910 g.* [Collection of poems. 1883–1910]. St. Petersburg: Prosveshchenie.
5. Boychuk, A.G. (2001) Dmitriy Merezhkovskiy. In: Keldysh, V.A. (ed.) *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov)* [Russian Literature at the Turn of the Century (1890s – early 1920s)]. Book 1. Moscow: Nasledie, IWL RAS.
6. Tasso, T. (2007) *Osvobozhdeniyy Ierusalim* [Jerusalem Delivered]. Translated from Italian by V.S. Likhachev. St. Petersburg: Nauka.
7. Tasso, T. (1845) *La Gerusalemme liberata* [Jerusalem Delivered]. Paris: La Vedova Thiériot, (Collezione dei quattro primi poeti italiani. Vol. 3).
8. Meletinskiy, E.M. (1968) “*Edda*” i rannie formy eposa [The Edda and the early forms of the epic]. Moscow: Nauka.
9. Tsvetaeva, A. (1983) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Sovetskiy pisatel’.
10. Tsvetaeva, M. (1994) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.]. Vol. 3. Moscow: Ellis Lak.
11. Tsvetaeva, M.I. (2000) *Neizdannoe: Zapisnye knizhki: v 2 t.* [The Unpublished: Notebooks: in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow: Ellis Lak.
12. Broytman, S.N. (1998) Nasledie M.M. Bakhtina i istoricheskaya poetika [M.M. Bakhtin’s legacy and historical poetics]. *Dialog. Karnaval. Khronotop.* 4. pp. 14–38.
13. Gorokhova, R.M. (1986) “Napev Torkvatovykh oktav”: (Ob odnoy ital’yanskoy teme v russkoy poezii pervoy poloviny XIX veka) [“The Chant of Torquato’s octaves”: (On one Italian theme in Russian poetry of the first half of the 19th century)]. In: Alekseev, M.P. & Danilevskiy, R.Yu. (eds) *Russkaya literatura i zarubezhnoe iskusstvo: sb. issledovaniy i materialov* [Russian literature and foreign art: Research and materials]. Leningrad: Nauka.
14. Batyushkov, K.N. (1964) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. Moscow; Leningrad: Sov. pisatel’.
15. Andreev, M.L. (2008) *Literatura Italii: Temy i personazhi* [Literature of Italy: Themes and Characters]. Moscow: RSUH. pp. 246–268.
16. Tamarchenko, N.D., Tyupa, V.I. & Broytman, S.N. (2004) *Teoriya literatury: v 2 t.* [Theory of Literature: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Akademiya.
17. Multineddu, S. (1895) *Le fonti della Gerusalemme liberata: Ricerche e studi* [The sources of Jerusalem Delivered: research and studies]. Torino: Carlo Clausen.
18. Fateeva, Yu.G. (2006) *Zhanr legendy v russkoy literature rubezha XIX–XX vekov* [The genre of the legend in the Russian literature of the turn of the 20th century]. Philology Cand. Dis. Volgograd.
19. Kazeeva, E.A. (2008) [The genre of legend in the poetic works of D.S. Merezhkovsky: (On the example of “Rodrigo (A Spanish Legend)”). *Russkaya literatura XX–XXI vekov: problemy teorii i metodologii izucheniya* [Russian literature of the 20th–21st centuries: problems of the theory and methodology of study]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Maks-Press. pp. 342–345. (In Russian).
20. Kazeeva, E.A. (2008) [Religious and instructive legend in the poetic works of D.S. Merezhkovsky (on the example of the poem “The Good Shepherd”). *Literatura i kul’tura v kontekste khristianstva: Obrazy, simvoly, liki Rossii* [Literature and culture in the context of Christianity: Images, symbols, faces of Russia]. Proceedings of the International Conference. Pt. 1. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University. pp. 78–82. (In Russian).
21. Pushkin, A.S. (1977) *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Complete Works: in 10 vols.]. Vol. 3. Leningrad: Nauka.
22. Tynyanov, Yu.N. (1977) *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. Literary History. Cinema]. Moscow: Nauka. pp. 52–77.
23. Merezhkovskiy, D.S. (1997) *Litsa svyatykh ot Iisusa k nam* [Faces of Saints: from Jesus to Nowadays]. Moscow: Respublika. pp. 243–359.

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/56/12

О.А. Коростелев, Е.В. Кузнецова

ИВАН БУНИН И ГЕОРГИЙ ИВАНОВ: СПОР О ПОЭЗИИ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ¹

На основании новых архивных материалов выявляются разногласия И.А. Бунина и Г.В. Иванова во взглядах на современную поэзию и ее основные художественные принципы. Предметом исследования являются маргиналии Бунина на сборнике Г.В. Иванова «Розы» 1931 г. и подборке его стихов в альманахе «Орион» 1947 г. Анализ помет свидетельствует, что Бунин не принимает две основополагающие тенденции в зрелом творчестве Иванова: обращение к поэтике «неоклассицизма» и проявление рефлексов символизма.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Г.В. Иванов, символизм, неоклассицизм, русское зарубежье.

Георгий Иванов и Иван Бунин заслуженно получили в свое время титулы первого поэта и первого прозаика русской эмиграции. Их личные взаимоотношения и творческие связи уже становились предметом исследования [1–3], но ряд новых архивных источников позволяет глубже понять причины основных разногласий двух мэтров, касающихся оценок поэтического творчества друг друга и взглядов на поэзию в целом. В центре внимания нашей статьи – анализ помет Бунина на сборнике Иванова «Розы» (1931) и на подборке его стихов в альманахе «Орион» (1947), но сначала все же обозначим общую биографическую канву и точки пересечений судеб двух великих русских писателей.

Иванов и Бунин познакомились в 1926 г. в Париже на юбилее Бориса Зайцева. Эту встречу подробно описала супруга Иванова, поэтесса и романистка Ирина Одоевцева, в своих мемуарах «На берегах Сены». Позже они нередко встречались в литературных кругах, переписывались. Однажды Иванов с Одоевцевой навестили Буниных в Грассе, в другой раз, в мае 1939 г., Бунин посетил Ивановых в Биаррице.

Но творчеством друг друга два писателя интересовались давно, и до личной встречи. Иванов неизменно ценил в Бунине большого прозаика, но совершенно не признавал его стихи. Поэт не оставил о лирике старшего собрата критических статей, где было бы четко изложено то, что конкретно претило Иванову помимо того, что Бунин до эмиграции принадлежал к чуждой группе писателей, а в среде членов Цеха поэтов с легкой руки синдика Николая Гумилева не принято было ценить стихи Бунина. Сохрани-

---

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01410 «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология»).

лась всего лишь одна ироничная заметка Иванова, посвященная собрату по перу, под заглавием «Чья бы корова трещала», которая была опубликована за подписью «Любитель прекрасного» в цикле под общим названием «Букет любителя прекрасного на грудь зарубежной словесности» в журнале «Числа» в 1930 г.: «Настаиваем, что именно так надо выражаться, если не желаете заслуживать справедливого обвинения в покушении на русский язык и в подрывии священных устоев. Правда, прежде было принято думать, будто бы коровы мычат, но ныне вполне выяснилось, что это просто пошлая выдумка коверкающих родную речь инородцев и лиц податного сословия. Сомневающимся отсылаем к собранию стихов почетного академика и потомственного дворянина И.А. Бунина, где ясно сказано:

В кустарнике трещат коровы
И синие подснежники цветут» [4. С. 315].

Конечно, заметка нарочито провокационна, но определенное негативное отношение к бунинской лирике она выражает. Бунина слова Иванова задели, особенно пассаж о «почетном академике». Свое поэтическое творчество он ценил даже выше, чем прозаическое, и хотел, чтобы в нем видели, прежде всего большого поэта. В письме к Георгию Адамовичу от 15 октября 1930 г. он выражает свое недовольство, намекая на остряка-Иванова (авторство заметки не было большим секретом): «Как не стыдно Оцупу за Яновского, за Талина и за того остряка, что Кульмана называет Пульманом, а меня язвит потомственным дворянством, как в блаженные времена Редьки и Коробки из “Русского богатства”! А еще европейцы!» [5. С. 20].

Но буквально через полгода после публикации заметки «Чья бы корова трещала» и письма Бунина Адамовичу, который наверняка сообщил Иванову реакцию «почетного академика и потомственного дворянина» на его выпад, в марте 1931 г. молодой поэт присылает Бунину свой новый сборник стихотворений «Розы» с дарственной надписью и сопроводительным письмом [6. С. 167–181]. В.Н. Бунина 8 марта 1931 г. записала в дневнике: «Георгий Иванов прислал свои “Розы”, два экземпляра. Кажется, Гиппиус с Мережковским преувеличивают в нем поэта. Все у него перепевы. Да и нельзя не переоценивать круговой поруки. Он ее, она – его. Он приводит их мысли, – значит, большой поэт! Груб Осоргин, но во многом прав, – кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку, но, вероятно, это было испокон веку и будет до конца его, таково человеческое сердце, и напрасно все сваливают на эмиграцию. Что было с Андреевым, Горьким... Арцыбашевым. Что писали о них критики их, но никто не устоял перед лицом времени, а потому, пожалуй, пусть хвалят. Хуже, когда ругают, так как портится печень у писателя, поэта физически, и возникает злоба душевно» [7]. Как мы видим, Вера Николаевна не слишком одобрительно отзывалась о стихах Иванова, упрекает его в самоповторении и считает неискренними расточаемые ему похвалы. Вероятно, сходным образом думал и сам Бунин. Но «Розы» Иванова были внимательно им прочитаны и

на полях некоторых стихотворений оставлены весьма примечательные комментарии.

Экземпляр сборника Г.В. Иванова сохранился в библиотеке И.А. Бунина и ныне находится в Русском архиве в Лидсе (Великобритания) вместе с другими книгами и журналами, на которых И.А. Бунин оставил свои маргиналии. В каталоге бунинских материалов сборник Г.В. Иванова значится как отдельная единица хранения (MS1066/10554) с аннотацией: «Ivanov G V (1931) (copy of *Rozy* in Paris: Rodnik edition, with dedicatory inscription from G V Ivanov to I A and V N Bunin)» [8. P. 209]. Пометы на полях книги сделаны карандашом, характерным бунинским почерком, довольно четко, они присутствуют на 20 из 56 страниц книги.

Второе интересующее нас издание – альманах «Орион» (Париж, 1947), в котором была опубликована большая подборка Г.В. Иванова под названием «Десять стихотворений» (С. 13–17). В парижском архиве И.В. Бунина сохранилось два экземпляра альманаха, в каталоге они значатся как две единицы хранения (MS 1066/10265–10266) с аннотацией: «Orion (1947 and n d) (2 copies of Paris: Amoug collection, containing story 'Tri rublia')» [8. P. 192]. На обоих экземплярах есть пометы, на первом сделанные карандашом (на 4 страницах из 5, занятых подборкой Г.В. Иванова), на втором синими чернилами (на всех пяти).

Тема маргиналий И.А. Бунина на публикациях коллег по литературному цеху уже привлекла внимание исследователей, ей посвящены доклады на конференциях [9] и специальные статьи [10]. Настоящая работа продолжает (но отнюдь не исчерпывает) эту большую и сложную тему.

При первом взгляде на комментарии И.А. Бунина к экземпляру сборника «Розы» можно предположить, что знаменитый писатель все еще был уязвлен ироничной заметкой Г.В. Иванова, но внимательный анализ маргиналий показывает, что дело не только в поэтическом соперничестве и личных обидах. Из помет Бунина становится ясно, что именно принципиально не принимал писатель в творчестве своего младшего современника. Остановимся на самых интересных комментариях.

К стихотворению «Синий вечер, тихий ветер...» писатель ставит два знака вопроса, напротив первого и последнего четверостиший, и еще подчеркивает слово «край»:

Синий вечер, тихий ветер
И (целуя руки эти)
В небе розовом до края, –
Догорая, умирая... <...>

В небе розовом до края,
Тихо кануть в сумрак томный,
Ничего, как жизнь не зная,
Ничего, как смерть не помня [11. С. 9].

Но, видимо, вопросительные знаки следует отнести ко всему тексту, а не к отдельным его частям. Что же удивляет Бунина, помимо слишком буквально им понятого «края неба»? Возможно, это принципиальная противоречивость данного произведения, построенного на примирении противоположных начал: «рано», «поздно», «жизнь», «смерть», «горение», «умирание». Хотя в его собственном позднем творчестве исследователи отмечают схожие мировоззренческие и художественные устремления: «...сосредоточенность на таком качестве бытия, как полярность. Его интересуют крайние точки... <...> Жизнь и смерть. Счастье и страдание. Прошлое и настоящее» [12. С. 7]. Т.М. Двинятина пишет по поводу художественного принципа зрелой бунинской лирики, что «стилистической параллелью метонимическому принципу описания является конструкция «и – и (– и)», которая уводит от единичного определения в сторону множественного и, в конце концов, полярного. Соответственно, хронотоп бунинской лирики основан не на отдельности, линейности и переходе от одного состоянию к другому, а на натяжении между самыми разными, часто противоположными началами...» [13. С. 9]. Тем не менее эта общая для философской лирики XX в. смысловая «полярность» не узнается им в стихах Иванова.

В стихотворении «Не было измены. Только тишина...» Бунина удивляют следующие строки, которые он отмечает восклицательным знаком и подчеркиванием: «И шумело только о любви моей / Голубое море, словно соловей» [11. С. 11]. Вероятно, сравнение гула моря с песней соловья показалось ему странной поэтической вольностью. И с точки зрения классического канона это действительно вольность, неоправданное, немотивированное сопоставление. Но с другой стороны, поэт имеет право на подобные приемы, разрушающие привычное читательское ожидание.

В стихотворении «Как в Грецию Байрон, о, без сожаленья...» выделен ряд выражений, которые мы обозначили подчеркиванием, и на полях возле этих строк стоят знаки вопроса:

Как в Грецию Байрон, о, без сожаленья,
Сквозь звезды, и розы, и тьму,
На голос бессмысленно-сладкого пенья...
– И ты не поможешь ему.

Сквозь звезды, которые снятся влюбленным,
И небо, где нет ничего,
В холодную полночь – платком надушенным...
– И ты не удержишь его [Там же. С. 19].

Ко всему тексту идет следующий комментарий: «Глупо, безграмотно, косноязычно» [Там же]. Очевидно, «безграмотным и косноязычным» Бунин считает сам принцип построения данного произведения, основанный на сознательном пропуске логических звеньев и неназывании субъектов действия и переживания. Лирический герой стихотворения сливается с

Байроном, поэтому уже неважно, кто конкретно ни о чем не сожалеет, кто мчится «сквозь звезды», в переносном, разумеется, смысле – сквозь время и пространство. Не существенно и то, кому принадлежит «платок надушенный». Эта художественная деталь призвана показать слияние единичного, конкретного события и вечно повторяющейся, единой ситуации побега, изгнания. Но принцип монтажа отрывочных, словно выхваченных из потока бытия фраз, сцен и картин, который осваивает Иванов, оказывается чужд Бунину.

Стихотворение «Это только синий ладан...» также вызывает недоумение писателя и снабжается характеристикой: «Совершенно идиотский набор слов – как всюду» [11. С. 20]. В связи с важностью этого произведения для понимания поэтических принципов Иванова приведем его полностью:

Это только синий ладан,
Это только сон во сне,
 Звезды над пустынным садом,
 Розы на твоём окне.

Это то, что в мире этом
 Называется весной,
 Тишиной, прохладным светом
 Над прохладной глубиной.

Взмахи черных весел шире,
 Чище сумрак голубой...

Это то, что в этом мире
 Называется судьбой.

То, что ничего не значит
 И не знает ни о чем –
 Только теплым морем плачет,
 Только парусом маячит
 Над обветренным плечом [Там же].

Центральным понятием, вокруг которого разворачивается весь текст, является лексема «судьба», звучащая только в третьем четверостишии, к которому мы еще обратимся. В первых строфах и в заключительной оно заменяется местоимением «то» и определяется посредством цепочки придаточных предложений, включающей и определения от противоположного («не значит», «не знает») и визуально-чувственные образы («теплым морем плачет», «парусом маячит над обветренным плечом»). Кажущаяся произвольность в отборе картин и сравнений нужна Иванову для расширения внутреннего пространства текста, который можно удлинять бесконечно, нанизывая подобные перечисления, но они все равно не исчерпают того сложного явления, о котором размышляет поэт, – судьбы человека и мира.

Иванов сталкивает предельно малые и конкретные образы (чье-то загорелое плечо) с предельно масштабными понятиями (мир, судьба). Современная исследовательница Н.Г. Полтавцева считает основным принципом поэтики акмеизма «принцип собирательства, концентрации, сосредоточения вокруг субъекта его мира, его личного космоса. Это – принцип ассоциативных метонимических связей, сцеплений, крючков, которыми как бы соединяются разрывы мировой ткани» [14. С. 48]. На наш взгляд, стихотворение «Это только синий ладан...» является наглядной иллюстрацией обозначенного Н.Г. Полтавцевой способа построения поэтического текста. Но именно этот акмеистический по своему происхождению принцип столкновения разновеликих величин из полярных областей или «ассоциативных метонимических связей» вызвал, вероятно, неприятие Бунина и показался ему «идиотской» игрой со словами.

Стихотворение «В сумраке счастья неверного...» тоже помечено и вопросительными и восклицательными знаками, а под текстом стоит лаконичная характеристика автора всего сборника «Розы»: «Шарлатан» [11. С. 22]. Через страницу под стихотворением «В комнате твоей...» идет комментарий: «И все одна и та же жалкая нотка. И все – тишина, весна, звезда, лед» [Там же. С. 24]. Безусловно, весь сборник «Розы» несколько «однострунен», интонационно монотонен и выстроен на основании определенного набора слов, которые, как наконечники копий, держат на себе всю словесную ткань. Но это был сознательный художественный подход, результат строгого отбора стихотворений, создававшихся не один год, обеспечивший читателям ощущение целостности всей книги. О повторах ключевых лексем мы еще скажем подробнее. Пока же отметим, что перечисленные Буниным повторяющиеся поэтизмы Л.Я. Гинзбург определила в своей монографии «О лирике» как «слова-острия» [15. С. 252–253] и убедительно продемонстрировала, как они работают на создание лирической суггестивности. Александр Блок был одним из первых поэтов-модернистов, кто начал процесс выработки символов «из давно привычных поэтических образов, таких как лазурь, звезда, заря, сумрак, туман, ветер, метель. Эти слова принадлежали необъятно большому и потому безличному единству романтического стиля. Блок очень рано превратил их в постоянно действующие элементы контекста, в высшей степени индивидуального, выражающего одну (разумеется, обобщенную) лирическую личность, одну судьбу» [Там же. С. 252]. И в этом плане Георгий Иванов в равной мере является учеником Блока, как и учеником Гумилева.

Причина негативного восприятия Буниным поэзии Иванова была в диаметрально противоположных эстетических ориентирах, которым следовали писатели, в разном понимании особенностей и качеств поэтического слова. Как пишет М.К. Лопачева: «И.А. Бунин громогласно и неизменно отрицал все то, на чем возрос Г.В. Иванов как поэт: символизм, акмеизм, литературная атмосфера предреволюционного Петербурга. Иванов же, высоко ценя прозу Бунина, категорически не принимал его поэзии» [1. С. 146]. То, что Бунин не приемлет, составляет самую суть творческого

метода Иванова, который, несмотря на всю разность двух оригинальных художников, близок подходу поэта и критика Адамовича, выраженному в следующих словах: «Какие должны быть стихи? Чтобы, как аэроплан, тянулись, тянулись по земле, и вдруг взлетали ... если и не ысоко, то со всей тяжестью груза. Чтобы все было понятно, и только в щели смысла врывается пронизывающий трансцендентальный ветерок. Чтобы каждое слово значило то, что значит, а все вместе слегка двоилось. Чтобы входило, как игла, и не видно было раны. Чтобы нечего было добавить, некуда было уйти, чтобы “ах!”, чтобы “зачем ты меня оставил?”, и вообще, чтобы человек как будто пил горький, черный, ледяной напиток, “последний ключ”, от которого он уже не оторвется» [16. С. 9]. По свидетельству Игоря Чиннова, «Адамовичу хотелось, чтобы поэзия стремилась вверх, как готический шпиль, истончилась бы до высокого *сияющего острия* – чтобы свершилось мировое чудо, а затем пусть, как молния, поэзия исчезнет. Стихов, в которых это стремление стать *острием, вонзающимся в небо*, ослаблено орнаментом, он не признавал. “Лучше останемся без стихов” (курсив наш. – О.К., Е.К.)» [17. С. 147].

Возможно, размышления Адамовича о том, что поэзия должна не навевать (настроение, ощущение и т. д.), а пронзать, порождены в некотором роде стихотворением Иванова из этого же сборника «Розы» «От синих звезд, которым дела нет...», в котором поэтический огонь, загорающийся в сердце поэта, сравнивается с рапирой:

И надо всем мне в мире дорогим
Он холодно скользит к границе мира,
Чтобы скреститься там с лучом другим,
Как золотая *тонкая рапира* [18. С. 292].

Но еще за три года до выхода «Роз» Зинаида Гиппиус писала Адамовичу: «Есть два рода стихов; два разных рода. С одним из них дело не в “нравлении”, а в “пронзении” <...> Я не знаю, как бы еще пояснить это “пронзение”, – заметьте, я претендую, что это свойство “самих стихов” <...> ваши стихи принадлежат именно к этому роду “пронзения”» [19. С. 373]. Поэтому, может быть, Адамович и ранее сформулировал свои представления о подлинной поэзии, а позже нашел их художественное воплощение в творчестве Иванова. Именно после поразивших его «Роз» он объявляет его первым поэтом эмиграции. Чтобы сквозь обыденные слова веял «трансцендентальный ветерок», чтобы слово «двоилось» и мерцало между своим предметным и символическим, условным значением, стихи должны быть лишены одномерной конкретности, визуальной изобразительности. Слово должно как бы оторваться от своего предметного значения, но не утратить его совсем.

Зрелая поэзия Иванова и Адамовича, переосмыслившая и переросшая акмеизм, тяготела к двум полюсам: символизму и неоклассицизму (при всей условности последнего термина применительно к творчеству Н. Гу-

милева, Г. Иванова, Г. Адамовича и др.)¹. От символизма шло стремление видеть за каждым единичным фактом бытия «единое событие», самое главное, часто невыразимое, предчувствуемое, о котором так точно сказал Ю.М. Лотман: «...любой поэтический сюжет претендует быть не повествованием об одном каком-либо событии, рядовом в числе многих, а рассказом о Событии – главном и единственном, о сущности лирического мира» [24. С. 103–104]. Иванов, как и Адамович, стремился всю свою поэзию и каждое стихотворение в отдельности превратить именно в рассказ о «Главном и единственном Событии», безжалостно отбрасывая все, что к этому событию прямо не относилось. Адамович, гораздо больше, нежели Иванов, теоретически осмыслявший данные процессы, писал: «А отчасти это и наследие русского символизма, в том, что не было им досказано. Отцы, может быть, и отреклись бы от детей, но дети свою родословную знают, и в ней их не собьешь» [25. С. 79].

На этом пути поэтам XX в. пригодились принципы классической поэзии, выработанные еще школой «гармонической точности», как ее назвала Л.Я. Гинзбург в монографии «О лирике», русской поэзией 1800–1810-х гг. В рамках данного направления был выработан условно-поэтический язык, состоящий из определенного набора лексем, с кодифицированными, общепринятыми значениями, притом что и своего прямого точного словарного значения данные слова не теряли. Речь идет о таких поэтизмах, как «розы», «слезы», «цепи», «кинжал», «лира», «венки», «соловей» и т. д. Исследовательница называет их, вслед за В.А. Гофманом, «словами-сигналами», а также «словами-формулами» или «поэтической фразеологией» [15. С. 27–28]: «В русской лирике первой четверти XIX века любой опыт, пришедший из действительности, тяготел к идеальному обобщению. Оно заглушало в слове его предметное содержание, так что конкретные по своей словарной природе слова (все те же *кинжалы*, *цепи* или *розы*, *слезы*, *звезды*, *урны* и проч.) по стилистической своей функции уподоблялись абстрактным» [Там же. С. 39]. В. Крейд находит, что «периоду “неоклассицизма” в творчестве Мандельштама, Ахматовой и Георгия Иванова соответствует большее, чем до того, количество условно-поэтических эпитетов, лексически близких пушкинскому словарю» [26. С. 111].

Даже определение «гармоническая точность», а под этим понимается «точность лексическая, требование абсолютной стилистической уместности каждого слова» [15. С. 29], коррелирует с основным поэтическим призывом Адамовича: тщательно выверять и взвешивать каждое слово. Общим оказывается и требование ясности смысла и логики поэтического высказывания, незамутненности метафор, сохранения первичного значения слова, которое бы просвечивало сквозь переносное. Заново открыв для себя классическую поэзию, Адамович убедился в здравости ее основных эс-

---

¹ О символизме и классицизме в поэзии Г.В. Адамовича смотри подробнее в работах О.А. Коростелева [20. С. 5–64], В.М. Жирмунского [21. С. 339–340], Н.А. Оцуца [22. С. 45–47], К.В. Мочульского [23. С. 368–379] и др.

тетических предпосылок. С особой категоричностью он заявлял даже, что «все запомнившиеся людям, удержавшиеся в их памяти стихи, так наз. классические, бесспорно прекрасные, все могут быть пересказаны, переведены на другой язык, изложены прозаически, не превращаясь в бессмыслицу, т. е. имеют ясно выраженный смысловой стержень, содержание. Нет никаких оснований думать, что закон, действительный для двух тысячелетий, вдруг в последние годы потерял значение» [27. С. 2].

Зрелое и позднее творчество Иванова во многом движется тем же путем. Чтобы создать поэзию о вечном, надо было отчасти пожертвовать сиюминутным, чувственной полнотой единичного мгновения, но при этом не потеряться в абстракциях. В эмиграции поэт все усерднее ищет этого синтеза преходящего и вечного. В «Розах» можно найти как отсвет символизма, так и лексемы, отмеченные традицией русской лирики начала XIX в., начиная с заглавия всего сборника. Первое же стихотворение, представляющее собой своеобразный манифест, является пересмыслением классического дискурса («розы», «звезды», «счастье зажжено») и символистского («музыка», «отраженье», «колдовство», «мировое торжество»). Новаторство же Иванова заключается как в синтезе того и другого, так и в простой, откровенной, исповедальной интонации:

Над *закатами и розами* –
Остальное все равно –
Над торжественными *звездами*
Наше счастье зажжено. <...>

Все другое – только *музыка*,
Отраженье, колдовство –
Или синее, холодное,
Бесконечное, бесплодное
Мировое торжество [18. С. 255].

В стихотворении «Не было измены, только тишина...» возникают в новом свете столь знакомые «вечная любовь», «вечная весна», «соловей», которые подчеркивает карандаш Бунина [11. С. 11], реагирующего на некоторую, но только кажущуюся, стертость этих поэтизмов. По словам В. Крейда, в прекрасном лирическом мире «Роз» «нас не покидает мысль о смерти, но все-таки в этом мире проносится широкое упоительное веяние – как отсвет неземного сияния или как отзвук эоловой арфы» [2. С. 262]. Действительно, в сборнике Иванова звучат легкие мотивы и интонации В.А. Жуковского («Прислушайся к дальнему пенью / Эоловой арфы нежней...»), А.С. Пушкина («В тринадцатом году, еще не понимая...»), М.Ю. Лермонтова («Грустно, друг. Все слаще, все нежнее...»), А.А. Блока («Теплый ветер веет с юга...»). Но они насыщаются неповторимой ивановской интонацией трагического смирения перед судьбой, «сладкой печали», как точно определил это настроение В.В. Вейдле [Там же. С. 256], цитируя самого Иванова, а именно строки из его стихотворения, посвященного

встрече с Блоком: «Письмо в конверте с красной прокладкой // Меня пронзило *печалью сладкой...*» [18. С. 181].

Бунин же, так ценивший в литературном тексте полнокровность и красочность мира, то самое «повышенное чувство жизни» (О.В. Сливичкая), пожертвовать этим ради отражения вечного не мог. Его поэзия – это в первую очередь пейзажная лирика или произведения, повествующие о ярком, экзотическом мире и культуре далеких стран. В изображении картин природы или, иными словами, в области «чистой живописи» Бунин-поэт достигает признания современников и «конечных точек совершенства <...> которые доступны стихии слова», как писал в рецензии на сборник «Стихотворения» (1903–1906 гг.) М.А. Волошин [28. С. 3]. Однако при этом Бунин оказался в стороне «от общего движения в области русского стиха» [28. С. 3], вне урбанистики В.Я. Брюсова, вне мистики ранних А.А. Блока и А. Белого, вне религиозно-философской лирики З.Н. Гиппиус и т. д. Свою оторванность от «общего движения» писатель, видимо, ощущал, но изменять своим установкам не хотел. Из описания цветка в стихотворении «Розы» (1903–1904 гг.) становится понятно, что лирика Бунина сделана действительно мастерски, но она другая, нежели творения модернистов, более традиционная, изысканная и орнаментальная по стилю, реалистичная по мировосприятию:

Блистая, облака лепились
В *лазури пламенного дня*.
Две розы под окном раскрылись –
Две чаши, полные огня.

В окно, в *прохладный сумрак* дома,
Глядел зеленый *знойный сад*,
И сена душная истома
Струила *сладкий аромат*.

<...>

И день сиял, и млели розы,
Головки томные клоня,
И улыбалися сквозь слезы
Очами, полными огня [29. Т. 1. С. 279].

Бунинскую поэзию считают неразрывно связанной с классической традицией русской поэзии XIX в., использующей ее язык, тропы и приемы. В приведенном отрывке мы встречаем такие устойчивые словосочетания, как «лазурь дня», «прохладный сумрак», «знойный сад», «сладкий аромат», «томные головки», «очи, полные огня». По мнению Н.А. Кожевниковой, Бунин «...не только не избегает этих традиционных поэтических формул, но даже как бы настаивает на них» [30. С. 685]. Возникает вопрос, почему в творчестве Иванова легкая, но осязаемая ориентация на классику вызвала у него непри-

тие? Скорее всего, дело в том, что в его собственной лирике традиционные поэтизмы всегда предстают в связке с соответствующими эпитетами и глаголами, в составе почти фразеологических словосочетаний, например: «алмазы слез», «алмазы звезд», «лазурь дня (неба)», «крылья души», «крылья мечты», «очи, полные огня» и т. д. В творчестве Иванова условно-поэтические «звезда», «мечта», «небо», «розы» и т. д. как бы освобождаются от привычного словесного окружения и предстают нагими. Это делается ради достижения стилистической простоты и «добровольной бедности» [2. С. 256]. По сравнению с лирикой Бунина поэзия Иванова кажется скупой, лишенной художественной избыточности, словесной отделки. По мнению В. Крейда, в ней «отсутствуют декорации, риторика, орнамент, метафоричность» [Там же. С. 258]. «Розы», «звезды», «закаты» и «соловьи» Иванова – это скорее символы, нежели цветы, светила, природные явления или птицы. Хотя нельзя утверждать, что эти «слова-сигналы» (Л.Я. Гинзбург) порывают со своим предметным значением, но они все же тяготеют к абстрактности. Поэт словно выделяет чистый однородный экстракт из того богатого и многоцветного поэтического языка, на котором пишет его старший современник.

Следует отметить, что и в 1920–1930-е гг. Бунин создает стихи по тому же стилистическому канону, что и на рубеже 1900-х гг., хотя тематика и настроение их, безусловно, меняются. Вот, например, стихотворение «Печаль ресниц, сияющих и черных...» 1922 г., написанное тем же традиционным поэтическим языком, обороты которого выделены курсивом:

Печаль ресниц, сияющих и черных,
Алмазы слез, обильных, непокорных,
 И вновь *огонь небесных глаз*,
 Счастливых, радостных, смиренных, –
 Все помню я... Но нет уж в мире нас,
 Когда-то юных и блаженных! [29. Т. 2. С. 191].

Стилистически Бунина в сборнике Иванова чаще всего неприятно поражают либо строки, построенные на применении узнаваемых, традиционных, но при этом «оголенных» поэтизмов, либо строки ощутимо символистские. Например, он подчеркивает и отмечает знаком вопроса двустигшие из уже цитированного нами стихотворения «Это только синий ладан...»:

Взмахи черных весел шире,
 Чище сумрак голубой... [11. С. 20].

Можно выдвигать самые разные предположения, что имеется в виду под «взмахами черных весел»: знаки неминуемой судьбы, волны поэтического вдохновения, сравнение человеческой жизни с лодкой, оставляющей лишь недолгую рябь на воде? В эти ощутимо блоковские по стилистике, ритмике и интонации строки заложена принципиальная многозначность, которая не противоречит основному принципу ясности ивановской поэзии. Безусловно, это не символистская туманность, потому что у Иванова более

высок удельный вес каждого слова. Но Бунин неустанно подчеркивает такие многозначные и абстрактные фразы и словосочетания. Такой принцип говорения о вечном был для него сравним с жонглированием словами, и он хлестко награждает собрата по перу клеймом «шарлатан». Именно с подобными рефлексам символизма Бунин, по мнению В.Ф. Ходасевича, всю жизнь боролся и в собственной поэзии, подвергая строгим ограничениям свою музу, лишая ее в том числе «фермента лиризма» [31. С. 4]. Заметим, что и словосочетание «синий ладан» является поэтической формулой русского модернизма и присутствует в лирических произведениях С.М. Соловьева «Древней роще» (1906), М.А. Волошина «Стигматы» (1907), А.А. Ахматовой «А Смоленская нынче именинница...» (1921) и некоторых других поэтов.

В стихотворении «Перед тем, как умереть...» писатель пометил знаками вопроса второе и третье четверостишия, много говорящие об эстетических установках зрелого творчества Иванова:

<...> Звезды разбивают лед,
Призраки встают со дна –
Слишком быстро настает
Слишком нежная весна.

И касаясь торжества,
Превращаясь в торжество,
Рассыпаются слова
И не значат ничего [11. С. 13].

Для Бунина это противоречивое поэтическое высказывание («торжество» – «ничего») сродни абракадабре. Он, ценящий изобразительность слова, способного вдыхать жизнь даже в утраченную, уже несуществующую реальность, видимо, не мог согласиться с тем, что слова в поэзии могут означать и все, и ничего конкретного. Для Иванова же это – кажущееся противоречие между семантически полноценным словом, к которому он всегда стремился, и его недостаточностью для выражения последних истин. Именно такой подход позволял за конкретным поэтическим высказыванием видеть «главное и единственное событие», чувствовать «трансцендентальный ветерок». Эти же строки можно понять и как художественно выраженное Ивановым представление о невыразимости самого главного, о котором много размышляли поэты его круга. Иными словами эту мысль сформулировал Адамович: «Ясности нашей есть предел. Но дойдя до этого предела, надо речь оборвать, надо иметь мужество умолкнуть. Сказав все, что было в его силах, поэт должен отказаться от соблазняющей его лжи, хотя бы вследствие этого отказа поэзия оказалась бы внешне обедненной» [32. С. 1]¹. Начало уже процитированного стихотворения словно вторит этому пассажи Адамовича:

---

¹ Поразительна близость этих убеждений Адамовича с неопозитивистской программой «очищения» языка. Ср., в частности, знаменитый заключительный тезис «Ло-

Перед тем, как умереть,
 Надо же глаза закрыть.
 Перед тем, как замолчать,
 Надо же поговорить [18. С. 261].

Приложение традиционного поэтического языка (а символизм к рубежу 1930-х гг. тоже стал уже определенным каноном) к выражению экзистенциальной тоски человека XX в., оставшегося один на один с бытием и не имеющего уже никаких защитных иллюзий, покровов, «накинутых над бездной», составляет глубинную суть зрелой поэзии Иванова и силу ее художественного воздействия. По словам А. Арьева, «Георгий Иванов продолжает пользоваться наборной кассой словаря, составленного символистами, их фразеологией (“Тихо кануть в сумрак томный...”), но не для мифотворчества, а для выражения состояний экзистенциальных» [3. С. 115]. Лирический мир «Роз» строится на выражении отношения «я» к миру, который дан в словах-символах: звезда, ангел, море, птица, небо, весна и т.д.:

В комнате твоей
 Слышен шум ветвей,
 И *глядит туда*
Белая звезда [18. С. 269].

Показательно, что поздний Бунин в своих произведениях, прежде всего в «Жизни Арсеньева» и в «Темных аллеях», использует тот же принцип выражения предельного напряжения и созвучия между «я» и «миром», а порой и схожий художественный язык: «...а все *глядела на меня в окно*, с высоты какая-то *тихая звезда*...» (выделено нами. – О.К., Е.К.) [34. С. 10]. По словам Л.А. Колобаевой: «Авторская субъективность в “Жизни Арсеньева” не только глубоко схватывает черты реальной действительности, но идет дальше, проникаясь символикой абсолютного, “потусторонних пределов”, догадываясь о метафизической сущности человека и мира» [35. С. 158]. «Метафизическая сущность человека и мира», безусловно, есть то общее, что мы видим в творчестве двух художников¹.

Очевидно, что словесная магия Иванова все же подействовала на Бунина, повлияла на его отношение к поэзии младшего современника, а возможно, он почувствовал в их мировоззрении общие черты. В бунинском дневнике есть запись от 3 июня 1942 г.: «Читал вчера и нынче стихи – Г. Иванова, Гиппиус. Иванов все-таки поэт настоящий (в зачатке). Г. ужасна. Мошенница» [36. С. 137]. Даже такое с оговорками признание автора «Роз» настоящим поэтом много стоит в устах скупого на похвалы писателя.

гико-философского трактата» Л. Витгенштейна: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [33. С. 73]. Данная параллель отнюдь не является случайной и заслуживает отдельного разговора.

¹ Подробнее о конкретных перекличках между творчеством Г.В. Иванова и И.А. Бунина см. в статье М.К. Лопачевой [1. С. 146–151].

Ближе всего узнать друг друга первый поэт и первый прозаик эмиграции смогли в 1947–1948 гг., когда почти на три месяца они оказались соседями в «Русском доме» («Maison russe») на Средиземноморском побережье Франции, в местечке Жуан-ле-Пен (Juan-les-Pins). Отношения сложились внешне «приветливые», как определяет их в одном из писем В.Н. Бунина, хотя глубинные противоречия, и человеческие и эстетические, оставались. Например, в своем дневнике супруга Бунина пишет: «Сегодня мы оба сидели у Ивановых. Ирина сделала мне маникюр. Мы четвером очень мирно беседовали и о Бенедиктове, и о Пушкине, и о Лермонтове и почти не спорили. Восхищались “Путешествием в Эрзерум”, “Таманью”. Иванов выше ставит Пушкина как прозаика. Рассказал, что Пушкин в одной своей рецензии отметил Иванова и Сидорова, а о Тютчеве ничего не написал... Баратынского он тоже не очень почитает, но мы не спорили» [37]. Данная запись свидетельствует о поиске точек соприкосновения двух по сути одиноких и уже немолодых пар, вынужденных общаться внутри весьма замкнутого сообщества. Но вот другие характеристики Иванова из дневника Буниной, показывающей, что полного приятия все же не было: «Иванов – человек злой и не так умен, как кажется, да и пьет, денег нет – злится, печень играет. <...> Сейчас Ян сказал про Иванова: “Я не встречал никогда такого самомнения”» [Там же]. Скорее всего, многое в этих словах Веры Николаевны соответствует мнению ее мужа.

Сам Бунин скорее снисходительно, чем сочувственно, отзывался об Иванове во время их соседства по «Русскому дому», принимая во внимание его положение разорившегося человека, находящегося в депрессии: «Жорж мил и уныл, – пишет он 16 января 1948 г. Г.В. Адамовичу, – бедность, даже на спирт нету, говорит» [5. С. 73]. Из мемуаров Ирины Одоевцевой складывается впечатление, что ее муж часто избегал общения со знаменитым соседом. Когда нобелевский лауреат в плохом настроении приходил в их комнату «жаловаться и брюзжать <...> Георгий Иванов не выдерживал и часто, ссылаясь на то, что ему надо купить папиросы или отослать письмо, покидал нас» [38. С. 695]. Подобные же выводы можно сделать и из лаконичных дневниковых записей Веры Николаевны: «Сегодня вечером сидели у нас. Иванов рано ушел» (12 марта 1948 г.) [37]. Да и самому стареющему и больному писателю общество внимательной слушательницы Одоевцевой было, очевидно, приятнее, чем литературные споры с ее мужем.

Тесное личное общение не вносит существенных корректив в художественные взгляды двух творческих личностей. Иванов вполне искренне называет Бунина в письме 1947 г. «славой русской литературы», но он и ранее восхищался его прозой [6. С. 171]. К стихам же нобелевского лауреата отношение автора «Роз» не меняется. Одоевцева вспоминает, что жена Бунина однажды попросила Иванова пойти к ним в комнату и для поднятия настроения сказать несколько лестных слов о его поэзии: «Но похвалить стихи Бунина, несмотря на то, что он всегда всячески старается угодить Вере Николаевне, Георгий Иванов не обещает» [38. С. 686]. Во мно-

гом эта позиция была связана не только с собственной лирикой Бунина, но и с тем, что тот не принимал поэзию Блока, которым восхищались и старшее и среднее поколения поэтов-эмигрантов. Творчество поэта-младосимволиста было квинтэссенцией всего поэтического для Иванова, а Бунин так никогда его и не признал. Эту позицию «почетного академика» Иванов считал свидетельством его глухоты к поэзии как таковой, о чем написал в статье о Блоке и Гумилеве в 1949 г. Текст статьи, первоначально опубликованный в «Возрождении», затем вошел во 2-е издание «Петербургских зим»: «С тем, что Блок одно из поразительнейших явлений русской поэзии за все время ее существования, уж никто не спорит, а те, кто спорят, не в счет. Для них, по выражению Зинаиды Гиппиус, “дверь поэзии закрыта навсегда”» [39. С. 163]. Имя Бунина, как мы видим, не упоминается в этом отрывке, но он принял упрек на свой счет и снова обиделся на «первого поэта эмиграции». Свое огорчение он выразил в письме к Адамовичу: «Пишу, находясь в большой грусти. Прочел в последней “тетради” “Возрождения” несколько ужасных для меня строк поэта Георгия Иванова. <...> Иванов и Гиппиус навсегда закрыли дверь поэзии для меня, несчастного спорщика. И еще так говорит поэт Иванов: “С появлением символистов унылый огород реалистической литературы вдруг расцвел, как какой-то фантастический сад...”. Тут опять я оказался в дураках...» [5. С. 93].

Бунин также с годами не меняет своих эстетических принципов и, несмотря на признание Иванова настоящим поэтом в дневнике 1942 г., судит его стихи, появившиеся в 1947 г. в альманахе «Орион», так же строго, как и «Розы» в 1931 г. Снова он помечает знаками вопроса произведения, построенные на контрастах, антитезах, противоречиях, несущие рефлекс символизма. Например, второе четверостишие стихотворения «Все неизменно, и все изменилось...», очевидно, не понравилось нобелевскому лауреату своей антиномичностью, оно отчеркнуто на полях и помечено вопросительным знаком:

Вот я иду по осеннему полю,
Все, как всегда, и другое, чем прежде:
 Точно меня отпустили на волю
 И отказали в последней надежде [40. С. 13].

Маленькое стихотворение «Образ полусотворенный...», построенное на импрессионистической смене мимолетных картин и впечатлений, характеризуется пометой: «Все ломанье, штучки» [Там же. С. 14]:

Образ полусотворенный,
 Шепот недоговоренный,
 Полу жизнь, полуусталость —
 Это все, что мне осталось.

Принимаю, как награду,
Тень, скользящую по саду,
Переход апреля к маю,
Как подарок, принимаю [18. С. 330].

Хотя следует отметить, что художественный принцип зарисовки текущих, переходных состояний, которому следует Иванов в этом тексте, совсем не нов и введен в русскую лирику еще А. Фетом, а позже развивался К. Бальмонтом, В. Брюсовым и другими поэтами Серебряного века. Второе четверостишие следующего стихотворения «Она летит, весна чужая...» заслужило от Бунина краткое «фу!» [40. С. 15], видимо, за использование неблагозвучного и непоэтического слова «швабра» в сочетании с лексемой «покойник»:

Она летит, весна чужая,
Она поет, весна.
Она несется, обнажая
Глухие корни сна.

И ты ее, *покойник храбрый*,
Простишь или не простишь –
Подхвачен *солнечною шваброй*,
В канаву полетишь [18. С. 523].

На полях стихотворения «Синие сумерки этой страны...», варьирующего мотивы изгнания, одиночества, чужой земли, Бунин пишет: «Все одно и то же!» [40. С. 15]. Писатель словно не замечает ивановской самоиронии, которая окрашивает устойчивые мотивы в новые тона, подчеркивает, что автор и осознает заезженность данной темы, и не может, находясь в отрыве от родины, вырваться из ее плена. Но если мотив изгнания был, действительно, слишком часто повторяющимся в творчестве каждого поэта эмиграции, то в конце другого стихотворения из подборки в «Орионе» «С бесчеловечною судьбой...» критично настроенному Бунину не нравится уже нетривиальный финальный образ, который также сопровождается пометкой: «Фу!» [Там же. С. 16]:

Пожалуй, нужно даже то,
Что я вдыхаю воздух,
Что *старое мое пальто*
Закатом слева залито,
А справа тонет *в звездах* [18. С. 347].

Образ лирического героя, бредущего между пламенеющим закатом и звездной ночью в приведенной выше строфе, умозритель и иносказателен при всей конкретности такой детали одежды, как «старое пальто», и, видимо, столь сильный стилистический контраст высоких слов и повседневно-

ных реалий кажется строгому классику дурновкусием. Хотя примененный Ивановым принцип стилистического смешения был освоен в русской поэзии К. Случевским, В. Брюсовым, а позже развит футуристами.

Анализ помет на страницах «Ориона» свидетельствует, что Бунин через шестнадцать лет руководствуется теми же критериями, что и при чтении сборника «Розы». Не один Иванов заслуживает его упреки. Негативные комментарии сопровождают стихи и других авторов. Следует отметить, что практически все публикации в составе это альманаха подверглись резкой критике нобелевского лауреата. Прозе досталось даже больше, чем поэзии. Одной, еще не самой жесткой характеристикой представленной на страницах альманаха литературы эмиграции является определение «тошнотворно» [41. С. 140]. Проанализировать все маргиналии мы, к сожалению, не имеем возможности, но для данной статьи представляет интерес комментарий к стихотворению Адамовича «В последний раз... О, сердце, нет сомненья...»¹, помеченному также большим вопросительным знаком: «Удивительно! Вот уже лет 40 почти ни у кого из этих поэтов совершенно ничего не понимаю! Не то пьяное, не то просто идиотское бормотанье» [40. С. 9]. Эта маргиналия созвучна обвинениям в адрес ряда стихов Иванова, которые тоже показались Бунину «набором слов». Действительно, удивительный пассаж по отношению к лирике младшего современника, если учесть, что Адамович всегда выступал за ясность поэтического содержания, за то, чтобы стихотворение можно было даже пересказать прозой. Приведем этот текст полностью:

В последний раз... Не может быть сомненья,
Это случается в последний раз,
Это награда за долготерпенье,
 Которым жизнь испытывала нас.

Запомни же, как над тобой в апреле
 Небо светило всю синевою,
 Солнце сияло, как в ушах звенели
Арфы, сирены, соловьи, прибой.

Запомни все: обиды, безучастье,
 Ночь напролет – уйти, увидеть, ждать? –
 Чтоб там, где спросят, что такое *счастье*,
 Как в школе руку первому поднять [42. С. 84].

Содержание или основную мысль этого произведения, действительно, можно изложить прозой: принимай мгновенье последнего в жизни счастья

---

¹ Дата написания стихотворения неизвестна, впервые опубликовано в 1947 г. с первой строкой «В последний раз... О, сердце, нет сомненья...», включено в сборник «Единство» (1967) с небольшой правкой и первой строкой «В последний раз... Не может быть сомненья...». Больше при жизни автора не перепечатывалось.

как награду за терпение, включающую в себя и все прекрасное и все тяжелое, что было пережито, ибо без горя невозможно познать и счастье. Таким образом, текст вовсе не темен, и нельзя согласиться с бунинским заявлением о непонятности Адамовича и всей актуальной русской поэзии за первые сорок лет XX в. Но эти упреки вряд ли связаны и с личными отношениями, потому что «первого критика эмиграции» Бунин уважал, много лет вел с ним вполне дружескую переписку. Ответ может опять-таки заключаться в самом стихотворении. Ключевое слово «счастье», расшифровывающее первые два четверостишия, возникает почти в самом конце текста, в предпоследней строке. Следовательно, все это небольшое произведение требует перечитывания, мысленного заполнения некоторых логических пропусков. Этот принцип построения поэтического текста Бунин, видимо, отвергал. Мысль в его стихотворениях, как правило, развертывается последовательно, основная идея обозначается в самом начале текста и далее раскрывается, обогащается сравнениями и сопоставлениями или используется классическая схема «тезис – антитезис – синтез». Стихотворение Иванова «Это только синий ладан...», которое мы уже анализировали, имеет схожую композицию с вышеприведенным стихотворением Адамовича. Ключевое слово «судьба» возникает только в третьей строфе, тогда как первые две без него совершенно непонятны.

На втором экземпляре «Ориона» в конце подборки стихов Г.В. Иванова И.А. Бунин четко вывел свой вердикт: «И как всегда – одна нота! А все-таки не чета другим!» [41. С. 17].

На смерть писателя в 1953 г. Иванов отзывается проникновенным некрологом, называя в нем Бунина «большим мастером русского слова», «крупнейшим писателем нашего времени», но в качестве главных его достижений перечисляет только прозаические произведения: «Деревню», «Господина из Сан-Франциско», «Митину любовь», «Солнечный удар». Даже после смерти старшего современника Иванов, признавший в этом же некрологе, что «прежние мерки, которыми мы мерили его творчество и жизнь, уже не годятся» [39. С. 611], не поменял своего отношения к его лирике и ироничные высказывания о «ничего не понимавшем в поэзии Бунине» [43. С. 327] позволял себе и позднее.

Таким образом, почти всю жизнь Иван Бунин и Георгий Иванов вели спор о поэзии, спор, в котором не может быть победителя, потому что оба спорщика являются подлинными Поэтами. Маргиналии Бунина позволяют нам реконструировать его взгляды на современную писателю лирику, понять, почему, не находя точек соприкосновения и взаимопонимания с ведущими поэтами эмиграции, он практически бросает писать стихи. Верность писателя собственным принципам, пронесенным через всю жизнь, безусловно, заслуживает уважения, как и стремление его младших собратьев по перу идти в литературе собственным путем.

Литература

1. Лопачева М.К. «Белая лошадь бредет без упряжки...»: И. Бунин и Г. Иванов // Вестник СПбГУКИ. 2014. № 4 (21). С. 146–151.

2. Крейд В. Георгий Иванов. М. : Молодая гвардия, 2007.
3. Арьев А. Жизнь Георгия Иванова: Документальное повествование. СПб. : Журнал «Звезда», 2009.
4. Любитель прекрасного. <Иванов Г.В.> Букет любителя прекрасного на грудь зарубежной словесности // Числа. 1930. № 2/3. С. 315.
5. Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. М., 2004. Вып. 1. С. 8–164.
6. Арьев А.Ю. Сосновое – Жуан-ле-Пен: (Два письма Георгия Иванова к И.А. Бунину) // VI Славянские чтения. Даугавпилс, 2008. С. 167–181.
7. Р.А.Л. MS 1067/403.
8. Neuwood A.J. Catalogue of the I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov and E.M. Lopatina collections / ed. by Richard D. Davies, with the assistance of Daniel Riniker. Leeds, 2000.
9. Закружная З.С. Академический Бунин: Текстологические проблемы подготовки научного собрания сочинений // Studia litterarum. 2017. Т. 2, № 4. С. 394–404.
10. Закружная З.С., Коростелев О.А., Фролов М.А. Записи и выписки И.А. Бунина // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 260–272.
11. Р.А.Л. MS 1066/10554.
12. Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. М. : РГГУ, 2004.
13. Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2015.
14. Полтавцева Н.Г. Анна Ахматова и культура «Серебряного века» // Царственное слово: Ахматовские чтения. М., 1992. Вып. 1.
15. Гинзбург Л.Я. О лирике. М. : Интрада, 1997.
16. Адамович Г.В. Собрание сочинений : в 18 т. Т. 14: Комментарии (1967). Эссеистика 1923–1971 / вступ. ст., сост., подгот. текста. и примеч. О.А. Коростелева. М. : Дмитрий Сечин, 2016.
17. Чиннов И. Вспоминая Адамовича // Новый журнал. 1972. № 109.
18. Иванов Г. Собрание сочинений : в 3 т. Стихотворения. М. : Согласие, 1994. Т. 1.
19. *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus* / comp. by T. Pachmuss. München : Wilhelm Fink Verlag, 1972.
20. Коростелев О.А. «Без красок и почти без слов...» (поэзия Г. Адамовича) // Адамович Г. Полное собрание стихотворений. СПб., 2005. С. 5–64.
21. Жирмунский В. О поэзии классической и романтической // Жизнь искусства. 1920. 10 февр. № 339–340.
22. Оцуп Н. О Н. Гумилеве и классической поэзии // Цех поэтов. Пг., 1922. Кн. 3. С. 45–47.
23. Мочульский К. Классицизм в современной русской поэзии // Современные записки. 1922. № 11. С. 368–379.
24. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Л. : Просвещение, 1972.
25. Адамович Г. Комментарии. Вашингтон, 1967.
26. Крейд В. Петербургский период Георгия Иванова. Tenaflы, 1989.
27. Адамович Г. Литературные беседы // Звено. 1926. 29 авг. № 187.
28. Волошин М. <Рец. на кн.:> «Стихотворения» Ивана Бунина. 1903–1906 // Русь. 1907. 5 янв. № 5. С. 3.
29. Бунин И.А. Стихотворения : в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинятиной. СПб. : Изд-во Пушкинского Дома : Вита Нова, 2014. Т. 2.
30. Кожевникова Н.А. О тропах в поэзии И.А. Бунина // Кожевникова Н.А. Избранные работы по языку художественной литературы. М., 2009. С. 683–687.
31. Ходасевич В.Ф. О поэзии Бунина // Возрождение. 1929. 15 авг. № 1535. С. 4.
32. Адамович Г. Литературные беседы // Звено. 1927. 29 мая. № 226. С. 1.
33. Витгенштейн Л. Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. 1.
34. Бунин И. Собрание сочинений : в 9 т. М. : Худож. лит., 1966. Т. 5.

35. Колобаева Л.А. Бунин и модернизм // Колобаева Л.А. От А. Блока до И. Бродского: О русской литературе XX века. М., 2015.
36. Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны : в 3 т. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1982. Т. 3.
37. РАЛ. MS 1067/423.
38. Одоевцева И. На берегах Невы. На берегах Сены. М. : АСТ : Астрель, 2012.
39. Иванов Г. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 3: Мемуары. Литературная критика. М. : Согласие, 1994.
40. РАЛ. MS 1066/10265.
41. РАЛ. MS 1066/10266.
42. Адамович Г. Полное собрание стихотворений / сост., подгот. текста, вступ. ст., примеч. О.А. Коростелева. СПб. : Академический проект : Эльм, 2005. С. 84.
43. *Georgij Ivanov, Irina Odojevceva*. Briefe an Vladimir Markov 1955–1958 // Mit einer Einl. hrsg. von H. Rothe. Köln; Weimar; Wien : Böhlau Verl., 1994. S. 2.

IVAN BUNIN AND GEORGY IVANOV: A LIFETIME DISPUTE ON POETRY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 56. 226–247. DOI: 10.17223/19986645/56/12

Oleg A. Korostelev, Ekaterina V. Kuznetsova, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences. (Moscow, Russian Federation). E-mail: okorostelev@mail.ru / katkuz1@mail.ru

Keywords: Ivan Bunin, Georgy Ivanov, symbolism, neoclassicism, Russian abroad.

The article discovers the divergence of opinion on modern poetry and its basic artistic principles as seen by Ivan Bunin and Georgy Ivanov, based on new archive materials. The authors mainly focus their attention on the analysis of Bunin's marginalia on Ivanov's collection of poems *Rozy* ([Roses], 1931) and on his collection of poems as published in the *Orion* almanac (Paris, 1947). The first document once in Bunin's private library now is preserved in the Russian Archive of Leeds (Great Britain) together with other books and journals containing Bunin's marginalia. The latter document, "Orion", containing a big collection of Ivanov's works named "Ten Poems", existed in two copies in Bunin's private library, both contain his marginalia. The analysis of Bunin's marginalia to these poems by Ivanov proved to be very helpful in a more profound understanding of the reasons of disagreements between the two masters that pertain to their mutual appraisal of the other's poetic art and more general views on poetry. Bunin, the first Russian Nobel Prize in Literature laureate, and the main poet of Russian emigration, as Ivanov was frequently called, embodied two different poetics in their art and could never come to an agreement, with all their mutual respect, in their views in the literature of the 20th century. It was in fact a fundamental confrontation in artistic views between one of the last Russian poetry classicists and one of the main modernists, who imbibed and reworked the most refined poetic methods of the beginning of the century (Symbolism and Acmeism in its neoclassic variant). While Bunin recognized in his 1942 diary even if with stipulations that Ivanov is indeed a great poet, the analysis of his marginalia shows that he judged his "Orion" (1947) poems as harshly as his *Roses* (1931) poems. Bunin constantly underlines the lexemes that represent traditional poetics: "stars", "roses", "tears". "spring" etc., that were elaborated already in the beginning of the 19th century but deprived of their usual verbal surroundings (characteristic epithets, verbs) in the legacy of the 20th-century poet. He is puzzled by the works that are contrastingly built around the antinomies, claiming at the same time the reader's participation, rereading, filling in the logical gaps. He unmistakably deciphers in the *Roses* author's poems the reflections of symbolism that evoke his disapproval as well as the repetition of the key motives. The analysis of marginalia leads us to a conclusion that Bunin cannot accept two crucial things in the mature lyrics by Ivanov: the turn to the neoclassicist poetics and the reflections of symbolism. Both in 1931 and 1947, Bunin continued to insist on premodernist poetic principles that were already unacceptable for

Ivanov. What he really embraced, the very core of his artistic method, the reworking of the modernist ideas of the beginning of the 20th century thus enriching his own works, was absolutely unacceptable for Bunin.

References

1. Lopacheva, M.K. (2014) “White horse walks without harness...”: Ivan Bunin and Georgiy Ivanov. *Vestnik SpbGUKI – Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture*. 4 (21). pp. 146–151. (In Russian).
2. Kreyd, V. (2007) *Georgiy Ivanov*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
3. Ar’ev, A. (2009) *Zhizn’ Georgiya Ivanova: Dokumental’noe povestvovanie* [Life of Georgiy Ivanov: Documentary narration]. St. Petersburg: ZHurnal “Zvezda”.
4. Lyubitel’ prekrasnogo. <Ivanov, G.V.> (1930) Buket lyubitelya prekrasnogo na grud’ zarubezhnoy slovesnosti [Bouquet of the lover of beauty on the chest of foreign literature]. *Chisla*. 2/3. pp. 315.
5. Korostelev, O. & Davis, R. (eds) (2004) *I.A. Bunin: Novye materialy* [I.A. Bunin: New materials]. Is. 1. Moscow: Russkiy put’. pp. 8–164.
6. Ar’ev, A.Yu. (2008) [Sosnovoe – Juan-les-Pins: (Two letters of Georgiy Ivanov to I.A. Bunin)]. *VI Slavyanskije chteniya* [VI Slavic Readings]. Proceedings of the International Conference. Daugavpils: Saule. pp. 167–181. (In Russian).
7. Leeds Russian Archive. MS 1067/403.
8. Heywood, A.J. (2000) *Catalogue of the I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov and E.M. Lopatina collections*. Leeds: Leeds University Press.
9. Zakruzhnaya, Z.S. (2017) Academic Bunin. Textological issues in the course of preparing a collection of works. *Studia litterarum*. 2 (4). pp. 394–404. (In Russian).
10. Zakruzhnaya, Z.S., Korostelev, O.A. & Frolov, M.A. (2018) I. A. Bunin’s Notes and Extracts in View of an Academic Omnibus Edition. *Vestnik arkhivista – Herald of an Archivist*. 1. pp. 260–272. (In Russian). DOI: 10.28995/2073-0101-2018-1-65-73
11. Leeds Russian Archive. MS 1066/10554.
12. Slivitskaya, O.V. (2004) “Povyshennoe chuvstvo zhizni”: mir Ivana Bunina [“Increased sense of life”: the world of Ivan Bunin]. Moscow: RSUH.
13. Dvinyatina, T.M. (2015) *Poeziya I.A. Bunina: Evolyutsiya. Poetika. Tekstologiya* [Poetry of I.A. Bunin: Evolution. Poetics. Textology]. Abstract of Philology Dr. Dis. St. Petersburg
14. Poltavtseva, N.G. (1992) Anna Akhmatova i kul’tura “Serebryanogo veka” [Anna Akhmatova and the culture of the “Silver Age”]. In: *Tsarstvennoe slovo: Akhmatovskie chteniya* [Regal Word: Akhmatova Readings]. Is. 1. Moscow: Nasledie.
15. Ginzburg, L.Ya. (1997) *O lirike* [On the lyrics]. Moscow: Intrada.
16. Adamovich, G.V. (2016) *Sobranie sochineniy: v 18 t.* [Collected Works: in 18 vols]. Vol. 14. Moscow: Dmitriy Sechin.
17. Chinnov, I. (1972) Vspominaya Adamovicha [Recalling Adamovich]. *Novyy zhurnal*. 109.
18. Ivanov, G. (1994) *Sobranie sochineniy: v 3 t. Stikhotvoreniya* [Collected Works: in 3 vols. Poems]. Vol. 1. Moscow: Soglasie.
19. Pachmuss, T. (1972) *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus*. Munich: Wilhelm Fink Verlag.
20. Korostelev, O.A. (2005) “Bez krasok i pochti bez slov...” (poeziya G. Adamovicha) [“Without colors and almost without words” (poetry of G. Adamovich)]. In: Adamovich, G. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [A complete collection of poems]. St. Petersburg: Akademycheskiy proekt, El’m.
21. Zhirmunskiy, V. (1920) O poezii klassicheskoy i romanticheskoy [On classical and romantic poetry]. *Zhizn’ iskusstva*. 10 February. 339–340.
22. Otsup, N. (1922) O N. Gumileve i klassicheskoy poezii [About N. Gumilev and classical poetry]. *Tsekh poetov*. 3. pp. 45–47.

23. Mochul'skiy, K. (1922) Klassitsizm v sovremennoy russkoy poezii [Classicism in Modern Russian Poetry]. *Sovremennye zapiski*. 11. pp. 368–379.
24. Lotman, Yu.M. (1972) *Analiz poeticheskogo teksta* [Analysis of the poetic text]. Leningrad: Prosveshchenie.
25. Adamovich, G. (1967) *Kommentarii* [Commentaries]. Washington: Victor Kamkin, Inc.
26. Kreyd, V. (1989) *Peterburgskiy period Georgiya Ivanova* [The Petersburg period of Georgy Ivanov]. Tenaflly: Ermitazh.
27. Adamovich, G. (1926) Literaturnye besedy [Literary conversations]. *Zveno*. 29 August. 187.
28. Voloshin, M. (1907) <Rets. na kn.:> “Stikhotvoreniya” Ivana Bunina. 1903–1906 [*<Book Review:> “Poems” by Ivan Bunin. 1903–1906*]. *Rus'*. 5 January. 5. pp. 3.
29. Bunin, I.A. (2014) *Stikhotvoreniya: v 2 t.* [Poems: in 2 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Izd-vo Pushkinskogo Doma: Vita Nova.
30. Kozhevnikova, N.A. (2009) *Izbrannye raboty po yazyku khudozhestvennoy literatury* [Selected works on the language of fiction]. Moscow: Znak. pp. 683–687.
31. Khodasevich, V.F. (1929) O poezii Bunina [On the poetry of Bunin]. *Vozrozhdenie*. 15 August. 1535. pp. 4.
32. Adamovich, G. (1927) Literaturnye besedy [Literary conversations]. *Zveno*. 29 May. 226. pp. 1.
33. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Translated from German. Pt. 1. Moscow: Gnozis.
34. Bunin, I. (1966) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols]. Vol. 5. Moscow: Khud. lit.
35. Kolobaeva, L.A. (2015) Bunin i modernizm [Bunin and modernism]. In: *Ot A. Bloka do I. Brodskogo: O russkoy literature XX veka* [From A. Blok to J. Brodsky: On Russian Literature of the Twentieth Century]. Moscow: Russkiy impul's.
36. Grin, M. (ed.) (1982) *Ustami Buninykh: Dnevniky Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny: v 3 t.* [Through the mouths of the Bunins: The Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna: in 3 vols]. Vol. 3. Frankfurt: Posev.
37. Leeds Russian Archive. MS 1067/423.
38. Odoevtseva, I. (2012) *Na beregakh Nevy. Na beregakh Seny* [On the banks of the Neva. On the banks of the Seine]. Moscow: AST: Astrel'.
39. Ivanov, G. (1994) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Soglasie.
40. Leeds Russian Archive. MS 1066/10265.
41. Leeds Russian Archive. MS 1066/10266.
42. Adamovich, G. (2005) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [A complete collection of poems]. St. Petersburg: Akafdemicheskiiy proekt, El'm. pp. 84.
43. Rothe, H. (ed.) (1994) *Georgij Ivanov, Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov 1955–1958* [Georgy Ivanov, Irina Odoevtseva. Letters to Vladimir Markov 1955–1958]. Cologne; Weimar; Vienna: Böhlau Verl. pp. 2.

УДК 821.161.1, 82-34
DOI: 10.17223/19986645/56/13

Л.А. Курышева

О ПЕРВОМ РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ СКАЗКИ М. ЛЕПРЕНС ДЕ БОМОН «КРАСАВИЦА И ЗВЕРЬ»¹

Реконструированы обстоятельства первого перевода на русский язык сказки Лепренс де Бомон «Красавица и зверь» (1756) и дана характеристика его особенностей. Материалом послужил перевод Х. Г. Демидовой – «Повесть о Лебеле и звере» (1758), перевод П.С. Свистунова (1761), дневники братьев Демидовых. Поставленные задачи решены при помощи реконструкции биографического контекста, анализа языковых и экстралингвистических особенностей. Для языка перевода характерно точное следование оригиналу, вплоть до синтаксических калек. В то же время его яркой чертой является употребление просторечных выражений, введение русских реалий. Публикация рукописного перевода (ОРКР НЗБ СГУ, № 456) осуществляется впервые.

Ключевые слова: рукописная повесть XVIII в., Демидовы, Лепренс де Бомон, «Красавица и чудовище», АТ 425 С.

В 1756 г. в Лондоне вышло примечательное издание, которое на протяжении всего XVIII в. пользовалось большой популярностью в качестве учебного пособия для молодых девушек в пансионах и домашнем образовании; оно стало первым в ряду подобных книг. Франкоязычный учебник М. Лепренс де Бомон «Magasin des enfants» [1] содержал поучительные разговоры, начальные сведения по географии, истории, выдержки из Святого Писания и нравоучительные сказки²; в числе последних – сказка о

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-04-00214-ОГН.

² Мари Лепренс де Бомон (1711–1780) много лет провела в Англии в качестве гувернантки, там же ею были созданы первые учебные пособия для детей и юношества; в качестве нравоучительно-развлекательного материала в них вошли краткие пересказы сказочных эпизодов из известных произведений и оригинальные сказки [2]. В России большой вклад в детскую литературу был сделан А.Т. Болотовым, его первый в этом отношении опыт – «Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожою и ее детьми...» – был написан под влиянием сочинения Лепренс де Бомон: [3. С. 243–246; 4. С. 116]. Обзор популярных в России XVIII в. книг для детей и юношества представлен в монографии М.А. Костюхиной [5. С. 9–43]. Возникновение детского направления в литературе автор относит к концу 70-х гг. XVIII в. К сожалению, исследовательница не касается влияния на формирование детской литературы, русской в частности, учебного пособия Лепренс де Бомон, считая его, по-видимому, вторичным по отношению к подобным изданиям, и ошибочно дает указание на позднее издание «Детского училища» в качестве первого русского издания. Впрочем, ошибки в датировке первых ориентированных на детей книг не помешали автору дать характеристику жанру «беседы», который был, по сути, изобретен Лепренс де Бомон [5. С. 18–20]. О популярности сочинений Лепренс де Бомон в России см.: [6. С. 17–18].

красавице и звере, известность которой превзошла ее непосредственный источник, роман Г.-С. де Вильнёв «Histoire de la Belle et de la Bête» (1740)¹. Среди подписчиков лондонского издания было немало русских аристократических семей [10]. Русский перевод не замедлил себя ждать: он был выполнен П.С. Свистуновым, первый том «Детского училища» появился в печати в 1761 г.² Однако тремя годами ранее Хиония Демидова (1746–1792) [11]³, дочь Григория Акинфиевича Демидова, сделала свой перевод сказки о красавице и звере и подарила его в виде рукописной книги «По-весть о Лабеле и звере» брату П.Г. Демидову.

По-видимому, Хиония Демидова получила «Magasin des enfants» в числе других книжных новинок, отправляемых регулярно старшими братьями из образовательного путешествия по Европе 1751–1761 гг.⁴ Возможно, что новость о выходе в свет оригинального учебного пособия, предназначенного для воспитания и обучения благородных девиц, братья почерпнули в своем «русском» заграничном кругу. В поездке Демидовы регулярно общались с представителями отечественной аристократии и близкими к двору дипломатами, в том числе русским посланником в Англии князем А.М. Голицыным, шведским послом в России бароном М. Поссе, сенатором бароном А.С. Строгановым, бароном К.Е. Сиверсом [15]. Все эти персоны были в числе русских подписчиков лондонского издания Лепренс де Бомон⁵.

---

¹ Сопоставление романа Вильнёв и сказки Лепренс де Бомон представлено в работе [7]. См. также примечания в современном научном издании сказок Лепренс де Бомон: [8. С. 1493–1504].

² О переводчице П.С. Свистунове см.: [9]. О востребованности сочинения Лепренс де Бомон среди русских читателей говорят тиражи, переиздания и новые переводы. Завершая подсчет совокупного тиража русских изданий «Детского училища» с 1761 по 1800 г., который составил не менее 15 000 экземпляров, Н.А. Копанев делает вывод, что «по этому показателю произведение Лепренс де Бомон... практически не имело себе равных в русском репертуаре книг для детского чтения XVIII века» [10. С. 4].

³ Выражаю сердечную благодарность сотруднику «Демидов-центра» (г. Ревда) Е.В. Марченко за консультацию о семье Демидовых. О некоторых жизненных обстоятельствах Х.Г. Демидовой, вышедшей в 1764 г. замуж за русского дипломата А.С. Стахеева, см.: [12]. В русском фонде РНБ хранится «Санкт-Петербургский календарь на лето... 1763» (38.34.3.38) с собственноручными записями Демидовой, в настоящее время он находится в свободном электронном доступе (см.: [13]).

⁴ Об интересе А.Г. Демидова и его сыновей к книжным новинкам см.: [14. С. 17, 33]. На основании содержания Журналов и писем братьев Демидовых Г.А. Победимова так описывает согласование с отцом приобретений: «Пересылка корреспонденции, и в особенности посылка, была делом хлопотным. Обычно сыновья сообщали отцу о чем-то, что их заинтересовало (если сам он не распорядился о покупке, как это было с сочинениями Вольтера), затем ждали ответа с разрешением купить или заказать, после чего начинались переговоры о приобретении. В один конец письмо шло больше 2 месяцев, что свидетельствовало о неторопливости жизни вообще. Проще всего было покупать и отправлять книги и ноты» [Там же. С. 23].

⁵ Список петербургских подписчиков был помещен в конце четвертого тома издания. Он был опубликован Н.А. Копаневым, при этом исследователем была проделана

Рукописная книга, созданная двенадцатилетней Хионией Демидовой и подарочно оформленная, посвящена «братцу» Петру Григорьевичу Демидову. Это посвящение могло быть обусловлено несколькими причинами. Во-первых, особенными взаимоотношениями между сестрой и младшим из трех братьев, более близким по возрасту (год рождения Петра – 1740) и в дальнейшем путешествии зачастую выступавшим в роли медиатора между братьями и семьей [14. С. 18]. Во-вторых, родители были чрезвычайно озабочены занятиями сыновей русским языком, который немало пострадал в заграничном путешествии при интенсивном овладении другими языками, особенно у младшего Петра [Там же. С. 12–14]. Отец семейства, Г.А. Демидов, или сама Хиония могли инициировать рукотворный подарок младшему сыну и брату как форму благодарности за присланную книгу и одновременно с той целью, чтобы он мог попрактиковаться в чтении на русском языке.¹ Кроме того, детали сказки перекликались с жизненными обстоятельствами семьи Демидовых. Подобно сказочным героям «Красавицы и зверя» глава семейства – это человек дела, при этом добродетельный и патриархального склада, не жалеющий средств на воспитание и образование своих шестерых детей. Звучащие в сказке «ботаническая» и музыкальная темы тоже соответствовали семейным увлечениям Демидовых: Григорий Акинфиевич был страстным садоводом, он основал первый в России частный ботанический сад (под Соликамском) и состоял в переписке с Карлом Линнеем; все его дети обучались музыке, особенно любил музыкальные занятия Петр [14. С. 15, 17–18, 25, 27; 15].

Рассмотрим теперь особенности перевода Х.Г. Демидовой (далее – Х. Д.). Для ее перевода в целом характерно точное следование оригиналу, вплоть до синтаксических калек. В то же время в нем встречаются разговорные выражения и произведена систематическая замена на русские реалии вроде «версты», «копейки», «девки» (в значении ‘служанки’).

Кратко остановимся на грамматических и смысловых ошибках, встречающихся в рукописном тексте. Их разграничение на случайные, сделанные, например, в ходе переписывания на чистовик, и системные позволяет нам судить о степени овладения молодой девушкой французским языком и русской грамматикой.

К ошибкам, сделанным вследствие невнимательности, можно отнести пропуски слов и омофонные подмены. Например, привезенный купцом от зверя сундук в переводе Х. Д. «наполнен золотыми платьями, брالياнтами», в то время как во французском источнике бриллиантами украшены именно золотые платья («garnies de diamants»). Фразу о том, что Красавица с большой добротой разговаривала с бедняками («elle parlait aux pauvres gens avec tant de bonté»), Демидова переводит следующим образом: «рас-

---

работа по атрибуции подписчиков на основании зачастую искаженной транслитерации имен (см.: [10]).

¹ О ежедневных занятиях русским языком, в том числе обязательном вечернем чтении, см.: [14. С. 14–15, 25–26].

суждала о бедных людях с великою милостию» (здесь и далее в цитатах курсив мой. – Л.К.). По-видимому, мы имеем здесь смешение омофонных предлогов – русского *о* и французского *aux*. Наконец, восклицание «Allons!» вместо понуждения со значением «ну же!» Х. Д. переводит императивом «Пойдем!».

Систематическая ошибка, свидетельствующая о пока еще не освоенной стороне французской грамматики, была допущена при переводе конструкций, обозначающих близкое будущее и намерение что-либо сделать (*aller faire qch*), формой прошедшего времени. Например, «vous allez devenir une grande reine» – «вы сделали великою королевою». Трудность молодой переводчицы вызвала и синтаксическая конструкция, обозначающая одновременность действий: «à reine fut-elle dans son lit, qu'elle s'endormit» ('как только...') – «а потом легла и заснула».

Обратимся к синтаксическим калькам в переводе Х. Д. Во-первых, это касается употребления предлогов: купец и его дочь прибывают во дворец зверя «на вечер», что соответствует «sur le soir» оригинала; довольно часто встречается выражение «сказала сама в себе» («dit à elle-même») наряду с выражением «сказала сама себе». Во-вторых, это калькирование французского глагольного управления. В качестве иллюстрации приведем выражения с глаголом *отказывать / отказываться*: отсутствует русская возвратная частица во фразе «ежели твои дочери откажут за тебя умереть» (ср. «si vos filles refusent de mourir pour vous»), нарушено глагольное управление в словах «откажешь сие веселие» (ср. «si vous me refusez ce plaisir»).

В переводе Х. Д. встречаются ошибки в русском падежном склонении. Например, в форме винительного падежа для одушевленного лица – сестры «пасут овцы». Особенно ярко это видно на примере склонения слова *платье* (во французском соответствует форме множественного числа *habits*) в родительном, винительном, творительном и предложном падежах: «нет у ней платья», «он привез им богатое платье», «взяла самое худое себе платье», «наполнен платьями», «ящык с платьям», «о прекрасном их платее». Ошибки в употреблении форм винительного и творительного падежа, возможно, говорят о том, что освоение русской письменной речи шло одновременно с занятиями французским языком и что русское письмо Х. Д. было, скорее, фонетическим, чем подкрепленным знанием грамматики. Нашу версию подтверждают другие случаи фонетического письма, например «шакалатной столик» и «напившис шоколату», спорадическая подмена *и* на *й* («хозяйн» вместо «хозяин», форма настоящего времени 3 л. мн. ч. «думайте» вместо «думаете»), а также системное неразличение употребления мягкого и твердого знаков. В то же время часть этих явлений могла быть вызвана механическим переписыванием с черновика.

Неполное понимание французского текста приводит к ошибочной интерпретации и «дистраиванию» смысла. В демидовском переводе Лабель сожалеет о том, что зверь некрасив: «Ах... сожалею, что он дурен, ах ежели б он был пригож!», в то время как в оригинале мысль героини сложнее. Красавица отмечает именно противоречие – при внешнем безобразии зверь

имеет доброе сердце: «Hélas! ...c'est bien dommage qu'elle soit si laide, elle est si bonne!». Другой пример возьмем из начала сказки. Лепренс де Бомон, представляя свою героиню, говорит, что она красивее и вообще лучше своих сестер («Cette cadette qui était plus belle que ses soeurs, était aussi meilleure qu'elles»). В своем переводе Х. Д. уточняет, чем именно лучше, помимо красоты: «...была пригожее и *разумнее* ея сестер»¹. Еще один пример неточного следования оригиналу встречаем в эпизоде, в котором фея превращает злых сестер в каменные статуи, сохраняя при этом их разум: «mais conservez tout votre raison sous la pierre». Это наказание должно продлиться до того момента, когда завистницы осознают свои ошибки. В переводе Х. Д. *raison* (разум, осознанность, способность размышлять) заменен понятием характера: «сохраняйте ваш *нрав* под камнем». Таким образом, в этом эпизоде проклятие волшебницы тематически связано с ее дальнейшим размышлением о том, что это был бы род чуда, если бы злое сердце (злой нрав) способно было исправиться.

Необъяснимо, почему в последнем предложении сказки Х. Д. ослабляет причинно-следственную связь: «...он женился на Беле, которая жила с ним долгое время в совершенном щастии, *ибо* *которое* основано было на добродетели», при этом слово *ибо* – соответствует *parce que* оригинала – взято в прямые скобки как знак изъятия. Так же необъяснимо, почему при описании непогоды, застигнувшей купца в пути, Х. Д. упоминает только о сильном дожде, в то время как в оригинале речь идет о снеге («il neigeait horriblement»), чуть ниже в русском тексте говорится о том, что купец промок от дождя (в оригинале от дождя и снега – «la pluie et la neige l'avaient mouillé»). Ниже по тексту купец утром через окно «не видал ничего кроме цветников розовых» (в оригинале он не видит больше снега, но только цветники – «il... ne vit plus de neige, mais des berceaux de fleurs»).

Наконец, остановимся на одном примечательном пропуске, причины которого лежат в культурной неосведомленности юной переводчицы. Это маленькая колкость Лепренс де Бомон в отношении правил светской жизни. Как мы помним, зверь не имеет человеческого разума, в чем признается своей гостье. В ответ Красавица подбадривает его, возражая, что добродетель выше и красоты и ума. Описывая ежедневные встречи Красавицы со зверем, Лепренс де Бомон отмечает, что визави героини не присущ светский лоск: зверь разговаривает с Красавицей здраво, но никогда с тем, что принято называть в светском обществе остроумием («avec assez de bon sens, mais jamais avec ce qu'on appelle esprit dans le monde»). Этим она еще раз подчеркивает нравственные достоинства главного мужского персонажа – его чистосердечие и прямоту. В своем переводе Х. Д. не замечает критического подтекста и ошибочно припи-

¹ По пути усиления дидактики и переноса акцентов в этом фрагменте идет и П.С. Свистунов: «лутче не только лицом, но и сердцем» [16. С. 82].

сывает зверю некоторое тупоумие: «...зверь... разговаривал... нарочито хорошо, но не очень разумно»¹.

Еще одна особенность демидовского перевода – это внесение русских реалий и употребление особенной лексики при описании семейных отношений и домашнего уклада. Обращает на себя внимание взаимное называние сказочных персонажей «батюшка», «сестрица», «братец», что, надо думать, отражает особенности бытовой речи и патриархальный стиль общения в семье Демидовых. Это подтверждают посвящение перевода «братцу» и стиль писем старших братьев Х. Д., посылаемых из-за границы, в которых домашние неизменно поименованы ласкательно [15]. Приведем примеры патриархальной по духу лексики, относящейся к русскому традиционному укладу: сестры «ходят как *боярыни* и пасут овцы» (ср. «faire les dames, en gardant les moutons»)². Вместо миль и французской мелкой монеты су в переводе Х. Д. расстояние меряется «верстами», а мелкая монета названа «копейкой». Большой класс лексики, описывающей жилище и его части, составляют как относительно новые слова, так и восходящие к допетровскому укладу. Так, во французском оригинале жилище зверя обозначено как дворец (palais) и замок (château). В отношении обоих слов Х. Д. пользуется словами «дворец» и «палаты»; равным образом употребляются их производные – «палатные двери» (la porte du palais) и «дворцовый сад» (jardin du palais). Кроме того, в переводе Х. Д. мы встречаем обозначение «большой дом» и «дом» для «grand palais» и «château». «Chambre» переведено и как «горница», и как «спальня», «grands appartements» – «горница», «salle» – «зала»³. Вернувшись домой, Красавица зовет «служанку» (servante), чуть ниже она обозначена как «девка», затем снова «служанка».

Как и в приведенных выше примерах, в отношении многих понятий Демидова равным образом подбирает русские аналоги и пользуется калькированием: la figure (лицо) Х. Д. переводит как «образина» и «фигура», «petite creature» (так называют Красавицу завистливые сестры) – «негодная тварь» и «малинка крестура». Однако в целом при переводе с французского Х. Д. не идет по пути создания фразеологических калек, а подбирает соответствующие смыслу русские выражения. Например: «купец пал в ноги» (ср. «se jeta à genoux»), «я даю тебе четверть часа на покаяние» (ср. «je ne vous donne qu'un quart d'heure pour demander pardon à Dieu»), «меня оставьте с Богом» (ср. «m'abandonnez au secours du Ciel»)⁴.

¹ Замечание о светских правилах обхождения было опущено и в переводе П.С. Свистунова: «...разговаривал с нею во время ужина с довольным рассуждением, однако не так, как бы он мог рассуждать имея здоровый разум» [16. С. 107].

² Ср. в переводе П.С. Свистунова: «...почитают себя великими господами, гуляя за овечьим стадом» [Там же. С. 84].

³ Во французском оригинале лошадь идет на конюшню и затем купец ее там привязывает, Х. Д. вносит уточнение, что купец привязывает лошадь к «яслям».

⁴ Обратим внимание на перевод Демидовой глагола *toucher* со значением эмоционального воздействия: «Итак, не думай *умилостивить* меня твоим ласкательством» (ср. «ne croyez pas me toucher par vos flatteries»), «не было в свете столь милостивой как вы,

При переводе французской сказки Х. Д. широко пользуется разговорными и даже просторечными выражениями. В то же время ее перевод содержит образцы светского речевого поведения. Приведем примеры того и другого.

Разговорные выражения: «жизнь мою почитаю ни за что» (ср. «je ne suis pas fort attachée à la vie»), «не болтай же мне больше» (ср. «ne me raisonnez pas»), «побожись возвратится сюда» (ср. «jurez que vous reviendrez»), «не противно ли вам будет» (ср. «voulez-vous bien que»), «Вы меня век не оставите» (ср. «ne me quittez jamais»), «привесть... в сердце» (ср. «exiter la colère»), «зжалилась о бедном звере» (ср. «sentit un grande compassion»), ревность «еще пуще умножалась» (ср. «augmenter beaucoup»), «чтобы... досыта наплакаться» (ср. «tout à leur aise»), «не пригоже ли мы ее» (ср. «plus aimable»), «я что-то вздумала» (ср. «vient une pensée»).

Формулы вежливости: Лабель отказывает соискателям ее руки «честным образом тем благодаря» (ср. «remercia bien honnêtement»), «вы изволили памятовать» (ср. «d'avoir eu la bonté de penser»), «я вам покорно благодарствую» (ср. «je vous suis bien obligé»), «то бы я вам большой поклон за то сделал и вас бы благодарить стал» (ср. «je vous ferais un grand compliment pour vous remercier»), «благодарна... за... незабвение» (ср. «remercia... de ses attentions»), «не могу воздать вам доволнова благодарения за ваше одолжение» (ср. «je ne puis m'acquitter des obligations que je vous ai»).

Опыт Х. Д. относится к первым переводам волшебных сказок о феях на русский язык, в связи с чем обратим внимание на лексику, описывающую волшебство. В ее переводе нет понятия о волшебстве (соответствует *enchantement* оригинала): принц благодарит Лабель за то, «что она окончила ево *нещастие*» (ср. «remerciait d'avoir fini son *enchantement*»)¹. Традиционный зачин сказки «il y avait une fois...» Х. Д. переводит словами «в старину жил...»².

Необычен перевод названия цветка, который просит привезти Красавица, – «une rose». Наряду употреблением форм множественного числа «розы» («ты крадешь мои розы») и формы единственного числа «роза» имеет место равное употребление формы «розен» для передачи множественного числа: «...принеси мне розен, у нас их здесь нету». Лабель не старалась об розе» (ср. «...je vous prie de m'apporter une rose, car il n'en vient point ici». Ce n'est pas que la Belle se souciât d'une rose»), «сорвал веточку, где несколько было розенов» (ср. «il passait sous un berceau de roses... et cueillit

чтоб *зжалиться* на мое состояние» (ср. «il n'y avait que vous dans le monde assez bonne pour vous laisser toucher à la bonté de mon caractère»).

¹Ср. с переводом П.С. Свистунова: принц благодарит Красавицу за то, что она «окончила ево муку, волшебством ему определенную» [16. С. 118]. Другая «сказочная» лексика в переводе Х. Д.: «великая волшебница» (une grande fée), «негодная волшебница» (méchante fée), волшебница ударяет «палочкою» (соответствует *baguette* оригинала, в переводе Свистунова – «прутик»).

²Перевод П.С. Свистунова остался без короткого зачина, сказка начинается словами: «Купец очень богатой имел у себя...» [Там же. С. 82].

une branche où il y en avait plusieurs»). Это косвенно указывает на то, что, вероятно, девушка учит также немецкий язык, в котором форма множественного числа для обозначения цветка – «Rosen» (именно с немецкого языка начинали свое обучение языкам братья Х. Д.), а также на то, что в домашнем общении в семье Демидовых было принято называть цветок на немецкий манер (напомним, что отец семейства в совершенстве владел немецким).

Во французском оригинале все персонажи обращаются друг к другу на «вы». В переводе Х. Д., напротив, повторяя русскую повседневную практику, персонажи говорят друг другу «ты». За исключением нескольких моментов. Во-первых, переход на *вы* обозначает этическую высоту межличностных отношений в момент опасности и выбора. Так, намереваясь зашищать сестру, братья говорят: «нет, сестрица, вы не умрете». Лабель сообщает о своем решении идти вместо отца к зверю: «Я вас уверяю, батюшка... что вы без меня не пойдете во оной дворец». Во-вторых, когда диалоги Лабель и зверя окрашиваются темой ухаживания, объяснения в любви, предложения руки и сердца. То есть *вы* появляется в ситуации моделирования светского поведения благородной девицы, которое транслирует не его повседневную практику (обращение на «ты»), а новую норму. Проиллюстрируем сказанное.

Отправная точка – Красавица приходит во дворец зверя. Состоялась их первая встреча, здесь еще нет темы ухаживаний: «Лабель не могла удержаться от страха, увидя ужасную образину... звер ее спросил добровольно ли она сюда пришла... “Ты очень справедлива, – сказал ей зверь, – тебе покорно благодарствую, а ты, – сказал он купцу, – поезжай назад завтра поутру, и тебе не должно никогда сюда возвращаться. Прости, Лабель”. “Прости, мой зверь” – отвечала она».

Следующим вечером зверь посещает Красавицу за ужином. Перед нами образчик разговора между девицей и молодым человеком с намерениями:

«Лабель, – сказал ей зверь, – не противно ли вам будет, чтоб я на вас смотрел, как вы ужинать станете?» «Ты здесь господин», – отвечала Лабель, трепечущи. «Нет, – говорил зверь, – нет здесь иной хозяйки кроме вас. Вы только скажите, ежели я вам противен, то я тот же час отойду прочь. Скажи мне, не скареден ли я?» – «Ето правда, сказала Лабель, – ...но я думаю, что ты очень добр». – «Вы правду говорите, – сказал зверь, – но, сверх того, что я скареден, я не имею разума: я ничего не знаю, как только что я зверь... Кушайте, Лабель, – сказал ей зверь, – и старайтесь, чтоб вам не скушно было в вашем доме, ибо все сие принадлежит вам; и мне очень досадно будет, ежели вы не довольны будете». «Вы очень милостивы, – сказала Лабель. – Я вам признаюсь, что я довольна вашим благодеянием; и я думаю, то уже вы мне не так скаредны кажетесь...» «Ежели б я имел разум, – сказал зверь, – то бы я вам большой поклон за то зделал и вас бы благодарить стал, но я глуп; вот все, что я вам могу сказать, я вам покорно благодарствую... Лабель, хотите ли вы быть моею женою?» Она долго ему не отвечала, бояся, чтоб не привестъ ево в сердце

отказом, однако ж сказала ему трепещущи: «Нет, зверь»... зверь, ей печально сказавши «*прости* же Лабель», вышел из горницы вон».

Все другие беседы Лабель и зверя построены по такому же принципу переключения диалога с повседневного общения на «ты» в ухаживание и сватовство, маркированные обращением на «вы».

Для перевода Х. Д. характерно смягчение выражений оригинала с физической семантикой: в деревне Красавица много трудится, потом «она несколько привыкла» (ср. со словами оригинала о том, что она стала сильнее – «*elle devient plus forte*»); во дворце зверя уставший и голодный купец «увидел разложенной огонь и стол с *кушеньем*» (в оригинале на столе в изобилии находятся мясные блюда – «*il trouva un bon feu et une table charge de viande*»), затем голодный купец «взял цыплионка, которова он с трепетом съел» (в оригинале купец трепеща съедает цыпленка в два приема – «*en deux bouchées et en tremblant*»).

Итак, выполненный Х.Г. Демидовой перевод сказки Лепренс де Бомон о красавице и чудовище представляет собой ученическую работу, результат которой был поднесен старшему брату в виде подарочно оформленной рукописной книги «Повесть о Лабеле и звере». Для языка перевода характерны синтаксические кальки и в то же время живые русские разговорные выражения. Последнее придало сказочному изложению яркую окраску «русскости»¹. Именно эта черта роднит демидовский перевод и сказку С.Т. Аксакова «Аленький цветочек», сюжетную основу которой, как известно, составила сказка Лепренс де Бомон «Красавица и зверь»². Между тем язык оригинальной сказки нейтрален и стилистически прост, поскольку свое сочинение Лепренс де Бомон предназначала детям, более того – благородным барышням, для которых французский язык был языком обучения, но не был родным [7. Р. 198].

По-видимому, желание связать «Повесть о Лабеле и звере» с «Аленьким цветочком» не только источником, но и возможным влиянием раннего перевода на аксаковскую сказку побудило некоторых исследователей предполагать распространение перевода Демидовой в виде многочисленных списков [17. С. 181; 21. С. 40]³. Напротив, следует признать, что руко-

¹ Перевод П.С. Свистунова, более гладкий и литературный, сохраняет нейтральную лексику оригинала и стилистическую простоту.

² Анализ источников сказки С.Т. Аксакова, в том числе сказки Лепренс де Бомон, сопоставление литературных и фольклорных вариантов сказок о красавице и звере см.: [17–20].

³ Возможно, ошибка, допущенная Ю.К. Бегуновым и затем повторенная многими исследователями, связана с неверным отождествлением «Истории о французском купце и о дочери его имянуемой Красавицею», хранящейся в Санкт-Петербургской университетской библиотеке, со списком, якобы сделанным с «Повести о Лабеле и звере». Дело в том, что сведения об этой истории были сообщены А.Н. Пыпину владельцем «Повести о Лабеле и звере» И.А. Шляпкиным, он же указал на сходство истории с «Аленьким цветочком» [22. С. 62–63]. Между тем цитированные Пыпиным начало и конец истории говорят о том, что рукопись восходит к печатному переводу Свистунова, то же показало и знакомство с рукописью *de viso* [23].

писное распространение сказок из сборника Лепренс де Бомон было суждено спискам, сделанным с печатного издания «Детского училища»¹.

Тем не менее, рукописная книга Хионии Демидовой «Повесть о Лабеле и звере» (ОРКР НЗБ СГУ, № 456) достойна внимания и как первый перевод на русский язык популярной сказки М. Лепренс де Бомон «Красавица и зверь», и как источник наших реконструкций относительно семьи Демидовых, и как материал к изучению языка переводов с французского середины XVIII в.²

Литература

1. *De Beaumont, M. Leprince* Magasin des enfants, ou Dialogues entre une sage gouvernante et plusieurs de ses élèves de la première distinction dans lesquels gens... on s'applique autant à leur former le coeur, qu'à leur éclairer l'esprit... Londres, 1756, se vende chez J. Haberkorn et chez les Libraires de cette Ville, t. 1–4.

2. *Latapie S.* Un dispositif intégré: le conte dans le *Magasin des enfants* de Mme Leprince de Beaumont // *Féerie*. 2003. № 1. P. 125–144.

3. *Привалова Е.П.* А.Т. Болотов и театр для детей // XVIII век. Сб. 3. М.; Л., 1958. С. 242–261.

4. *Лазарчук Р.М.* А.Т. Болотов // *Словарь русских писателей XVIII века*. Л., 1988. Вып. 1: (А–И). С. 114–117.

5. *Костюхина М.С.* Золотое зеркало: Русская литература для детей XVIII–XIX веков. М.: ОГИ, 2008. 224 с.

6. *Павлович С.Э.* Пути развития русской сентиментальной прозы XVIII века / под ред. В.А. Западова. Саратов, 1974. 224 с.

7. *Stewart J.H.* Les vieilles fees ou un «Bizarre assortiment» // *Dix-huitième siècle*. 2004. № 36. P. 197–209.

---

¹ В рукописном виде встречаются полные списки с «Детского училища», но чаще – сказки, представленные в разных вариантах полноты состава из сочинения Лепренс де Бомон, вплоть до списков с отдельных сказок. А.Н. Пыпин, говоря о происхождении истории о французском купце и его дочери Красавице, пишет о том, что источник сказки, без сомнения, французский и восходит к произведениям, указанным самим Аксаковым, но в отношении происхождения других сказок, в частности сказки о принце Любиме и сказки о принце Милобразе, Пыпиным не были сделаны какие-либо предположения [22. С. 63, 37, 40–41, 71–72]. Впервые популярная в рукописях сказка о принце Любиме была определена как список со сказки с одноименным названием из «Детского училища» Лепренс де Бомон в переводе П.С. Свистунова В.Д. Раком (см.: [24. С. 10]). Независимо от петербургского исследователя О.Н. Фокина на материале пяти сказок из коллекции М.Н. Тихомирова (ОРКиР ГПНТБ СО РАН) пришла к выводу, что списки сделаны с первого русского издания Лепренс де Бомон [25. С. 196]. Во всех известных мне списках (перечень их установлен благодаря картотеке Н.К. Никольского (БАН), работам А.Н. Пыпина и М.Н. Сперанского [26. С. 160–161]) сказка называется «Красавица и зверь», а не «Повесть о Лабеле и звере»; выборочная сверка текстов подтвердила происхождение списков от печатного издания (например, [27, 28]).

² Впервые описание рукописи было сделано В.Н. Перетцем в 1934 г. [29. С. 373]. В ходе работы Международного научного семинара «Русско-сибирская франкофония» (Томск, 2015 г.) в числе прочих вопросов были рассмотрены влияние французской литературы на риторичность любовного поведения и явление русского аристократического билингвизма; проблематика и выводы исследователей могут быть распространены на представленный в нашей статье материал: [30].

8. *Villeneuve G.-S.* La Jeune Américaine et les contes marins (La Belle et la Bête). Les Belles solitaires. Le prince de Beaumont J.-M. Magasin des enfants (La Belle et la Bête) / Ed. Él. Biancardi. Paris : H. Champion, 2008. 1636 p. (Bibliothèque des Génies et des Fées).
9. *Заборов П.П.* П.С. Свистунов // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я). С. 101–103.
10. *Копанев Н.А.* Петербургские подписчики на первое лондонское издание «Magasin des enfants» М. Лепренс де Бомон // Solanus. International journal for Russian at East European Bibliographic, Library and Publishing Studies. New Series. 2015. Vol. 19. P. 84–91.
11. *Краснова Е.И.* Такие разные Демидовы. СПб., 2007. 152 с. URL: <http://www.peter-gen.com/showpages.php?page=007&pp=4> (дата обращения: 21.04.2018).
12. *Марченко Е.В.* Стахиевы-Демидовы и судьба Крыма // Культурно-историческое наследие как фактор устойчивого развития территории : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Соликамск, 2015. С. 27–30.
13. Санктпетербургский календарь на лето... 1763. СПб., 1762. URL: [http://primo.nl.ru/primo_library/libweb/action/display.do?tabs=detailsTab&ct=display&fn=search&doc=07NLR_LMS009685086&indx=1&reclds=07NLR_LMS009685086&recldxs=0&elementId=0&renderMode=poppedOut&displayMode=full&frbrVersion=&frbg=&&dscent=0&scp.scps=scope%3A%2807NLR%29&mode=Basic&vid=07NLR_VU1&srt=rank&tab=default_tab&vl\(freeText0\)=38.34.3.38&dum=true&dstmp=1524204192194](http://primo.nl.ru/primo_library/libweb/action/display.do?tabs=detailsTab&ct=display&fn=search&doc=07NLR_LMS009685086&indx=1&reclds=07NLR_LMS009685086&recldxs=0&elementId=0&renderMode=poppedOut&displayMode=full&frbrVersion=&frbg=&&dscent=0&scp.scps=scope%3A%2807NLR%29&mode=Basic&vid=07NLR_VU1&srt=rank&tab=default_tab&vl(freeText0)=38.34.3.38&dum=true&dstmp=1524204192194) (дата обращения: 21.04.2018).
14. *Победимова Г.А.* «К великой пользе России...»: (Образовательное путешествие молодых дворян Демидовых по Европе в 1751–1761 гг.) // Путешествие братьев Демидовых по Европе: Письма и подневные Журналы. 1750–1761 гг. М. : Индрик, 2006. С. 7–50.
15. *Путешествие* братьев Демидовых по Европе: Письма и подневные Журналы. 1750–1761 гг. М. : Индрик, 2006. 512 с.
16. *Лепренс де Бомон М.* Сказка о красавице и звере // Лепренс де Бомон М. Детское училище, или Нравоучительные разговоры между разумною учительницею и знатными разных лет ученицами / пер. П. Свистунова. СПб., 1761. Т. 1. С. 82–120.
17. *Бегунов Ю.К.* Источники сказки С.Т. Аксакова «Аленький цветочек» // Русская литература. 1983. № 1. С. 179–187.
18. *Гистер М.А.* Проблема ключницы Пелагеи: сюжет о красавице и звере и сказка С.Т. Аксакова «Аленький цветочек» // Слово устное и слово книжное. М., 2009. С. 374–407.
19. *Гистер М.А.* Табу vs предписание в фольклорных и литературных сказках о красавице и звере // Миф в фольклорных традициях и культуре Новейшего времени. М., 2009. С. 71–89.
20. *Полосина А.Н.* Восприятие творчества Лепренс де Бомон в русской литературе XIX века: С.Т. Аксаков и Л.Н. Толстой // Сюжетология и сюжетография. 2014. № 2. С. 115–122.
21. *Пирогова Е.П.* Библиотеки Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург, 2000. 208 с.
22. *Пыпин А.Н.* Для любителей книжной старины: Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII века. М., 1888. 74 с.
23. РК НБ СПбГУ, MsЕП 16. Гистория о французском купце и о дочери ево имянуемой Красавицей, как за ея добродетель избавлен принц из мерскаго чудовища в чело века. Л. 23–42.
24. *Рак В.Д.* Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века: (Иностранные источники, состав, техника, компиляция). СПб., 1998. 336 с.

25. Фокина О.Н. Рукописи сказок Лепренс де Бомон из собрания М.Н. Тихомирова // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 8: Филология. С. 195–215.

26. Сперанский М.Н. Рукописные сборники XVIII века: Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963. 267 с.

27. ОР ГИМ. Муз. 3081. Сборник. Л. 59–69 об. (Красавица и зверь: сказка).

28. ОР ГИМ. Муз. 2393. Сборник сказок. Л. 243–267 об. (Сказка. Красавица и зверь).

29. Перетц В.Н. Описание собрания рукописей проф. И.А. Шляпкина, принесенно-го в дар владельцем Саратовскому государственному университету (часть первая) // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 361–466.

30. Поплавская И.А., Родченко Ю.И., Рудикова Н.А. Международный научный семинар «Русско-сибирская франкофония» (Томск, 11–15 июня 2015 г.) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 266–273.

THE FIRST RUSSIAN TRANSLATION OF JEANNE-MARIE LEPRINCE DE BEAUMONT'S FAIRY TALE "BEAUTY AND THE BEAST"

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 56. 248–262. DOI: 10.17223/19986645/56/13

Lyubov A. Kuryshva, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kurysh@mail.ru

Keywords: Russian literature of 18th century, handwritten fiction, Demidov family, J.-M. Leprince de Beaumont, "Beauty and the Beast", folktale type AT 425 C.

The study of Khioniya Demidova's translation of the fairy tale "Beauty and the Beast" (Saratov, Shlyapkin Collection, No. 456) gives an idea of the Russian-French lexicon of the mid-18th century, of the practice of teaching foreign languages in Russian noble families in the mid-18th century, and complements our notions of relations in the Demidov family. The translation of the tale was made by young Demidova in 1758, two years after the publication of Leprince de Beaumont's *Magasin des enfants* (Vols 1–4, Londres, 1756).

The French-language textbook by Leprince de Beaumont *Magasin des enfants* contained instructive conversations, initial information on geography, history, extracts from the Holy Scripture and moralizing tales; among the latter was a fairy tale about a beauty and a beast, whose fame surpassed its direct source, the novel *Histoire de la Belle et de la Bête* (1740) by Gabrielle-Suzanne Barbot de Villeneuve.

Apparently, Demidova received this book among other new books that her older brothers sent regularly from their educational tour of Europe in 1750–1761. The brothers could learn the news about the publication of the original textbook intended for the upbringing and education of noble young ladies in their "Russian" foreign circle. During the trip, the Demidovs regularly communicated with representatives of the Russian aristocracy and diplomats close to the court, including A.M. Golitsyn, M. Posse, A.S. Stroganov, K.E. Sivers. All these persons were among the Russian subscribers of the London edition of Leprince de Beaumont.

The hand-written book created by Demidova looks like a gift and is dedicated to her brother, Pyotr Grigorievich Demidov.

Demidova's translation as a whole accurately follows the original, including syntactic calques. Errors in declension and unstable spelling suggest that Khioniya was learning the Russian written language simultaneously with French, and that her Russian writing was phonetic rather than conventional, reinforced by the knowledge of the Russian grammar. A striking feature of the translation is the use of colloquial expressions and a regular use of Russian realities. This gave the fairy tale traits of "Russianness", which is especially noticeable against the background of the neutral stylistics of the printed translation (by Pyotr Svistunov) of *Magasin des enfants* published in 1761.

Some researchers mistakenly believe that Demidova's handwritten translation was distributed in the form of numerous manuscripts. On the contrary, it must be admitted that it was the printed edition that was distributed in a handwritten form. Nevertheless, Khioniya Demidova's translation deserves attention as the first translation into Russian of the popular fairy tale "Beauty and the Beast" in the "Russian" style (S.T. Aksakov's version continued this direction).

"Povest' o Labelle i zvere" [A Tale of Beauty and the Beast] (Saratov University Library, No. 456) is published for the first time.

References

1. Leprince De Beaumont, J.-M. (1756) *Magasin des enfants, ou Dialogues entre une sage gouvernante et plusieurs de ses élèves de la première distinction dans lesquels gens... on s'applique autant à leur former le coeur, qu'à leur éclairer l'esprit...* [Magazine for children, or Dialogues between a wise governess and several pupils of the first distinction, in which the young people are made to think, speak and act according to the genius, temperament and inclinations of each . . .]. Vols 1–4. London. Soldat J. Haberkorn and at the booksellers of this city.
2. Latapie, S. (2003) Un dispositif intégré: le conte dans le *Magasin des enfants* de Mme Leprince de Beaumont [An integrated device: the tale in the *Magazine for Children* of Mrs. Leprince de Beaumont]. *Féerie*. 1. pp. 125–144.
3. Privalova, E.P. (1958) A.T. Bolotov i teatr dlya detey [A.T. Bolotov and children's theater]. In: Berkov, P.N. (ed.) *XVIII vek* [The 18th century]. Coll. 3. Moscow; Leningrad: USSR AS.
4. Lazarchuk, R.M. (1988) A.T. Bolotov. In: *Slovar' russkikh pisateley XVIII veka* [Dictionary of Russian writers of the 18th century]. Is. 1. Leningrad: Nauka.
5. Kostyukhina, M.S. (2008) *Zolotoe zerkalo: Russkaya literatura dlya detey XVIII–XIX vekov* [Golden mirror: Russian literature for children of the 18th–19th centuries]. Moscow: OGI.
6. Pavlovich, S.E. (1974) *Puti razvitiya russkoy sentimental'noy prozy XVIII veka* [Ways of development of Russian sentimental prose of the 18th century]. Saratov: Saratov State University.
7. Stewart, J.H. (2004) Les vieilles fees ou un "Bizarre assortiment" [Old Fees or a "Bizarre Assortment"]. *Dix-huitième siècle*. 36. pp. 197–209.
8. Villeneuve, G.-S. (2008) *La Jeune Américaine et les contes marins (La Belle et la Bête). Les Belles solitaires. Leprince de Beaumont J.-M. Magasin des enfants (La Belle et la Bête)* [The American Girl and Sea Tales (Beauty and the Beast). The Lonely Beauties. Leprince de Beaumont J.-M. Magazine for Children (Beauty and the Beast)]. Paris: H. Champion.
9. Zaborov, P.R. (2010) P.S. Svistunov. In: Panchenko, A.M. (ed.) *Slovar' russkikh pisateley XVIII veka* [Dictionary of Russian writers of the 18th century]. Is. 3. St. Petersburg: Nauka.
10. Kopanev, N.A. (2015) Peterburgskie podpischiki na pervoe londonskoe izdanie "Magasin des enfants" M. Leprens de Bomon [Petersburg subscribers to the first London edition of "Magasin des enfants" by J.-M. Leprince de Beaumont]. *Solanus. International Journal for Russian and East European Bibliographic, Library and Publishing Studies. New Series*. 19. pp. 84–91.
11. Krasnova, E.I. (2007) *Takie raznye Demidovy* [The Demidovs: So different]. St. Petersburg: SPBGUTD.
12. Marchenko, E.V. (2015) [The Stakhievs-Demidovs and the fate of the Crimea]. *Kulturno-istoricheskoe nasledie kak faktor ustoychivogo razvitiya territorii* [Cultural and historical heritage as a factor in the sustainable development of the territory]. Proceedings of the International Conference. Solikamsk: Solikamsk State Pedagogical University. pp. 27–30. (In Russian).

13. Rumovskiy, S. Ya. (1762) *Sanktpeterburgskiy kalendar' na leto... 1763* [St. Petersburg calendar for the summer of 1763]. [Online] Available from: [http://primo.nl.ru/primo_library/libweb/action/display.do?tabs=detailsTab&ct=display&fn=search&doc=07NLR_LMS009685086&indx=1&reclds=07NLR_LMS009685086&recldxs=0&elemen-tId=0&renderMode=poppedOut&displayMode=full&frbrVersion=&frbg=&&dscnt=0&scp.scps=scope%3A%2807NLR%29&mode=Basic&vid=07NLR_VU1&srt=rank&tab=default_tab&v1\(freeText0\)=38.34.3.38&dum=true&dstmp=1524204192194](http://primo.nl.ru/primo_library/libweb/action/display.do?tabs=detailsTab&ct=display&fn=search&doc=07NLR_LMS009685086&indx=1&reclds=07NLR_LMS009685086&recldxs=0&elemen-tId=0&renderMode=poppedOut&displayMode=full&frbrVersion=&frbg=&&dscnt=0&scp.scps=scope%3A%2807NLR%29&mode=Basic&vid=07NLR_VU1&srt=rank&tab=default_tab&v1(freeText0)=38.34.3.38&dum=true&dstmp=1524204192194). (Accessed: 21.04.2018).
14. Pobedimova, G.A. (2006) *Puteshestvie brat'ev Demidovykh po Evrope: Pis'ma i podnevnye Zhurnaly. 1750–1761 gg.* [Journey of the Demidov brothers in Europe: Letters and Daily Journals. 1750–1761]. Moscow: Indrik. pp. 7–50.
15. Pobedimova, G.A. (2006) *Puteshestvie brat'ev Demidovykh po Evrope: Pis'ma i podnevnye Zhurnaly. 1750–1761 gg.* [Journey of the Demidov brothers in Europe: Letters and Daily Journals. 1750–1761]. Moscow: Indrik.
16. Leprince de Beaumont, J.-M. (1761) *Detskoe uchilishche, ili Nravouchitel'nye razgovory mezhdu razumnoyu uchitel'nitseyu i znatnymi raznykh let uchenitsami* [Magazine for children, or Dialogues between a wise governess and several pupils of the first distinction, in which the young people are made to think, speak and act according to the genius, temperament and inclinations of each . . .]. Translated from French by P. Svistunov. Vol. 1. St. Petersburg: tip. Svhoputn. kad. korpusa. pp. 82–120.
17. Begunov, Yu.K. (1983) Istochniki skazki S. T. Aksakova “Alen'kiy tsvetochek” [Sources of S.T. Aksakov's fairy tale “The Scarlet Flower”]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 179–187.
18. Gister, M.A. (2009) Problema klyuchnitsy Pelagei: syuzhet o krasavitse i zvere i skazka S.T. Aksakova “Alen'kiy tsvetochek” [The problem of Pelageya, the key holder: the story of the beauty and the beast and S.T. Aksakov's fairy tale “The Scarlet Flower”]. In: Gister, M.A. (ed.) *Slovo ustnoe i slovo knizhnoe* [Word of mouth and word of book]. Moscow: RSUH.
19. Gister, M.A. (2009) Tabu vs predpisanie v fol'klornykh i literaturnykh skazkakh o krasavitse i zvere [Taboo vs prescription in folklore and literary tales about beauty and the beast]. In: Neklyudov, S.Yu. (ed.) *Mif v fol'klornykh traditsiyakh i kul'ture Noveyshego vremeni* [Myth in the folklore traditions and culture of the Modern Time]. Moscow: RSUH.
20. Polosina, A.N. (2014) The perception of works of Leprince De Beaumont in Russian literature of XIX century: S.T. Aksakov and L.N. Tolsoy. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2. pp. 115–122. (In Russian).
21. Pirogova, E.P. (2000) *Biblioteki Demidovykh: knigi i sud'by* [Libraries of the Demidovs: books and destinies]. Yekaterinburg: Sokrat.
22. Pypin, A.N. (1888) *Dlya lyubiteley knizhnoy stariny. Bibliograficheskiy spisok rukopisnykh romanov, povestey, skazok, poem i pr., v osobennosti iz pervoy poloviny XVIII veka* [For lovers of book antiquity. Bibliographic list of handwritten novels, novellas, fairy tales, poems, etc., especially from the first half of the 18th century]. Moscow Tipo-lit. I.N. Kushnereva i K.
23. Rare Books Department of St. Petersburg State University Research Library. MsEII 16. *Gistoriya o frantsuskom kuptse i o docheri evo im yanuemoy Krasavitsey, kak za eya dobrodetel' izbavlen prints iz merskago chyudovishcha v cheloveka* [The story of a French merchant and his daughter he called Belle, as for her virtue, the prince was freed from an ugly beast into a man]. pp. 23–42.
24. Rak, V.D. (1998) *Russkie literaturnye sborniki i periodicheskie izdaniya vtoroy poloviny XVIII veka: (Inostrannye istochniki, sostav, tekhnika, kompilyatsiya)* [Russian literary collections and periodicals of the second half of the 18th century: (Foreign sources, composition, technique, compilation)]. St. Petersburg: Akademicheskiiy projekt.
25. Fokina, O.N. (2011) Tales of Leprince de Beaumont in the manuscripts from M.N. Tikhomirov's collection. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.:*

Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology. 10 (8). pp. 195–215. (In Russian).

26. Speranskiy, M.N. (1963) *Rukopisnye sborniki XVIII veka: Materialy dlya istorii ruskoj literatury XVIII veka* [Manuscript collections of the 18th century: Materials for the history of Russian literature of the 18th century]. Moscow: USSR AS.

27. Manuscript Department of the State Historical Museum of Russia (OR GIM). Muz. 3081. Sbornik [Collection]. pp. 59–69 rev. (*Krasavitsa i zver'*: *skazka* [Beauty and the beast: a fairy tale]).

28. Manuscript Department of the State Historical Museum of Russia (OR GIM). Muz. 2393. Sbornik skazok [Collection of fairy tales]. pp. 243–267 rev. (*Skazka. Krasavitsa i zver'* [A fairy tale. Beauty and the beast]).

29. Peretts, V.N. (1960) *Opisanie sobraniya rukopisey prof. I.A. Shlyapkina, prinesennogo v dar vladel'tsem Saratovskomu gosudarstvennomu universitetu (chast' pervaya)* [Description of the collection of manuscripts of Prof. I.A. Shlyapkin, donated by the owner to Saratov State University (Part One)]. In: Tikhomirov, M.N. (ed.) *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1959 g.* [Archeographic Yearbook for 1959]. Moscow: Nauka.

30. Poplavskaya, I.A., Rodchenko, Yu.I. & Rudikova, N.A. (2016) International Scientific Seminar “Russian-Siberian Francophonie” (Tomsk, 11–15 June, 2015). *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology.* 2. pp. 266–273. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/55/28

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

DOI: 10.17223/19986645/56/14

Повесть о Лабеле и звере* (публикация Л.А. Курьшиевой)

Научная зональная библиотека им. В.А. Артисевич Саратовского государственного университета, Отдел редких книг и рукописей (ОРКР), № 456 (собрание И.А. Шляпкина). Повесть о Лабеле и Звере. С французского перевела Хиония Демидова в Санктпетербурге 1758 года. 34 л. + 3 л. пустых, черные чернила¹.

Картонный переплет, корешок частично сохранился, обложка покрыта нарядной бумагой с тиснением – оранжевым цветочным рисунком (цветы и виноград) на золотисто-горчичном фоне, бумага иностранного производства (филиграни «Vryheyt» и «ProPatria»).

На форзаце верхней крышки запись тем же почерком, что и весь текст: «Сию Книгу подарила братцу Петру Григорьевичу Х. Д.». На л. 1 заглавие повести обведено двойной рамкой оранжево-розового цвета (в тон обложке книги): «Повесть о Лабеле и Звере. С французского перевела Хиония Демидова в Санктпетербурге 1758 года».

Листы рукописной книги слева и справа украшены полями, обозначенными двойной полосой того же цвета, что и рамка первого листа. Листы разлинованы карандашом. Почерк: скоропись, стилизованная под полуустав, почти без выносных букв.

По тексту правка аккуратно внесена чернилами того же цвета; для обозначения изъятия слово или слог взяты в прямые скобки ||. Пунктуация и графические выделения в переводе Х. Д. полностью соответствуют французскому источнику.

На внутренней стороне верхней крышки синими чернилами рукою И.А. Шляпкина: «La belle et la bête». На л. 1 экслибрис «Библиотека И.А. Шляпкина», от руки вписан номер – № 227. Там же внизу страницы карандашом «1868, янв 6-го 30 л.» (по-видимому, отметка Шляпкина о дате приобретения).

В настоящей публикации особенности правописания оригинала сохранены со следующими отступлениями к новым орфографическим нормам: *ер* (ъ) на конце слов опущен; устаревшие знаки *ї* и *ять* заменены на *и* и *е*.

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-04-00214-ОГН.

¹ Впервые рукопись описана В.Н. Перетцем, см. список литературы к статье: [27. С. 373]. Пользуясь случаем, выражаю сердечную благодарность сотрудникам Отдела редких книг и рукописей НЗБ СГУ Нэлли Алексеевне Попковой и Светлане Викторовне Клейменовой за содействие и консультации об истории коллекции рукописей и старопечатных книг, подаренных А.И. Шляпкиным Саратовскому университету.

Воспроизводятся особенности произношения того времени, отраженные в правописании: форма мужского рода единственного числа на *-ой*, форма множественного числа на *-ия*; графическое отражение аканья. Сохранено правописание, если оно передает особенности языка оригинала. Пунктуационные знаки по возможности приведены в соответствие с современными нормами.

Текст

(л. 2) Повесть о Лабелле и звере

В старину жил некакой купец, которой чрезвычайно был богат. Он имел шестерых детей, три сына и три дочери; а как сей купец был человек разумной, то он ничего не жалел на воспитание своих детей; он приставил к ним разных учителей.

Дочери ево были очень пригожи, но меньшая была всех превосходнее; почему ее и называли, когда она мала // (л. 2 об.) была, «^ала бель^а», или «прекрасное дитя», с сим именем она и осталась; ^б почему сестры ее великую к ней ненависть имели. Сия меньшая была пригожее и разумнее ея сестер; две старшья были очень спесивы, затем что они были богаты; оне, желая содержать себя как большие госпожи, не хотели, чтоб их посещали другия купецкия дочери: им хотелос чтоб к ним ходили только знатные люди. Они ездили всякой день по балам, // (л. 3) по комедиям и по гульбищам; а над меншею сестрою смеялись, которая все почти свое время употребляла над чтанием хороших книг. А как извесно было, что сии девицы очень богаты, то некоторые знатные купцы на них хотели жениться; но две старшья ответствовали, что оне никогда не хотят замуж итти, разве за князя или, по меньшей мере, за графа. Лабель [уже объявлено, что сим именем меньшая называется], // (л. 3 об.) честным образом тех^в благодаря, которые ее хотели за себя взять, говорила: «я еще молода» и что «мне еще хочется несколько лет пожить с моим отцом».

Вдруг купец сей потерял все свое богатство, и только остался у него малинкой загородной двор, лежащей очень далеко от города. Он плачучи говорил своим детям: «Надобно нам жить в сем доме и работать как крестьянам, чтоб нам пропитаться». Старшья ево доче- // (л. 4) ри ответствовали ему, что оне не хотят покинуть город, затем что оне имели в нем многих полюбовников, которые будут счастливы, когда на них женятся, хотя оне и небогаты, и безчастны; но бедныя девицы обманулись; полюбовники их не хотели уже на их и гледеть для того, что они оскудали. А как их никто не хвалил за их гордость, то говорили об них: «Они не достойны, чтоб их и сожалеть; мы очень ради, что их гордость унизилась; пусть // (л. 4 об.)

^{а-в} В ркп. слова подчеркнуты.

^б В ркп. далее в прямых скобках по.

^в Исправлено, в ркп. тем.

оне ходить как боярыни и пасуть овцы». Но в то же время все говорили: «Что до Лабели касается, мы очень сожалеем о ея несчастьи^г, она добрая девица и рассуждала о бедных людях с великою милостию, она была очень смирна и учтива». Были многия дворяня, которые ее хотели за себя взять, хотя она и не имела ни копейки, но она им сказала, что она не может склонниться оставить своего беднаго отца в его несчастьи и что она с ним^а // (л. 5) пойдет в деревню, чтоб утешать его и помогать ему в работе. Бедная Лабель сначала печалилась, что лишилась своего благополучия, но, наконец, сказала сама себе: «Как бы я не плакала, то, однако ж, сим не возвращу моего богатства; надобно стараться, чтоб быть щастливому и в нещастьи».

Как они пришли в их деревню, то купец и ево трое сыновей принялися пахать землю. А Лабель вста- // (л. 5 об.) вала поутру в четвертом часу и поспешала убирать дом и приготавливать кушенье своей фамилии. Сначала ей было очень трудно, затем что она не привыкла работать как служанка; но по прошествии двух месяцев она несколько привыкла и от трудов стала совершенно здорова. По окончании работы она читала и играла на клавире или, прядучи, пела. Напротив того, ея двум сестрам время очень дол- // (л. 6) го казалось; оне, вставая в десятом часу поутру, гуляли во весь день и увеселялись тем, что непрестанно сожалели о прекрасном их платье^б и о кампаниях. «Смотри на нашу сестрицу, – говорили оне промежду себя, – у ней душа подлая, и она так глупа, что радуется ея нещастному состоянию». Бедной купец не думал так об ней, как ево дочери. Он знал, что Лабель лучше ея сестер; ея хвалили в кампаниях. Он ди- // (л. 6 об.) вовался добродетели сей младой своей дочери, а особливо о ее терпении; ибо ея сестры и тем не были довольны, что она правила весь дом, ругали ее всякой час.

По прошествии году жития их в сем уединении, купец получил письмо, которым объявлено ему было, что корабль прибыл с ево таварами благополучно. Сия ведомость обновила в старших ево дочерях прежнее их о себе мнение, которыя думали, // (л. 7) что им можно оставить, наконец, их деревню, где им очень уже жить скучило; а как оне увидели, что отец их хотел отежжать за торговлею, то просили оне, чтоб он привез им богатое платье^ж, головные уборы и другую мелоч. Лабель ничего у него не просила, затем, она думала про себя, всех вырученных за тавар денег не будет довольно, чтоб купить то, о чем сестры ее просили. «Ты // (л. 7 об.) меня не просишь, чтоб я тебе что-нибудь купил», – сказал ей отец. – «Когда вы столь милостиво думайте обо мне, – сказала она ему, – то, пожалуй, принеси мне розен, у нас их здесь нету». Лабель не старалась об розе; но она не хотела своим примером осудить поступку ея сестер, которыя бы сказали: «Она от гордости, ничево не просит».

^г Исправлено, в ркп. несчастьи.

^а В ркп. далее в левую угловую скобку взят слог пой.

^б Исправлено, в ркп. платее.

^ж Исправлено, в ркп. платья.

Бедной отец уехал; а по приезде тяжбою отняли у // (л. 8) него все тава-ры, и стал он так же беден, как и прежде. Ему только осталось 30 верст ехать до дому. Он радовался, что увидит своих детей; но, как надлежало ему наперед ехать чрез густой лес, он вдруг заблудился. Дождь тогда шол ужасной, а ветер такой был великой, что он два раза с лошади падал, ноч настала, он думал, что умрет с голоду и холоду или съеден будет волками, которые кру- // (л. 8 об.) гом ево выли. Вдруг увидел он долгую алею, по конец которой казался великой свет, но очень вдали. Он пошел прямо в ту сторону и увидел, что сей свет производил из болшево дома, которой был весь иллюминирован. Купец благодарил Бога за посланную ему помощ, поспешал приехать к оному дому, он очень удивился, не видя никого на дворе. Лошедь ево, которая за ним следовала, увидя отво- // (л. 9) реную великую конюшню, вошла в нее и нашла довольно сена и овса; бедное животное, которое умирало с голоду, бросилось³ на оно с великою жадностию. Купец привязал ее к яслем, а сам пошел в дом, где никого не нашел; но, вошед в большую залу, увидел разложенной огонь и стол с кушеньем, где лежал толко один прибор. А как дождем измочило ево всево, то приблизился он к огню, чтоб // (л. 9 об.) обсушиться, и говорил про себя: «Хозяйн сего дому или ево люди простят мою смелость, они, без сумнения, скоро придут». Он ждал долгое время; но одинацеть часов пробило, однако ж никто не бывал, он не мог более голоду терпеть и взял цыплионка, которого он с трепетом съел. Он также выпил несколько рюмок вина, отчево, ставши смелее, вышел из залы, ходил по другим горницам, // (л. 10) великолепно убранным. Наконец, нашел он горницу, где была изрядная постеля; а как была уже полночь, он же к тому устал, то осмелился, затворя дверь, лечь спать.

На другой день встал он в одинацатом часу, испугался, увидя богатое платье вместо своего, которое было уже очень изношено. «Конечно, – сказал он сам себе, – сей дворец надлежит некоторой доброй волшебнице, которая // (л. 10 об.) жалость имеет над моим состоянием». Он погледел в окошко и не видал ничего, кроме цветников розовых. Он вошел в большую залу, в которой ужинал накануне, и увидел малинкой шакалатной столик. «Благодарствую, госпожа волшебница, – сказал он громко, – что вы изволите памятовать об моем завтраке». Бедной старик, напившис шоколату, пошел смотреть свою лошедь, и // (л. 11) как ему надобно было итти мимо цветников розовых, то вспомнил он, о чем Лабель ево просила, и сорвал веточку, где несколько было розенов. В то время, услыша он великой шум, видит, что идет к нему зверь столь ужасен, что думал он тот час от него быть разтерзану. «Ты очень неблагоприятен, – сказал ему зверь страшным голосом, – я тебя избавил от смерти и принял в мой двор, // (л. 11 об.) а за труд мой ты крадешь мои розы, которые я люблю лучше всего света. Умри за сие преступление; я тебе даю четверть часа на покаяние». Купец пал в ноги и говорил зверю, жжавши руки: «Милостивой государь, прости меня,

---

³ Исправлено, в ркп. бросилась.

я, не думая, чтоб ты прогневался, сорвал розен одной из моих дочерей, которая меня об нем просила». – «Я не называюсь "государь", – отве- // (л. 12) чал зверь, – но "зверь". Я комплиментов не люблю и хочу, чтоб со мною то говорили, что думают; итак, не думай умилоствить меня твоим ласкателством. Ты мне сказал, что ты имеешь дочерей; то я тебя прощаю, толко с тем, чтоб одна из твоих дочерей пришла доброволно умереть за тебя; не болтай же мне болше, поежкой; а ежели твои дочери откажут за тебя умерет, // (л. 12 об.) то побожись возвратиться сюда в три месяца». Бедной человек не имел намерения, чтоб одну из своих дочерей принесть на жертву сему зверю, но думал: «По крайней мере, я еще с ними хотя один раз увижусь». Он клялся, что будет назад, а зверь сказал ему: «Ты можеш ехать, когда хочеш; но предложил к тому: «Я не хочу, чтоб ты пошел с пустыми руками. // (л. 13) Поди в ту горницу, где ты начевал, тут найдешь пустой ящик; и можешь в него положить, что хочешь, а я велю принесть ево к тебе». Сказавши сие, зверь ушел, а купец сказал сам себе: «Хотя я и умру, то, однако ж, я буду иметь то утешение, что оставлю пропитание моим бедным детям».

Он пошел в ту горницу, где начевал, и нашел великое множество золотых де- // (л. 13 об.) нег; он, наполнивши ящик, о котором зверь ему сказал, запер и пошел за лошедью, которую нашел в конюшне. Он ехал из сего дому столко же печален, сколько радовался прежде, когда в него вошел. Лошадь ево без правленья повезла в роцку, и вскоре возвратился он в свою деревню. Дети круг ево обстали; но вместо, чтоб ему радоваться, увидя своих детей, он заплакал, смотря на // (л. 14) них, держа в руке сучок розовой, которой принес он Лабеле, и ей дал^и, сказав: «Лабель, возми сии розы; оне многово коштовать будут твоему несчастному отцу»; а потом он росказал своей фамилии несчастную историю, которая ему приключилась. По сем объявлении закрычали старшия две и поносили Лабель за то, что она не плакала. «Смотрите, что произвела гордость сея негодной твари, – говорили // (л. 14 об.) оне, – она ничего хорошева не просить, как мы; но нет, ей, сударыне, хочеться быть знатною госпожею; она причинила смерть нашему батюшке, а сама не плачет». – «Сие будет очень бесполезно, – говорила Лабель, – зачем мне оплакивать смерть батюшки моего; он не погибнет. Зверь требует одну из нас, то я отдамся всей ево жестокости, и я себя счастливою почитаю, что умираючи буду радоваться, // (л. 15) что избавила отца моего, и ему докажу мою любовь». – «Нет, сестрица, – говорили ея три брата, – вы не умрете; мы пойдем искать сего зверя, и мы лучше сами от него погибнем, ежели не можем ево убить». – «Не льститесь, детки, – сказал им отец, – сила сего зверя так велика, что мне нет никакой надежды к ево погублению. Я радуюсь доброму намерению Лабели; но я не хочу, чтоб она отдалась // (л. 15 об.) на смерть. Я стар, и мне осталось малое время жить; итак, я только потеряю несколько лет моей жизни, о которых я нимало не сожалю, как только мне жал вас, мои дражайшия

---

^и В ркп. далее перечеркнутый союз и.

дети». – «Я вас уверяю, батюшка, – сказала ему Лабель, – что вы без меня не пойдете во оной дворец; вы мне не можете в том препятствовать, чтоб я не могла за вами туда следовать. Хотя я и молода, однако ж // (л. 16) жизнь мою почитаю я ни за что, и я лучше хочу быть разтерзана от сего зверя, нежели умереть с печали о вашей погибели». Что не говорили, Лабель вздумала неотменно итти в сей прекрасной дворец; сестры ея были тому очень ради; затем что добродетель ея им много досады причинила. Купец печалился о лишении своей дочери, так что он // (л. 16 об.) позабыл и ящик, которой он наполнил золотом; но как скоро он заперся в свою спальню, то очень удивился, увидя оной сундук в головах ево постели. Он положил, чтоб не сказывать своим детем, что он богат стал; затем что ево дочери захотят возвратиться в город, а ему хотелось умереть в сей деревне; он открыл сию тайность Лабеле, которая ска- // (л. 17) зала ему, что были некоторые дворяны во время ево отезду и между ими были двое, которые любили ея сестер. Она просила отца своего, чтоб он отдал их за оных дворян; ибо она была к ним столь добра, что, любя, прощала их во всем том, в чем оне ей досадили. Сии две негодныя девки, натерши свои глаза луком, как будто плачут, когда Лабель поехала с отцем; но ея // (л. 17 об.) братья плакали так же, как и купец; только одна Лабель не плакала, ибо ей не хотелось умножить тем печаль их.

Лошед пошла прямо к палатам, и на вечер они им показали иллюминнованы, как и прежде. Лошедь вошла в конюшню, а бедной купец взошел с своею дочерю в зал, где нашли они стол, убранной великолепно на две персоны. Купец // (л. 18) не смел кушать; но Лабель весьма спокойно за стол села и раздавала кушенье; после сказала самой себе: «Зверь хочет наперед меня накормить, а потом съест, затем он мне и такое хорошее кушенье приготовил». Как они отужинали, то услышали великой шум; купец простился с своею бедною дочерью плачучи, // (л. 18 об.) думая, что ето зверь был. Лабель не могла удержаться от страху, увидя ужасную обрзину; но, сколько можно, казалас отважною; звер ея спросил, добровольно ли она сюда пришла; на что она ему трепещущи отвечала, что «да». – «Ты очень справедлива, – сказал ей зверь, – я тебе покорно благодарствую. А ты, – сказал он // (л. 19) купцу, – поезжай назад завтра поутру, и тебе не должно никогда сюда возвращаться. Прости, Лабель». – «Прости, мой зверь», – отвечала она; вдруг потом зверь ушел. – «Увы, доч моя, – сказал купец, обнявши Лабель, – я почти умер со страху. Оставь меня здесь»; – «нет, батюшка, – сказала ему Лабель с твердостью, – // (л. 19 об.) вы поезжайте завтра поутру, а меня оставте с Богом; может быть, он сожаление возьмеем надо мной». Они легли спать и думали, что всю ночь не уснуть; но лиш они легли на постелю, то глаза их тот час самкнулис. Во время их сна Лабель увидила женщину, которая ей говорила: «Я довольна твоим добрым // (л. 20) сердцем, Лабель; доброе действие, которое ты делаеш, принося жизнь свою, чтоб избавить твоего отца, не будет без награждения^к». Лабель пробудилас и рассказала сей сон отцу, и хотя сие ево и утешило, но не пре-

^к Исправлено, в ркп. награждение.

пятствовало ему жестоко плакать, когда уже ему надобно было ехать от своей любезной дочери.

Как он уехал, то Лабель села в зале и на- // (л. 20 об.) чела плакать; но как она еще не совсем отчаялась, то препоручила себя Богу и вздумала не печалиться в такое малое время, которое для нее осталось; ибо она подлинно думала, что зверь ее съест вечером. Дожидаяся сего случая, захотелось ей гулять и осмотреть красоту сего дворца. Она не могла себя удержать, чтоб не удивлять- // (л. 21) ся красоте сих палат. Но она испугалась, как нашла дверь, на которой было написано: «^лКомната Лабели^л». Она спешно отворила дверь и ослепилась великолепием, которое там находилось: но лучше всего ей показалось, что была там большая библиотека, клавир и множество музыкальных книг. «Знать, что не хотять, чтоб мне здесь скучно было», – говорила она тихон- // (л. 21 об.) ко; потом она думала: «Ежели б мне один день здесь жить, то бы мне не так много напасли кушенья». Сии мысли привели ее в смелость. Она отперла библиотеку и увидела книгу, где было написано золотыми словами: «^мЖелай, приказывай: ты здесь царица и хозяйка^м». «Увы! – говорила она вздыхаяючи, – я ничего не желаю, как толко видеть моево беднова отца и знать, что он теперь делает», – // (л. 22) говорила она сие про себя. Как же она удивилась, взглянув в большое зеркало: увидела свой дом, куда ее отец с печальным лицом возвращается. Ея сестры обступили круг ево, и, не зная на их притворство, которое оне делали, чтоб показаться печальными^н, радость, которую оне имели о лишении их сестры, казалась^о на их лицах. После, в мгновения ока все сие пропало, а Лабель не могла думать, чтоб зверь был неми- // (л. 22 об.) лостив, и что ей бояться ево нечего.

В полдень увидела она собранной стол и во время ея обеду услышала прекрасной концерт, хотя и никою не видала. Вечером, как она села за стол, услышала шум, которой причинял зверь, и не могла удержаться от ужасу. «Лабель, – сказал ей зверь, – не противно ли вам будет, чтоб я на вас смотрел, как вы ужинать станете?» – «Ты здесь господин», – отвечала // (л. 23) Лабель трепещущи. – «Нет, – говорил зверь, – нет здесь иной хозяйки кроме вас. Вы только скажите, ежели я вам противен, то я тот же час отойду прочь. Скажи мне, не скареден ли я?» – «Ето правда, – сказала Лабель, – ибо я лгать не умею; но я думаю, что ты очень добр». – «Вы правду говорите, – сказал зверь, – но, сверх того, что я скареден, я не имею разума: я ничего не знаю, как только, что я зверь». // (л. 23 об.) – «Те не звери, – отвечала Лабель, – ежели думают, что у них нет разума: а дурак сего не знает». – «Кушайте, Лабель, – сказал ей зверь, – и старайтесь, чтоб вам не скушно было в вашем доме, ибо все сие принадлежит вам; и мне очень досадно будет, ежели вы не довольны будете». – «Вы очень милостивы, – сказала Лабель. – Я вам признаюсь, что я довольна вашим благодеянием; и

---

^{л-л} В ркп. слова подчеркнуты.

^{м-м} В ркп. слова подчеркнуты.

^н Исправлено, в ркп. печальным.

^о Исправлено, в ркп. казалось.

я думаю, что^п уже вы мне не так скаредны кажетесь». // (л. 24) – «Ах, сударыня, – отвечал зверь, – правда, я добр, но я урод». – «Есть много людей, которые еще страшня вас, – говорила Лабель, – я вас лучше люблю с сею фигурою, нежели тех, которые хотя и человеческую фигуру имеют, но они лукавы, неблагодарны, никуда не годны». – «Ежели б я имел разум, – сказал зверь, – то бы я вам большой поклон за то зделал и вас бы благодарить стал, но я глуп; вот все, что я вам могу сказать, я вам покорно благодарствую». // (л. 24 об.) Лабель ужинала с хорошим аппетитом, она уже почти не боялась зверя, но она чуть не умерла со страху, когда он сказал: «Лабель, хотите ли вы быть моею женою?» Она долго ему не отвечала, бояся, чтоб не привестъ ево в сердце отказом, однако ж сказала ему трепещуши: «Нет, зверь». В мгновения ока бедной зверь воздохнул и засвистал так крепко, что во всем дворце отозвалось, но Лабель скоро успокоилась, ибо зверь, ей печально сказавши «прости же, Ла- // (л. 25) бель», вышел из горницы вон и все оглядывался на нее. Лабель, увидя себя одну, зжалилась о бедном звере: «Ах, – сказала, – сожалею, что он дурен, ах, ежели б он был пригож!»

Лабель жила три месяца в сих палатах тихо. Всякой вечер зверь ее посещал, разговаривал во время ея ужины нарочито хорошо, но не очень разумно. На каждой день Лабель примечала новые милости в сем звере. Бывши с ним часто, привыкла к ево безобразию и нимало не боялась тех // (л. 25 об.) часов, в которыя он ея посещал; она часто глела на часы, чтоб видеть, скоро ли девять ударить, ибо зверь всегда в оном часе к ней приходил. Только одно казалось^р ей трудно, что зверь ее всегда, как она ложилась спать, спрашивая, хочет ли она быть ево женою, казался печальным, когда она ему отвечала, что «нетъ». В один день сказала она ему: «Ты мне досаждаеш, зверь; я бы за тебя хотела вытти, но как я очень справедлива, то уверяю вас, что сие никогда // (л. 26) не будет. Я всегда буду твоею приятельницею, старайся, чтоб ты сим был доволен». – «Надобно так, – говорил зверь, – я даю вам в том справедливость. Я знаю, что я очень ужасень; но я вас очень люблю, однако ж я и тем весма счастлив, что вы хотите здесь остаться; обещайтесь мне, что вы меня век не оставите». Лабель покраснела от сих слов. Она, увидя в зеркале, что отец ее захворал с печали, что ее лишился, захотела у него побывать. «Я могу вам обещаться, – сказала она зверю, – // (л. 26 об.) чтоб вас век не оставить, но я охоту имею побывать у отца моего, и я умру с печали, ежели ты мне откажеш сие веселие». – «Я лучше сам умру, – сказал зверь, – нежели вам причинить печаль. Я вас пошлю к вашему отцу, вы останетес там, а ваш бедной зверь умрет по вас с печали». – «Нет, – сказала ему Лабель плачучи, – я вас очень люблю, и потому не можно мне вас привести к смерти. Я вам обещаюсь быть через неделю. А как вы меня допустили видеть, что мои сестры вышли замуж, // (л. 27) а братцы мои поехали в армию, отец мой остался один, то

^п Исправлено, в ркп. то.

^р Исправлено, в ркп. казалась.

позволь, чтоб я для нево осталася еще неделю». – «Вы будете тамо завтра поутру, – сказал зверь, – но вспомните о вашем обещании^с. Ежели вы захотите возвратиться сюда, то положите ваш перстен на стол, когда лажете спать. Прощай, Лабель». Зверь вздохнул по ево обыкновению, говоря сии слова, а Лабель легла запечалившись, увидя, что он так по ней тужит.

Как она пробудилас поутру, то очутилася она в доме ея отца и, зазвонивши в колокольчик, ко- // (л. 27 об.) торой был у постели, видит, что к ней пришла служанка, которая очень закрычала, ея увидя. Бедной старик прибежал на сей крик и думал с радости умереть, увидя свою любезную дочь; они обнявшис стояли более четверти часа. Лабель по первом возхищении думала, что нет у ней платья, чтоб, вставши, одеться; но девушка ей сказала, что она нашла в боковой горнице большой ящик, наполнен золотыми платьями, брالياми. Лабель благодарила зверя за ево незабвение; она взяла самое худое себе платье^т, а // (л. 28) другая велела служанке спрятать, затем что она хотела подарить оныя сестрам своим. Лиш она сии слова вымолвила, то ящик стал невидим. Отец ея сказал ей: «Зверь хочет, чтоб ты все оное себе берегла», тот же час ящик с платьем^у опять явился на своем месте. Лабель оделас, а в сие время приказали объявить ея сестрам, которья прибежали тотчас с их мужьями. Оне обе были очень несчастливы. Старшая вышла за дворянина прекраснова; но он так влюблен был сам // (л. 28 об.) в себя, что затем и презирал красоту жены своей. Другая вышла за такова человека, которой много разуму имел; но он ничего оным не делал, как только всех людей приводил на злобу, а жену свою вопервых. Сестры Лабелины думали умереть с досады, увидя ее одету^ф как царицу и прекраснее дня. Она начала их ласкать; но ничто не могло уталить их ревности, которая еще пуще умножалася, как она рассказывала им, сколько она сщастлива. Сии две ревнивыя сошли в сад, чтоб там досыти наплакаться, // (л. 29) и говорили между собою: «Для чево сия малинкая креатура сщастливее нас? Не пригоже ли мы ее?» – «Сестрица, – сказала старшая, – я что-то вздумала: будем стараться удержат ея здесь более недели, ея глупой зверь осердится, что она ему слово не здержала, и, может быть, он ее за то и съест». – «Вы правду говорите, сестрица, – отвечала другая, – и для тово надобно ея ласкать»; взявши сие намерение, вошли вверх и оказывали такое дружество их сестре, что Лабель плакала с радости. Как неделя минула, то две сестры волосы на себе драли, столько печалились о ея отъезде, что она обеща- // (л. 29 об.) лась еще неделю остаться.

Между тем Лабель порицала себя, что причинила бедному зверю печаль, которова она очень любила, и уже скушно ей стало быть без нево. В десятую ночь пребывания ея у отца приснилось ей, бутто бы она была во дворцовом саду и бутто бы видела зверя, лежащаго на траве, готова уме-

---

^с Исправлено, в ркп. обещаний.

^т Исправлено, в ркп. платья.

^у Исправлено, в ркп. платьям.

^ф Исправлено, в ркп. одеду.

реть, которой порицал ея неблагодарность. Лабель, в ужасе пробудившись, лилась слезами. «Не безсовесна ли я, – говорила она, – что опечалила зверя, которой ко мне имел столько учтивостей? Ево ли в том вина, что он так скареден и так мало разума имеет? Он добр, // (л. 30) сие лучше всево, то зачем же я за него нейду? Я бы сщастливее была с ним, нежели мои сестры с их мужьями. Не красота и не разум мужа веселить могут жену, но изрядной нрав, добродетель и учтивость; а зверь все сии добрыя качества имеет. Хотя я и не имею к нему любви, но имею почтение, дружество и благодарность. Пойдем, не надобно ево делать бесчастным; я во всю мою жизнь беспокоиться буду за мою неблагодарность». Сказавши сии слова, // (л. 30 об.) Лабель встала, положила перстен свой на стол, а потом опять легла и заснула; а как поутру пробудилась, то с радостию увидела, что она во дворце у зверя. Она наделась хорошенко, чтоб ему понравилась, и весь день тот препроводила в скуке, дожидаяся девятаго часа вечера; часы хотя и исправно ходили, но зверь не бывал. Лабель боялась, не причинила ли она ему смерть. Бегала она по всему дворцу, сильно кричала и пришла было в отчаяние. // (л. 31) Искавши повсюду, вспомнила о ея сне, побежала в сад к каналу, где во сне он ей показался. Тут нашла беднова зверя без чувства и думала, что он уже умер. Бросилась она на ево, не пугаясь ево образины, почувствовала, что сердце ево еще бьется, взяла воды из канала и бросила ему на голову. Зверь отворил глаза и сказал: «Лабель, вы забыли ваше обещание; печаль, что вас лишился, чудь было меня с голоду не уморила; но теперь я умру с покоем для // (л. 31 об.) тово, что имею удовольствие вас еще один раз видеть». – «Нет, любезной зверь, ты не умреш, – сказала Лабель, – живи, чтоб быть тебе моим женихом; в мгновения ока я тебе даю мою руку, и я тебе клянусь, что я буду твоя; ах, я думала только имет к тебе одно дружество, но печаль, которую я чувствую, не дозволяет мне жить без тебя».

Лишь Лабель выговорила сии слова, то увидела, что дворец весь вдруг осветился, при том // (л. 32) потеху, музыку; все сие объявляло ей некоторое торжество; но, красоты сии почитая ни за что, непрестанно смотрела на своего любезнаго зверя, котораго опасность приводила ее в страх. Но как же испугалась, что зверь стал невидим, а вместо ево увидела она у своих ног прекраснова принца, которой благодарил, что она окончила ево нещастие. Хотя сей принц и был достоин всякова почтения, однако ж она не могла удер- // (л. 32 об.) жаться, чтоб не спросить ево, где зверь девался. «Вы ево видите у ваших ног, – сказал ей принц. – Негодная волшебница осудила меня быть под сею фигурою до тех пор, пока прекрасная девица согласится за меня витти, и она мне запретила казаться разумным. Итак, не было в свете столь милостивой, как вы, чтоб зжалиться на мое состояние; я вам дарую мой венец и при том не могу воздать вам доволенова благо- // (л. 33) рения за ваше одолжение». Лабель приятно удивилас, дала руку сему прекрасному принцу, чтоб ево восставить. Они вместе пошли по дворцу; а Лабель чудь было не умерла с радости, как увидела отца своего в зале и всю свою фамилию, которую прекрасная женщина, которая ей во

сне привидилас, привела во дворец. «Бель, – сказала ей сия жещина, которая была великая волшебница, – прими награждение // (л. 33 об.) за ваш хорошей выбор; вы предпочли добродетель красоте и разуму, то вы и достойны найти все сии качества, соединенные в одной персоне. Вы зделались великою королевою, и я надеюсь, что престол не поколебит вашу добродетель. А что до вас, сударыни мои, – сказала волшебница двум Лабеллиным сестрам, – я знаю ваше сердце^x и всю злость, которая в нем есть, то бутге вы две статуи // (л. 34) и сохраняйте ваш нрав под камнем, которой вас покроет. Вы будете стоять у дверей палатных вашей сестры^u; я вам другова ига не накладываю, как толко чтоб быть свидетелями ея щастия^ч. Вы не можете быть в вашем первом состоянии, пока вы не узнаете ваши погрешности; но я боюс, чтоб вы всегда не осталис статуи. Иные поправляются в гордости, в гневе, в жадности и в лености, // (л. 34 об.) но сие может назваться род чуда раскаяния негоднова и завистливаго серьца». В мгновение ока волшебница, ударив своею палочкою, понесла всех тех, кои были в зале, в принцево царство. Подданные ево увидели государя своего с радостию, он женился на Беле, которая жила с ним долгое время в совершенном щастие,^м которое основано было на добродетели.

Конец.

BEAUTY AND THE BEAST (PUBLICATION BY L.A. KURYSHEVA)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 56. 263–273. DOI: 10.17223/19986645/56/14

Lyubov A. Kurysheva, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kurysh@mail.ru

---

^x Исправлено, в ркп. сердца.

^u Исправлено, в ркп. сесты.

^ч Исправлено, в ркп. щастие.

^м Далее в ркп. в прямых скобках ибо.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАБЕНКО Ольга Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка Университета Курдистан-Хаулер (г. Эрбиль, Ирак).

E-mail: olga.babenko@ukh.edu.krd

ГНЮСОВА Ирина Федоровна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета.

E-mail: irbor2004@mail.ru

ГРОМЫКО Сергей Александрович – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета.

E-mail: ling2007@yandex.ru

ДЕМЕШКИНА Татьяна Алексеевна – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка Томского государственного университета.

E-mail: demeta@rambler.ru

ЗУСЕВА-ОЗКАН Вероника Борисовна – д-р филол. наук, вед. науч. сотр. отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва).

E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com / zuseva_v@mail.ru

ИВАНЦОВА Екатерина Вадимовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: ekivancova@yandex.ru

КОРОСТЕЛЕВ Олег Анатольевич – канд. филол. наук, зам. директора по научной работе Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва).

E-mail: okorostelev@mail.ru

КРАВЧЕНКО Александр Владимирович – д-р филол. наук, профессор кафедры английской филологии Иркутского государственного университета.

E-mail: sashakr@hotmail.com

КУЗНЕЦОВА Екатерина Валентиновна – науч. сотр. отдела «Русская литература конца XIX – начала XX в.» Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва).

E-mail: katkuzl@mail.ru

КУРЫШЕВА Любовь Александровна – канд. филол. наук, вед. науч. сотр. сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

E-mail: kurysh@mail.ru

ЛОВЦЕВИЧ Галина Николаевна – д-р филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

E-mail: glotvsev@yandex.ru

НОРМАНСКАЯ Юлия Викторовна – д-р филол. наук, вед. науч. сотр. отдела урало-алтайских языков Института языкознания Российской академии наук (г. Москва).
E-mail: julianor@mail.ru

ОСИПОВА Ксения Викторовна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. топонимической лаборатории Уральского федерального университета (г. Екатеринбург).
E-mail: osipova.ks.v@yandex.ru

ПАЮНЕНА Марина Васильевна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского горного университета.
E-mail: pajuunena@mail.ru

ТРИФОНОВ Александр Сергеевич – ассистент кафедры лингвистики и межкультур-ной коммуникации Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).
E-mail: aleksander.s.t@live.com

ХАКИМОВА Елена Мухамедовна – д-р филол. наук, профессор кафедры «Журналистика и массовые коммуникации» Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск).
E-mail: khakimova-elena@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несёт автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2018. № 56

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 26.12.2018 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печ. л. 34,2; усл. печ. л. 44,5. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 3626.

Дата выхода в свет 01.02.2019 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru